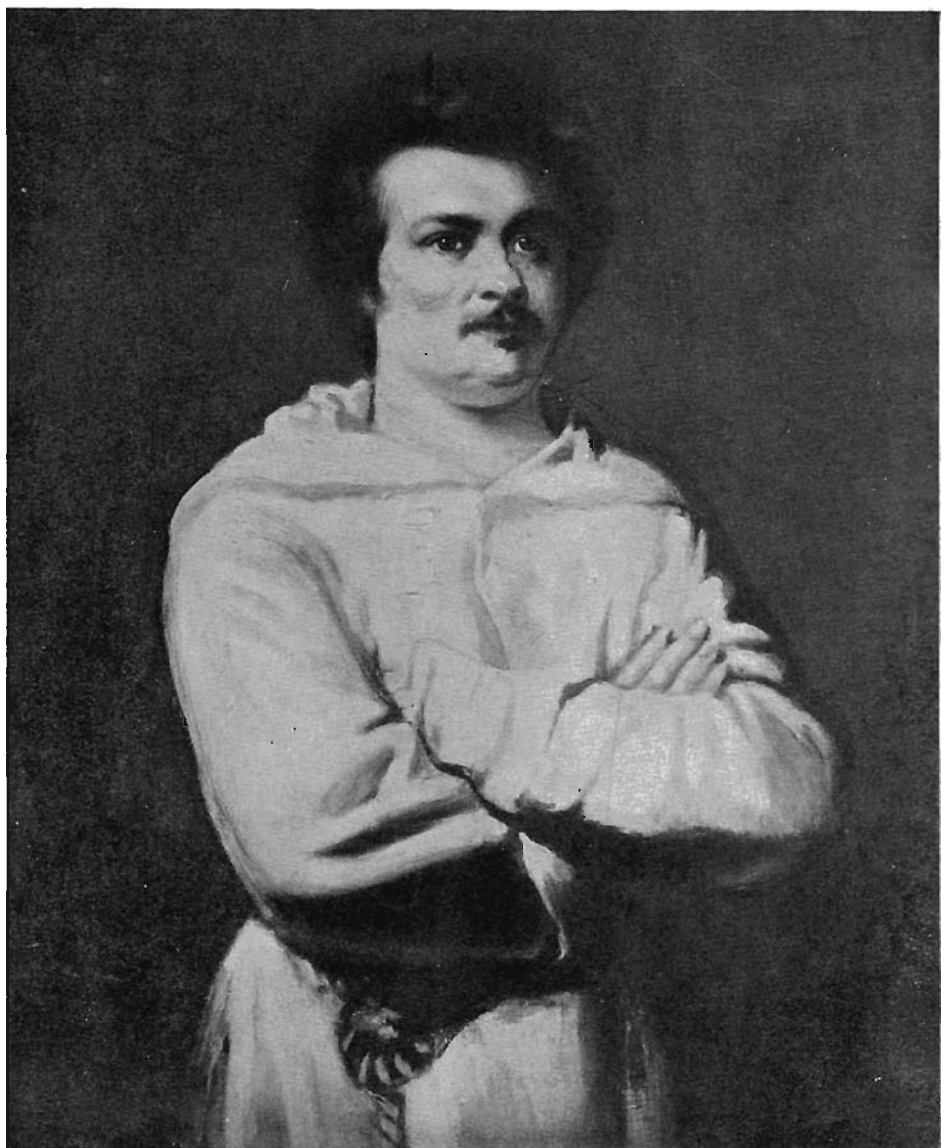

БАЛЬЗАК

Портрет маслом Луи Буланже, 1836 г.

Реплика с портрета, подаренного Бальзаком Ганской и находившегося в Верховне „Буланже удалось изобразить в моем портрете, — и это мне в нем и нравится, — ту мою настойчивость в духе Колинны или Петра Великого, ту мою непоколебимую веру в будущее, которые составляют основу моего характера“ — писал Бальзак Ганской в октябре 1836 г.

Версальский музей

БАЛЬЗАК В РОССИИ

Исследование Леонида Гроссмана

Легенда о писателях, далеко не всегда основанная на проверенных фактах, склонна объяснять известный интерес Бальзака к России и славянству его личным романом с Евой Ганской. На самом деле тяга Бальзака в нашу страну далеко не исчерпывается сентиментальными побуждениями и обращает нас к важнейшим обстоятельствам его литературной, деловой и политической биографии.

Величайший мастер романа всегда мечтал о большой государственной деятельности. Даже любимейшее дело его жизни—литература—нередко раскрывалось ему, как путь к парламенту, министерствам, посольствам. Когда в 1836 г. он готовился учредить «партию интеллигентов» (*le parti des intelligentiels*), он резервировал для себя в этом новом объединении сферу международных сношений. Он начинает тогда же вести в органе своей группы, «*Chronique de Paris*», отдел иностранной политики, исподволь готовя себя к будущей деятельности крупнейшего европейского дипломата. Под конец жизни он выражает желание занять пост французского посла в Англии или России.

В самом разгаре своей творческой активности Бальзак мечтает утвердиться в Петербурге и достичь здесь того, что ему не удавалось в Париже Луи-Филиппа: стать влиятельным политическим деятелем, признанным великим писателем, крупной общественной фигурой. Вождь европейской литературы в столице русской империи, советчик царя по вопросам государственной важности—вот о чем мечтал великий и неистощимый фантаст, готовясь к поездке в страну гипербореев. Он хотел прожить в России, подобно автору «Петербургских вечеров» Жозефу де Местру, под сенью абсолютной власти, защищая ее авторитет и укрепляя своим пером ее влияние. Одновременно он стремился разделить с Ганскими и Мнишками обладание целыми уездами Киевщины, Подолии и Волыни, чтобы на личном опыте укрепить свои политические теории о крупной земельной собственности, как единственной основе государственной мощи и культурного процветания страны.

Все это наложило глубокий отпечаток на зрелый период его биографии. Начиная с 30-х годов, Россия становится крупнейшей ставкой в азартной жизненной игре Бальзака. Он отправлялся в Петербург завоевателем и рассчитывал вернуться с величайшими трофеями. Вот почему, вероятно, сам он отмечает странную смесь разнородных элементов в своих письмах к Ганской: «К а к я п е р е м е ш и в а ю л ю б о в ь и д е л а , с л а в у и д е н ь г и!»¹. Такими контрастами, действительно, переполнены его эпистолярные признания. Исследователи этого романа останавливали до сих пор свое внимание исключительно на любви. Не побоимся же включить в круг нашего изучения и дела, и славу, и деньги.

План завоевания России оказался одной из последних иллюзий Бальзака, которую, как и все прочие, ему суждено было непоправимо утратить. Вот почему наша тема была бы достаточно безотрадной, если бы она развивалась лишь по этим практическим предначертаниям великого писателя. В плане политических, денежных и романических связей ряд крушений ожидал у нас Бальзака. Ему не удалось стать ни советником Николая I, ни крупным украинским землевладельцем, ни руководителем русского общественного мнения, и, вне всякого сомнения, он не нашел личного счастья в своем предсмертном браке, напоминающем медленную агонию.

Но за всеми печальными эпизодами этой государственной, финансовой и матримониальной карьеры высется гениальное творчество Бальзака и его неомрачаемая слава. Именно это придает истории его пребывания в России глубокое и неумирающее значение. Впечатление, произведенное им на всю молодую плеяду русских романистов,—«Преступление и наказание», написанное под непосредственным влиянием «Человеческой комедии», интерес к ней Льва Толстого, школа романа, пройденная Гончаровым по страницам «Шагреневой кожи» и «Евгении Гранде», наконец пристальное внимание к творцу «Бедных родственников» первого классика пролетарской литературы, Горького,—все это высоко поднимает тему о Бальзаке в России над биографическим уровнем, который сам писатель пытался здесь установить. Как все замыслы Бальзака, и это стремление его вступить в жизнь нашей страны неожиданно разрослось до огромных размеров и стало мощным оплодотворяющим фактором для целого ряда литературных поколений.

Чтобы понять смысл этого творческого воздействия и оценить его последствия, обратимся к истории русских скитальцев великого европейского романиста, породивших сложные и богатые взаимоотношения в интеллектуальной жизни двух стран.

По теме своей наша работа примыкает к целой ветви науки о Бальзаке,—к изучению его жизни и творчества в разрезе сравнительного литературоведения. Мировое значение великого романиста вызвало не мало исследований о его взаимоотношениях с другими народами и странами. Таковы многочисленные монографии и этюды на темы: «Бальзак в Италии», «Бальзак в Англии», «Бальзак в Соединенных Штатах», «Бальзак в Польше» и т. п.

Примыкая к этой категории исследований, разработка темы о «Бальзаке в России» представляет и ряд весьма существенных особенностей как для биографии писателя, так и для истории его творчества. Нужно помнить, что Бальзак жил в Петербурге, венчался в Бердичеве и неподалеку от Киева заканчивал «Человеческую комедию». Это оставило свои следы в литературных воспоминаниях современников, в государственных архивах нашей страны и обогатило иные из ее географических пунктов ценными культурно-историческими реликвиями.

Автор этой работы строил ее на мемуарных и эпистолярных свидетельствах, нередко затерянных в нашей старой печати, на хранящихся в СССР неизданных документах о Бальзаке, восполненных некоторыми «русскими материалами» из известного рукописного собрания Шпульберка де Лованжуля в Шантильи под Парижем, а также на непосредственном обследовании мест пребывания французского романиста в империи Николая I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТЪЕЗД БАЛЬЗАКА В РОССИЮ

I. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ПАРИЖЕ.—БАЛЬЗАК ВИЗИРУЕТ СВОЙ ПАСПОРТ ДЛЯ ПОЕЗДКИ В ПЕТЕРБУРГ.—ДИПЛОМАТ ВИКТОР БАЛАБИН И ЕГО ОТЗЫВ О ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНИСТЕ.—БАЛЬЗАК В 1843 г.—ДЕПЕША ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ КИСЕЛЕВА О ПУТЕШЕСТВИИ БАЛЬЗАКА В РОССИЮ. II. КНИГА КЮСТИНА „РОССИЯ В 1839 г.“ И ПРОЕКТ РУССКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВО ФРАНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПЕРО БАЛЬЗАКА ДЛЯ ОПОВЕРЖЕНИЯ ЭТОГО ПАМФЛЕТА. III. СЛОЖНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЗИОНОМИИ БАЛЬЗАКА: РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ КРИТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРИ СУБЪЕКТИВНОЙ СКЛОННОСТИ РОМАНИСТА К РЕАКЦИОННЫМ ВОЗЗРЕНИЯМ.—ОТЗЫВЫ ВИКТОРА ГЮГО И ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.—МАРКС И ЭНГЕЛЬС О БАЛЬЗАКЕ.—ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЯ УТВЕРДИТЬСЯ В ПЕТЕРБУРГЕ И СОЗДАТЬ ЗДЕСЬ ЛИТЕРАТУРУ, ТЕАТР И ЖУРНАЛИСТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА.—ДЕЛОВЫЕ И МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ. IV. ВИЗИТ К БАЛЬЗАКУ С. П. ШЕВЫРЕВА.—ПОРТРЕТ РОМАНИСТА В КОНЦЕ 30-х ГОДОВ. V. ДОРОЖНЫЕ СБОРЫ И ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ НА ПАКЕТБОТЕ „ДЕВОНШИР“.

I

14 июля 1843 г. оказалось удачным днем для молодого русского дипломата Виктора Балабина. Счастливый случай предоставил ему в это утро полную возможность отдалиться его излюбленному развлечению наблюдателя парижской жизни, не выходя из своего служебного кабинета. Он мог на этот раз изучать знаменитостей Франции не в местах их обычных сборищ—не в залах Тюильри, оранжереях австрийского посла или ложах итальянской оперы, а за своим собственным деловым бюро в помещении русского посольства. В этот день сюда явился сам Бальзак визировать свой паспорт для поездки в Петербург.

Это было, без сомнения, одно из крупнейших служебных событий за весь недолгий срок пребывания в Париже молодого дипломатического чиновника. Victor de Balabine, как его называли в гостиных Июльской монархии, всего только год разбирал архивы и редактировал депеши в отеле на Вандомской площади. Он попал сюда прямо из канцелярий Нессельроде у Певческого моста. Просвещенный путешественник, любитель литературы и музыки, не лишенный художественной жилки, Балабин стремится изучить Париж во всех его крупных культурных учреждениях и выдающихся общественных личностях. Исторические памятники, дворцы, рестораны, театры, тюрьмы, палаты, Сорбонна, Коллеж де Франс, Академия, Консерватория, Школа искусств—все это посещается, осматривается и описывается в его дневнике, поразившем впоследствии Эрнеста Додэ живостью зарисовок и мастерством описаний. Здесь мелькают имена видных французских ораторов, ученых, политиков и дельцов, артистов и писателей от Гизо и Тьера до Сент-Бёва и Мериме. В первые же месяцы своего пребывания в Париже Балабин успел побывать у «изящного поэта» Альфреда де Виньи, очаровавшего его своим приемом; он уже любовался в обществе сухим и стройным Ламартином с его выправкой английского лорда; он обедал с Эженом Сю, небрежно скрывавшим свою профессию популярного автора под равнодушным обличем великосветского льва. Нетрудно поэтому представить себе, с каким интересом этот русский парижанин готовился визировать паспорт самому Оноре де Бальзаку, знаменитейшему из французских писателей, которого ему еще ни разу не пришлось видеть в парижском свете.

Разочарование было полным. Летом 1843 г. Бальзак нисколько не подходил на изящных поэтов позднего романтизма, пленивших Балабина своими аристократическими манерами. Строитель «Человеческой комедии» уже вступил в последнее десятилетие своей жизни. Он еще далеко не закончил своего творческого поприща,—впереди «Блеск и нищета

куртизаноку», «Кузен Понс», «Кузина Бетта»,—но он уже ощущает некоторую усталость, и врач все настоятельнее предписывает ему перерывы в работе. Он заметно отяжелел, обрюзг и даже слегка опустился.

Житейская борьба давно уже стряхнула с него все остатки его раннего дэндизма, когда он писал свой «Трактат об изящной жизни», заводил интриги с герцогинями, появлялся в «ложе тигров» и щеголял в театрах модными фраками с точеными золотыми пуговицами, тонким полотняным бельем, шелковыми чулками и легендарной тростью с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Давно миновала пора собственных выездов, кабриолетов, тильбюри, грумов, обедов в Роше де Канкаль и вечеров в легитимистских салонах, где модный романист появлялся, блистая перстнями, распространяя запах дорогих духов и ослепляя общество остроумием и легкостью своей непринужденной импровизации. Он уже не мечтал иметь триста шестьдесят пять жилетов, по одному на каждый день в году, и перестал присваивать себе герб одной из знатнейших дворянских фамилий королевской Франции—д'Антрагов, от которых, якобы, ведут свой род Бальзаки. Теперь, когда ему неопровержимо доказывают, что он не имеет ничего общего с этой древней родословной, он с горделивым безразличием великолепно роняет: «Тем хуже для нее!»...

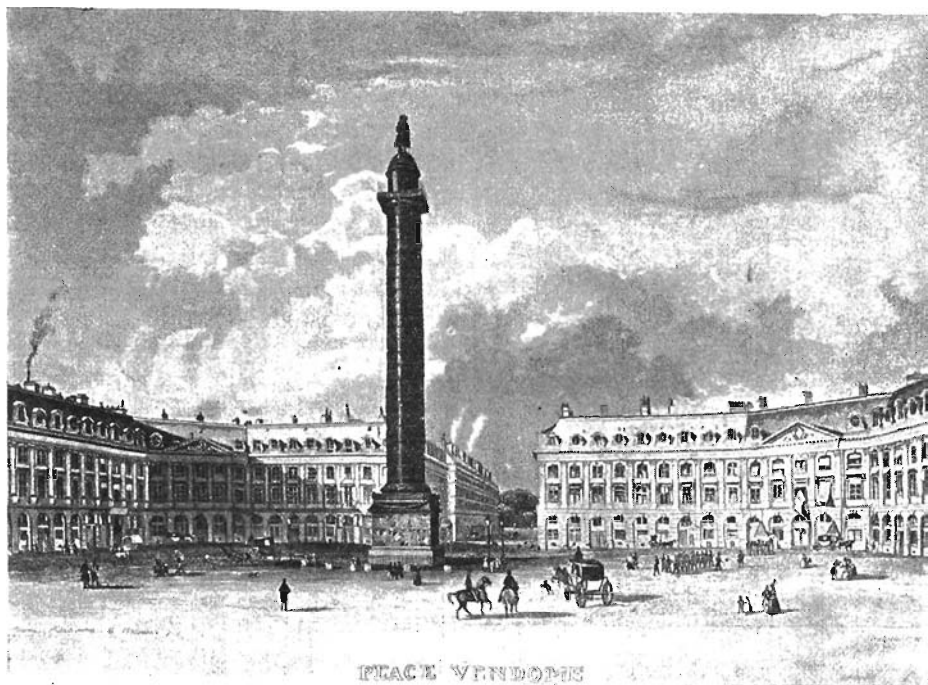
Да, поистине—тем хуже для нее. Ибо среди яблок геральдического древа д'Антрагов не окажется кружка с именем Оноре, означающим самую могучую творческую силу французской литературы. Сквозь усталость и болезни, деловые неприятности и преследования кредиторов, сквозь зависть литературных кругов и журнальную травлю он, с неуклонной бодростью и железной энергией своих крестьянских предков, неумоимо ведет свою глубокую творческую борозду. Беспримерна производственная сводка, данная им в письме к Ганской от 25 августа 1842 г.: «Помимо «Кинолы» (пьеса в пяти действиях), я в этом году написал: 1) «Мнимую любовницу»; 2) «Альбера Саварюса»; 3) четвертую часть «Мемуаров двух новобрачных»; 4) предисловие к «Человеческой комедии»; 5) «Жизненный дебют» (два тома *in octavo*); 6) «Жизнь холостяка в провинции», которую я заканчиваю для «Прессы»; 7) я начал «Тщеславца поневоле» [впоследствии «Депутат из Арсиса»] (два тома *in octavo*); 8) я должен в этом месяце сдать «Давида Сешара» в редакцию «Вестника»; 9) я написал «Злость одного святого» для «Семейного Музея»; 10) я написал «Любовь двух животных» для Этзеля; 11) я пересмотрел корректуры новых изданий «Луи Ламбера» и «Серафиты»; 12) я прочел и выправил набор трех томов «Человеческой комедии»,—а мы только в сентябре!.. Не говорю уже о нескольких начатых работах, как «Братья утешения» и др.».

И такая работа шла безостановочно. «Я написал «Онорину» в три дня—с 25 по 28 декабря—и напишу теперь в три дня «Последнюю любовь»,—сообщает он в одном из следующих писем.—И я пишу эти вещи, продолжая работу над четырьмя томами «Депутата из Арсиса», где движется сотня персонажей...»².

Неудивительно, что к началу 40-х годов этот могучий труженик начинает ощущать зловещие признаки переутомления. Он с тревогой замечает, что его несокрушимая энергия поколеблена, ему кажется, что он на исходе своих сил, что он вскоре потеряет рассудок; злоупотребление крепким кофе привело его к «сильнейшим нервным страданиям» и резкому ослаблению сердечной деятельности. Он чувствует, «как постоянная работа стирает человека», как «тело постарело в этом гигантском труде». А между

тем, «битва сменяется битвой»: «После пятнадцати лет непрерывного труда я не в силах выдерживать более эту битву один!—пишет он 29 апреля 1842 г.—Создавать, всегда создавать! Но ведь сам бог создавал только шесть дней»³.

Накануне поездки в Петербург, в апреле 1842 г., он весь во власти своего жестокого рабочего режима: он ложится спать в семь часов вечера, сейчас же после обеда, и встает в три часа утра. Он собирается вставать в два часа ночи и работать шестнадцать часов без перерыва. «Двадцать четыре часа, из которых семь принадлежат сну, всегда слишком коротки. Большую часть времени я не слежу за своим телом,—пишет он

ОТЕЛЬ НА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ, ГДЕ ПОМЕЩАЛОСЬ В 1840-х гг. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО
В ПАРИЖЕ (ПЕРВОЕ ЗДАНИЕ СЛЕВА)

Современная литография

Музей Карнавале, Париж

в том же письме.—У меня нет времени принимать ванны, купаться или бриться. А сколько людей хотят меня видеть наряженным, как дэнди, который тратит столько же времени на свой туалет, сколько я на писание»⁴.

Среди таких непрерывных забот и трудов, деловой суеты и творческих подъемов Бальзак налаживал свое путешествие в Россию. Отрываясь от рукописей и корректур, покидая свою мастерскую, где все казалось охваченным вихрем непрерывного движения, он должен был ехать через весь Париж в канцелярию иностранной миссии проставлять в казенных книгах свою знаменитую подпись и получать из рук посольского служащего право свидеться с Эвелиной Ганской.

И вот они стоят друг против друга—создатель «Человеческой комедии», заполнивший современную Европу воображаемым миром своих героев,

и петербургский чиновник министерства иностранных дел, уже успевший в свои тридцать лет забронировать себя непроницаемым снобизмом избранного круга аристократов, канцлеров и суверенов. С нескрываемым интересом взирали друг на друга этот бесстрастный наблюдатель, несколько заинтригованный славой представшего перед ним мирового писателя, который, в свою очередь, пристально фиксировал в своем зорком сознании характерный образ современного дипломата, причастного к тому миру международной политики, который всегда так прельщал своими драмами и триумфами творческую фантазию и политическое тщеславие Бальзака.

Виктор Балабин оставил, вероятно, самую жестокую характеристику знаменитого романиста в его обширной литературной иконографии, где имеется не мало шаржей и карикатур.

«Предо мною предстал маленький человечек, толстый и жирный, физиономия булочника, внешность башмачника, объем бочара, манеры шляпочника, одежда кабатчика. У него нет ни гроша—следовательно, он едет в Россию; он едет в Россию—стало быть, он без гроша»⁵.

Эта презрительная и явно преувеличенная характеристика несравненно более обличает надменный снобизм царского дипломата, чем образ знаменитого романиста. Балабин с высоты своих аристократических традиций и вкусов усвоил привычку расценивать свысока деятелей Июльской монархии, сподвижников и подданных короля-буржуа. Премьер Луи-Филиппа, Гизо, показался ему щуплым учителем французского языка или отставным актером, а французский посол в Петербурге, Барант, удивил его своими скромными и обыденными манерами, несколько не напоминающими государственного деятеля, видного историка и оратора. Неудивительно, что литератор Бальзак, измученный своим трудом и заботами, получил такую высокомерную оценку в дневнике этого посольского служащего.

Виктор Балабин не обратил внимания на черты Бальзака, неизменно восхищавшие современников,—светлый лоб, львиную гриву, огненные глаза, «два черных алмаза», по живописному выражению Теофиля Готье, «глаза, способные склонить долу зрачки орла, читать сквозь стены и груди, поразить бешеного хищника, глаза властелина, ясновидца и укротителя». Дипломатический чиновник равнодушно выполнил свою служебную операцию и бесстрастно отпустил знаменитого посетителя, без особых выражений преклонения перед его мировой славой.

Но за кулисами посольства посещение Бальзака было расценено, как крупное событие.

Поверенный в делах Киселев решил в этом случае подняться над уровнем будничных консульских функций и достигнуть высоты больших дипломатических соображений. Вскоре после визита Бальзака была отправлена в Петербург специальная шифрованная депеша о его предстоящем путешествии в Россию.

Перевод:

Его сиятельству графу Нессельроде

№ 73

Париж, 24/12 июля 1843 г.

Если г. де Бальзак, романист, еще не прибыл в Петербург, он, вероятно, вскоре будет там, ибо он еще 2/14 сего месяца визировал свой паспорт, чтобы отправиться через Дюнкирхен в Россию. Так как этот писатель на-

ШИФРОВАННАЯ ДЕПЕША
ПО ПОВОДУ ОТЪЕЗДА БАЛЬЗАКА
В ПЕТЕРБУРГ

Депеша была отправлена 12/24 июля
1843 г. поверенным в делах в Париже
Киселевым министру иностранных дел
Нессельроде

Архив внешней политики, Москва

5444. — 23. Juillet. 1843. 44
Paris. 23. Juillet. 1843.
M. de Balzac, le 20
mon cher, n'est plus de
il M. de Balzac. J'ai été
mon. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23.
la lettre que'il me demandait
il ne s'agit pas, car c'est de
la 4me de ce mois que'il a
fait avec son regard
pour le résider pour l'un
Kerguelan en 1843...
Bonne est l'éclaircie. est
toujours avec vous dans

Ad. P. N. le 27 de l'année 43

ходится в постоянных денежных затруднениях, а в настоящее время он стеснен более, чем когда-либо, весьма возможно, что литературная спекуляция является одной из целей его поездки, несмотря на противоположные свидетельства газет. В этом случае, идя навстречу денежным потребностям г. де Бальзака, можно было бы использовать перо этого автора, который сохраняет еще некоторую популярность здесь, как и вообще в Европе, чтобы написать опровержение враждебной нам и клеветнической книги г. де Кюстина. По этому поводу я считаю себя обязанным предупредить ваше сиятельство, что, согласно предпринятым мною шагам, присланное мне остроумное опровержение книги г. де Кюстина должно появиться первоначально в «Revue de Paris» и затем в фельетоне или приложении к «Quotidienne». Надеюсь, что этот журнал и эта газета примут и ту исправленную статью, о скором прибытии которой ваше сиятельство изволили меня известить⁶.

Таким образом, по планам русского посольства в Париже, поездка Бальзака в Петербург приобретает и некоторое политическое значение. Оно было обусловлено одной литературной сенсацией весьма заметного международного интереса.

II

Как раз незадолго перед тем, в начале 1843 г., появилась известная книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», столь ошеломившая русское правительство своим памфлетическим тоном. Родовитый французский путешественник, отец и дед которого были гильотинированы в эпоху

террора, приехал в Россию с самым искренним намерением найти здесь веские аргументы для борьбы с либерально-конституционными веяниями буржуазной французской монархии. Представительному правлению своей родины, вышедшей из двух революций с опрокинутыми принципами королевского абсолютизма, отпрыск аристократической Франции старого режима решил противопоставить образец сильной, единоличной, неограниченной власти, крепко сковавшей бесчисленные народности Азии и Восточной Европы. Королю баррикад Луи-Филиппу он решил противопоставить властителя «божьей милостью» Николая I, шаткости конституционного королевства—незыблемость самодержавной империи.

Но когда Кюстин объездил Россию, побывал при дворе и в обществе, исколесил почтовые тракты от Петербурга до Москвы, Ярославля и Нижнего, видел Шлиссельбург, познакомился с фельдъегерями, ямщиками, крепостной деревней, российскими канцеляриями, арестантами, губернаторами, судьями и полицией, он не только отказался от своего первоначального замысла, но написал обширный четырехтомный памфлет, в котором впечатления от его путешествия были облечены в негодующую форму сатирической публицистики.

Книга Кюстина произвела ошеломляющее впечатление как в Европе, так и в России. «Без сомнения, это—самая занимательная и умная книга, написанная о России иностранцем»,—писал в 1843 г. Герцен. Франция Луи-Филиппа, столь демонстративно отвергаемая Николаем I, встретила этот политический памфлет с восторгом. «Россия в 1839 году» не переставала переиздаваться и получила чрезвычайное распространение во всей Европе.

Перед фактом этого небывалого успеха русское правительство увидело себя в необходимости опровергнуть «клевету» Кюстина. Известный правительственный публицист Греч, французский адвокат Дюэ, парижский агент III отделения Я. Н. Толстой, чиновник министерства иностранных дел К. К. Лабенский и его недавний сослуживец И. Г. Головин изошрались в опровержении и дискредитировании Кюстина наряду с прославлением Николая I и его «мудрого» правления. Поверенный в делах во Франции Киселев устраивал в дружественных России изданиях различные статьи против Кюстина, направляемые в Париж непосредственно от Нессельроде. Но вся эта защита, исходящая из под казенных перьев официозных публицистов и государственных чиновников, была бессильна опровергнуть талантливую и умную книгу французского путешественника. В разгаре этой полемики представитель русского императора в Париже узнал об отъезде в Петербург одного из самых знаменитых писателей Франции. Киселев, потративший столько усилий на организацию полемики с Кюстином, счел своим долгом немедленно же указать министру иностранных дел о представляющейся возможности удачно разрешить очередную международную заботу императорского правительства—использовать в нужных целях перо Бальзака.

Поскольку переговоры на эту тему велись в редакциях крупных парижских изданий, сам писатель, видимо, был осведомлен о них, тем более, что сведения об этом проникли и в печать⁷. Маркиза Кюстина он знал лично и с давних пор. Еще в 1831 г. он посвятил ему свой рассказ «Красная гостиница», именно ему он хотел поручить в 1839 г. передачу своих рукописей Ганской и с ним он советуется в 1843 г. о своем собственном путешествии в Россию. Книга Кюстина произвела на него сильное впе-

чагление, и с ее европейским успехом он заметно считался. Весьма возможно, что перспектива открытой полемики с этим модным памфлетом прельщала Бальзака. В парижских редакциях ходило не мало толков о романических целях его путешествия в Россию для свидания с какой-то таинственной «иностранкой». Чиновники русского посольства подошли к этому вопросу по-деловому: «Он едет в Россию—стало быть, у него нет ни гроша, у него нет ни гроша—стало быть, он едет в Россию». Трезвые дипломаты сделали практический вывод: необходимо использовать эту

Роман Рюппер

REVUE ÉTRANGÈRE

DE LA
LITTÉRATURE, DES SCIENCES ET DES ARTS;

CHOIX D'ARTICLES
EXTRAITS DES MEILLEURS OUVRAGES ET RECUEILS PÉRIODIQUES
PUBLIÉS EN EUROPE.

TOME DIX-HUITIÈME.

SAINT-PÉTERSBOURG,

Chez M^r. BELLIZARD et Cie, Libraires-Éditeurs.

1836.

DE BALZAC.

ПОРТРЕТ БАЛЬЗАКА РАБОТЫ ЖЮЛЬЕНА, ПОМЕЩЕННЫЙ В XVIII ТОМЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖУРНАЛА „REVUE ÉTRANGÈRE“ ЗА 1836 г.

поездку в интересах государства и придать будущей книге путевых впечатлений Бальзака нужный политический смысл.

Ни в редакциях, ни в посольстве не ошиблись: Бальзак, действительно, торопился на любовное свидание, но, как всегда, обуреваемый целым роєм деловых, литературных и политических планов.

III

Бальзак был глубоко неудовлетворен своим положением во французском обществе Июльской монархии. Легитимист и, стало быть, политический противник Луи-Филиппа, он не пользовался вниманием правительства. Несмотря на свое желание и право, он не был ни академиком, ни членом законодательных палат. Его огромное литературное значение не было признано французской критикой. Журналисты осыпали его на-

смешками, литературные враги плели обычную клевету, многочисленные кредиторы преследовали его по пятам. Между тем, он знал, что в России Николая I сторонники Бурбонов пользуются исключительным почетом.

Тему России Бальзак тесно связывал в своем представлении с личностью ее верховного правителя. Это в значительной степени предопределялось политическим исповеданием романиста.

И в этом отношении его облик отличается крайней сложностью. Виктор Гюго над раскрытой могилой Бальзака произнес знаменитую формулу: «Помимо его ведома, желанья или согласия, творец этого огромного и необычайного создания принадлежит к могучей расе революционных писателей»⁸. Значительно позже Э. Золя писал: «Несмотря на его подчеркнутый интерес к монархическим идеям, Бальзак нашел восторженных поклонников только среди молодого поколения, влюбленного в свободу»⁹.

Достаточно известны высокие оценки Бальзака Марксом, как писателя «вообще замечательного по глубокому пониманию реальных отношений». Не менее известен обстоятельный отзыв Энгельса: «Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского «общества», описывая в виде хроники нравы год за годом, с 1816 до 1848, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое оправилось после и опять, насколько это было возможно (*tant bien que mal*), восстановило знамя старой французской политики»¹⁰.

Величие Бальзака и его значение для нашей эпохи наиболее выпукло выступают в этих характеристиках великого романиста, данных основоположниками марксизма. По свидетельству Поля Лафарга, Маркс ставил Бальзака вместе с Сервантесом выше всех романистов: «Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать критику его крупнейшего произведения «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии»¹¹. Намерение это не было выполнено, но в сочинениях Маркса рассеян ряд отдельных высказываний, дающих широкое представление о его воззрениях на творца «Человеческой комедии». Особенное значение Маркс придавал большому социальному роману Бальзака «Крестьяне», в котором отразились наблюдения романиста над сложными методами борьбы земельных арендаторов, мелкопоместных собственников и сельских ростовщиков с крестьянской массой, труд которой систематически дезорганизуется этой сворой хищников.

«В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев зараз. Он избавляется от затрат на заработную плату и все больше опутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрее разоряет отвлечением от работ на собственном поле»¹².

С такой же замечательной верностью Бальзак, по мнению Маркса, изображает денежное обращение в современном обществе, в котором не перестают дифференцироваться новые, более сложные формы обогащения.

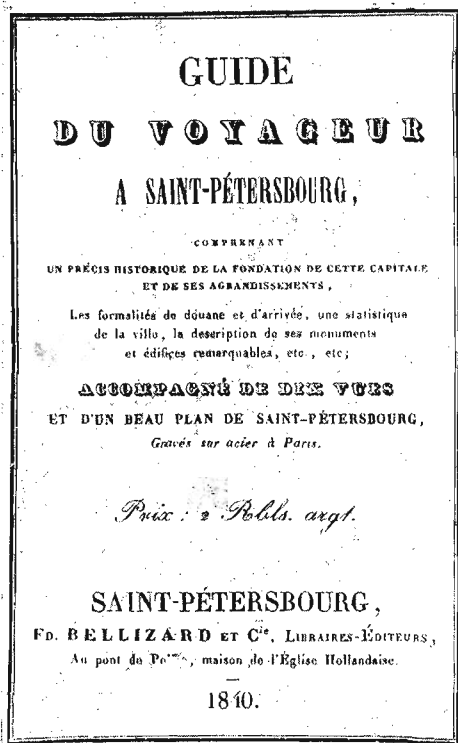
Образы его скупцов замечательно отражают эти особенности современной финансовой жизни. Бальзаку ясна ошибочность «народного предрассудка», «который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ». «В действительности изъятие денег из сферы обращения было бы прямою противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ—бессмыслицей». К этому месту своего изложения Маркс делает примечание: «Так у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впадшим в детство в тот период, когда он начинает собирать в своих кладовых накопленные товары»¹³.

Маркс обратил внимание и на «теорию воли» Бальзака, отметив высокой похвалой его рассказ «Неведомый шедёр». В этой превосходной новелле старый живописец говорит другому художнику: «Вы недостаточно проникаетесь формой вашего создания, вы недостаточно проявляете к ней любви и упорства во всех уклонах и отступлениях вашей работы. Красота строга и причудлива, она не дается так просто, нужно поджидать урочный час, выслеживать ее, схватить и держать крепко, чтобы принудить к сдаче. Форма—это Протей, гораздо более неуловимый и более богатый ухищрениями, чем Протей в мифе. Только после долгой борьбы ее можно приневолить показать себя в своем настоящем виде. Вы все довольствуетесь первым обликом, какой она вам представляет, или, в крайнем случае, вторым, третьим. Не так действуют победоносные борцы. Эти непобедимые художники не дают себя обмануть всеми неверными изворотами, но упорствуют, пока не принудят природу показать себя совершенно нагой и в своей истинной сути. Так поступал Рафаэль...». Наряду с «Неведомым шедёром» Маркс называет и «Примиренного Мельмота»: «Это два маленьких шедёра, полных прелестной иронии». Наконец, в письме к Энгельсу от 25 февраля 1867 г. Маркс называет пьесу Бальзака «Mercadet», а в письме от 14 декабря 1868 г. роман «Сельский священник»¹⁴.

Таковы основные и характерные черты бальзаковского творчества, отмеченные Марксом. Советское литературоведение сумело разработать эти плодотворные наблюдения автора «Капитала», углубленно изучая в «Человеческой комедии» изображение капиталистического общества в непрерывных битвах его отдельных групп за политическое и финансовое могущество. Оно показало Бальзака, как обличителя всех воротил буржуазного общества—банкиров, промышленников, арендаторов, скупцов, ростовщиков, всех носителей всеобъемлющего «финансового принципа», медленно и неотвратно разлагающего этот мир. Оно глубоко вскрыло, наконец, стремление этого мощного и правдивого художника очертить энергичные натуры великих мастеров, строителей, творцов, подчас даже бунтарей, восстающих против этого чудовищного строя и как бы возвещающих в свой «жестокий век» о неизбежности его крушения.

Но часто у этих же авторов, столь высоко оценивших революционное значение Бальзака, мы находим указания на чрезвычайную сложность политического облика романиста. «Он был легитимистом»,—категорически сообщает Виктор Гюго в своих воспоминаниях о последней встрече и беседе с Бальзаком, когда тот упрекал его в «демагогии»¹⁵. Это отмечает в своем отзыве и Энгельс: «Бальзак политически был легитимистом. Его великое произведение—непрестанная элегия по поводу непоправимого развала высшего общества; его симпатия на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой,

„ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ“,
КОТОРЫМ БАЛЬЗАК ПОЛЬЗОВАЛСЯ ВО
ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В РУССКОЙ
СТОЛИЦЕ

его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует. Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восхищением, это его наиболее ярые противники—республиканские герои Cloître Saint-Merri, люди, которые в то время (1830—1836) были действительно представителями народных масс. То, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти—это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака»¹⁶.

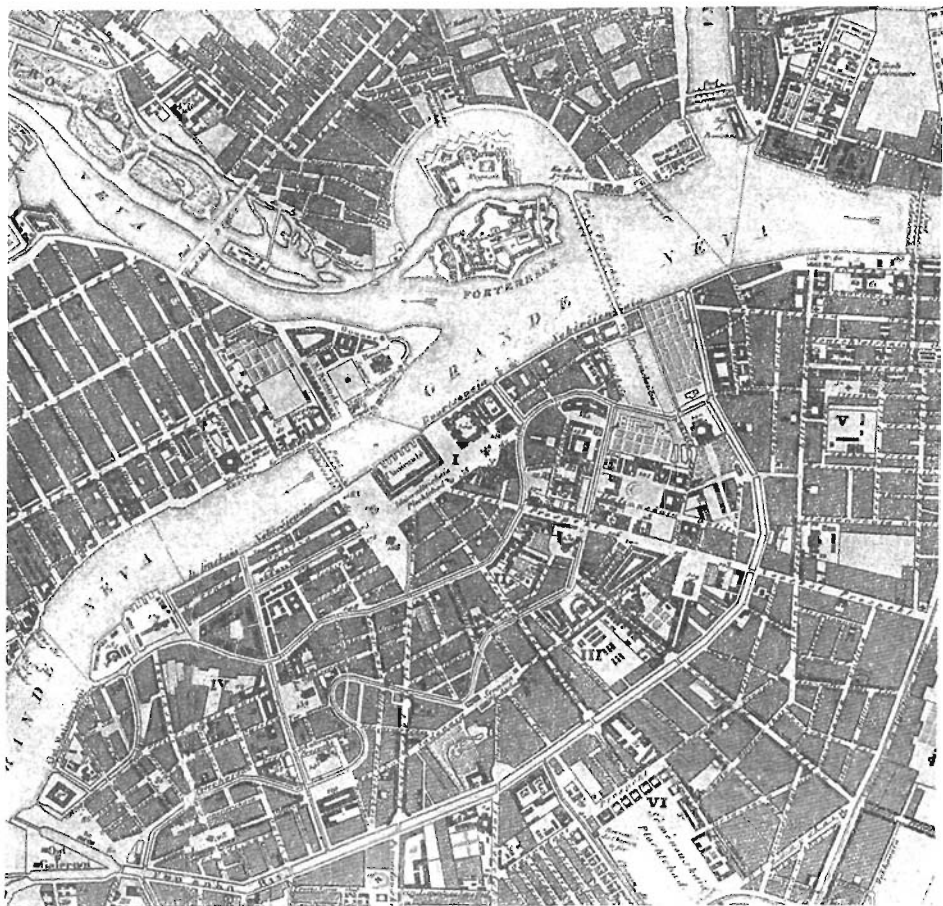
Объективно, по своему характеру и выводам, творчество Бальзака проникнуто глубокой критикой того капиталистического общества, в котором ему пришлось жить и бороться, и потому оно несет в себе огромный революционный смысл. По фактам же политической биографии, по существу своих официальных деклараций Бальзак принадлежит противоположному стану. Вот как новейший исследователь экономических и политических воззрений Бальзака изображает эволюцию его убеждений:

«Его воспитывали в монархических чувствах, если верно, что отец его написал письмо Людовику XVIII против дарования хартии¹⁷. Живя уединенно в Париже около 1822 г., Бальзак должен был пройти через некоторый кризис сомнений и, может быть, даже революционных идей, поскольку мы знаем, что один из его издателей предлагает ему умерить пыл своих политических писаний, следы чего сохранились

в отношениях его героев, Рюбанпре и Лусто. В 1824 г. он—убежденный монархист; около 1830 г. он переживает кризис в сторону либерализма, быть может, не без личной заинтересованности. Отсюда несколько критических замечаний о Реставрации и среди ряда возражений несколько комплиментов Луи-Филиппу и либерализму. Но, начиная с 1831 г., его позиция установлена: отныне он будет защищать Бурбонов. В 1848 г. он выскажет несколько любезностей буржуазии. В целом же Бальзак стремился возвратить Францию ко временам Людовика XIV; ему приходилось, однако, признавать, что история не повторяется и что человечество шагает с неудержимой силой вперед к своему освобождению. Такие заявления, впрочем, редки у него и относятся лишь к 1830 г. Два или три года спустя они уже стали для него невозможны»¹⁸.

Эта сложность политической физиономии романиста определила его отношение к современной России, как и его оценку личности ее повелителя. Здесь именно выступили на первый план отрицательные свойства его программы и обозначились все теневые стороны его государственного мировоззрения.

Он мечтал создать в России литературу, театр и журналистику евро-

ПЛАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА ИЗ „GUIDE DU VOYAGEUR à SAINT-PÉTERSBOURG“

Бальзак изучал этот план, готовясь к поездке в Россию

пейского типа. Он знал о своей популярности на севере: «Человеческая комедия»,—писал он,—«благодаря России, которая требует много экземпляров, становится выгодным делом»¹⁹. Он имел в виду перенести в Петербург работы над своим огромным романическим циклом и одновременно широко развернуть здесь свою деятельность политического автора.

Мечтая занять место среди русских писателей, Бальзак нисколько не стремится проникнуться передовыми идеями этой новой для него страны. В литературу, которая со времени Радищева и особенно в бальзаковскую эпоху, в лице поэтов-декабристов, Пушкина, а в 40-е годы—всей плеяды будущих корифеев русского романа, стремится к падению рабства и к ликвидации самодержавия, Бальзак собирается внести свои незыблемые принципы защиты крупного землевладения, абсолютизма, в частности, свой культ личности и дела Николая I. К счастью для его славы, он не развернул в Петербурге деятельности публициста, и его последующее огромное влияние на русскую литературу исходило всецело из той исключительной сокровищницы творческих ценностей, где все было очищено его гением великого художника.

Россия могла помочь осуществлению и его деловых проектов. Достаточно известно страстное желание великого романиста составить себе крупное состояние. Не ограничиваясь своей творческой работой, он сам очертя голову кидался в различные предприятия, постоянно стремясь быть не только великим художником, но и крупным дельцом-организатором.

Бальзак чутко воспринимал и учитывал новый, индустриальный характер своей эпохи. Промышленность, торговля, усложненный денежный оборот, рост банковской деятельности—все это нашло в нем пристального и пытливого наблюдателя. С начала 30-х годов все рассуждения его о проблеме современности подчинены основной идее, что хозяйство есть принцип производства ценностей, а умственная деятельность и материальная продукция по существу своему родственны и близки.

«После 1830 года,—говорит он в «Знаменитом Годиссаре»,—идеи стали ценностями. Быть может, со временем мы увидим особую биржу идей; ведь уже теперь мысли котируются, собираются, ввозятся, продаются, оплачиваются и приносят прибыль»²⁰.

В «Человеческой комедии» техник-изобретатель и хозяин-предприниматель выступают рядом с художником-творцом. Проблема умственной работы и художественной продукции здесь отчетливо предстает, как некое задание хозяйственного порядка. Бальзак мечтал об организации умственных работников в новые корпорации и о включении духовного труда в новейшую систему кредитования. Он не мог понять, почему общество, столь заботливо относящееся к нуждающимся, больным и преступникам, так равнодушно и беспощадно к выдающимся умам. «Государство должно было бы обеспечить таланты, как оно оплачивает штыки»,—говорит его Луи Ламбер.

В этой фразе слышится тяжелый вздох самого писателя. Бальзак был убежден, что художнику необходима обеспеченность, что великим творцом можно стать, лишь обладая материальной независимостью. В молодости он писал своей сестре: «Если б я имел ежегодную ренту в 1500 франков, я мог бы работать для славы...». Впоследствии, изнуренный от борьбы с кредиторами, среди непрерывной творческой работы, он мечтал о каком-либо щедром банкире, ценителе искусства, который откроет ему свою

кассу для спокойного осуществления его замыслов. Но банкир, конечно, не являлся, а потребность в деньгах постоянно росла.

И вот, стремясь осуществить свое писательское призвание, он бросается во всевозможные предприятия, часто самые рискованные и фантастические, чтобы только обосновать свою будущую независимость мыслителя и обеспечить себе творческую свободу.

Тяга Бальзака в Россию останется непонятной вне его склонности к деловым планам. Помимо издательских и театральных проектов, он усматривал здесь и другие пути к независимому существованию. Нужно помнить, что для Бальзака брак всегда представлял собою некоторую сделку, которую, по законам современного общества, необходимо было довести до максимальной выгоды.

Он открыто заявлял об этом. Уже в 1821 г. он пишет своей сестре: «Подыщи мне какую-нибудь богатую вдову... Я дам тебе пять процентов с приданого»²¹. «Вот поистине трезвое размышление для двадцатилетнего юноши,—замечает не без основания исследователь «Деловой жизни» Бальзака,—в этом возрасте человек обычно убаюкивает себя самыми сладостными надеждами и всемерно готов пожертвовать деньгами ради любви!»²². В 1838 г., несмотря на роман с Ганской, он сообщает Зюльме Карро, что готов сделать «хорошую партию», если бы только случай представился к тому. Ему нужна «женщина лет тридцати, обладающая состоянием в три или четыре сотни тысяч франков», при условии, впрочем, чтобы она отличалась добротой и была хорошо сложена²³. В 1842 г. он настоятельно рекомендует Ганской выдать дочь «за человека умного и способного, но в особенности—богатого...»²⁴.

Отношение Бальзака к Ганской не могло быть свободно и от таких его обычных установок. Весьма характерно, что в первом же его письме о встрече с Эвелиной, описывая своей сестре это свидание, Бальзак не забывает упомянуть среди восхищений внешностью своей новой подруги и ее «колоссальное богатство». И когда в 1849 г. он считал свою ставку на брак окончательно проигранной, он сообщает об этом матери: «Придется снова надеть на себя ошейник нужды...»²⁵. Бальзак, действительно, имел основание впоследствии назвать имя своей невесты в списке крупнейших польских богачей: в своем «Письме о Киеве» он говорит о «знаменитых состояниях Браницких, Ганских, Потоцких, Сангушек, Чарторыйских и др.»²⁶.

Увлечение Эвелиной Ганской сразу раскрывает перед ним перспективы в обоих направлениях—финансовой мощи и политического влияния. Будущий брак с иностранкой, о котором Бальзак заговорил при первом же свидании с ней в Невшателе, указывал ему широкие пути к блестящей карьере и неслыханным богатствам. Он станет видным государственным деятелем в императорском Петербурге и одновременно богатейшим землевладельцем Волынской и Киевской губерний. Ганская была для Бальзака той «блестящей партией», которая открывала ему даже двери Французской академии, освобождая его от долгов. В своих письмах 1842 г. он откровенно заявляет Эвелине, что женитьба на ней естественно и неизбежно доставит ему кресло академика.

Деловое достоинство брака определялось в то время не только состоянием, но и родовитостью будущей супруги. Бальзаку чрезвычайно импонировали титулы. Уже в конце ноября 1832 г. он сообщает Зюльме Карро, что получил «божественное письмо от одной русской или польской кня-

гини»²⁷. Между тем, г-жа Ганская представляла весьма скромную польскую фамилию, хотя по рождению она и принадлежала к аристократическому роду Ржевусских. Бальзак чрезвычайно ценил, что эта семья, согласно глухому преданию, якобы, находилась в какой-то отдаленнейшей степени свойства с Лещинскими, к роду которых принадлежала жена Людовика XV. Хотя степень этого свойства была неуловима и, видимо, достаточно иллюзорна, Бальзак постоянно напоминает в своих письмах об этом мнимом родстве своей суженой с королевским домом Франции. В своих обращениях к ней он не иначе называет Марию Лещинскую, как «ваша тетка», не упуская из виду, что предстоящий брак породнит и его с представителями старшей ветви Бурбонов. Племянница Ганской, Катерина Радзивилл, рассказывает, что вскоре после свадьбы жена Бальзака застала его за письмом к графу Шамборскому (внуку Карла X и претенденту на королевский престол Франции): писатель выражал последнему представителю династии свои чувства по поводу состоявшегося вступления в его фамилию²⁸. Эпизод этот, который можно было бы принять за анекдот, вполне подтверждается тем извещением о своем венчании, которое Бальзак послал своему парижскому врачу, доктору Наккару:

«Узнав, что я стал мужем внучатной племянницы королевы Марии Лещинской, зятем флигель-адъютанта его величества императора всероссийского—графа Адама Ржевусского (который является тестем графа Орлова), племянником графини Розалии Ржевусской, первой статс-дамы ее величества императрицы, зятем графа Генриха Ржевусского, этого Вальтера Скотта Польши в той же мере, в какой Мицкевич является ее лордом Байроном, отчимом графа Мнишка, представителя одной из славнейших фамилий севера и пр. и пр., я стану, вероятно, мишенью для бесчисленных шуток»²⁹.

Но сам Бальзак не шутил, и, выписывая свое послание, как некий манифест, он верил, что эти титулы ничтожных людей, с которыми он породнился, возвеличивают его более, чем «Человеческая комедия»...

По возвращении в Париж писатель в одной деловой бумаге даже был назван графом де Бальзак³⁰.

Эти сложные вожеления, планы и замыслы необходимо учитывать при изучении русских симпатий Бальзака. С начала 30-х годов Петербург для него—символ большой и почетной государственной активности; поместье Ганских Верховня—реальное средоточие несметных имущественных благ и родовитых связей.

Этот мотив звучит в его переписке. В августе 1833 г. он сообщает Зюльме Карро: «Если б я проиграл мой процесс, я оставил бы литературу и Францию и поступил бы на службу в Россию, как Поццоди Борго»³¹. Уже в 1834 г. романист пишет Ганской, что готов навсегда поселиться в Верховне; тогда же он собирается провести целый год на Украине и в Крыму; на всю зиму 1835 г. он строит планы прожить в имении Ганских, усиленно работая над романом из военной жизни, для которого хочет посетить Вену, чтобы лучше описать сражения под Ваграмом и Эсслингом. Творческие проекты меняются, но основное намерение остается неизменным: «Хочу бежать из Парижа, хочу в полной тишине писать моего Филиппа II»,—сообщает он Ганской 20 июня 1834 г.—«Какая славная зима вдали от парижских забот, в работе над трагедией, в борьбе с трагедией, смеясь по вечерам с вами и с хозяином поместья, для которого я специально буду сочинять „Смехотворные сказки“». Слухи

РАСПИСАНИЕ РЕЙСОВ ПАРОХОДА
„ДЕВОНШИР“, НА КОТОРОМ БАЛЬЗАК
ПРИБЫЛ В КРОНШТАДТ

Объявление в „Journal de Saint-Petersbourg“
от 10 июля 1843 г.

«Que le mouvement d'Espagne vers l'Andalousie n'a eu pour lui que d'être les principaux chefs de l'insurrection par Madrid, afin de lui faire ensuite passer par les généraux Soules et Zarbano.

Quant au Journal de l'Espagne, un correspondant de la France à L'Espagne et de Paris ont toujours soutenu que le régent a encore beaucoup de choses à faire.

La dépêche télégraphique insérée au Moniteur demandait à penser que, si Madrid tenait encore trois ou quatre jours devant les troupes de Narvaez et d'Aspersion, le régent pourrait être avec les autres de la capitale le 22 ou le 23; déjà même on faisait circuler le bruit que le gouvernement avait reçu officiellement avis de la mort d'Espartero au Madrid, et l'on prétendait que, d'après des calculs certains, compris le milieu de Madrid et réduisant les troupes de Van-Halen, Serrano et Zarbano, n'y avait aucune possibilité d'être évacués à 50,000 hommes, tandis que les généraux Narvaez, Aspersion, Serrano, Escalari et Prim en comptaient 35,000 hommes.

— On lit dans le Journal de Vienne:

« Notre correspondant de Paris nous mande que ce matin (22 juillet) le bruit de la fuite d'Espartero vers l'Andalousie était de nouveau répandu à Paris. On ajoutait que, Cadix s'étant prononcé, le régent et Van-Halen seraient entrés en Portugal par les Algarves. Ce bruit n'est nullement confirmé; les deux dernières nouvelles que l'on a eues de ces mouvements, il se trouvent à la Canarie, village situé à 15 lieues au Nord de Cadix et à 10 lieues au Sud de la Sierra-Morena. Pour être entré dans les Algarves, il faudrait qu'il eût fait en quatre jours 65 à 70 lieues, ou 15 à 18 lieues par jour. On voit que cette rapidité n'est guère possible. Avant les commotions à peu près les mêmes qu'hier, et à la Roure circulait la nouvelle que Narvaez, au lieu de poursuivre Soules et Zarbano, avait pris position à Grandterras, à 10 lieues de Madrid, et que 1,500 à 1,200 hommes avaient fait desfections »

— Les dernières nouvelles de Barcelone sont du 15. Elles nous apprennent que le jacobin est l'insurrection de faire une dernière insurrection au brigadier Echaleu, gouverneur de Malaga.

COURS DES ACTIONS

à la Bourse de Saint-Petersbourg le 30 juillet.

Les Compagnies d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200
de la Comp. d'assurance contre l'incendie	100	125	150	175	200

ANNONCES

LA COMMUNICATION DIRECTE ENTRE

St-Petersbourg et Londres

PAR LE SERVICE DE LA NAVIGATION DE CETTE ANNÉE
par le bateau à vapeur anglais

LE DEVONSHIRE,

de port de 630 tonneaux, avec machines de la force de 300 chevaux.

quand à Copenhague et Danemark,

DEPARTS

en Copenhague	en Londres
Le 23 Juin (5 juillet).	Le 9 - 21 Juin.
» 24 Juillet (5 Août).	» 6 - 10 Juillet.
» 24 Août (5 Septembre).	» 6 - 10 Août.
» 23 Sept. (5 Octobre).	» 6 - 10 Septembre.
» 24 Octob. (5 Novembre).	» 6 - 10 Octobre.

MM. les passagers partent pour Cronstadt de qui

Anglais la veille de ces dates.

POUR DES PLACES EN ARRENT

(y compris le passage à Cronstadt.)

Sous réserve, et outre une gratification pour les domestiques à bord de 2 r. 25 c. à Londres et à Danemark, et de 1 r. 75 c. à Copenhague,

à Londres Premières places 50 r. — Secondes 65 r. —

à Danemark » 75 r. — » 50 r. —

à Copenhague » 50 r. — » 38 r. —

Les enfants au-dessous de dix ans ont moitié.

Une voiture de Cronstadt à Londres 100 r. Un cheval

60 r. Un chiot 8 r.

Une voiture de Cronstadt à Danemark 100 r. Un cheval

60 r. Un chiot 8 r.

Une voiture de Cronstadt à Copenhague 50 r. Un cheval

30 r. Un chiot 6 r.

FARE DE COPENHAGUE à LONDRES:

Le 1er de vision de 50 r. avec 10 % de dépenses.

L'argent 1/2 1/2

о намерении Бальзака посетить Россию распространились в русском обществе уже в середине 30-х годов. Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павличева, пишет мужу 31 января 1836 г. из Петербурга: «А прогос: nous attendons Balzac, on prétend qu'il est déjà à Kieff»³².

Эта мечта о поездке на Украину проходит через все «Письма к иностранке». Поместье Ганских становится для него мысленным приютом, далеким и верным убежищем от всех невзгод: «Мне остается только спрятаться в Верховне и накопить достаточно рукописей и денег, чтобы вернуться и расплатиться со всеми долгами», — пишет он в 1836 г. — «Я стремлюсь в Верховню, как в оазис среди пустыни». В 1837 г. он вырабатывает особый дешевый маршрут своей поездки: Гавр, Гамбург, Берлин, Бреславль, Лемберг, Броды (часть путешествия водою). «Сделайте меня управляющим Верховни, — пишет он в одном из следующих писем, — и вы убедитесь, что тот, кто создал Гранде, понимает в хозяйственной экономике». «Я часто молюсь надежде и всегда обращаюсь к Украине» (10 мая 1840 г.)³³.

Мысли о поездке в Россию нередко связывались для Бальзака с текущими общественными или деловыми соображениями. Об этом сообщает нам С. П. Шевырев, посетивший Бальзака в 1839 г. и описавший свое посещение в живом очерке, напечатанном в «Москвитянине» за 1841 г. Нам необходимо задержаться на этом этюде, представляющем интереснейший русский источник для биографической характеристики романиста.

IV

Московский профессор Степан Петрович Шевырев принадлежал к тому кругу русских людей, с которым Бальзак сравнительно мало общался. Среди его «северных» знакомых мы находим немного представителей литературы и науки. Правда, Шевырев принадлежал к миру официального российского просвещения, был видным столпом Московского универси-

тета в эпоху возглавления русской науки идеологом николаевской монархии Уваровым (с которым Бальзаку привелось, как мы увидим ниже, переписываться). Но при этом Шевырев проявлял непосредственный интерес к выдающимся явлениям художественной современности, лично знал Гёте, Пушкина, Гоголя, много путешествовал по Европе, а под конец жизни даже выступал с лекциями о русской литературе во Флоренции и Париже. Этуод Шевырева «Визит к Бальзаку» представляет собою чрезвычайно ценное мемуарное свидетельство о французском писателе.

Шевырев посетил Бальзака в 1839 г. на его даче Ле-Жарди в Севре. Он встретил перед домом человека «в соломенной шляпе с большими полями, в длинном-предлинном белом канифасном сюртуке, который широко развевался кругом его довольно полного тела... Из под шляпы сверкали черные быстрые глаза и горели розовые полные щеки человека, как бы запыхавшегося от дел хозяйских... Несколько работников суетилось по двору... Я обратился к канифасному сюртуку с вопросом о том, здесь ли живет г-н де Бальзак, и получил в ответ: «C'est moi, Monsieur». Тут внимание мое от белого халата-сюртука обратилось на живую, выразительную физиономию писателя, который стоял передо мною в сельском неглиже, как помещик, занятый стройкой своего дома». Следует выразительный портрет Бальзака: «Толстенкий, кругленький человек небольшого роста, на коротеньких ножках; грудь и плечи широкие; короткая шея, лицо овальное, румяное, полное, свежее, несколько загорелое от сельской жизни; черные волосы, коротко обстриженные; глаза того же цвета, беглые, живые, с огнем, который загорается при одушевленном разговоре; нос прямой и округленный... физиономия вообще одушевленного сангвиника, который жадно ловит впечатления внешние и более живет в природе, чем внутри себя. Во всех движениях его необыкновенная быстрота и живость; речь звонкая и скорая; смех простодушный, сердечный, искренний. Всем своим внешним бытом, особенно последнею чертою яркого смеха, своим остроумным беглым разговором и наивною непринужденностью он много напомнил мне нашего Пушкина»³⁴.

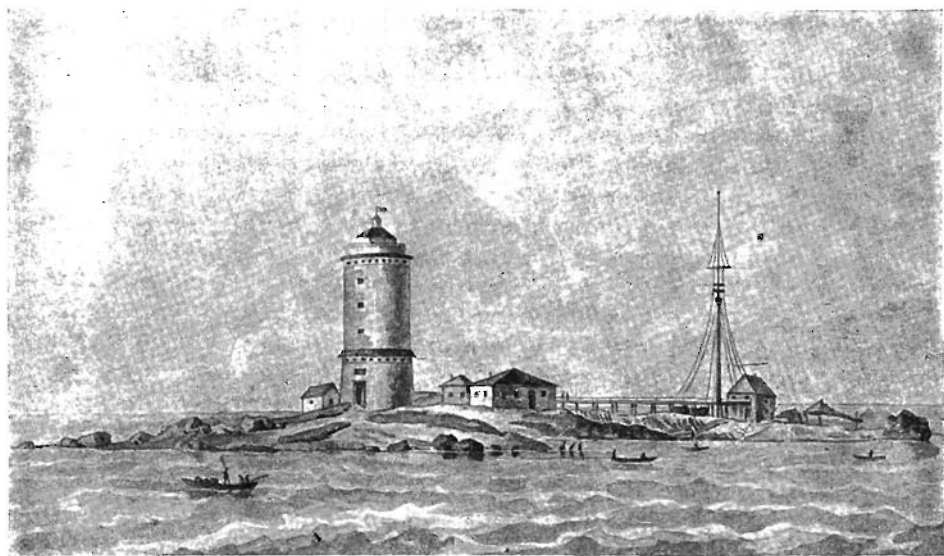
Шевырев излагает довольно подробно свою беседу с Бальзаком (о профессорской деятельности в России, о положении литературы во Франции, о международной охране авторских прав, о творческой работе романиста). Представляют интерес следующие слова Бальзака, записанные Шевыревым: «Я много работал. План мой велик. Я намерен обнять всю историю современных нравов во всех подробностях жизни, во всех сословиях общества. Это составит 40 томов. Это будет род Бюффона нравоописательного для всей Франции...—Я слышал, что вы имеете намерение посетить Россию,—правда ли это?—спросил его Шевырев.—Мы давно вас ожидали. Однажды разнесся слух, что вы в Одессе и даже в Москве. Русские дамы были особенно нетерпеливы вас видеть...—Да, я имел это намерение,—отвечал Бальзак,—и теперь еще имею. Оно может исполниться, особенно тогда, когда закон о литературной собственности во Франции, о котором теперь рассуждают, пройдет через обе палаты. В таком случае общество литераторов намерено было отправить меня депутатом в Россию для того, чтобы отнестись с просьбою к высшей власти об учреждении взаимности этого закона между обоими государствами!».

Когда на прощание Шевырев обратился к Бальзаку с вопросом, не позволит ли он объявить приезд его в Москву, он услышал в ответ: «Да, может быть, если общество литераторов пошлет меня для нашей цели».

Перспектива такой поездки была в то время весьма реальна. Бальзак в очень уверенном тоне писал тогда же Ганской: «Если палата депутатов примет закон о литературной собственности, я наверное поеду в Петербург и вернусь через Украину»³⁵.

Но Бальзаку не пришлось осуществить этот проект. Вскоре его увлекает план другой деловой поездки.

В январе 1843 г. он полагает приехать в Петербург с крупным деловым поручением, касающемся дела кораблестроения в великих державах. Речь шла о миллионах государственной экономии. Предприятие оказалось вздорным. И Бальзак, потратив несколько дней на разъезды, расспросы и надежды, отказался от поездки.

ТОЛБУХИН МАЯК В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ, У ВХОДА В ПЕТЕРБУРГ

Акварель неизвестного художника

Русский музей, Ленинград

Тяжелые условия и трудный литературный быт Парижа заставляют его подчас мечтать о полной эмиграции. В 1839 г. он заявляет Шевыреву, что незадолго перед тем «готов был ехать в Россию просить у государя место канцеляриста в каком-нибудь суде: так приходилось мне плохо!..». 3 июля 1840 г. с нескрываемой болью и грустью он сообщает Ганской, что собирается оставить Францию и литературу и отправиться в Бразилию: «Настоящей творческой энергии мне хватит только на десять лет» (на самом деле, ему оставалось жить ровно десять лет). Осенью он твердо решает провести всю зиму в Верховне, обрести, наконец, «восемь месяцев мира, спокойствия, постоянной работы, но без напряжения, восемь месяцев полного забвения всех мучений». Но в ноябре поездка снова отменяется. Правда, теперь Бальзак начинает думать о России, как о месте постоянного жительства; в 1841 г. он готов стать петербургским литератором: «Когда я писал вам недавно: я еду,—я сомневался в возможности жить во Франции среди отчаянных битв, пожирающих мою жизнь, и я возымел мысль отправиться от вас в Петербург, отказавшись от Франции.

Но последнее усилие освободило меня от когтей издателя, которому я должен был сто тысяч!..». К этому времени Бальзак и в политике становится другом России и высказывается за франко-русский союз, в противовес английской ориентации своего правительства. По мнению Бальзака, «союз [Франции] с Россией—высшая форма счастья»³⁶.

К началу 40-х годов, в связи с кончиной Ганского, все эти мечты и планы начинают принимать реальные очертания. На очереди поездка в Россию. 9 апреля 1842 г. он пишет Эвелине Ганской: «Я сделаюсь русским, если вы не усматриваете к этому препятствий, и я отправлюсь к царю просить разрешения нашего брака. Вот уже два года, как я мечтаю поселиться в Петербурге, чтобы заняться там романом и театром и судить о европейской литературе,—в последние дни я возвращаюсь к этим мечтам. Напишите мне ваше мнение на этот счет. Я хотел предпринять первое путешествие, чтобы обследовать почву, людей и обстоятельства. Меня удержало незнание языка»³⁷.

Накануне своего отъезда в Петербург, 1 июля 1843 г., Бальзак говорил своим издателям: «Я не знаю, вернусь ли, Франция мне надоела. Я охвачен сильной страстью к России. Я влюблен в абсолютную власть. Я увижу, так ли это прекрасно, как мне кажется. Жозеф де Местр долго прожил в Петербурге; быть может, и я останусь там»³⁸.

Такой широтой, сложностью и разнообразием отличается тяга Бальзака в далекую северную империю. Недаром один из его любимых героев, старик Горио, мечтает перед смертью уехать в Россию, чтобы составить состояние. «Я знаю, как добыть денег,—бормочет умирающий,—я отправлюсь в Одессу делать крахмал. Я кое-что смекаю еще. Я заработаю миллионы...»³⁹. Вероятно, Одесса попала в бред агонизирующего Горио непосредственно с почтового штампа первого письма Ганской, а мечты старика об обогащении в России отразили заветные помыслы его автора.

V

«Я испытаю живейшее наслаждение при виде Петербурга,—пишет он Эвелине Ганской.—Путешествие это наиболее экономное из всех, за исключением, впрочем, петербургской жизни. Но в этом отношении я рассчитываю на вашу практичность и верю, что вы сумеете выбрать мне дом, где я мог бы жить и питаться. Я желал бы найти жилище с пансионом. Со мною не будет багажа, и я не причиню вам лишних затруднений. Я домчусь к вам, как стрела, я возвращусь, в тоске от разлуки с вами, с последним пароходом. Я желал бы жить недалеко от вас и оставаться неизвестным. Но это невозможно: есть паспорта. Сообщите мне, нужно ли с июня по октябрь оберегаться от холода, дабы я знал, какие вещи взять с собою. Если я буду работать над чем-нибудь, то только над «Ричардом—Губочным сердцем», а это не вызовет никаких затруднений»⁴⁰. В одном из следующих писем он сообщает: «О, я намерен отдыхать, вести животную жизнь, ни о чем не думать, стать соскнеу* Санкт-Петербурга на всем протяжении этих блаженных месяцев—июня, июля, августа, сентября и октября! Четыре месяца без газет, книг, корректур (*épreuves*), за исключением тех, которые вы доставите мне!** Я хотел бы только быть совершенно спокойным, не видеть слишком много людей, жить в нескольких шагах от вас и существовать на подобие устрицы»⁴¹.

* Обывателем.

** Игра слов: *épreuve*—корректурa и испытание.

Бальзак подготовился к путешествию в Россию. Он точно знает расписание рейсов между Дюнкирхеном и портами Балтики, он осведомлен о бытовых условиях русской жизни. Он первоначально хочет поселиться в известном трактире Демута⁴², но, узнав от самого Кюстина, что в России нет порядочных гостиниц, просит Ганскую устроить его «в честной семье». Он изучает в Париже план Петербурга и даже конкретно представляет себе, «что означает Большая Миллионная» — улица, на которой проживает Эвелина. Он мечтает расширить свой маршрут и посетить Москву. С визированным паспортом в кармане ему оставалось теперь только условиться в агентстве о своей каюте на пакетботе «Девоншир», который ровно через неделю должен был отплыть в Петербург. Директор пароходной компании обещал окружить его заботами и дать лучшую каюту на палубе⁴³.

Плавание прошло благополучно и без промедлений. Пароход «Девоншир», совершавший рейсы между Лондоном и Петербургом, с заходом в Дюнкирхен, Гамбург, Любек и Копенгаген, причалил в Кронштадте в субботу 17/29 июля утром⁴⁴.

В начале осени 1845 г. литературный ученик Бальзака и первый переводчик «Эжени Гранде», молодой инженер Достоевский, возвращался в Петербург из Ревеля, через Кронштадт. По приезде он писал своему брату: «Ты желаешь побыть в Петербурге. Но если приедешь, то приезжай сухим путем, потому что нет ничего грустнее и безотраднее въезда в него с Невы и особенно ночью...».

Но суда дальнего плавания прибывали в Кронштадт утром, и пассажиры после таможенного досмотра и проверки паспортов доставлялись другим пароходом к Английской набережной днем или ранним вечером. Через несколько лет друг Бальзака, Теофиль Готье, плыл на закате Финским заливом, приближаясь к Петербургу. Акварельными красками оделись небо, вода и побережье; мерцающий и холодный свет северного неба с оттенками опала и стали окутывал предметы. Вдали медленно вычерчивался между млечными отливами воды и перламутровым небом строгий силуэт столицы, вспыхивая на остроконечных изломах металлических блестящих куполов и стрел. «Нельзя было представить себе ничего великолепнее этого золотого города на этом серебряном горизонте, где вечер блистал белизною утренней зари»⁴⁵.

По некоторым указаниям в письмах Бальзака можно допустить, что его первое впечатление от Петербурга, куда он прибыл в холодное и облачное утро, было ближе к видению Теофиля Готье, чем к угрюмой гравюре Достоевского.

Вероятно, свидание с Ганской после восьми лет разлуки способствовало бодрому настроению путешественника. В одной из тетрадей ее дневника Бальзак записал о своем приезде в Петербург: «Я прибыл 17 июля (по польскому стилю) и имел счастье около полудня увидеть и приветствовать мою дорогую графиню Еву в доме Кутайсова на Большой Миллионной. Я не видел ее с Вены, и я нашел ее такой же прекрасной и юной, как тогда. Между тем прошло семь лет, в продолжение которых она пробыла в своих пустынных нивах, как я в обширной человеческой пустыне Парижа. Она приняла меня, как старого друга»...⁴⁶.

Нам необходимо обратиться к этой обитательнице «пустынных нив» Киевской губернии, чтобы уяснить себе возникновение «русской главы» в биографии французского романиста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Œuvres complètes (M. Lévy)

Œuvres complètes de H. de Balzac. Paris, Michel Lévy frères, 1869—1876, 24 vol.

Œuvres complètes (Conard)

Œuvres complètes de Honoré de Balzac. Texte révisé et annoté par Marcel Bouteron et Henri Longnon. Illustrations de Charles Huard, gravées sur bois par Pierre Gusman, Paris, L. Conard, 1912—1932, 37 vol. (en cours).

Редакторы издания решили не нумеровать его томов, что представляет некоторые трудности при цитировании. Но установленный Бальзаком план «Человеческой комедии» и хронологическая последовательность в выходе томов издания Конар дают возможность их точной нумерации в библиотечных каталогах и библиографических описаниях. Мы следуем этой системе в наших ссылках, обычно называя в тексте само произведение.

Lettre sur Kiew

H. de Balzac. Lettre sur Kiew. Fragment inédit. Ornée de quatre illustrations et de trois facsimilés. Cahiers balzaciens, № 7, publiés par Marcel Bouteron, éditions Lapina, Paris, 1927.

Correspondance

Correspondance de Honoré de Balzac. 1819—1850. Paris, Calmann-Lévy, 1876, 2 vol.

Lettres à l'Etrangère

H. de Balzac, Œuvres posthumes. Lettres à l'Etrangère. Paris, Calmann-Lévy, 3 vol., t. I (1833—1842), 1899; t. II (1842—1844), 1906; t. III (1845—1846), 1933.

Этот важнейший источник биографии Бальзака, к сожалению, еще не опубликован полностью (он доведен до 1847 г.). Таким образом, последние три с половиной года жизни Бальзака остаются пока еще вне освещения этими замечательными письмами-дневниками. Нам приходится особенно пожалеть об этом, так как эти годы тесно связаны в жизни Бальзака с Россией. Правда, значительная часть этого периода (свыше двух лет) проведена Бальзаком вместе с Ганской и не могла поэтому особенно обогатить их переписку. Но, тем не менее, несколько месяцев в 1847 г. и полгода в 1848 г., когда Бальзак и Ганская находились в разлуке, должны были дать особенно богатый материал (приготовления к поездкам на Украину, политические события, последние творческие планы, работа для театра). Судя по небольшим отрывкам, проникшим в печать (напр., в книге D. Milatchitch, Le théâtre de Balzac, P., 1930), такое предположение вполне подтверждается. Нам остается надеяться, что другие источники этого

Correspondance avec Zulma Carraud

Balzac and Souverain

Floyd

Bouteron

Korwin-Piotrowska

периода бальзаковской биографии оберегли нас от крупных пробелов или ошибок.

Honoré de Balzac, Correspondance inédite avec Madame Zulma Carraud (1829—1850). Collection «Ames et Visages», Paris, Armand Colin, 1935.

Balzac and Souverain. An unpublished correspondence edited by Walter Scott Hastings. Doubleday, Page and Company. Garden City, New-York, 1927.

Juanita Helm-Floyd, Les Femmes dans la vie de Balzac. Traduction et introduction de la princesse Catherine Radziwill, Paris, 1926, Plon et Nourrit, 1926.

Marcel Bouteron, La véritable image de Madame Hanska. Collection «Les images du temps», éditions Lapina, Paris, 1929. I. Apologie pour Madame Hanska, pp. 1—39. II. Lettres de Madame Hanska à sa fille la comtesse Anna Mnischew (1847—1854), pp. 1—98.

Sophie de Korwin-Piotrowska, Balzac et le monde slave. Madame Hanska et l'œuvre balzacienne, Paris, Honoré Champion, 1933.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lettres à l'Etrangère, II, 44.

² Ibid., II, 63, 101.

³ Ibid., II, 20, 22, 30, 37.

⁴ Ibid., II, 35—36.

⁵ Balabine (Victor), Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie. Publié par Ernest Daudet, P., 1914, Emil-Paul, 141.—Это тот самый Балабин, о котором Маркс упоминает в статье «Предстоящий мирный конгресс» (напечатанной в «New-York Daily Tribune», № 5624, от 30 апреля 1859 г.). В то время Балабин занимал пост русского посланника в Вене, и к нему была обращена нота австрийского премьер-министра графа Буоля от 23 марта 1859 г., которую анализирует в своей корреспонденции Маркс (Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, XI, ч. II, 125 и сл.).

⁶ Архив внешней политики. Фонд Министерства Иностранных Дел, канцелярия, № 136. Шифрованное донесение Киселева—Нессельроде от 12/24 июля 1843 г., лл. 60—63. Ср. публикацию J. W. Bienstock'a в «Mercure de France» 1924, № 635.

⁷ Приятель Бальзака Филарет Шаль рассказал в печати, что знаменитый романист отправился в Россию, рассчитывая на желание царя опровергнуть каким-нибудь блестящим французским пером книгу маркиза де Кюстина (E. Werdet, Balzac, sa vie, son humeur et son caractère, P., 1859, 126). Сам Бальзак по возвращении из Петербурга писал Ганской (14 ноября 1843 г.): «Здесь ходят слухи, что я напишу опровержение Кюстина и что я вернулся, нагруженный серебряными рублями. Я отрицаю только рубли» (Lettres à l'Etrangère, II, 225).

⁸ Hugo (V.), Actes et paroles, P., 1875—1876, Michel Lévy, I, 532.

⁹ Zola (E.), Les romanciers naturalistes. Balzac, Stendhal, Gustave Flaubert, Edmond et Jules de Goncourt, Alphonse Daudet, P., 1881, G. Charpentier, 50.

¹⁰ Отзывы Маркса и Энгельса о Бальзаке приведены в статье: «Marx et Engels au sujet de Balzac»—«Littérature internationale», 1933—1934, VI, 128—129. С более точным указанием источников в сборнике «Sur la littérature et l'art. Karl Marx, Fr. Engels. Choisis, traduits et présentés par Jean Freville» P., 1936, 147—151.—На русском языке—в статье Ф. Шиллера, Маркс и Энгельс о Бальзаке и реализме в литературе,—«Литературное Наследство», 1932, II, 5—14.

¹¹ Лафарг Поль, Воспоминания о Марксе (в издании «К. Маркс. Избранные произведения в двух томах под ред. В. В. Адоратского, М., 1933», I, 62).

¹² Маркс К., Капитал. Критика политической экономии. Издание восьмое. Партиздат, 1935, III, 12.

¹³ Ibid., I, 463-е прим.

¹⁴ Маркс и Энгельс, Сочинения, М., 1932, XXIII, 396; XXIV, 146 — письма от 25 февраля 1867 г. и от 14 декабря 1868 г.

¹⁵ Hugo (V.), Choses vues, P., 1913, Ollendorf, II.

¹⁶ Из письма Ф. Энгельса к Маргарет Гаркнес 1888 г. — «Литературное Наследство», II, 1932, 2—5.

¹⁷ Так утверждал сам Бальзак. — *Œuvres complètes* (M. Lévy), XXII, 443.

¹⁸ Blanchard (M.), La campagne et ses habitants dans l'œuvre de Honoré de Balzac. Etudes des idées de Balzac sur la grande propriété, P., 1931, 328. См. также Arrigon, (L.-J.) Les années romantiques de Balzac d'après les documents nouveaux et inédits, P., 1927, особенно главы «Ambitions politiques» (V) и «Balzac devient carliste» (VII).

¹⁹ *Lettres à l'Étrangère*, II, 153.

Русские читатели были действительно поставлены в особенно благоприятные условия для знакомства с творчеством Бальзака. Благодаря изданию в Петербурге французского журнала «Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts», крупнейшие произведения Бальзака появлялись одновременно в Париже и в России. При жизни Бальзака здесь были напечатаны в оригинале: «История тринадцати», «Евгения Гранде», «Серафита», «Искания абсолюта», «Лилия в долине», «Покинутая женщина», «Старая дева», «Драма на берегу моря», «Госпожа Фирмиани», «Пьеретта», вторая часть «Изнанки современной истории», статьи Бальзака «Теория походки», «Путешествие из Парижа на Яву» и др. Здесь же были перепечатаны критические статьи о Бальзаке де Молена, Ипполита Люкаса и пр. — «Revue étrangère», томы: I—IV (1832), V—VIII (1833), тт. IX, X, XII (1834), XVI, XVIII, XX (1836), XXI, XX (1839), XXXIII (1840), LXVIII (1848), LXIX (1849).

Публикация бальзаковских романов в «Revue étrangère» причиняла, как известно, их автору не мало огорчений. Издатель Бюлоз продал этому журналу набор романа «Лилия в долине», переслав в редакцию гранки без последней авторской корректуры. Петербургский текст оказался крайне несовершенным; возмущенный Бальзак привлек Бюлоза к суду и 1 июля 1836 г. выиграл дело. Об этом процессе см. Werdet, Balzac, 102—110; *Lettres à l'Étrangère*, I, 308 и сл.

За 30—40-е годы большинство произведений Бальзака появилось и в русских журналах. Так, в «Сыне Отечества» были напечатаны: «Рекрут», отрывок из «Шагреневої кожи», «Ростовщик Корнелиус», «Госпожа Фирмиани», «Красный кабачок», «Пьеретта», «Зефирин Маркас» («Сын Отечества», 1832—149, 152; 1833—159—160, 155, 162; 1840—2, 16).

В «Библиотеке для Чтения»: «Отец Горио», «Провинциальный Байрон», «Необыкновенная женщина», «История величия и падения Цезаря Биротто», «Похожения парижского дэнди», «Графиня де Ванднесс», «Дуняша», «Светские приятельницы», «Модеста Миньон», «Маленькие несчастья супружеской жизни», «История бедных родственников»: 1) «Кузина Лиза», 2) «Кузен Понс, или два музыканта» («Библиотека для Чтения», 1835, т. 8; 1838, тт. 26, 29; 1839, тт. 34, 36; 1840, тт. 39, 42; 1845, т. 69; 1846, т. 74; 1847, тт. 80, 81, 82, 83).

В «Телескопе»: «Невеста-аристократка» («Бал в местечке Со»), «Страсть художника» («Sarazine»), «Эль Вердюго», «Кошелек», «Две встречи», «Граф Шабер», «Один из тринадцати», «Другой из тринадцати», «Дед Горио», «Девушка с золотыми глазами», «Совет» («Телескоп», 1831, ч. 6; 1832, ч. 8; 1833, ч. 13; 1835, тт. 14, 15, 16, 25, 26, 27, 30).

В «Репертуаре и Пантеоне»: «Евгения Гранде» в переводе Ф. Достоевского (1844, кн. 6—7).

В «Северном Архиве»: «Шагреневая кожа» («Северный Архив», 1832, ч. 53).

В «Московском Наблюдателе»: «Пагубный дар» (1836, № 7—8).

Наряду с этими многочисленными журнальными переводами вещи Бальзака одновременно выпускаются на русский книжный рынок и отдельными изданиями, частью в сборниках, частью самостоятельно. Укажем на некоторые из них: 1) «Сцены из частной жизни», СПб. 1832—1833; 2) «Женщина в тридцать лет», СПб. 1833; 3) «Госпожа Фирмиани», М., 1833; 4) «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта», СПб. 1835; 5) «Темные рассказы опрокинутой головы», СПб. 1836; 6) «Шуаны, или Бретань в 1799 г.», М., 1840; 7) «Старик Горио», М., 1840; 8) «Житие холостяка в провинции», СПб. 1843.

. Некоторые произведения Бальзака появились в сборниках, как, например: «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей», изданы Ник. Надеждиным, М., 1836, или «Новейшие повести и рассказы», М., 1835 и др.

Таким образом, «Человеческая комедия» в своей значительной части появилась на русском языке еще при жизни Бальзака.

²⁰ *Œuvres complètes* (Conard), X, 9.

²¹ *Correspondance*, I, 27.

²² *Faillietaz* (Emmanuel), Balzac et le monde des affaires, P., 1932, 129—130.

²³ *Correspondance*, I, 308. Ср.: *Correspondance avec Zulma Carraud*, 298.

²⁴ *Lettres à l'Etrangère*, II, 8.

²⁵ *Correspondance*, II.

²⁶ *Lettre sur Kiew*, 42.

²⁷ *Correspondance avec Zulma Carraud*, 99.

²⁸ *Floyd*, introduction, VII.

²⁹ Цитируем по статье Boissier (Gaston), *La canne de M. de Balzac*.—*Le Temps*, 12 июня 1908 г.

³⁰ Spoelberch de Lovenjoul, *Etudes balzaciennes. Un roman d'amour*, P., Calmann-Lévy, 1896. Так назван Бальзак в квитанции из дома сумасшедших, куда он поместил своего слугу.

³¹ *Correspondance avec Zulma Carraud*, 157.

³² «Пушкин и его современники», XXIII—XXIV, 212.

³³ *Lettres à l'Etrangère*, I, 342, 373, 413, 438, 535.

³⁴ Шевырев С. П., Парижские эскизы. Визит к Бальзаку.—«Москвитянин», журнал, изд. М. Погодиным, М., 1841, т. I, № 2, стр. 357—383. В статье Шевырева следующие разделы: I. Бальзак между литераторами Парижа.—II. Как трудно в Париже отыскать адрес Бальзака.—III. Бальзак-помещик.—IV. Разговор с Бальзаком. Этот мемуарный очерк Шевырева обратил на себя внимание на Западе; уже в 1840 г. он был переведен на немецкий язык: S. Schevireff, *Ein Gespräch mit Balzac, Erinnerung an Paris*.—«Deutsche Blätter für Literatur und Leben», 1840, Febr. Недавно статья эта была перепечатана в журнале «Querschnitt», 1925, X, 881—885 и в «Vossische Zeitung», 13 сентября 1925 г. Это, видимо, послужило толчком к появлению статьи на французском языке: S. Shévyriov, *Une visite chez Balzac en 1839*.—«Revue de littérature comparée», avril—juin 1933.

Шевырев в своей статье приводит следующее письмо, полученное им от Бальзака:

Monsieur,

La République des lettres a des usages, aux quels se soumettent les existences les plus occupées. Je suis jusqu'à mercredi prochain à la campagne, où j'aurai l'honneur de vous recevoir. Vous appartenez à un pays qui a bien des droits à mon estime et à mon admiration et je pense que vous venez du pays. Agréez mes compliments...

De Balzac

Aux Jardies à Sèvres, Chemin vert, près le parc St. Cloud.

Перевод [С. П. Шевырева]:

Республика Словесности имеет обычаи, которым подчиняются люди самые занятые: до будущей среды я остаюсь в деревне, где буду иметь честь вас принять. Вы принадлежите стране, которая имеет много прав на мое уважение и удивление. Я думаю, что вы оттуда. Примите мой привет...

Де Бальзак

Ле-Жарди в Севре, Зеленая дорожка, близ парка Сен-Клу.

Письмо это не вошло в издание «Correspondance» Бальзака. Шевырев приводит письмо со следующим разъяснением: «В моей записке я сказал Бальзаку, что не имею никаких других прав на его гостеприимство, как звание иностранца, питающего к его таланту личное уважение, и имя русского, принадлежащего стране, на которую он своим дарованием производит влияние сильное. Дня через три я получил очень любезный ответ».

В переписке Шевырева с Н. А. Мельгуновым (хранится в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде) имеется указание, что последний писал Бальзаку в ноябре 1835 г. из Ганау, но ответа от него не получил.

Имеются еще два-три отзыва русских наблюдателей Бальзака, опубликованных в 30—40-е годы.

Виктор Строев, описавший Париж в 1838—1839 гг., отметил по личным впечатлениям, что Бальзак «одевается неопрятно и нечисто», ходит «в старом синем сюртуке и жел-

тых нанковых панталонах. Шляпа его измята, как будто на ней просидел кто-нибудь в течение целого дня» и пр. (Строев В., Париж в 1838 и 1839 годах. Путевые записки и заметки, ч. I).

Н. И. Греч наблюдал Бальзака в ресторане Верри и оставил в своих путевых письмах зарисовку этого «оригинального и отличного от толпы» человека: «он роста невысокого, плотен, дороден, имеет с виду лет около сорока от роду. Лицо у него полное, румяное; волосы русые, бакенбарды во всю щеку, усы и небольшая борода. Он обедал в обществе с одним приятелем, ел и пил с аппетитом, много разговаривал и смеялся, не обращая внимания на других посетителей ресторана» (Греч Н. И., Путевые письма 1817 и 1835 гг., ч. II, 139). Ряд упоминаний о Бальзаке имеется также в «Парижских письмах» Греча (П., 1847 г.). Здесь, в частности, подробно излагаются все те толки, которые ходили в Париже по возвращении Бальзака из России, сообщается о вывезенных им оттуда вкусах и привычках и т. п. Но в большинстве случаев сведения, сообщаемые Гречем, представляют собой пересказ вздорных слухов.

Не заслуживает также никакого доверия напечатанный в «Русском Архиве» рассказ некоего А. Н. Андреева о Бальзаке («Давние встречи. I. Бальзак», — «Русский Архив», 1890, 536).

Приведем еще одну «русскую» характеристику Бальзака, в нашей печати неизвестную. Она принадлежит перу русской знакомой Бальзака — Софьи Козловской: «Он не может считаться красивым, будучи малого роста, жирным, круглым, коренастым, имея широкие квадратные плечи, большую голову, нос, подобный резине, очень красивый, но почти беззубый рот, черные волосы цвета стекляруса, жесткие, с проседью. Но в его карих глазах такой огонь и такая сила, что помимо вашей воли, вы вынуждены признать, что существует мало голов подобной красоты!» — *A b r a h a m* (Pierre), *Balzac*. Ed. Rieder, P. [1929], 6. Отзыв относится к 1836 г.

³⁵ О визите к нему Шевырева Бальзак упомянул в своих письмах к Ганской. Он писал ей 2 июня 1839 г.: «На этих днях меня навестил один русский профессор из Москвы, г. Шевырев, а я люблю все, что кончается на *ев* по причине Бердичева. Я ребячливо верю, что это приближает меня к вам». См. *Lettres à l'Etrangère*, II, 513.

³⁶ *Ibid.*, I, 29, 106, 127, 164, 169, 342, 373, 413, 438, 542, 544, 545, 546, 555.

³⁷ *Ibid.*, II, 26.

³⁸ *Ibid.*, II, 181.

³⁹ *Oeuvres complètes* (Conard), VI, 493.

⁴⁰ *Lettres à l'Etrangère*, II, 145. «Ричард — Губочное сердце» был задуман еще в конце 20-х годов, когда и были сделаны первые наброски этой «народной драмы», происходящей в парижском предместье в среде ремесленников и мелких торговцев. Бальзак неоднократно возвращался к ней в 1835, 1840 и затем в 1847—1848 гг., но окончательной редакции не оставил. Ранняя версия напечатана у *Milatchitch* [Douchan Z.], *Le théâtre inédit de Honoré de Balzac*. Edition critique d'après les manuscrits de Chantilly., P., 1930, 114—141.

⁴¹ *Lettres à l'Etrangère*, II, 163.

⁴² Путеводитель по Петербургу, которым пользовался Бальзак, в первую очередь рекомендовал «гостиницу Демут на Мойке у Полицейского моста», как наиболее посещаемую «избранным русским и иностранным обществом» (*Guide du voyageur à Saint-Petersbourg*, St.-P., 1840, 82).

⁴³ *Lettres à l'Etrangère*, II, 182.

⁴⁴ Об этом пароходе и пароходных обществах, с которыми имел дело Бальзак, мы находим сведения в «Северной Пчеле» от 29 июня 1843 г., № 142. «Еще на днях, в фельетоне нашей газеты, вспоминали мы о битве Гаврского и Дюнкирхенского пароходных обществ. Гаврское, повидимому, восторжествовало и уже вновь возвысило свои цены, не улучшив ни внутреннего устройства парохода, ни кухни. Но вот появился пароход Девоншир, открывавший сообщения на линии между Петербургом, Копенгагеном, Дюнкирхеном и Лондоном, и в один миг цены опять понизились до того, что с вас берут за проезд в Гавр дешевле, нежели за месяц перед сим вы заплатили бы только до Копенгагена». («Смесь. Петербургские вести. Пароход Девоншир и соперничество»).

⁴⁵ *Gautier* (Théophile), *Voyage en Russie*, P., 1857, I, 107—109.

⁴⁶ *Lettres à l'Etrangère*, II, 185 (запись от 2 сентября 1843 г.). Говоря о том, что он не видел Ганскую со времени свидания в Вене и что с тех пор прошло «семь лет», Бальзак делает ошибку в подсчете годов. Венские встречи происходили в мае—июне 1835 г., т. е. ровно за восемь, а не за семь лет до петербургского свидания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭВЕЛИНА ГАНСКАЯ

I. КАНОНИЗАЦИЯ ГАНСКОЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКЕ.—ЛЕГЕНДА И ФАКТЫ.—ОКЛЕВЕТАНА ЛИ ГАНСКАЯ?—СВИДЕТЕЛЬСТВА БАЛЬЗАКА В ЕГО „ПИСЬМАХ К ИНОСТРАНКЕ“. II. РОД РЖЕВУССКИХ: ВОЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДКОВ ЭВЕЛИНЫ.—ГЕРОИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ФАМИЛИИ, ПЛЕНИВШИЕ БАЛЬЗАКА. III. МОРАЛЬНЫЙ УПАДОК ФАМИЛИИ К НАЧАЛУ XIX ВЕКА: АДАМ И ГЕНРИХ РЖЕВУССКИЕ, КАРОЛИНА СОБАНСКАЯ. ИХ ОРИЕНТАЦИЯ НА РУССКИЙ ЦАРИЗМ И ОБСЛУЖИВАНИЕ НИКОЛАЕВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГАНСКОЙ. IV. ЕЕ ХАРАКТЕР И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.—ФОРМУЛА БАЛЬЗАКА: „ТЫ БОГАЧКА, А Я БЕДНЯК!“. V. БРАК ЭВЕЛИНЫ С ВАЦЛАВОМ ГАНСКИМ.—ЛЕГЕНДА О „ЗАТВОРНИЧЕСТВЕ“ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.—РАССЕЯННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ГАНСКИХ В КИЕВЕ И ОДЕССЕ.—НАЧАЛО ПЕРЕПИСКИ С БАЛЬЗАКОМ. СВИДАНИЕ В НЕВШАТЕЛЕ.—ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ БАЛЬЗАКА С ГАНСКИМИ.—ВСТРЕЧИ БАЛЬЗАКА С ЭВЕЛИНОЙ В РАЗНЫХ ГОРОДАХ ЕВРОПЫ.—СМЕРТЬ ВАЦЛАВА ГАНСКОГО В 1841 г.—СТАВКА БАЛЬЗАКА НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ СВИДАНИЕ 1843 г.

I

Во французском литературоведении и критике установилось странное положение: «Чернить память госпожи де Бальзак—это значит кидать тень на Бальзака и его чудесный ум». Так формулирует это положение журнал «Chronique des lettres françaises» (1927, № 29—30, 622). Мы не собираемся развенчивать Ганскую, но нам ясно, что жизнь великих творцов раскрывает свой подлинный, почти всегда трагический и ценный смысл только в свете суровой правды. Не канонизировать и благообразно округлять с ложной целью «возвеличения» должны мы образы гениальных мастеров прошлого, а изучать их в той драме их жизни, в которой ярче всего раскрываются их характер, их мужество, их стойкость и благородство. Мы не боимся вникать в семейные драмы Пушкина, Толстого, Достоевского. И мы не только не снизили этим их образов, но нередко раскрыли в них неведомые черты самоотверженности и героизма. Отношение Бальзака к Ганской не было, на наш взгляд, той благообразной и благополучной идиллией, какую стремятся изобразить ее из ложно понятого семейного достоинства современные Ржевусские и Радзивиллы. В жизни Бальзака, столь богатой незаметными и затаенными драмами, его связь с Ганской получила самый подлинный смысл глубоко скрытой личной трагедии. И, последовательно изучая его биографию, пристально всматриваясь во все ее трудные и болезненные эпизоды, нигде не испытываешь такого глубокого сочувствия к этому великому и доверчивому человеку, как перед лицом его «дорогой звезды», холодной, далекой и равнодушной, как все звезды.

Между тем, французские исследователи настойчиво проводят в последнее время защитительную тенденцию в отношении к Ганской. Один из лучших знатоков Бальзака, редактор собрания его сочинений в издательстве Conard, руководитель серии «Cahiers balzaciens», Марсель Бутрон, даже написал специальную «Апологию госпожи Ганской». «Ее обвиняли в том,—говорит этот исследователь,—что она была злым гением Бальзака, что она испортила ему жизнь, измучила его сердце, ставила препятствия его труду, отравила его последние минуты; даже любовь ее была подвергнута сомнению»¹. Марсель Бутрон ставит себе задачей «исправить эту несправедливость и восстановить подлинный облик этой оклеветанной женщины»²—проблема, несомненно, большой трудности, поскольку главные из этих обвинений исходили от самого Бальзака, которого никто не решится заподозрить в оклеветании любимой женщины. А, между тем, именно со страниц знаменитых «Писем к иностранке» звучат эти тяжелые укоры в моральных мучительствах, унижениях, недостатке чувства и участия.

«Вы внушаете мне такое глубокое отвращение к жизни, что я тоскую по какой-нибудь катастрофе»,—пишет Бальзак Ганской 7—9 июня 1842 г. И такие жалобы звучат на всем протяжении его переписки: «Ты повернула кинжалом в моей ране...», «Твое письмо причинило мне столько страданий... Я пребывал семь часов подряд в отчаянии, близком к самоубийству...», «Глубокую печаль внесло в мою душу твое последнее письмо...». Бальзак даже сравнивает любовь к нему Ганской с милостыней, которую бросают нищему, он постоянно пишет о ее «жестоких словах», «жестоких письмах», он с горечью прочитывает ее издевательские советы ему жениться на какой-нибудь богатой парижанке³. Бальзака удручает безразличие Ганской к условиям его работы, к его творческой активности: «Итак, вы заставили меня потерять весь январь и половину февраля, уверяя: «я выезжаю завтра—через неделю» и заставляя меня ждать ваших писем и, наконец, корчиться в припадках бешенства, на какие только я способен! Все это вызвало ужасающую разруху в моих делах, и вместо полной свободы с 15 февраля мне предстоит еще целый месяц геркулесовых работ...»⁴.

Он не уверен ни в ее любви, ни в ее дружбе, ни в ее верности, ни в ее уважении. Когда в 1842 г. он по-дружески соблазняет Ганскую своим приездом в Петербург, чтобы облегчить ей выигрыш сложного наследственного процесса, она отвечает ему резким и категорическим приказом оставаться в Париже: «Сидите спокойно там, где вы находитесь, и предоставьте мне действовать». Бальзак был совершенно подавлен⁵. Как трогательно и грустно его недоуменное замечание в одном из позднейших писем: «Есть одна вещь, которая всегда удивляет меня,—это твое недоверие к моим способностям». И он это пишет Ганской уже после двенадцати лет знакомства, 1 января 1845 г.⁶. Поистине творец «Человеческой комедии» имел право удивляться!

Таковы главные обвинения, направленные против Ганской. В том, что она испортила жизнь великому артисту, измучила его сердце, ставила препятствия его труду, не умела ценить и весьма мало любила его, упорно и, как всегда, с неопровержимой убедительностью обвинял ее сам Бальзак. Читая его жалобы, понимаешь, почему Эвелина сочла нужным собственноручно сжечь все свои письма к мужу (как сообщает об этом ее племянница Радзивилл, присутствовавшая при этом аутодафе). Не мало материалов для характеристики ее холодной и расчетливой натуры было этим уничтожено. Но письма Бальзака сохранились, и эта обвинительная речь писателя продолжает звучать сквозь все оправдательные восхваления «иностранки».

В своей книге «Muses romantiques», в которой Бутрон не ставит себе задачей «апологию» Ганской, он трактует свою тему с большей свободой и несравненно ближе к истине. Он нисколько не скрывает здесь от читателя, что Бальзак испытывал тяжелые страдания от характера Ганской, особенно же от ее невыносимой ревности, и что эти отношения весьма отрицательно отзывались на жизни и деятельности писателя. «В продолжение трехнедельного пребывания Бальзака в Вене Ганская не перестает устраивать ему сцены на Пратере, в саду Вольтера, на прогулках, в письмах и даже на его квартире, в гостинице de la Poire, где сцена была столь ужасной, что Бальзак содрогался, вспоминая ее через много лет»⁷.

В другой статье о Ганской Бутрон признает, что «ее прекрасные уста подчас трепетали от ревнивого гнева жестоким бешенством» («ces belles lèvres, que, parfois, la colère de la jalousie faisait frémir de fureur cruelle»⁸).

Но в своей «апологии» Ганской Бутрон ограничивается сплошными восхвалениями. Вероятно, потому эта работа, посвященная идеализации Ганской, не встретила особенного сочувствия в Польше, где она могла бы рассчитывать на успех и признание. Польский писатель Бой-Желенский передает впечатление от лекций Бутрона о Ганской, прочитанных в Варшаве: «Его слушали с интересом, но одновременно и с некоторым снисхо-

ЭВЕЛИНА ГАНСКАЯ

Миниатюра М.-М. Даффингера, 1835 г., подаренная Ганской Бальзаку

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится по гелиогравюре Дюжардена

дительным удивлением. Во имя чего расточает он столько энтузиазма? С кем он так настойчиво ведет борьбу? Кого он хочет убедить таким способом?». «Личность Эвелины Ганской,—пишет далее польский писатель,—осталась несколько чуждой ее соотечественникам, но приобрела взамен права гражданства в истории французской литературы». Это различие точек зрения понятно: в трагическую эпоху своей родины Ганская приняла ориентацию на русское самодержавие, что никак не может ввести ее в круг чтимых в Польше фигур прошлого. Во французской же литературе в качестве жены Бальзака она окружена со стороны некоторых

исследователей (к счастью, не всех) подлинным культом. Такая «семейная» точка зрения, близкая к позиции ее родственниц, вроде Катерины Радзивилл, совершенно неуместна в плане научной биографии и литературной истории. Она затемняет истину и препятствует правильному пониманию жизненной драмы Бальзака⁹.

Попытаемся же не на основе «защитительных» тенденций, а по сохранившимся и достоверным документам установить истину об этих отношениях, внимательное рассмотрение которых замечательно раскрывает нам психологию, нравы, быт, политический фон и социальную сущность любопытной, тревожной и драматической эпохи: Луи-Филиппа во Франции, Николая I у нас.

«Русская графиня», о которой ходило столько толков в парижском окружении Бальзака¹⁰, была чистокровной полькой, представительницей старинного рода магнатов и патриотов Ржевусских. Муж ее, Вацлав Ганский, был также истый поляк, довольно скромного происхождения, никогда никакого титула не носивший и никем не величавшийся графом. Жена его попросту, по-буржуазному, называлась в обществе «госпожей Ганской» — «*madame Hanska*», даже без прибавления «облагораживающей» частицы *de*. Настоящее имя ее было Эвелина, но оно показалось Бальзаку слишком длинным и недостаточно выразительным для охвата его чувств: «О моя дорогая Ева,—пишет он в одном из писем 1833 г.,—позвольте мне сократить ваше имя; в таком виде оно лучше скажет вам, что вы представляете для меня весь ваш пол, вы для меня единственная женщина в мире; вы одна наполняете его, как первая женщина для первого мужчины». Такие признания, как известно, нисколько не мешали увлекающемуся романисту поклоняться попутно графине Висконти, герцогине де Кастри, «неизвестной» Луизе и многим другим знаменитым или анонимным парижанкам. Это представляется нам тем естественнее, что сохранившиеся портреты «иностранки», несмотря на обычную льстивость художников, являют мало приятное и далекое от совершенной красоты лицо светской дамы 30-х годов, в придачу еще чрезвычайно склонной к полноте, с короткой талией и двойным подбородком. Вскоре Бальзак начнет деликатно сравнивать свою подругу с рубенсовскими женщинами. Современники, восхищавшиеся красотой старшей сестры — Каролины Собанской, были весьма сдержанного мнения о внешности Ганской: «Плотная, чтобы не сказать толстая, невысокая женщина лет 40 с широким лицом и далеко не элегантной походкой», — так описывает Ганскую в момент приезда Бальзака в Петербург в 1843 г. писатель Болеслав Маркевич¹¹.

Что же касается взаимных отношений Бальзака и Ганской, то подлинная история их почти двадцатилетней переписки с редкими и подчас довольно короткими личными свиданиями, иногда с перерывом в целые восемь лет, — когда оба корреспондента переживали новые увлечения, — заставляет основательно пересмотреть создавшуюся легенду и со всей трезвостью и спокойствием установить подлинный характер этой романтической истории, являющей на самом деле типичные черты «головной» любви.

«Письма к иностранке» — замечательный памятник этой интеллектуальной связи, в которой одновременно раскрываются перед нами трагическое величие писателя-труженика и «бесплодные усилия любви» неистощимого мечтателя. Когда он говорит здесь о писательском труде, о своих замыслах, планах, изнурительной и радостной работе, о мучительной борьбе с издателями, журналистами, соперниками, о препятствиях, усилиях и победах

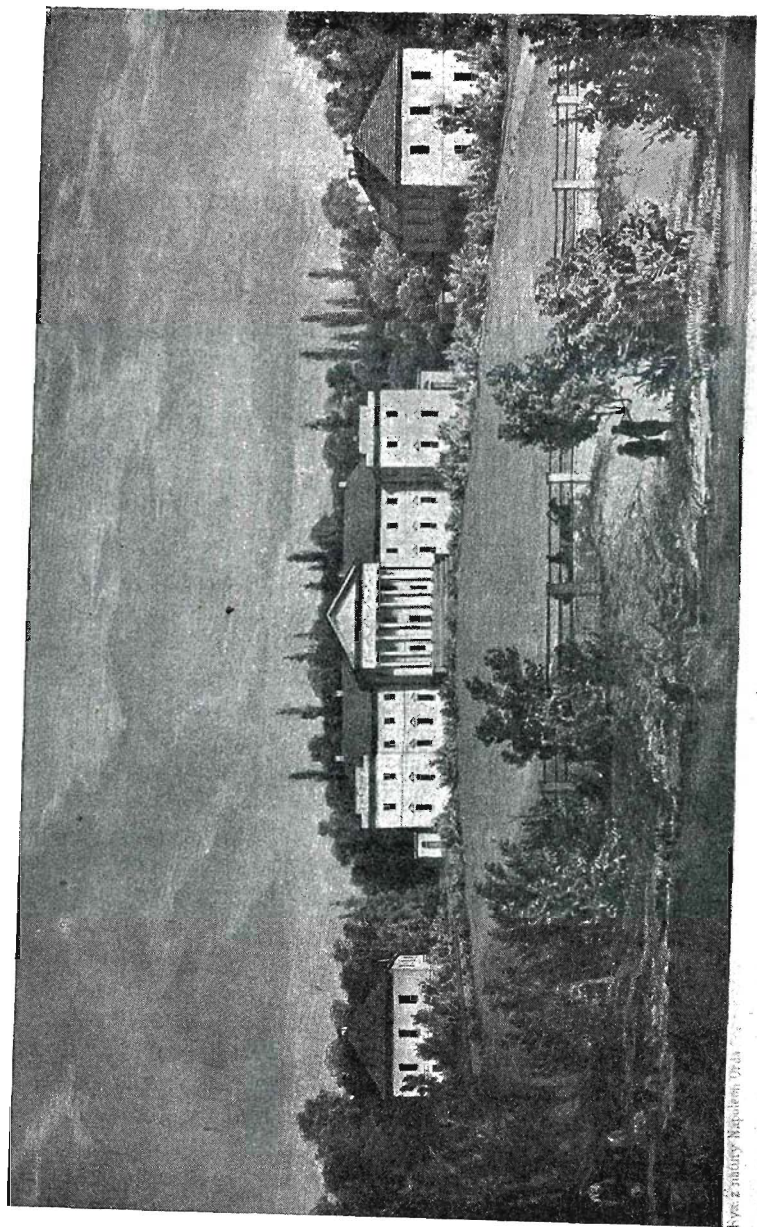

Рис. З. Зиничу. Наполеон Орда

WIERZCHOWNIA С. Кіювська

Niegdys. rezydencja Habsburska, teraz posiadłość Cesarza Władysława Augusta

Autentyczne rysunki do in. Fawst. Habsburski, Autentyczne rysunki do in. Fawst. Habsburski

ВЕРХОВНЯ

Литография по рисунку Наполеона Орды, 1840-е гг.

Музей краеведения, Бердичев

своего творческого пути, о странном и печальном положении писателя в современном обществе и о значении его призвания и подвига для всех времен, — он пишет страницы глубокой и пережитой правды, потрясающие своей искренностью и драматизмом. Мы видим писателя в его мастерской и невольно преклоняемся перед размахом этой творческой энергии, мощно и радостно проявляющей себя в полном одиночестве, среди «каменной пустыни» Парижа. Он поистине имел право сравнивать себя с бедняком-рудодокопом из копей Швеции и шутя называть себя в одном из этих писем «резчиком, литейщиком, ваятелем, каторжником, художником, мыслителем и поэтом».

Это главный, это п о д л и н н ы й Бальзак. Его следует изображать, как это сделал Роден, именно в такие минуты, всецело одержимого творческими видениями. Стихия его труда — вот проявление его силы, его мужества, его могучего очарования. В рабочей комнате, над своей рукописью, с пером в руках Бальзак внушает нам глубочайшее восхищение и вырастает перед нами в гигантскую фигуру. Это поистине героический борец, сраженный своим трудом, но уже одержавший ослепительную победу и высоко возносящийся над своей головой для всех грядущих поколений бессмертный трофей — «Человеческую комедию».

В своей личной и общественной жизни, в своих интимных связях, деловых отношениях, политических планах Бальзак поразительно видоизменяется. По знаменитому стиху Бодлэра:

Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.

Когда в тех же письмах он обращается к теме своей влюбленности в Ганскую, он становится искусственно приподнятым и будничным, несмотря на всю изысканность расточаемых эпитетов. «Роза Востока», «звезда Севера», «небесный ангел», «маяк», — вся эта сентиментальная реторика привлекается великим писателем на помощь для выражения того сложного ощущения, которое связывалось для него с образом Ганской.

Можно ли представить себе что-либо искусственное и напряженнее характеристики Ганской в посвящении ей «Модесты Миньон»: «Ангел в любви, демон по своей фантазии, ребенок по своей вере, старец по опыту, муж разумом, женщина сердцем, гигант в своих упованиях, мать по страданию и поэт по своим снам»?.. Не отнимает ли этот набор образов всякую возможность цельного представления о живой женщине, и не имеем ли мы право заключить перед этой серией холодных метафор об искусственности внушившего их чувства?

Правда, Ганская была чрезвычайно тщеславна. Ее племянник, Станислав Ржевусский, сообщает в своих воспоминаниях¹², что тетка его чрезвычайно гордилась своей принадлежностью к одной из стариннейших фамилий польской аристократии и, как все представители ее семьи, отличалась «мрачной и заносчивой» дворянской спесью. Это заметно отразилось впоследствии на истории ее запоздалого брака с одним из величайших писателей мировой литературы, который с точки зрения ее знатной родни был только мещанином и «сочинителем».

Между тем, сам Бальзак высоко ценил род Ржевусских, стремился породниться с ним, отлично изучил прошлое фамилии и в своем творчестве отразил ряд эпизодов из истории этой видной польской родословной. Предки Эвелины представляли для него не только семейный, но и значительный литературный интерес.

ВАЦЛАВ ГАНСКИЙ
Акварель И. Крихубера, 1835 г.
Частное собрание, Варшава

II

Будущая жена Бальзака, несомненно, унаследовала характерные черты представителей своего рода, давшего Польше ряд властных и честолюбивых деятелей, не лишенных авантюризма и своеобразной театральной героики. В основе их государственной активности мы неизменно находим горделивое мирозерцание аристократического класса старой Польши с его представлением о рыцарственных и патриотических доблестях. Это воззрения богатейших землевладельцев и собственников феодальных замков, фольварков, лесов и пашен. В общении с западными соседями не переставала утончаться кряжистая порода этих воинов и рабовладельцев, выделивших из своей среды ряд любителей искусств, ученых, музыкантов, поэтов и писателей. Страсть к литературе стала одной из родовых черт Ржевусских, ярко отметившей в XVIII и XIX столетиях виднейших представителей фамилии. Участники войн Яна Собесского и Яна-Казимира, турецкой, русской и шведской, депутаты конференций и чрезвычайные послы, они облачались торжественными званиями и чинами старинной польской администрации, занимая посты великих коронных гетманов и референдариев, епископов, каштелянов, сенаторов и военных министров.

От Ганской Бальзак узнал героические предания ее фамилии и характеристики наиболее выдающихся из ее предков, не раз волновавших фантазию поэтов. Мицкевич в одной из своих поэм описал бешеную скачку по пустыне знаменитого «эмира» Ржевусского (дяди Ганской), который, отправившись в 1815 г. на Восток, провел два года в Алеппо, Багдаде, Дамаске и Мекке, ослепляя туземцев своей роскошью, щедростью и бесстрашием.

Бальзак в своих письмах к Ганской упоминает жену «эмира», Розалию Ржевусскую, дочь красавицы Розалии Любомирской, оставившей глубокий след в преданиях рода. В 1788 г. эта блестящая представительница польской знати XVIII в. посетила Париж и была принята ко двору. Ее дружба с Дюбарри и письмо, в котором она выражала сочувствие к судьбе Марии-Антуанетты, привели ее к аресту, суду революционного трибунала и смертному приговору. В 1794 г. она была гильотинирована¹³. Бальзак изобразил ее в «Госпоже де ла Шантри».

Дочь ее, Розалия Любомирская-младшая, имела большое влияние на Эвелину Ганскую и на ее сестер. Основой политических идей этой представительницы фамилии неизменно оставались: «ужас перед Францией», благоговение перед абсолютизмом. Она, как известно, чрезвычайно настойчиво возражала против проектов брака своей племянницы с Бальзаком, и в своих письмах романист даже называет ее своим «заклятым врагом».

«Эмир» Ржевусский был известен, как ученый-ориенталист и поэт. Литература вообще была прочной традицией фамилии, и этим отчасти объясняется необычайный роман одной из представительниц рода с знаменитым французским писателем. Отметим, что отец Эвелины Ганской—Адам-Лаврентий Ржевусский—напечатал в конце XVIII в. несколько политических трактатов, считался другом крупнейших французских энциклопедистов и переписывался с Вольтером.

Таковы были предки Ганской, история которых так импонировала ее будущему мужу: «В моей «Мнимой любовнице»,—писал своей невесте Бальзак,—я с детской радостью блеснул именем Ржевусских среди самых славных фамилий Севера»¹⁴. Необходимо отметить, впрочем, что блеск этого имени начинает заметно меркнуть к эпохе знакомства великого романиста с одной из представительниц знаменитого рода.

III

С падением Польши явный моральный упадок сказывается и в семье Ржевусских. С начала XIX в. новое поколение фамилии изменяет традициям героического патриотизма и непримиримой борьбы с поработителями родины. Эвелина Ганская, ее братья и сестры не принадлежат, разумеется, к числу польских революционеров, идущих борьбой против царской России. Землевладельческие и классовые интересы тесно связывают их с императорской властью. Они не останавливаются перед пропагандой полного подчинения отчизны петербургскому самодержавию, перед участием в подавлении польских восстаний, перед провокацией и политическим шпионажем в пользу царского правительства. Пока благородные мученики за идею независимой родины погибают в сибирских рудниках, растоптанные с беспощадной ненавистью Николаем I, братья и сестры Ржевусские цепко держатся за свои поместья и бесчисленных крепостных, декларируя свою восхищенную верноподданность «великому императору».

Отсюда их богатства, успехи, влияние. Младший брат Эвелины, Адам, служа в русской гвардии, особенно отличился при подавлении польского восстания 1831 г. Прикомандированный к главнокомандующему русской армией графу Дибичу-Забалканскому, он принял самое деятельное участие в усмирении инсургентов. За польскую кампанию Адам Ржевусский получил золотую саблю, ордена и назначение флигель-

адъютантом к императору. В 60-х годах, после второго польского восстания, он состоял командующим войсками Киевского военного округа. Он скончался в 1888 г. в Верховне, которая перешла к нему от Ганских, в чине генерала-от-кавалерии «свиты его императорского величества»¹⁵.

Другой брат Эвелины, Генрих Ржевусский, автор исторических новелл из эпохи Станислава-Августа и крупнейший представитель клерикально-шляхетского направления, стал официальным царским публицистом в Польше. Он решительно объявил свою нацию «разложившимся организмом» и проповедывал для своей родины полный отказ от идеи национальной независимости. Такая проповедь вызвала в Польше всеобщее возмущение. «Генрих Ржевусский стал подлинным предметом ненависти для своих соотечественников, особенно когда в 1850 г. в варшавской газете, основанной им, чтобы служить делу родины¹⁶, он выдвинул тезис, что христианство предписывает не только повиноваться существующему образу правления, независимо от его природы, но еще слиться с ним»¹⁷.

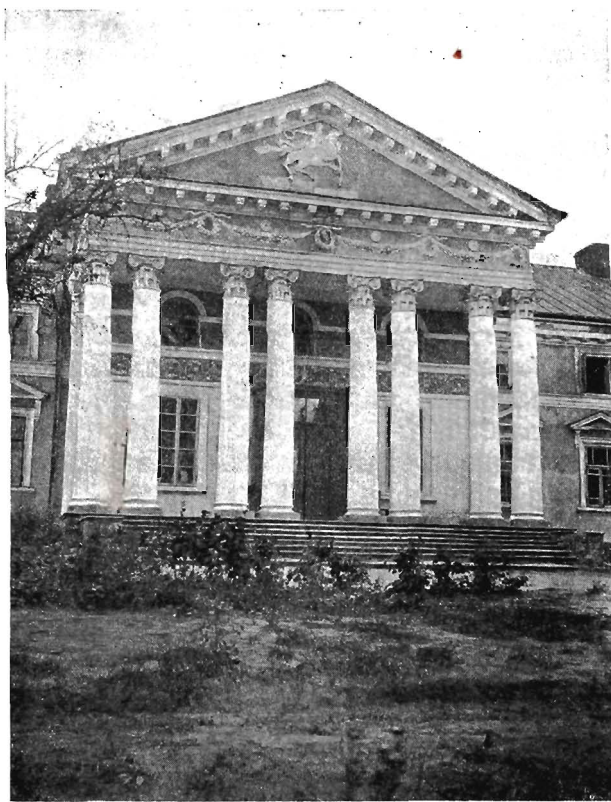
Когда прусский король Фридрих-Вильгельм IV усомнился в искренности и благонадежности этого публициста, Николай I поторопился успокоить его: «Не бойтесь, *il est plus russe que moi et plus royaliste que vous*»¹⁸.

Старшая сестра Эвелины, Каролина Собанская (которой Пушкин посвятил стансы «Что в имени тебе моем?..»), была фактической женой начальника военных поселений в Новороссии генерала Витта, крупнейшего политического сыщика и провокатора, известного предателя декабристов. В своей темной деятельности Витт имел в лице Собанской верную и ловкую сотрудницу. По свидетельству Вигеля, она «писала тайные его доносы, потом из барышей поступила в число жандармских агентов» и проч¹⁹.

Недавно открытые новые архивные документы подтверждают и дополняют сообщения Вигеля о работе Собанской в тайной политической полиции. Наместник царства Польского Паскевич в письме к Николаю I от 2 января 1832 г. с большой похвалой отзывался о деятельности Собанской, доставлявшей графу Витту «наблюдения и известия»²⁰. Из письма самой Собанской к Бенкендорфу видно, что во время польского восстания она сообщала ему важнейшие сведения, а ее письма к Витту, восходившие к самому наместнику, «помогали ему делать важные разоблачения». В письме к Бенкендорфу она называет себя преданнейшей верноподданной Николая I, восхищается подавлением польского восстания и возмущается «якобинцами», т. е. восставшими поляками. Рассказ ее о совместной работе с Виттом в разгромленной Варшаве и затем в Дрездене, где, пользуясь своей принадлежностью к польской нации и, очевидно, к патриотической фамилии Ржевуских, она добивает провокацией и шантажом участников и сторонников восстания, в том числе своих друзей и родственников—Сапег, Потоцких, Любомирских,—поистине вызывает в читателе «необоримое отвращение» (по слову о ней Вигеля).

Неудивительно, что варшавский наместник Паскевич, говоря о Ржевуских, с таким удовлетворением отмечает «пример целого польского семейства, совершенно законному правительству преданного»... Своей ревностной службой царизму виднейшие представители фамилии—Генрих, Адам и Каролина Ржевусские—действительно, вполне заслужили такое доверие самодержавия.

ГЛАВНЫЙ (ЮЖНЫЙ) ФАСАД
ДОМА В ВЕРХОВНЕ
С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“
Снято в сентябре 1936 г.

Необходимо отметить, что так низко Ганская не пала. Но мы знаем, что она неизменно сохраняла тесную дружбу и с братом Генрихом, и с сестрой Каролиной, вполне разделяя их политические убеждения и ориентацию на русское самодержавие. В первую же пору своего знакомства с Бальзаком в Женеве, в январе 1834 г., Ганская заявляет ему о Николае I: «Без него куда бы мы зашли?»²¹.

В своем письме к главному управляющему III отделением Орлову от 20 января 1851 г. из Парижа Ганская называет Николая I «великим человеком, могущественным монархом»; «он навсегда останется для меня м о и м и м п е р а т о р о м», — пишет она, — «разве он не является отцом той огромной семьи, длительная принадлежность к которой преисполняет меня гордостью?»²². В этих выражениях много общего с письмами Собанской к Бенкендорфу, и если у нас нет оснований предполагать аналогичные отношения Ганской к русским властям, не приходится сомневаться в глубокой реакционности ее воззрений. В письме к дочери от 5 мая 1850 г. она называет социализм и коммунизм ядом и отравой²³. При этом, как почти вся польская знать, Ганская отличалась антисемитизмом. В письме к дочери от 15 августа 1849 г. она предлагает свой план переселения евреев в ее поместьях, уделяя для них самые бесплодные участки, состоящие сплошь из одного песку, и мимоходом роняет иронические замечания о еврейской внешности, сильно напоминающие выпады юдофобской журналистики²⁴.

К сожалению, во всех этих направлениях Ганская оказывала заметное влияние на своего французского друга, и мы увидим ниже, как на образах

польских евреев у Бальзака (Абрамка в «Кузене Понсе» или Моисей Гальперсон в «Изнанке современной истории») явно отразились расовые воззрения его верховенской приятельницы.

IV

Признаем все же ряд достоинств будущей г-жи де Бальзак, чтобы с таким же беспристрастием судить и о теневых сторонах ее натуры: женщина несомненного ума, наделенная особенной, повидимому, наследственной, любовью к литературе, не лишенная даже некоторых литературных и музыкальных способностей, она представляла собой характерный тип великосветской польской женщины прошлого столетия с ее утонченным обаянием «славянской парижанки». Она была прекрасной матерью и боготворила свою единственную дочь. Бесспорным правом на почетное признание является некоторое сотрудничество Ганской в творческой работе Бальзака: как известно, в «Модесте Миньон» он переработал в роман новеллу, сочиненную его украинской корреспонденткой.

Впрочем, следует помнить, что женщинам рода Ржевусских был свойственен «холодный блеск ума, напоминающий ледяное мерцание сталактитов»²⁵. Это, несомненно, относится и к Ганской. В семье она считалась менее одаренной, чем другие представители фамилии: по словам преданной племянницы и воспитанницы Ганской—Екатерины Радзивилл, «госпожа де Бальзак, быть может, не обладала даром столь же блестящей беседы, как ее братья и сестры. Ум ее не был лишен некоторого педантизма, она умела лучше слушать, чем говорить, но все, что она высказывала, было

СЕВЕРНЫЙ ФАСАД ДОМА
В ВЕРХОВНЕ

С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“

Снято в сентябре 1936 г.

верно и метко, и перо ее было красноречиво... Близкие побаивались ее, но относились к ней с глубоким уважением...»²⁶.

Сам Бальзак говорил впоследствии о «колоссальном образовании» Ганской и уверял, что она может писать новеллы «не хуже Жорж Санд»²⁷. Это было, конечно, одной из обычных гипербола Бальзака, решавшегося сравнивать Верховню с Лувром, а Вишневец с Версалем. Ганская, в духе великосветского воспитания, хорошо владела французским языком, но, весьма слабо английским и совершенно не знала немецкого²⁸. Она много читала, но больше всего «душеспасительные» книги мистиков наряду с новейшими французскими романами. Она проявляет интерес к истории, но, главным образом, в плане старинных родословных и придворного быта²⁹. Бальзак в одном из своих писем уверяет, что Ганская знает историю Франции «до малейших подробностей секретных кабинетов короля и интимных ужинов королевы»³⁰. Такими анекдотическими придворными тайнами, видимо, исчерпывался историзм Ганской. О литературных вкусах ее можно судить по тому, что она рекомендовала Бальзаку «Лондонские тайны» Поля Феваля. Не смеявший противоречить ей Бальзак все же деликатно возразил: «Это, пожалуй, немного лучше, чем Дюма и Сю; но это все же не хорошо»³¹.

Совершенно несомненно, что значение творчества Бальзака не могло быть воспринято Ганской в его гигантском размахе и глубоких перспективах. Она даже позволяла себе подсмеиваться над грандиозным планом «Человеческой комедии», называя ее «la grrrande Comédie»³². Со своей позиции читательницы романов она и отдаленно не могла охватить размер этого всеобъемлющего творческого замысла, восхищавшего современных поэтов и вдохновившего Теодора де Банвиля на эту великолепную строфу:

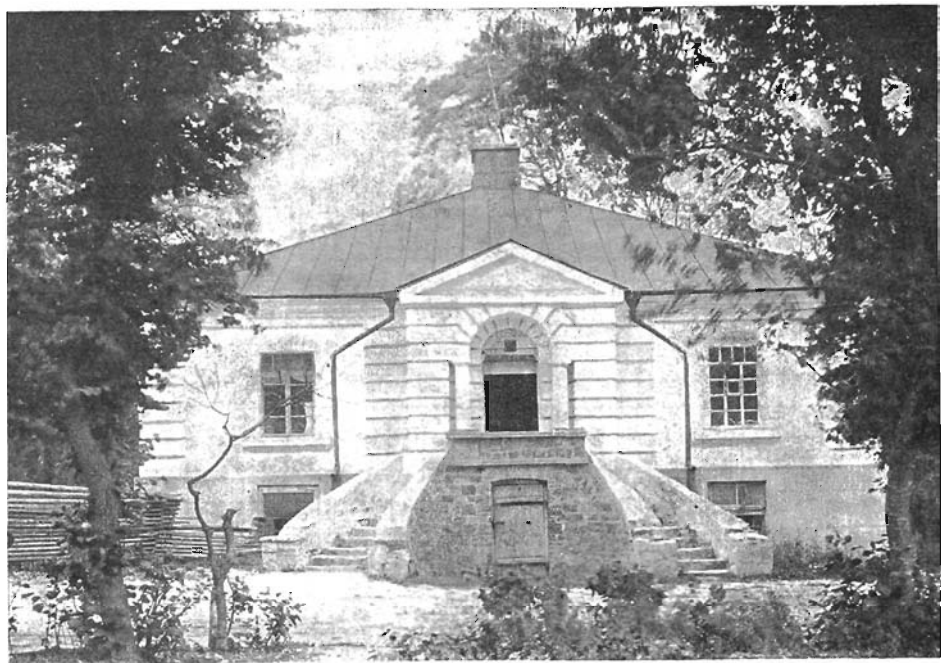
Balzac, superbe, mène
La Comédie humaine
Et nous fait voir à nu
L'Homme ingénu...³³

Наряду с литературными склонностями, Ганская восприняла от своих предков и властный характер, не лишенный тщеславия и заносчивости; он проявлялся часто в бурных вспышках, тяжелых для окружающих, и представлял в основном болезненную смесь мистицизма и чувственности, свидетельствующую о некоторой истеричности натуры. Подозрительная, ревнивая, резкая, чувственная, религиозная до ханжества, придающая огромное значение деньгам, титулам, власти,—такой выступает приятельница Бальзака из сохранившихся документов. В одном из своих писем к ней Бальзак говорит о ее «августейшем деспотизме», в другом пишет о ее «ужасных нервных припадках, столь напугавших его». Обычные восхищения перемежаются в его письмах со скептическими нотками: «Я заметил в ваших глазах признаки жестокого бешенства... В вас есть нечто резкое в первое мгновение»³⁴... В письмах к матери Бальзак называет Ганскую «личностью крайне осторожной, даже недоверчивой»³⁵.

Племянник Ганской, Станислав Ржевуский, в статье, посвященной защите своей тетки, вынужден все же признать, что «г-жа Бальзак имела чрезвычайно тяжелый характер» («un fort mauvais caractère»). Она была «заносчива, высокомерна, подозрительна, даже немного сварлива... Быть может, это был ее единственный недостаток, но она обладала им во всей полноте... Ее вспышки гнева никогда не переходили границ светских

приличий, но они возникали без всякого повода и разрастались до неслыханной резкости». Даже с самыми миролюбивыми и расположенными к ней людьми, как ее младший брат Адам Ржевусский, как единственная дочь Анна Мнишек, «г-жа де Бальзак находила повод ссориться, хотя ей всегда во всем уступали... Совершенно несомненно, что даже и в молодые годы этот прямолинейный и своеобразный характер не отличался ни легкостью, ни уживчивостью. Бальзак должен был не мало выстрадать от нее—это не подлежит никакому сомнению».

Глубокое различие их интеллектов всячески усиливало этот скрытый разлад: «Литературные советы и указания, которые она расточает ему

СЛУЖЕБНЫЙ КОРПУС В ВЕРХОВНЕ

С фотографии, принадлежащей „Литературному Наследству“

Снято в сентябре 1936 г.

в своей переписке,—продолжает племянник Ганской,—не всегда свидетельствуют об уверенном вкусе, и не приходится сомневаться, что некоторые из ее писем должны были вызвать возмущение великого писателя... Госпожа де Бальзак никогда не поняла до конца огромное значение и весь социальный смысл этого гигантского творчества. Она не отдавала себе отчета и в испытаниях, пережитых неутомимым создателем «Человеческой комедии», в горестях его битвы за жизнь, в его трагическом труде, в моральном одиночестве, бесконечных страданиях и бесчисленных унижениях, на какие был обречен этот великий человек. Она и отдаленно не понимала трагической силы и остроты тех испытаний, о которых сообщает ей автор «Человеческой комедии». Словом, «идеальная» подруга неутомимого мастера неизменно судит о его страданиях с точки зрения счастливого мира сего, богачей, повелителей, которые всегда будут рассматривать тяжелые испытания бедности и все неравенства социального состоя-

ния с несколько презрительным безразличием. И не раз бесконечно жестокое в своей бессознательной сухости слово должно было ранить в самое сердце этого великого человека, доведенного до отчаяния и дошедшего до последних границ своих сил и своего мужества»³⁶.

Нельзя не признать эти соображения глубоко убедительными. Племянник Ганской, представитель того же рода Ржевусских, превосходно понял главную причину разлада, который так ощущается на всем протяжении взаимоотношений Бальзака и Ганской: это их принадлежность к разным социальным слоям, создающая столько непримиримых противоречий в кастовом обществе их эпохи. Салонная аристократка, богатейшая землевладелица, крупнейшая помещица, никогда в жизни не знавшая труда или борьбы за существование, и величайший труженик, непрерывно ведущий борьбу пером, писатель-профессионал, редактор и журналист, неутомимо «чеканящий монету чернильницей», но всегда в недостаточном количестве для расплаты с долгами и недолгого досуга, — таковы столь глубоко несхожие социальные облики великого романиста и его долголетней подруги. «Ты богачка, а я — бедняк!», с горечью и глубоким пониманием писал он своей корреспондентке об этом непоправимом разладе их экономического бытия³⁷. Графине Ржевусской противостоял внук простого пахаря, сохранивший в своей внешности могучий отпечаток народного типа, а в своей деятельности те черты трудоспособности, воли, упорства в достижении поставленной цели, которые так характерны для его предков-земледельцев. Но по своим родителям он уже принадлежал к той восходящей буржуазии, которая после 1789 г. стремилась, по формуле аббата Сийэса, «стать всем». Это не мешало ему искренно презирать буржуазию и всегда мыслить себя представителем старой дворянской Франции, легитимистом, сторонником наследственных майоратов, слугою Бурбонов. Эта «аристократическая» маска так и не пристала к его лицу, и Бальзак сошел в могилу, как он прожил всю свою жизнь, — тружеником, разночинцем, работником пера, все еще не выплатив крупных долговых сумм, несмотря на весь свой непрерывный труд, подорвавший и изранивший его могучий организм. Этот социальный тип писателя-строителя, лишённого средств и безмерно обогащающего современное общество своим трудом, был глубоко чужд «пассивной мечтательнице» верховенского замка. Непримируемая отчужденность, лежавшая в самой основе их натур, сказывалась до самого конца их мучительных взаимоотношений.

Такое «социальное неравенство» и было первоосновой глубокого и непоправимого надрыва этой странной связи. Ее болезненный и тяжелый характер всячески углублялся личными свойствами Ганской. Здесь особое значение играет та «экзальтированность натуры», которую отметил в ней ее младший брат, Адам Ржевусский. Эта экзальтация легко возбуждалась перед явлениями модных успехов и славы. Не приходится сомневаться, что громкое имя Бальзака сыграло решающую роль в романе Эвелины Ганской. Женщинам семейства Ржевусских было вообще свойственно влечение к знаменитостям. Им импонировали мировые репутации, их привлекали поэты, романисты, музыканты. Перед Каролиной Собанской склонились Мицкевич, Пушкин и Сент-Бёв; Эвелина Ганская числила среди своих поклонников Франца Листа и Бальзака. Особое женское тщеславие здесь, несомненно, господствовало над чувством, над дружбой или сердечной привязанностью.

Такие характеры не приносят счастья своим близким и часто приводят общую жизнь к катастрофе. Это в полной мере сказалось в браке Бальзака, какими бы сроками ни определить его—пятью ли месяцами или семнадцатью годами.

V

Эвелина Ржевуская вышла замуж в феврале 1819 г., едва достигнув 18-летнего возраста (она родилась в селе Погребищах Киевской губернии 24 декабря 1800 г.)³⁸. Ганский был старше своей невесты на 22 года. Здоровье его было, видимо, подточено «грехами молодости» (по новейшим данным, он умер от прогрессивного паралича)³⁹. При этом Ганский отличался мелочным и мстительным характером: имя его, по свидетельству Станислава Ржевуского, осталось в памяти его крестьян нарицательным обозначением жестокости. Но этот крепостник был чрезвычайно богат: он обладал безбрежными латифундиями в Киевской и Волынской губерниях и десятками тысяч «душ». Состояние его исчислялось в четырнадцать миллионов⁴⁰. Эта цифра, видимо, убедила Эвелину Ржевускую.

Сохранившиеся деловые записи раскрывают сущность денежных отношений будущих супругов. Родители Эвелины, Адам и Юстина Ржевуские, заключили 7 февраля 1819 г. предбрачную сделку с Вацлавом Ганским «в том, что они определили для нее приданого 200 тысяч злотых и на экипировку 40 тысяч злотых». По получении этой суммы Ганский был обязан совершить пожизненную запись на общее с женою право владения и поль-

ЧАСОВНЯ В ВЕРХОВЕНСКОМ ПАРКЕ,
ГДЕ ПОХОРОНЕН ВАЦЛАВ ГАНСКИЙ
(„ВЕРЖОВЕНСКА КАПЛИЦА“)

С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“

Снято в сентябре 1936 г.

зования своими именами: 1) ключом Пулинским Волынской губернии Житомирского уезда, 2) ключом Верховенским Киевской губернии Сквирского уезда и 3) ключом Гарностайпольским Киевской губернии Радомысльского уезда. Приданое Ганской, видимо, было только некоторой данью обычаям ввиду огромного состояния ее мужа⁴¹.

В биографической литературе о Бальзаке создалась прочная легенда о том, что ипохондрик Ганский крепко запер молодую жену в своем замке, среди «пустынных нив», и что, предоставленная только мечтам и чтению, Эвелина загрустила по духовной связи и написала свое первое письмо Бальзаку. Ее нередко даже прямо называют «затворницей» роскошного замка Верховни⁴². Русские источники опровергают эту легенду. Ганские с первых же лет брака много разъезжают, постоянно бывают в Киеве и Одессе, возвращаются в пестром русско-польском обществе юго-западного края. Ганская гостит у своей сестры Собанской, где бывает почти исключительно мужское общество, знакомится здесь с Пушкиным и Мицкевичем. Она флиртует и с одним из интереснейших представителей молодого одесского общества — Александром Раевским, другом и «демоном» Пушкина, ироническим скептиком, производившим неотразимое впечатление на женщин. Пушкин довольно прозрачно пишет Раевскому в октябре 1823 г. из Одессы: «J'ai eu de vos nouvelles, on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux...»⁴³. В конце 30-х годов в Киев съезжаются на зиму Олизары, Ивановские, Ганские, Пржездецкие и др. «Но звездой польского и всего киевского общества была Эвелина Ганская, урожд. гр. Ржевуская, сестра Собанской и гр. Адама Ржевуского»⁴⁴. В своих письмах Бальзак также называет ее «царицей киевских балов», уговаривает ее не продолжать на родине развлечений ветреной Вены, не утомляться до упаду танцами: «Я вижу, киевские празднества увлекают вас так, словно Киев—Париж»⁴⁵.

Таким образом, Ганские, несомненно, вели обычную в то время жизнь крупных русских помещиков, широко разнообразя свой деревенский быт разъездами по крупным городам и всевозможными развлечениями.

В самом имении общество состояло из швейцарки-гувернантки Генриетты Борель и двух кузин помещика — девиц Вылежинских. Постоянным гостем поместья был и молодой брат указанных кузин, Тадеуш Вылежинский, ставший ближайшим другом Эвелины. Неожиданная смерть его в 1844 г. была для Ганской несравненно большим ударом, чем кончина мужа.

В «Мнимой любовнице» Бальзак изображает Ганскую в лице графини Лажинской, тайно любимой польским эмигрантом Тадеушем Пазом. Это не кто иной, как Тадеуш Вылежинский. Бальзаку было известно горячее чувство, связывавшее Ганскую и ее родственника. По поводу смерти последнего он писал ей: «Сообщение ваше о смерти Тадеуша огорчило меня. Вы мне столько рассказывали о нем, что я любил того, кто вас так любил... Бедная моя подруга, я буду любить вас за всех, кого вы утратите»⁴⁶.

В начале 30-х годов возникает ее знаменитый эпистолярный роман, обеспечивший ей право на интерес литературных исследователей.

Биографы Бальзака не раз излагали историю этой необычайной связи. Напомним ее основные моменты. В эпоху первых успехов романиста его издатель Госслен передал ему 28 февраля 1832 г. письмо с почтовым штемпелем Одессы и подписью «иностранка». В письме выражались

высокие похвалы автору «Сцен частной жизни» и высказывалось сожаление по поводу безотрадного скептицизма «Шагреновой кожи». За первым письмом последовали другие. Наконец, 7 ноября неизвестная корреспондентка объявила о своем желании иметь от адресата подтверждение в получении ее посланий: «Несколько слов от вас в газете «La Quotidienne» дадут мне уверенность, что вы получили мое письмо и что я могу писать вам без опасения. Подпишитесь: «к Э. Г. от Б.».

Сильно заинтересованный этой эпистолярной интригой, Бальзак не замедлил откликнуться. В номере «Quotidienne» от 9 декабря 1832 г. появилась следующая заметка:

«Г. де Б. получил предназначенное ему послание; он только теперь имеет возможность сообщить об этом через посредство этой газеты и сожалеет, что не знает, куда адресовать свой ответ. К Э. Г. от де Б.»⁴⁷.

Эта газетная заметка открывает долголетнюю переписку, представляющую ценнейшее собрание авторских исповедей о труде писателя и являющую в целом как бы литературную автобиографию Бальзака почти за двадцать лет.

Но самое начало этого «прекраснейшего из романов» отдает шуткой, легкой интрижкой, эпистолярной забавой. Первое письмо к Бальзаку было написано не собственноручно, а с помощью гувернантки-швейцарки и даже ее рукою⁴⁸. Свое второе письмо Бальзак, в свою очередь, поручил написать своей подруге, болтливой мадам Карро, так что изумленная Ганская потребовала объяснений: что за два разных почерка? «У меня столько же почерков, сколько дней в году»,—пытался довольно неубедительно оправдываться Бальзак. Так беспечно начинались отношения, которым суждено было развернуться в такую длительную и сложную драму.

Эвелина Ганская повела свою переписку с романистом под самым строгим анонимом. «Для вас я Иностранка и останусь ею всю мою жизнь: вы и никогда не узнаете меня»... «Через год она пригласила его в Невшатель»,—не без коварства замечает Андре Бельсор⁴⁹. Бальзак помчался на свидание. Согласно преданию о их первой встрече, было условлено, что они сойдутся в аллее общественного сада и романист узнает свою даму по книге или цветку в ее руке. Когда она увидела разыскивающего ее Бальзака с его увесистым корпусом, на коротеньких ножках, ее охватило непреодолимое желание скрыть поскорее условленный знак; но в это время она увидела его глаза и невольно протянула ему цветок и книгу.

Племянница Ганской, тщательно опровергающая в ее биографии все, что, по ее мнению, могло бы снизить в глазах потомков образ ее знаменитой родственницы, опровергает приведенную общераспространенную «легенду» об этом первом свидании в общественном саду и уверяет, что Бальзак просто и согласно правилам великосветского этикета нанес первый визит своей даме в гостинице, где семейно проживали Ганские. Для нас это различие особенного значения не имеет. Но в интересах истины следует все же отметить, что Бальзак в записке к Ганской от 26 сентября 1833 г., на другой же день по приезде в Невшатель, назначает первое свидание в городском саду. «Я пойду на гулянье предместья от часу до четырех. Я пробуду там все это время и буду любоваться озером, которого я еще не знаю...»⁵⁰. Таким образом, родственная версия в данном случае отпадает, как и в целом ряде других⁵¹. С равным правом Катерина Радзивилл, тщательно соблюдая приличия, уверяет, что в этом первом знакомстве не было

ничего романического⁵². Здесь уже приходится оспаривать благонравную племянницу госпожи Ганской. Для биографии Бальзака важно установить, что его подлинный брак с Эвелиной Ганской осуществился не в Бердичеве, через семнадцать лет,—когда окончательно изнуренный писатель, терявший зрение, еле дышавший и с трудом передвигавшийся, был обвенчан за пять месяцев до смерти с чрезвычайно располневшей и страдавшей ревматизмом пятидесятилетней женщиной, а в 1833 г., когда оба они были молоды, полны сил и надежд, когда время еще принадлежало им и будущность была полна для них неисчерпаемыми возможностями. О возникшей связи совершенно отчетливо свидетельствует первое же письмо Бальзака к Ганской после невшательского свидания (от 6 октября 1833 г.), в котором он называет ее «своей дорогой супругой»: «Тела наши заключили союз, как и наши души» и проч.⁵³. Сестре своей Бальзак тогда же сообщает: «Я поклялся ждать, а она хранить для меня свою руку и сердце»...

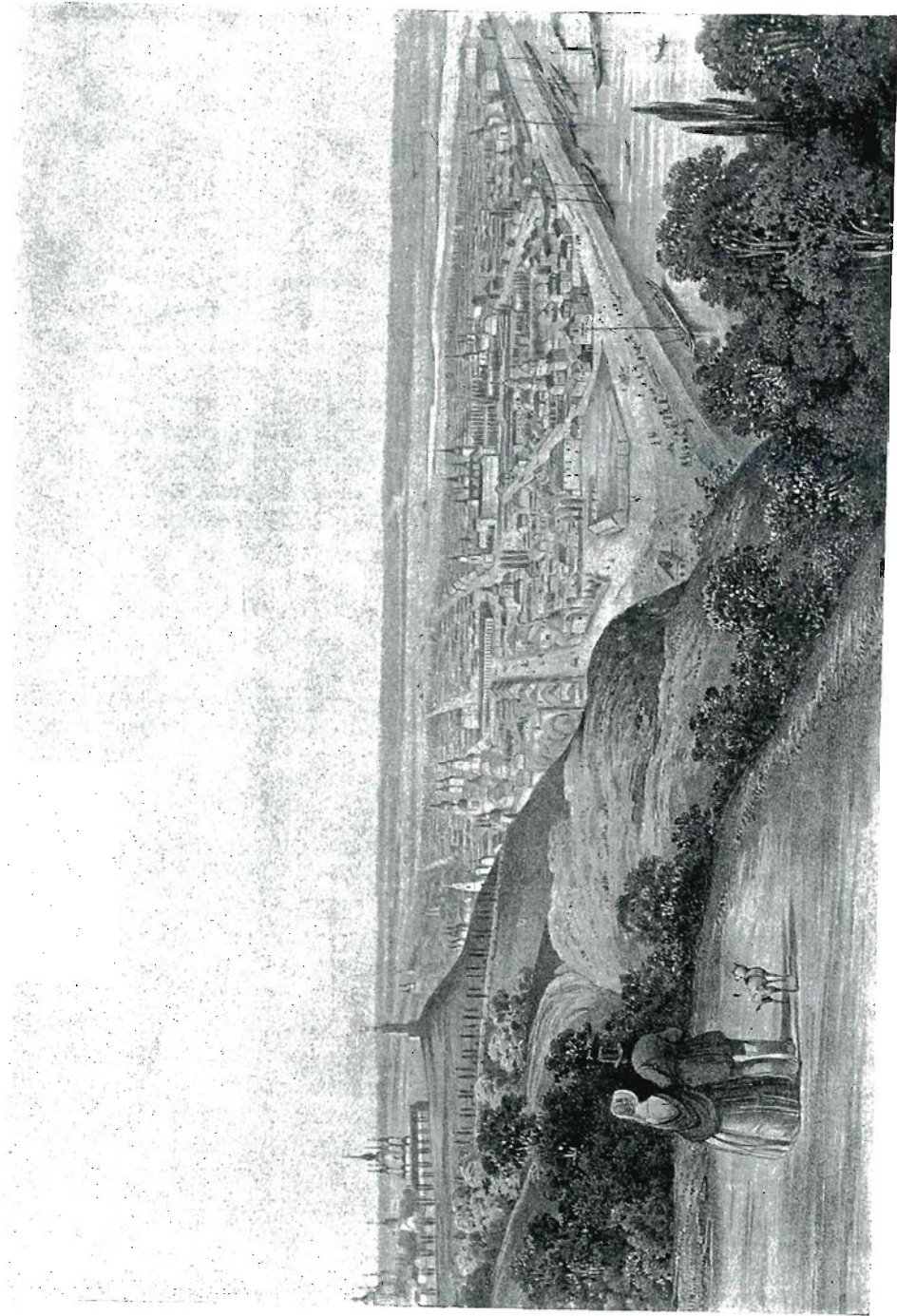
Это обручение при живом муже и чересчур откровенное долголетнее ожидание его смерти, это соглашение соединиться навеки над его гробовой плитой несколько смущает современного читателя. Для великого сердцеведа и учителя общества, каким был Бальзак, это грядущее личное счастье, обусловленное смертью, кажется не соответствующим масштабам его фигуры мыслителя и моралиста. Но «la morale est dans la nature des choses», и трудно представить себе что-либо печальнее завершения этого романа—бракосочетания агонизирующего Бальзака с постаревшей и равнодушной к нему женщиной.

Первое впечатление Ганской о Бальзаке было весьма благоприятным, судя по письму, которое она написала 10 декабря 1833 г. своему брату Генриху Ржевусскому.

«Мы заключили в Швейцарии очаровательное знакомство с г. де Бальзаком, автором «Шагреновой кожи» и стольких других чудесных произведений. Знакомство это превратилось в настоящую связь, которая продлится, надеюсь, всю нашу жизнь. Бальзак очень напоминает тебя, дорогой Генрих, он весел, смешлив, любезен, как ты, он даже по внешности имеет нечто общее с тобой, а оба вы похожи на Наполеона. Быть может, у тебя более холодный и менее экспансивный характер, быть может, ты менее высказываешь свою симпатию и нежность. Бальзак же настоящий ребенок, если он любит, он это высказывает с наивной откровенностью детства, еще не знающего, что слово должно скрывать мысль. Если вы ему не понравились, он, может быть, и не выскажет вам этого, но он возьмет книгу—не для чтения, но чтобы избавить себя от общения с неприятным существом. Словом, общаясь с ним, трудно понять, как сочетается с такими познаниями и таким превосходством столько свежести, очарования, детской наивности в мыслях и чувствах»⁵⁴.

Первые встречи Бальзака с Ганской далеко не сплошь носили романический характер. В Невшателе и через полгода в Женеве супруги Ганские вели с знаменитым писателем весьма обстоятельные беседы на политические, философские и религиозные темы. Круг общих интересов определился вопросами крупного землевладения, особенно занимавшими украинского помещика, и проблемой социальной роли католицизма, чрезвычайно увлекавшей его супругу⁵⁵.

Мистицизм Ганской был известен в тогдашнем обществе, как и ее дар писать письма. Приведем один отзыв о Ганской, ускользнувший от внимания исследователей: «Литературный Париж не успел познакомиться с мадам

«ВИД СТАРОГО КИЕВА СО СТОРОНЫ ЦАРСКОГО САДА»

Литография с рисунка М. Сажина

Русский музей, Ленинград

де Бальзак,—писала «Библиотека для Чтения» в некрологе романиста,— но те, которые ее знают, могут засвидетельствовать об ее уме, приятном даре слова, начитанности, особенно в мистическом роде, удивительном таланте писать прелестные записки, который Лист называл *le don suprême des billets*, а также и о том, что объемом талии она не уступает своему знаменитому супругу, что возраст ее, по самому умеренному счету, принадлежит именно к тем, которые покойник так любил прославлять, и что, судя по следам, в небальзаковском возрасте она была примечательно хороша собой»⁵⁶.

Это, несомненно, свидетельство лица, знавшего Ганскую, вероятно, во время ее пребывания в Петербурге в 1843—1844 гг.

К этому времени отношения успели упрочиться, несмотря на сравнительно редкие встречи «обрученных». С большими перерывами они назначают друг другу свидания: в 1834 г.—Женева, в 1835 г.—Вена. Наконец, в конце 1841 г. Бальзак случайно узнает на обеде у Шарля Нодье, что Ганская свободна. Один из присутствующих, приехавших с Украины, сообщает ему о смерти Ганского. «Я объяснил этому иностранцу, который сопровождал г. де Жюльвекура,—писал вскоре Ганской Бальзак,— что переписка между вашими степями и Парижем столь затруднительна, что я ничего не знаю об этом; он же не в курсе вашего процесса. Мы говорили весь вечер о литературе, и я о многом расспрашивал Жюльвекура, который имеет счастье быть женатым на русской из Москвы и который горячо советовал мне отправиться жениться в Россию, где я пользуюсь, по его словам, огромной популярностью»⁵⁷.

Бальзак, действительно, узнал о смерти Ганского с некоторым опозданием. Событие произошло еще 10 ноября 1841 г.

Вот что сообщает нам об этом метрическая запись, которую впоследствии Бальзак не раз упоминает в своих письмах, подготавливая свою женьтибу⁵⁸.

Перевод с польского:

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ О ПОХОРОНАХ ПРИХОДСКОГО
ПАВОЛОЦКОГО КОСТЕЛА В СЛЕДУЮЩИХ СЛОВАХ:

Тысяча восемьсот сорок первого года ноября десятого дня помер в селе Верховной г. Вацлав Ивана сын Ганьский, предводитель дворянства Волынской губернии и кавалер, из старости, снабженный св. тайнами, помещик-дворянин, вотчинник волостей Вержховенской, Пулинской и Гарностаипольской, имеющий от роду шестьдесят три года. Оставил после себя жену двуименную, Еву-Констанцию из графов Ржевусских и дочь триименную Анну-Марианну-Юзефу, имеющую тринадцать годов. Похоронен г. к[сендзом] Викентием Кумановским, настоятелем Паволоцкого приходского костела того и года и месяца четырнадцатого дня в фамильной могиле при Вержховенской каплице в этом же приходе и там же помер. Что верно из книги выписано, при приложении костельской печати собственноручным подписом утверждаю.

Викарий Паволоцкого приходского костела
ксендз Констан Кубилович

Ноября 21 дня 1841-го года, м. Паволоч
№ 30 [М. П.]

Сей перевод учинил и в верности с подлинным свидетельствую переводчик Киевской палаты гражданского суда губернский секретарь В. Тышковский⁵⁹.

Ганская, видимо, не торопилась исполнить свое невзательское обещание. Но сам Бальзак считал, что препятствие к его счастью отпало и он поведет теперь свою суженую, согласно взаимному обещанию, к венцу. Во всяком случае, он твердо решает посетить «молодую вдову» на ее родине и начать новую жизнь в неразрывном союзе с прекрасной иностранкой на самых верхах аристократического общества России и Европы.

Он не предвидит, сколько разочарований готовит ему всегда завистливая к его планам судьба.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Bouteron, I, 39. «Apologie pour Madame Hanska» появилась раньше в «Revue des Deux Mondes», 15 mai 1924.

² Bouteron, I, 1.

³ Lettres à l'Etrangère, II, 45; III, 31, 43, 46, 49, 149.

⁴ Correspondance, II, 123—124.

⁵ Lettres à l'Etrangère, II, 45.

⁶ Ibid., III, 2.

⁷ Bouteron, Muses romantiques, P., 1934, 65.

⁸ Bouteron, Un nouveau buste de m-me Hanska.—«Pologne littéraire», 15 décembre 1932, № 75.

⁹ Boy-Zelenski, La chance de Marcel Bouteron.—«Pologne littéraire». 1930.

¹⁰ Хорошо осведомленный в обстоятельствах жизни Бальзака его издатель Эдмон Верде сообщает о «молодой русской даме», пленившей романиста, жене «московского боярина» графине Ганской (Ed. Werdet, Balzac, sa vie, son humeur et son caractère, P., 1859, 376).

¹¹ Маркевич Б., Полное собрание сочинений, П., 1885, т. XI, 419—421 (статья «Бальзак и его женитьба»).

¹² Rzewuski (St.), Le mariage de Balzac.—«Nouvelle Revue», 15 janvier 1906, 201.

¹³ Отчет о судебном заседании 3 флореаля II года (апрель 1794), когда вместе с Любомирской были судимы еще 12 лиц, напечатан в № 221 «Moniteur» за 1794 г.

¹⁴ Lettres à l'Etrangère, II, 54.

¹⁵ «Русский биографический словарь», том Рейтерн—Гольцберг. П., 1913, 165—167.

¹⁶ Речь идет здесь об основанной Генрихом Ржевусским первой большой газете в Варшаве «Dziennik Warszawski», субсидировавшейся русским правительством.

¹⁷ Korwin-Piotrowska, 50.

¹⁸ Берг Н. Б., Записки о польских заговорах и восстаниях, М., 1873, 141.

¹⁹ Вигель Ф. Ф., Записки, ред. и вступ. статья С. Я. Штрайха, М., 1928, II, 301.

²⁰ Письмо Паскевича к Николаю I от 2 января 1832 г. открыто в Архиве революции в Москве М. М. Чистяковой. Отрывки из этого письма см. в книге «Рукою Пушкина» — несобранные и неопубликованные тексты под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, М.—Л., 1935, 189. О Собанской см. также: «Пушкин», статьи и материалы Одесского дома ученых под редакцией М. П. Алексеева, Одесса, 1926, вып. III, 84—86 (там же и библиография).

²¹ Lettres à l'Etrangère, II, 107.

²² Куликов С. Н., О Бальзак. Незданные письма — «Звенья», М.—Л., «Асадемия», 1934, III—IV, 315.

²³ Bouteron, II, 35.

²⁴ Ibid., II, 23.

²⁵ Wasylewski (St.), O Milosci romantycznej, Poznan, 1928, 205, ср. Korwin-Piotrowska, 36.

²⁶ Floyd, 198—199.

²⁷ Письмо к Ганской от 12 сентября 1845 г. Приведенная фраза опущена редакторами Correspondance (II, 383) и приведена по автографу письма в Œuvres complètes (Conard), XXIII, 395. Также в Lettres à l'Etrangère, III, 99.

²⁸ «... Si j'avais su l'allemand», пишет г-жа Бальзак дочери из Дрездена 9 мая 1850 г. (Bouteron, II, 45). По словам племянницы и воспитанницы Ганской — Катерины

Радзивилл, тетка ее навсегда сохранила некоторый иностранный акцент в своей французской речи. (Catherine Radziwill, *Les derniers jours de m-me de Balzac*.—«Revue mondiale», 15 février 1927, 333). Сама Ганская признавала это. Предлагая в 1851 г. молодому писателю Шанфлэри выправить написанное ею продолжение «Крестьян» Бальзака, она пишет ему: «Сколько бы я ни была француженкой по закону и по сердцу, у меня всегда останется в писаниях, как и в речи, легкий иностранный акцент, а вы могли бы «офранцузить» варварское наречие бывшей соотечественницы Мазепы». (Sproelberch de Lovenjoul, *La genèse d'un roman de Balzac*. «Les paysans», P., 1901, 306).

²⁹ «Votre fureur heraldicomane», — писал ей Бальзак. — *Lettres à l'Etrangère*, I, 236.

³⁰ *Correspondance*, II, 204.

³¹ *Lettres à l'Etrangère*, III, 160.

³² «La grrrande Comédie», comme vous dites en vous moquant de votre pauvre esclave...» *Lettres à l'Etrangère*, II, 83.

³³ Banville (Théodore de), *L'Aube romantique*.

³⁴ *Lettres à l'Etrangère*, I, 293, 178, 406.

³⁵ *Correspondance*, II, 380.

³⁶ Rzewuski (St.), *Le mariage de Balzac*.—«Nouvelle Revue», 15 janvier 1906, 193—195.

³⁷ *Lettres à l'Etrangère*, III, 5.

³⁸ Дата рождения Ганской установлена Korwin-Piotrowska (см. ее книгу, 20—21, прим.).

³⁹ Floyd, 194. Автор пользовался непосредственными указаниями племянницы и воспитанницы Ганской, Катерины Радзивилл.

⁴⁰ В письме к Зюльме Карро из Женевы 30 января 1834 г. Бальзак называет Ганского «крупным землевладельцем, у которого можно изучать природу на протяжении сотни тысяч арпанов леса».—*Correspondance avec Zulma Carraud*, 199.

⁴¹ Приводим тексты «предбрачной сделки» и «пожизненной записи»:

Перевод с польского:

№ 692. Выпись из книг Житомирского уездного суда 1819 г., мая месяца 2 дня.

Копия с предбрачной сделки графами Адамом и Юстиной Ржевусскими с помещиком Вацлавом Ганским 7 февраля 1819 года заключенной в том, что они графы Ржевусские соглашаясь выдать дочь свою Еву Констанцию в замужество за него Ганского, определили для нее приданого 200 тысяч злотых и на экипировку 40 тысяч злотых; по получении этой суммы 240 тысяч злотых, Ганский обязался судебным порядком заквитовать Ржевусских и оную [сумму] для будущей своей жены обеспечить на вотчинном своем имении формальным порядком; сверх сего будущие супруги обязались пред ближайшими земскими актами записать общее пожизненное право на имение как наследственное, так и могущее поступать в их владение.

Эта предбрачная сделка 2 мая 1819 года адвокатом Змиевским явлена в Житомирском уездном суде и выпись с оной дворянином Шостаковским 11 апреля 1825 года представлена для записи в книги Киевской гражданской палаты.

№ 705. Выпись из книг Житомирского уездного суда 1819 г., мая месяца 13 дня.

Пред актами Житомирского уездного суда и предо мною, вице-регинатом присяглым тех же акт, Августином Якубовским являсь лично помещики: бывший волынский губернский предводитель дворянства и кавалер орденов св. Анны, св. Владимира и св. Ивана Иерусалимского, Вацлав Ганский и Ева Ганская, урожденная графиня Ржевуская, будучи здоровы телом и умом настоящею обоюдною пожизненною записью добровольно сознали, что они, сознавающие сходно предостережению предбрачной сделки между сенаторами империи Адамом и Юстиною из Рдултовских графами Ржевусскими супругами с одной, а помещиком Вацлавом Ганским... и кавалером с другой стороны, заключенной в Погребыщах настоящего 1819 года февраля 7 дня, предположили совершить между собою обоюдную пожизненную запись и вслед за сим помещик Вацлав Ганский, исполняя обязательства упомянутой предбрачной сделки, а более доказывая приверженность к супруге своей Еве из графов Ржевусских Ганской, вотчинные свои имения, как то: ключ Пулинский, состоящий Волынской губернии в Житомирском уезде, ключ Верховенецкий, Киевской губернии в Сквирском уезде и ключ Гарностайпольский той же Киевской губернии в Радомысльском уезде положенные, ничего из оных не исключая со всеми реманентами, доходами равно всякие денежные суммы где-нибудь находящиеся и еще за волею господнею собраться могущие, серебра, мебели, на случай прежней кончины его Вацлава Ганского записываем и подвергаем пожизненному владению Евы из графов Ржевусских Ганской, и что она, Ева из графов

Ржевусских Ганская, до самой продолжительной жизни своей поясненными имениями и всем вообще движимым и недвижимым имуществом будет в праве владеть и распоряжаться, доходы получать, всех польз искать и все то в свою же пользу обращать, а то без всякого от кого-либо препятствия предостережет, а если бы по воле господней Вацлав Ганский с кончиною своей, оставив детей, прижитых с упомянутой женой своей Евою из графов Ржевусских, в таком случае возлагает на нее обязанность за достижением теми ж детьми совершеннолетия освободив из под пожизненных прав своих половину из целого имения со всеми реманентами, уступить им таковые, буде же они дети прежде достижения совершеннолетних лет, или же по завладению половиною имения кончили жизнь, тогда уступленное им имение возвратиться должно в пожизненное ее же Евы из графов Ржевусских Ганской владение.

Равным образом помещица, Ева из графов Ржевусских Ганская, исполняя обязательства предбрачной сделки и желая доказать преданность к мужу своему Вацлаву Ганскому, на случай прежней смерти от мужа, предоставляет пожизненному владению мужа Вацлава Ганского суммы свои, то есть как приданную по предбрачной сделке значущуюся, так и всякое прочее имущество, из какого бы ни поступили источника, и дает ему совершенное право до кончины его таковыми суммами и всем имуществом, какое бы в течение жизни достаться могло Еве Ганской по наследству, распоряжаться, доходы получать и те употреблять в свою пользу.

Таким способом обеи сознавающие исполнив взаимные относительно себя обязанности сию обоюдную пожизненную запись заверяют сдержать, а то силою добровольного своего сознания.

Вацлав Ганский, Ева из графов Ржевусских Ганская.

«Дело гражданского департамента Государственного совета о пожизненной записи, составленной помещиком Вацлавом Ганским и женою его Евою, урожденной графиней Ржевуской». Началось 20 ноября 1843 г. — кончено 17 января 1844 г. На 45 листах. Ленинградское отделение Центрархива (ЛОЦИА).

К л ю ч о м называлось в старину в западных губерниях России «поместье из нескольких сел и деревень с местечком; ключ разделен на фольварки и управляется ключовитом, головою»; в более общей форме «замежованные под одну межу земли, селения; волость, вотчина». (Д а л ь В., Толковый словарь живого великорусского языка, П. — М., 1905, II, 307). «В больших имениях, которых владельцы польского происхождения, сохранился старинный польский порядок управления имениями; они разделяются обыкновенно на ключи, в которых учреждаются ключевые управления, подчиненные главноуправляющему всем имением» (Ф у н д у к л е й И. Статистическое описание Киевской губернии, П., 1847, II, 257).

⁴² Bouteron, I, 2.

⁴³ П у ш к и н, Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, М. — Л., 1926, I, 56: «Я имел о вас известия, мне передавали, что Атала Ганская превратила вас в несносного фата...». Следует исправить обычное указание, что в конце 40-х годов Ганская получила прозвище Атала по одному из персонажей водевиля «Скоморохи» («Les saltimbanques») Дюмерсана и Варена (Bouteron, 20—21). Водевиль этот был поставлен впервые в театре «Варьетэ» 25 января 1831 г. (Ceuvres complètes (Conard), XIX, 374), между тем Пушкин называет Ганскую «Аталой» уже в октябре 1823 г. Очевидно, в момент шутивого переименования всей верховенской семьи (Бальзак — «Бильбоке», Мнишек — «Гренгале», Анна — «Зефирина») сама Ганская предпочла взять свое старинное романтическое прозвище.

⁴⁴ И к о н н и к о в В. С., Киев в 1654—1855 гг. Исторический очерк. Киев, 1904, 328—330.

⁴⁵ Lettres à l'Étrangère, I, 304, 306, 309, 516.

⁴⁶ Floyd, 232.

⁴⁷ Ответ Бальзака воспроизведен факсимиле у Lovenjoul, Un roman d'amour, P., 1896. — Газета «La Quotidienne» была основана в 1792 г. для борьбы с революцией и неизменно сохраняла в течение полувека крайне реакционное направление. В эпоху Реставрации она стала органом партии «ультрароялистов», при Луи-Филиппе отстаивала насильственные меры для торжества «легитимизма». Контрреволюционная программа органа была причиной разрешения его в николаевской России, где из французских газет получались еще «Le Moniteur Universel», «Le Journal des Débats», «L'Echo Français». Мы видели выше, что «Quotidienne» обслуживала царское правительство, и парижский представитель России Киселев помещал в этой газете опровержения книги Кюстина.

Судя по письму Ганской, «La Quotidienne» выписывалась в Верховню. Газета эта неоднократно называется в произведениях Бальзака (см., например, «Бал в местечке Со», «Дочь Евы», «Покинутая женщина», «Беатриса» и др.).

⁴⁸ Племянница Ганской, Катерина Радзивилл, уверяет, что первые письма ее тетки к Бальзаку были написаны ее братом, писателем Генрихом Ржевусским, под ее диктовку (Floyd, 267). Свидетельство это не заслуживает доверия. Катерина Радзивилл пустила в оборот немало ложных слухов и подложных писем в целях наивной реабилитации Ганской (см. ниже, прим. 51-е). Генрих Ржевусский был писателем; либо он самостоятельно написал эти письма, либо он их совсем не писал. Наивный, «женственный» стиль их исключает первое предположение. Следует думать, что Ганская продиктовала свое первое письмо своей доверенной и другу — гувернантке Генриетте Борель.

«По первым же письмам Ганской к Бальзаку, — замечает Гюг Ребель, — видно, что она ничего не поняла в мужественном гении романиста. Ее неприятно поразила «Шагреневая кожа», ее возмутили «Озорные сказки». По обоим сохранившимся письмам «иностранки» можно заключить, что они написаны женщиной не высокого ума; в них чувствуются только экзальтированность мысли, претенциозность и распылчатая мечтательность». Rebell (Hugues), *Les inspiratrices de Balzac, Stendhal, Mérimée*, P., 1902, 31—33.

⁴⁹ Bellessort (André), *Balzac et son œuvre*, Perrin, P., 1924, 113.

⁵⁰ *Lettres à l'Etrangère*, I, 44.

⁵¹ Катерина Радзивилл опубликовала в американском журнале «Forum» (1925, I, 40—49; II, 189—196) 17 писем Ганской к ее брату Адаму Ржевусскому. Они были перепечатаны «Revue hebdomadaire» (1924, 20 декабря) и даны полностью в приложении к книге Floyd (283—311). Все эти письма, несомненно, подложны и сочинены из своеобразных родственных побуждений реабилитации. Публикаторша сообщает, что лишена возможности произвести фотографические снимки с писем, так как оригиналы их находятся в Европе и почему-то недоступны для племянницы Ганской, специально изучающей биографию своей знаменитой тетки. «Стиль этих писем, — предусмотрительно заявляет К. Радзивилл, — может показаться осведомленному читателю несхожим с опубликованными ранее письмами Евы Бальзак, но нужно иметь в виду, что это интимные письма, написанные сестрой брату...». Между тем, письма, опубликованные К. Радзивилл, совершенно лишены интимной живости тона — это литературные статьи о Бальзаке и его творчестве, явно сочиненные в нашу эпоху. Автор этих писем — якобы, г-жа Ганская — в духе позднейшей критики сравнивает «гиганта» Бальзака с Сен-Симоном, сравнивает «Человеческую комедию» с «Речью о всемирной истории» Боссюэ, делает замечания о необузданном воображении Бальзака, предсказывает будущий рост его славы. Между тем, из подлинных писем Бальзака мы узнаем, что Ганская подсмеивалась над грандиозным планом «Человеческой комедии», иронизировала над замыслами своего друга и, видимо, не отдавала себе правильного отчета о размерах и значении его творчества. Письма, опубликованные Радзивилл, — это защитительная речь в пользу Ганской, построенная на следующих тезисах: 1) Ганская была несчастна в первом браке, и этим оправдывается ее обращение к Бальзаку; 2) Бальзак был в жизни мешанин, не умевший даже прилично есть в обществе, и это должно было отталкивать от него аристократку Ганскую, глубоко, впрочем, оценившую его гений писателя; 3) во время полуторагодовой жизни Бальзака на Украине Ганская не допускала с ним совместной «супружеской» жизни, и отношения их ограничивались, согласно предписаниям высшего света, исключительно совместными чтениями и беседами; 4) за право овенчатся с Бальзаком Ганской пришлось вести отчаянную борьбу со всеми своими родственниками — братьями, сестрами, тетками, и это должно было сильно отравить и подорвать ее доброе отношение ко второму мужу. Все эти тезисы либо совершенно неверны, либо крайне преувеличены.

⁵² Floyd, 196.

⁵³ *Lettres à l'Etrangère*, I, 45.

⁵⁴ Boy-Zelenski, *Une lettre inédite de m-me Hanska.* — «Pologne littéraire», 15 sept. 1934.

⁵⁵ Spoelberch de Lovenjoul, *La genèse d'un roman de Balzac. Les paysans*, Paul Ollendorf, P., 1901, 7.

⁵⁶ «Библиотека для Чтения», 1850, X.

⁵⁷ *Lettres à l'Etrangère*, II, 90.

⁵⁸ «Хорошо было бы уже загодя иметь свидетельство о смерти г. Г[анского]», — пишет Бальзак Ганской 22—25 июня 1846 г. И в письме через несколько дней: «С теми бумагами, о которых я говорю, с твоей метрикой, брачным свидетельством и свидетельством о кончине г. Г[анского] нас смогут овенчать в каком-нибудь пограничном городке, это не подлежит сомнению» (*Lettres à l'Etrangère*, III, 269, 280).

⁵⁹ Упомянутое выше дело гражданского департамента Государственного совета (ЛОЦИА).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕТЕРБУРГ

1. ОБЛИК НИКОЛАЕВСКОГО ПЕТЕРБУРГА.—ВПЕЧАТЛЕНИЯ БАЛЬЗАКА. БЕРЛИН И ПЕТЕРБУРГ В ЕГО ПИСЬМАХ.—ЗНАКОМСТВО С РУССКИМ БЫТОМ. II. ПИСЬМО М. Д. НЕССЕЛЬРОДЕ О ПРИЕЗДЕ БАЛЬЗАКА.—РЕШЕНИЕ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ИГНОРИРОВАТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТОРА.—„Я ПОЛУЧИЛ ПОЩЕЧИНУ, ПРЕДНАЗНАЧЕННУЮ КЮСТИНУ“.—БАЛЬЗАК И НИКОЛАЙ I.—КЮСТИН, КНЯЗЬ КОЗЛОВСКИЙ И БАЛЬЗАК.—ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПАРАД В КРАСНОЕ СЕЛО. III. СДЕРЖАННОСТЬ РУССКОЙ ПЕЧАТИ К БАЛЬЗАКУ ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ.—„ЛИСТОК ДЛЯ СВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ“.—СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ „СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ“.—IV. КРУШЕНИЕ МАТРИМОНИАЛЬНЫХ ПЛАНОВ БАЛЬЗАКА.—ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФРАНЦУЗСКОЕ ПОСОЛЬСТВО, ПАВЛОВСКИЕ КОНЦЕРТЫ, МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТР, ГОСТИНЫЕ.—ЗНАКОМСТВО С О. А. ЖЕРЕБЦОВОЙ.—СЕМЕЙСТВО СМИРНЫХ. V. ВСТРЕЧА БОДЕСЛАВА МАРКЕВИЧА С БАЛЬЗАКОМ И ГАНСКОЙ.—ЗАРИСОВКА „С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ“.—ГОЛУБОЙ САЛОН ОКНАМИ НА НЕВУ.—РАЗОЧАРОВАНИЕ БАЛЬЗАКА В РОССИИ.—ЕГО ПОЗДНЕЙШИЙ ПЛАН СТАТЬ ПОСЛОМ ФРАНЦИИ В ПЕТЕРБУРГЕ

I

Представший взгляду Бальзака Петербург архитектурно совпадал с описанием города в прологе «Медного всадника», а в бытовом отношении с «Невским проспектом» Гоголя. Просторные ансамбли, величественные перспективы, «строгий, стройный вид», пленивший Пушкина,—чугунные ограды, береговой гранит, адмиралтейская игла и Марсово поле—все пребывало неизменным и через десятилетие, протекавшее с момента написания поэмы. Это был сравнительно новый Петербург, недавно лишь принявший в своих главных частях стиль классического зодчества, а в своем уличном быту—обличье николаевской империи. В начале 30-х годов Росси закончил постройку зданий Сената и Синода, Александринского театра с Театральной улицей и Публичной библиотеки. Незадолго перед тем он завершил оформление Дворцовой площади сооружением арки Главного штаба. В момент приезда Бальзака шла постройка постоянного моста через Неву и перекрытие Крюкова и Адмиралтейского каналов. Исаакиевский собор уже принял вчерне свои очертания. На цоколях египетских сфинксов у Академии художеств только что были высечены новые надписи. В своих письмах к Ганской Бальзак вспоминает место их прогулок—маленький сквер, который «с такой тщательностью разбивают перед Троицким мостом, но где пока красуются только веники, подающие надежду стать когда-нибудь деревьями»¹. Жизнь вокруг показалась ему глубоко скованной. Он, видимо, сразу ощутил ту зловещую чинность и регулярность «главной коммуникации» Петербурга, ужас которой так гениально запечатлел в своей городской новелле молодой Гоголь.

Бальзак жил в самом парадном районе николаевской столицы, рядом с дворцами и посольствами, в первой Адмиралтейской части, где не было ни одного деревянного дома, на Большой Миллионной улице, где после пожара 1737 г. петербургские богачи стали строить свои хоромы.

Он особенно любил Дворцовую набережную, куда выходили окна гостиной Ганской, и мост перед Эрмитажем, по которому должен был часто сопровождать свою даму. Вскоре по возвращении в Париж, 20 ноября 1843 г., Бальзак пишет Ганской, что часто разворачивает план Петербурга в своем экземпляре «Guide du voyageur à St.-Pétersbourg», «рассматривает на карте Дворцовую набережную и долго любуется гравюрой, изображающей эту набережную и мост перед Эрмитажем»².

О впечатлениях Бальзака от Петербурга мы можем судить по письму его к Ганской из Берлина на обратном пути во Францию от 14—17 октября 1843 г. Сравнение прусской столицы с только что оставленной царской

резиденцией дает представление об этих путевых впечатлениях французского романиста. Тип города и характер населения схвачены живо и верно.

«Угрюмый Берлин несравним с пышным Петербургом. Прежде всего можно было бы выкроить десятка два таких мелких городков, как бранденбургская столица, из территории великого города обширнейшей из европейских империй, после чего ему бы осталось еще достаточно застроенного пространства, чтобы покрыть двадцать маленьких Берлинов, выкроенных из его безграничных просторов. Но на первый взгляд Берлин кажется более заселенным, ибо я видел несколько прохожих на улицах, чего вы не часто увидите в Петербурге! Пространства застроены с расчетом выделить красоты города, и этой хитрости, вероятно, Берлин обязан впечатлением большей населенности, чем Петербург; я бы сказал, большего о ж и в л е н и я, если бы речь шла о другом народе»³.

Из этой сравнительной характеристики двух столиц видно, что Бальзак почувствовал и оценил величественный стиль Петербурга, размах его планировки и торжественность архитектуры. Но одновременно ощутил и мертвенную скованность населения, по стиху Пушкина: «гнет, неволи, строгий вид...».

От его наблюдательного взгляда не скрылась и неприглядная изнанка Петербурга—черные дворы, запущенный конец Невского, переходящий в грязное предместье, какие-то характерные и отталкивающие черты большого скученного города, которые вскоре выступят в повестях русских учеников Бальзака—в физиологических очерках и зарисовках натуральной школы.

Бальзак прибыл в Петербург в пасмурный прохладный день. Солнце не встретило его в северной столице и не выглянуло в течение всего дня: склонный верить в приметы, Бальзак мог истолковать это, как некоторое предзнаменование⁴.

Он сразу же вступил в бытовые условия российской действительности; в первых же его петербургских записках к Ганской имеются упоминания о русских постелях, насекомых, хозяйках и слугах.

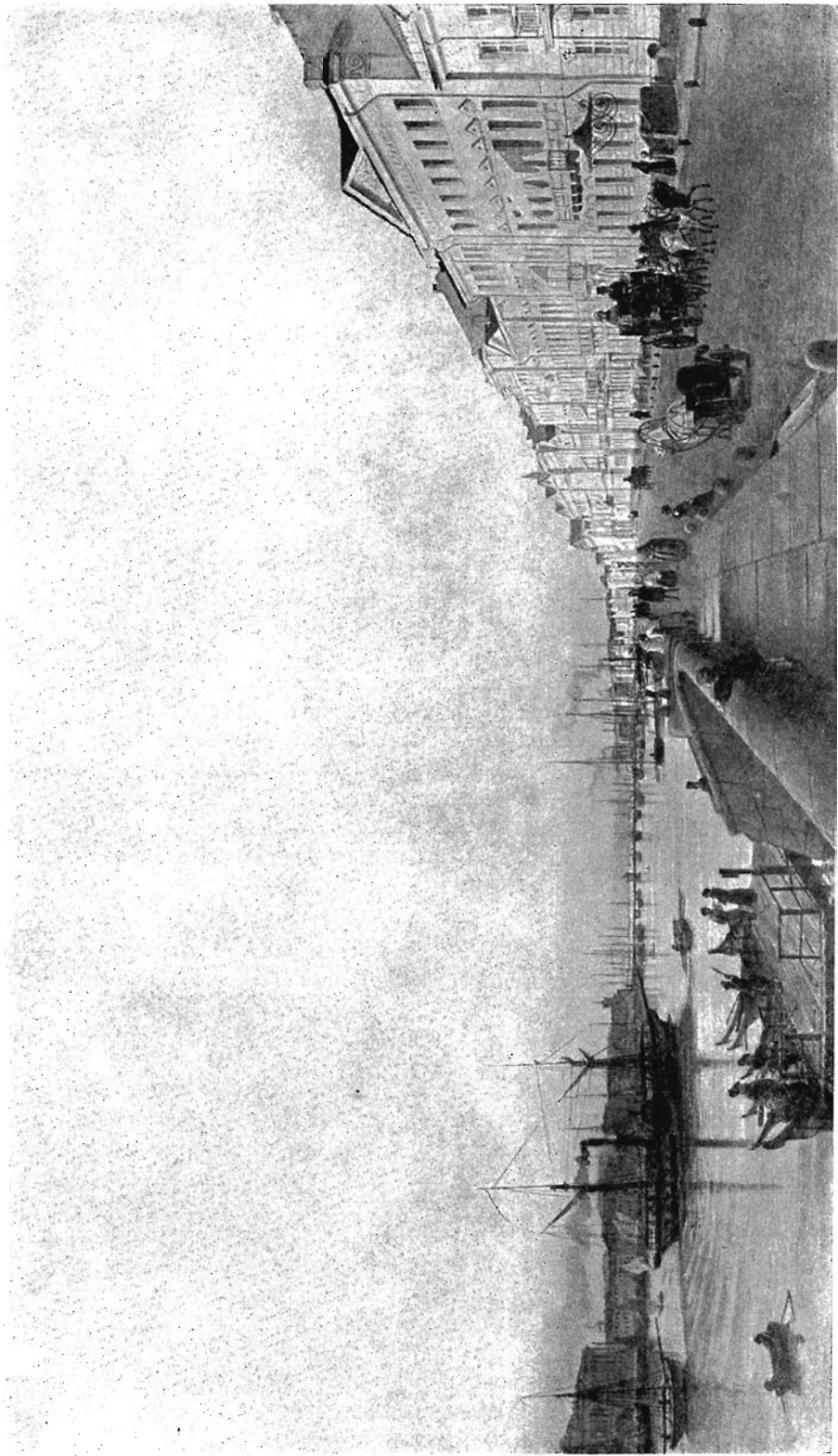
Ганская, видимо, предоставила ему в полное распоряжение своего лакея Леона, который с грехом пополам объяснялся по-французски. Бальзак шутя называл его в своих письмах Леонэ-Леони, по роману Жорж Санд. Писатель поселился против дома Кутайсова, где проживала Ганская, в доме Титова, повидимому, у некоей *madame Tardif*, упоминаемой в одной из следующих записок⁵.

Пребывание в Петербурге оказалось для Бальзака, как почти все этапы его жизненного пути, рядом глубоких разочарований. Его надежды и ожидания рухнули сразу во всех направлениях—политическом, литературном, общественном и, наконец, в самом главном для него—в плане завоевания личного счастья.

II

Через неделю после приезда Бальзака в Петербург, 24 июля 1843 г., законодательница мнений высшего столичного круга, в свое время столь ненавистная Пушкину, супруга канцлера Марья Дмитриевна Нессельроде писала своему сыну:

«Бальзак, лучше всех описавший чувства женщин, в настоящее время у нас в городе, удивленный, я думаю, что не ищут знакомства с ним. Никто, насколько по крайней мере мне известно, не сделал ни малейшей попытки

АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ В ПЕТЕРБУРГЕ
г. к ней причалил пароход, доставивший Бальзака из Кронштадта
Аквадель Э. Гертнера, 1838 г.
Эрмитаж, Ленинград

попасть к нему. В Россию его привлекла, кажется, одна польская дама, сестра графа Ржевусского, которая здесь по судебному делу, а несколько лет тому назад она с этим писателем путешествовала. Он бранит Кюстина; это так и должно быть, но не следует считать его искренним»⁶.

В Петербурге, где вся общественная жизнь строго регламентировалась органами власти, это сообщение Нессельроде свидетельствует о каких-то высших указаниях. Петербургскому свету было, очевидно, предписано игнорировать Бальзака (как незадолго перед тем представителя Франции, Казимира Перье⁷), столичной печати еле разрешалось упоминать о нем. Эта настроенная подозрительность к романисту всего официального Петербурга в значительной степени объяснялась недавним впечатлением от книги Кюстина. Бальзак *ex professo*, в качестве французского писателя, был на сильнейшем подозрении у петербургских властей и как бы отвечал перед ними за памфлет против царской России, написанный другим французским автором. Знаменитый романист в принципе считался способным на такой же выпад и не внушал ни малейшего доверия Николаю и Бенкендорфу.

По поводу отъезда Александра Дюма в Россию Жюль Жанен в 1858 г. писал: «Мы поручаем его гостеприимству России и искренно желаем, чтобы он удостоился лучшего приема, чем Бальзак... Тот явился в Россию не во-время—тотчас после г. Кюстина—и потому, как это часто случается, невинный пострадал за виновного».

«В этот приезд его в Россию ему как-то не оказали подобающего внимания, он не был принят во дворце, а следовательно, и в более богатых и знатных домах, и бедный Бальзак утешал себя тем и говорил даже об этом своим друзьям: «J'ai reçu le soufflet, qui a été destiné à Custine»⁸.

Это было весьма чувствительным ударом по всей русской программе Бальзака. Петербург интересовал его, прежде всего, как резиденция современного повелителя, наиболее напоминавшего ему Людовика XIV. Он прибыл сюда не как турист или бытописатель, а как носитель определенной политической идеологии. Не архитектура и быт Петербурга, а кулисы русской власти, принципы верховного управления, природа самодержавия в первую очередь занимали его.

Ганская всячески внушает Бальзаку «культ Романовых», прочно установившийся в ее семье после отхода Привислянского края под скипетр русского самодержца. Писатель принимает ее политическое *credo*, во многом соответствующее его сложившимся воззрениям⁹.

Большой политический труд, о котором он упоминает в своей переписке, получил впоследствии некоторое освещение в письме Ганской к Орлову. Здесь весьма категорически излагаются легитимистские воззрения Бальзака, который якобы «собирался разгромить порочное учение, вот уже сколько лет разъедающее человечество» и даже преклонялся перед Николаем I, личность которого «успокаивала его тревоги за будущность Европы».¹⁰ Необходимо, конечно, всемерно учитывать официальный характер этого письма и высокий правительственный пост его адресата. По интимной переписке Бальзака с Ганской нетрудно заключить, что эти восхищения царем не всегда отличались полной искренностью. Национальное чувство Ганской несомненно не раз восставало против неумолимой руссификаторской политики Николая I, несмотря на охрану им ее имущественных и сословных прав. После пережитого полуофициального «бойкота» в петербургском свете, Бальзак также заметно охладевает к русскому императору.

ЗИМНЯЯ КАНАВКА

Любимое место прогулок Бальзака в Петербурге

Рисунок В. Садовникова, 1833 г.

Собрание В. К. Лавровского, Ленинград

Это отношение к Николаю I, к русской политике, к ее влиянию на международные дела неизменно сказывалось и в последующие годы. Если Бальзак прекрасно понимал, что положение Польши может изменить только русская революция, он считал всегда такой исход нереальным. В 1845 г. Бальзак писал Ганской: «Доколе будет длиться существующая система, я не предвижу для Польши ничего, кроме бедствий. Вас хотят уничтожить во что бы то ни стало... Только революции—которые невозможно ни представить себе, ни предвидеть—могут изменить пророческое слово Костюшки: *Finis Poloniae*. Я все это высказал графу [т. е. Ганскому] в Женеве (в 1834 г.), убеждал его спасти свое состояние, переведя его за границу и выбрав себе другую родину. Чем дальше, тем это становится настоятельнее. Через десять лет карта Европы будет перекроена из-за Востока. Польша станет прусской; берега Рейна—французскими; четыре княжества—австрийскими и Черное море—русским озером, а судьба мира решится, как всегда, в Средиземном море. Стать пруссаками—вот в лучшем случае ваше будущее. Все это может изменить только русская революция... [Но] русский император проживет достаточно, чтобы сделать невыносимым положение польского богача». «Император Николай хочет единства своей империи во что бы то ни стало, он должен разрушить католицизм и польскую нацию. Это совершенно необходимо. На его месте, будучи русским, православным и императором, я поступил бы точно так же. Он ничего не может предпринять с таким ядром у ноги, как Польша, особенно же с другим ядром—Кавказом»... И, переходя к семейным делам, Бальзак заключает: «Нужно защищать состояние. Мнишек, которого я лично не знаю, поли-

тически неприемлем, как всё, что имеет отношение к королевской власти старой Польши...»¹¹.

Несмотря на такой «легитимизм» Бальзака и его полную солидарность с верноподданностью Ганской, Николай I до конца сохранил к французскому писателю позицию неприступности. Через несколько лет это создало ряд осложнений в матримониальных планах великого романиста.

Из своего прекрасного парижского далека Бальзак представлял себе Россию в неясных очертаниях. Вот почему он мог допустить, что царь лично займется наследственной тяжбой Ганской или приблизит его к своему двору в качестве политического советника. Между тем, ему было известно, что ряд его книг запрещен в России. В марте 1835 г. он пишет Ганской: «Русский император запретил «Горио», вероятно, из-за личности Вотрена». По поводу «Серафиты» и «Луи Ламбера», составляющих «Мистическую книгу», он заявляет в октябре 1835 г. Ганской: «Император Николай не запретит для вас этих книг». Бальзак ошибался: он не предвидел всей сложности в установках царской цензуры. «Мистическая книга» была запрещена Комитетом иностранной цензуры в 1836 г. на том основании, что мнения героев книги и самого автора «могут подать повод к предположениям, противным истинной вере»¹².

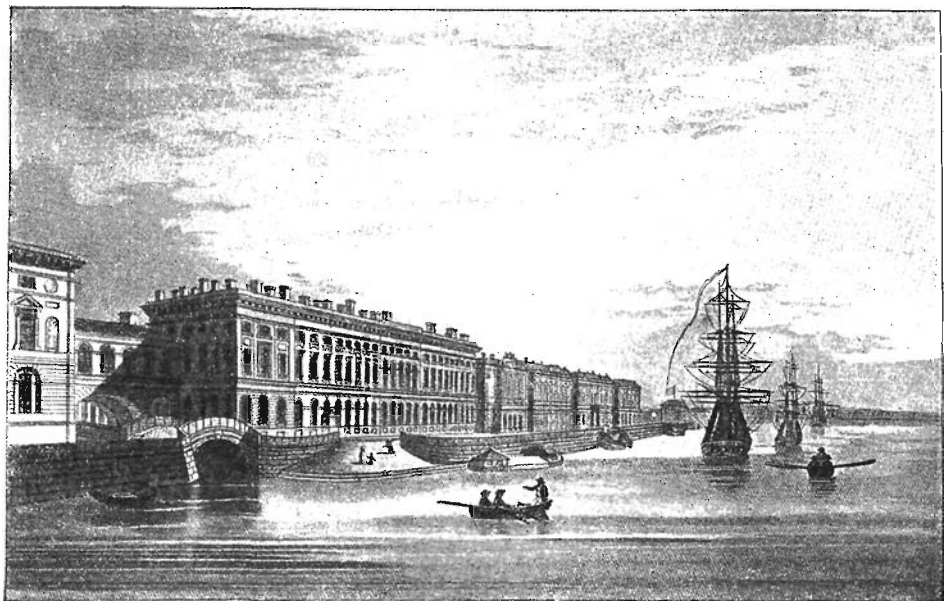
За десять недель своего пребывания в Петербурге Бальзаку пришлось во многом разочароваться. Впоследствии он занес в свою запись о путешествии в Россию несколько горестных впечатлений, облеченных, впрочем, в достаточно юмористическую форму:

«Немало глупцов утверждало, что его величество император всероссийский возымел мысль опровергнуть книгу г. де Кюстина каким-либо французским пером и предложил мне за это достаточное количество крестьян во время моего пребывания в Петербурге. Заявляю поэтому, что мне действительно пришлось видеть императора Николая на расстоянии пяти метров, что меня он никогда не видел, а стало быть, и не говорил со мной, и что, наконец, он уехал в Варшаву через шесть дней после моего приезда в его столицу,—это позволило бы мне в стиле путевых впечатлений сказать, что он бежал от меня. Далекий от мысли снабжать меня деньгами, он, напротив, забрал их у меня, чтобы отвезти меня из Петербурга в Тауроген, в карете с его гербами, запряженной подчас двадцатью лошадьми, обычно называемой во Франции мальпостом. Это случилось после того, как он разрешил мне пробыть шесть недель в Петербурге, где я никого не видел¹³. Все, что говорилось и писалось о красоте императора, вполне подтверждается; не существует в Европе, а стало быть, и в других частях света человека, которого можно было бы сравнить с ним. Ледяное выражение лица вызывается им намеренно, ибо он может, подобно Наполеону, обворожительно улыбаться. В наши дни император Николай—единственный представитель власти, как ее изображает «Тысяча и одна ночь». Это—калиф в мундире. Падишах Стамбула в сравнении с русским царем—простой супрефект. Я жалею, что не мог наблюдать это великое явление древности, уничтоженное англичанами в Азии и повсюду, куда шагнула с аршином в руках Ост-Индская компания: ведь единовластие настолько ослабело в Персии, что Китай и Япония являются теперь единственными странами, повелитель которых имеет такое же значение, как и в России»¹⁴.

А, между тем, Бальзак действительно имел намерение выступить с опро-

вержением Кюстина. В своем неоконченном «Письме о Киеве» он довольно обстоятельно высказывается «насчет книг, опубликованных до сих пор о России». «Заявляю во всеуслышание,—пишет Бальзак,—что никто из авторов этих сочинений не был в России. Коммерсанты-французы, развернувшие свою деятельность в разных русских городах и в различных частях империи, все становятся русскими, и по возвращении во Францию они не высказывают ничего, что не было бы в пользу императора и русского народа. С ними, поэтому, не приходится считаться. А для комми-вояжеров идей, для любопытных Петербург и Москва исчерпывают всю Россию. Они торопятся осмотреть обе столицы, соединенные превосходной дорогой в шестьсот верст, и воображают, что они осмотрели Россию. А, между тем, они видели Россию как те, кто, побывав в Кантоне, видели весь Китай; по возвращении в их описаниях на одно правильное наблюдение приходится сотни вымыслов о государстве более обширном, чем римская империя эпохи Августа. Таково мое мнение о знаменитом произведении г. де Кюстина. Если изъять из этой книги все мысли князя Козловского, чье имя можно назвать, ибо он умер, если обойти две или три романических версии, сообщенных для нее самим императором, в ней останутся только эпиграммы о неизбежных явлениях, порожденных климатом, ряд совершенно ошибочных мнений о политике, описание русского великолепия и ряд общих мест в чрезвычайно нарядном облачении. Г-жа де Сталь в некоторых страницах своего «Десятилетия в изгнании» лучше описала Россию, нежели это сделал г. де Кюстин»¹⁵.

Упомянутый здесь князь Петр Борисович Козловский принадлежал к парижским знакомым Бальзака; о нем романист сообщает в январе 1838 г. Ганской: «Вы, вероятно, слышали об этом чрезвычайно остроумном дипломате, который находится с князем Паскевичем в Варшаве»¹⁶. О Козловском

ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ И МОСТ ПЕРЕД ЭРМИТАЖЕМ

Гравюра из „Guide du voyageur à Saint-Petersbourg“, упоминаемая Бальзаком в письмах к Ганской

сохранились весьма хвалебные отзывы Вяземского, Плетнева и даже Пушкина, который обратился к нему с фрагментом:

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов Англии, любовник муз латинских...

Знаток римских поэтов, Козловский особенно ценил Ювенала и горячо рекомендовал Пушкину переводить его. Кюстин в начале своей книги рассказывает о встрече на палубе парохода с русским вельможей князем К., который совершенно увлек его своей беседой, политическими анекдотами, тонкими суждениями, меткими характеристиками. Бальзак дружил и с дочерью Козловского «от его непризнанного брака» — Софьей, или Soffka, с которой переписывался¹⁷.

Придворные круги Петербурга, обжегшись на приеме Кюстина, официально игнорировали Бальзака. Не без иронического намека романист шутил в одной из своих петербургских записок к Ганской: «Русский император расценил меня в 32 рубля, что и было сообщено мне посланным Бенкендорфа, вручившим мне вид на жительство»¹⁸. Есть, впрочем, косвенные указания, что, несмотря на внешнюю позицию индифферентизма, Николай I не отнесся вполне безразлично к пребыванию Бальзака в Петербурге. В архиве Ганской сохранилось письмо к ней княгини Разумовской из Петергофа от 19 июля 1843 г. «Я узнала вчера от императора, что некий классический автор, который, на мой взгляд, наилучшим образом понял и изобразил женское сердце, только что прибыл к нам. Это не любопытствующий путешественник, который является для памфлетического описания страны, это художник совершенной женщины, явившийся сюда, чтобы освежить свой дар приближением к одной из них». Здесь и намек на книгу Кюстина, и прямое указание на интерес Николая I к приезду Бальзака¹⁹.

Единственная любезность, оказанная Бальзаку правительством, не носила официального характера. На одном парадном обеде Бенкендорф спросил Льва Нарышкина, знаком ли он с Бальзаком. Тот отвечал, что он лично его не знает, но хорошо знаком с лицом, которое постоянно встречается с романистом. «В таком случае, предложите г. де Бальзаку приехать завтра на парад в Красное село в 10 часов утра. Пусть явится от вашего имени в двухэтажный дом против церкви, где квартирует свита императора, и тогда вы его приведете ко мне, где ему будет приготовлен экипаж»²⁰. Следует думать, что приглашение Бенкендорфа исходило от самого Николая I, который чрезвычайно любил щеголять перед иностранцами выправкой своих войск. На этом параде 9 августа 1843 г. Бальзак и видел Николая I «на расстоянии пяти метров».

Этим ограничились знаки внимания, оказанные французскому автору петербургским двором.

III

Такая позиция правящих кругов определила крайнюю сдержанность русской печати к Бальзаку за все время его пребывания в России.

Интерес к жизни и личности Бальзака сказывается в ряде статей русской журналистики 30-х годов. «Оказывается, что он жил весьма роскошно, — резюмирует содержание этих очерков историк русской печати того времени. — Обстановка его комнат составляла предмет всеобщих толков в Париже. Он носил черный фрак, столь же фантастический, как его

ДОМ В КОТОРОМ ЖИЛ БАЛЬЗАК
В ПЕТЕРБУРГЕ

Быв. дом Титова на Б. Миллионной
Верхний этаж—позднейшей надстройкой

С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“

Снято весной 1937 г.

сказки на манер Рабле. Длинные волосы упали по плечам. Визиты своих поклонников он принимал в великолепном будуаре. В этом святилище он покоился на широком диване, завернувшись в широкий халат из белой фланели, с золотыми кистями и с малиновым бархатным капюшоном, который прикрывал его голову. У Бальзака были три замечательные трости. По трости легко можно было узнать его на улице»²¹.

О степени популярности у нас Бальзака в 30-е годы можно судить по любопытной статье, появившейся в «Современнике» 1838 г. за подписью Ничипор Кулеш и под интригующим заглавием: «Бальзак в Херсонской губернии» (как известно, французский романист никогда не заезжал туда).

«Дамы Херсонской губернии сходят с ума по Бальзаку,—читаем здесь.— Произнесите имя французского новеллиста—и вы увидите, до какой степени может воспламениться херсонская аристократка. Вам расскажут по хронологическому порядку все его произведения, все действующие лица, все сильные места. Когда вам начнут напоминать сцены из частной жизни Евгении Гранде, «Шагреневую кожу», тогда запрячьте ваше сердце дальше, как можно дальше—вы влюбитесь, непременно влюбитесь в рассказчицу...». Когда в газетах появилось известие, что Новороссийский край посетит маршал Мармон, тотчас же пронесся слух, что «для составления живописного описания путешествия» маршала будет сопровождать Бальзак. Мармон действительно посетил Херсон и Одессу в сопровождении какого-то господина, которого приняли за Бальзака. «Хотя блеск нашего просвещения сосредоточивается в Петербурге и Москве,—говорит воображаемому Бальзаку его провинциальная русская поклонница,—но я назову вам более ста дам нашей губернии, которые

прочитали каждое прекрасное ваше произведение». После ряда забавных *qui pro quo* выясняется, что воображаемым Бальзаком является доктор Руго. Но автор этой корреспонденции утешает провинциальных читателей: «Я слышал, что Бальзак очень завидовал Руго, когда он по возвращении в Париж рассказал ему встречу на Буге. Желая быть признательным за приготовленный для него прием, он начал повесть, в которой главное действующее лицо—херсонская помещица. Теперь он остановился за нравами и местностью, для изучения которых в настоящем или будущем году непременно явится в Новороссию»²².

Бальзак, как мы знаем, действительно собирался побывать в Одессе (и впоследствии хотел посетить Крым, кавказское побережье, Тифлис и особенно Москву). Все это осталось в плане его неосуществленных желаний. Но по приведенным материалам можно заключить, что его книги уже в то время проникли во все углы России, возбуждая в читательских кругах живой интерес к личности их автора. Сам Бальзак сообщал подчас факты своей широкой популярности в России, впрочем, нередко явно анекдотические. Таково его сообщение из Верховни: «Какой-то богатый мужик (*un riche moujik*) прочел все мои произведения, ставит во здравие мое по воскресеньям свечу св. Николаю и даже обещал деньги людям сестры г-жи Ганской, чтобы только взглянуть на меня»²³. Трудно допустить, чтобы русские журналы, в которых печатались переводы Бальзака или отдельные издания его произведений, проникали в такую глушь, как украинские деревни, при отсутствии в тогдашней России железных дорог, при почти поголовной неграмотности крепостного крестьянства.

«*Journal de Saint-Petersbourg*» ничем не отмечает приезда знаменитого романиста; только в отделе объявлений встречается изредка его имя: книжные магазины извещают о поступивших в продажу книгах Бальзака, да какой-то скульптор предлагает публике бюсты и барельефы различных знаменитостей, в том числе и автора «Евгении Гранде»²⁴.

Во всех петербургских газетах заметки о прибытии «Девоншира» помещаются без указания, что среди пассажиров находится и знаменитый романист. Это вызвало вскоре специальную статейку в малораспространенном издании «Листок для светских людей», указавшем на странное умолчание печатью факта прибытия Бальзака в Петербург. В июльском выпуске издания появилась статья:

ПРИЕЗД БАЛЬЗАКА

Одна из самых любопытных статей в объявлениях наших ведомостей, без сомнения: *П а р о х о д с т в о*, известия о прибытии и отбытии пароходов, с показанием главных пассажиров.

В одном из последних номеров ведомостей было напечатано: «Того же числа (т. е. 17-го июля) прибыл пароход *Девоншир* из Лондона, с 20-ю пассажирами».

И только! Да и стоит ли распространяться? В числе этих пассажиров все народ простой, и еще какой-то Француз с премудреной фамилией, а при нем отметка: *homme de lettres*. Нужно ли объявлять об *homme de lettres*? Что за **важная** такая особа *homme de lettres*!.. По-боку его!

А этот *homme de lettres*,... никто иной, как знаменитый Бальзак, автор «Евгении Гранде» и «Отца Горно», один из главнейших литераторов нынешней Франции, глубокий знаток сердца человеческого, романист увле-

сательный, все сочинения которого известны почти наизусть всему нашему высшему обществу, всем любителям увлекательного чтения!

Вот что напечатано о его отъезде из Парижа в одном из последних номеров «Journal des Débats»: «Бальзак уехал в Петербург. Его побудило к этому путешествию расстроенное здоровье. Говорят, что он отказался от всех предложений, сделанных ему многими издателями, на счет обнародования наблюдений его в странах, по которым он проедет, так как единственной целью его поездки отдохновение, необходимое после многолетних занятий». Сказывают, что он проведет у нас всю будущую зиму²⁵.

Через пять дней, 22 июля/5 августа, «Северная Пчела», наконец, сообщает:

«Прежде всего поделимся с читателем известием, любопытным для всех любителей литературы,—на пароходе Д е в о н ш и р, прибывшем из Лондона и Дюнкирхена в прошлую субботу 17 числа, приехал известный французский писатель Бальзак. Говорят, что он намерен провести у нас всю зиму... На первый случай не можем сообщить ничего более этого»²⁶.

Через несколько дней газета печатает большую статью о новейшем французском романе, в котором творчество Бальзака подвергается довольно суровой критике.

«Г-н де Бальзак», посетивший теперь наш Петербург, как говорят для отдыха и поправления здоровья,—гораздо выше Сулье, но его последнее произведение носит отпечаток промышленности. Прежний гений уступил место спекуляциям, жадность к славе подавлена чувством, управляющим

„ПРИЕЗД БАЛЬЗАКА“

Статья в „Листке для светских людей“
от 24 июля 1843 г.

всеми делами общества. Так кого же винить? Верно не его. Он должен повиноваться своему веку». Следует ироническая критика произведений Бальзака: «*La ténébreuse affaire*», «*Honorine*», «*Dinah Piedefér*»²⁷. «Оставим, однако, европейскую знаменитость,—заключает рецензент.—У Бальзака столько обожателей в читающем мире, что голос одного неизвестного рецензента не тронет его, а всего вероятнее и не дойдет до него. У нас же талант его верно еще в большем уважении, нежели в самой Франции, и мы вовсе не намерены поколебать чьей-то веры в дарование этого писателя. Напротив, от всей души сознаемся, что видим в нем одного из лучших романистов нашего века. «*Eugénie Grandet*», «*Ne touchez pas à la hache*» [первоначальное заглавие «*Histoire des Treize*»], «*Un des Treize*» и множество других романов доставили автору неувядаемый венок; но с той же откровенностью говорим мы, что *Dinah* оставляет в сердце самые неприятные чувства. Этот журналист, продающий свою любовь за деньги, самое отвратительное создание. В обществе можно отворотиться, уйти от такого человека, но роман Бальзака поневоле читаешь до конца. Зачем же подобные картины?»²⁸.

Под конец пребывания Бальзака в Петербурге «Северная Пчела» снова возвращается к его творчеству, помещая на своих столбцах маленькую антологию его афоризмов («Л ю б и м ы е в ы р а ж е н и я Б а л ь з а к а»), но попутно касаясь и большого вопроса о книгах иностранцев, посвященных России.

«Бальзак пробыл у нас месяца два—и уезжает. Многие теперь думают: что-то он напишет о России? Впрочем, это лишь литературное любопытство, с некоторого времени Россия чувствует все свое достоинство и очень мало заботится об отзывах иноземцев, зная наперед, что правды нельзя ожидать от туристов, которые сведения свои с о б и р а ю т с о с л о в п р и я т е л е й, а не по собственному изучению жизни народной и частной. Бальзак, однако, один из самых замечательных писателей Франции. Он хорошо изучил человеческое сердце, и цветистые его сентенции поневоле остаются в памяти читателей»²⁹.

Наконец, в прощальной заметке газета упоминает и тему женитьбы Бальзака, идя, вероятно, по стопам французских бульварных листков:

«Сегодня, в субботу, знаменитый Бальзак, как мы слышали, уезжает из Петербурга. Мы даже не видали его в лицо. С господами туристами-писателями весьма опасно встречаться. Предприняв описание своего путешествия, они, по большей части, говорят или слепо, или несправедливо о важных предметах, и для подкрепления своего мнения ссылаются на первого, кто им пришел на память, заставляя его говорить нелепости. Впрочем, в подвижных указателях путешественников верно не было недостатка Бальзаку, как и Мармье! Уж, конечно, нашлись люди, которые объявили Бальзаку, под секретом, что они великие мужи, а противники их—жалкий народ. Во все время пребывания Бальзака в Петербурге, парижские мелкие журнальцы преследовали его сатирою и эпиграммами, вымышляя на него даже оскорбительные вещи. Потеха мелкой посредственности и торжество бесталанности! Бальзак навсегда останется одним из первых писателей своей эпохи. «*Eugénie Grandet*», «*Père Goriot*», «*Histoire des Treize*», «*Recherche de l'Absolu*» останутся навсегда образцовыми сочинениями. Правда, кое-что и не удавалось Бальзаку,—но

так как только одни глупцы требуют от человека с о в е р ш е н с т в а, несколько неудачных попыток не могут затмить славу Бальзака. Сказывают, что он приезжал к нам не для литературных предприятий, а для того только, чтобы навестить свою невесту. Бальзак женится — и злоязычным парижским журналистам это также служит предлогом к насмешкам. Беда с талантом и с известностью! Это — цель, в которую не только каждый глупец имеет право стрелять, но которую даже можно марать грязью»³⁰.

Предписанная сдержанность русской печати и петербургского общества к Бальзаку резко противоречила живому и непосредственному интересу к нему наших литературных и читательских кругов.

В николаевской России Бальзак пользовался исключительной популярностью: «Я пытался было навести разговор на нашу новейшую литературную школу, — пишет Кюстин в своей книге о России, — но увидел, что в России знают одного лишь Бальзака. Перед ним бесконечно преклоняются и довольно верно о нем судят»³¹. То же отмечает и Шевырев в своем этюде о встрече с французским романистом: «В России Бальзак, по причине всеобщности французского языка, почти национален»³².

Сохранился любопытный анекдот об этой русской популярности творца «Человеческой комедии». «Библиотека для Чтения» в некрологе Бальзака сообщала, что в Петербурге был знаменитый парикмахер Гелио, на трюмо которого лежал раскрытый том Бальзака в качестве руководства для причесывания столичных клиентов³³. Эпизод этот, несомненно, доставил бы удовлетворение Бальзаку, всегда ценившему воздействие писателя на действительность, быт и нравы.

За несколько лет до своей поездки в Петербург Бальзак путешествовал по Италии. Его пребывание в Милане, Генуе, Венеции вызвало целый ряд газетных статей и даже стихотворений, ему посвященных³⁴. С этого момента до приезда в Россию слава Бальзака не переставала расти. За этот период были опубликованы: «Утраченные иллюзии», «Цезарь Биротто», «Банкирский дом Нюсенжана», «Темное дело», «Мемуары двух новобрачных», начало «Блеска и нищеты куртизанок». Его приезд был, по существу, крупнейшим культурным событием для России, способным дать решительный толчок движению нашей журналистики, критики, театра и художественной литературы. С обычной скрытой враждебностью к явлениям умственной жизни Николай I парализовал это движение. Скудной данью крупному факту пребывания великого европейского писателя в столице нашей страны остались несколько робких и двусмысленных заметок «Северной Пчелы».

IV

Но главное разочарование ожидало Бальзака в плане его самых заветных мечтаний — в его отношениях с Ганской. Мы уже видели, что с момента первой встречи они считали себя обрученными и решили терпеливо ожидать смерти Ганского для соединения на всю жизнь. Бальзак постоянно называет Ганскую своей «супругой» и незыблемо верит в святость данного ею слова.

Но в глазах Ганской роман с литературной знаменитостью несколько не требовал брачного оформления со всеми вытекающими отсюда социальными и материальными последствиями. Богатая польская и киевская помещица была мало склонна принести в жертву «любви» имущественные

БОЛЬШАЯ МИЛЛИОННАЯ УЛИЦА СО СТОРОНЫ МОШКОВА ПЕРЕУЛКА

Первый дом справа — дом Кутайсова, где жила в 1843 г. Ганская. В настоящее время этого здания уже не существует

Акварель В. Садовникова, 1861 г.

Музей города, Ленинград

и общественные блага, связанные в России с ее состоянием. Тем не менее, со своим обычным оптимизмом Бальзак направился в Петербург, веря, что новое личное свидание после восьмилетней разлуки приведет к реализации давнишнего «обручения».

Ганская ограничилась дружеским гостеприимством и продолжением романа в прежнем плане: брак, как и в 30-е годы, снова откладывался на неопределенные сроки. Вот как формулирует Марсель Бутрон решение обоих влюбленных (в сущности, это всецело решение Ганской): «Они решили ждать. Они подождут, чтобы дело о наследстве покойного Ганского было закончено, они подождут, чтобы финансовое положение Бальзака улучшилось, чтобы он нашел и обставил в Париже обиталище, достойное принять великого писателя и великосветскую даму. Нужно будет устроить судьбу подростка Анны, необходимо будет также для безопасного выезда из России получить — что не так просто — разрешение самодержца»³⁵. Не значило ли это откладывать до бесконечности осуществление заветного плана? И если все же брак состоялся через семь лет, не произошло ли это только потому, что вплотную подошедшая смерть делала дальнейшие отсрочки невозможными? Весною 1850 г., накануне агонии писателя, Ганская рисковала потерять навсегда и его знаменитое имя, получившее теперь в ее глазах не меньший блеск, чем любые аристократические фамилии Польши, и то громадное состояние, которое заключалось в «Человеческой комедии» и которое вскоре было реализовано.

Во всяком случае, главная причина отсрочки брака—наследственный процесс—была лишь удобным предлогом. В момент пребывания Бальзака в Петербурге успешный исход этого дела был уже обеспечен. Вскоре—26 ноября и 16 декабря 1843 г.—состоялось благоприятное решение Государственного совета, утвержденное царем 17 января 1844 г.³⁶

Бальзак стремился впоследствии придать петербургской встрече характер безоблачного счастья, но это явно не удавалось ему. «Что за союз на два месяца, без малейшей фальшивой ноты, если не считать ссор о шляпе и по поводу расходов кухарки! Это первая пора наших свободных бесед; это заря нашего духовного брака, и даже выражения недоверия моей милой придадут этим воспоминаниям прелесть, ибо я знаю, что она откроет в своих сомнениях причины любить сильнее, убедившись, насколько она ошиблась, подозревая своего бедного Оноре»... Судя по этому периоду, счастье далеко не было таким безоблачным, как это возвещает начало фразы, и «фальшивых нот» было не мало, помимо столь характерной и столь неожиданной в этом великосветском быту мещанской ссоры «из-за расходов кухарки». Тяжелый характер Ганской, видимо, проявлялся в полной мере в сценах подозрений, ревности, недоверия, которым был омрачен этот двухмесячный союз. Поистине бедный Оноре!...

Сейчас же после выезда из Петербурга Бальзак откровенно изливает в своих письмах возмущение Ганской, отступившей от данного ему слова. Крайнее раздражение слышится в его письме из Берлина от 16 октября 1843 г.: «Беседуя сегодня утром с г. Брессоном, я сказал ему, что меня прогнали из Петербурга сплетни привратниц и низкие пересуды, что там не верят в благородные и бескорыстные чувства и что я возмущаюсь людьми этой страны, которые посягнули на мою священную свободу,

САЛОН В ПЕТЕРБУРГСКОЙ КВАРТИРЕ ГАНСКОЙ

Акварель К. Кольмана, принадлежавшая Бальзаку

Собрание Лованжуля, Шантильи

воображая, что я поступлю, как Леве-Веймар³⁷. В этом г. Брессон меня всемерно поддержал, заявив, что француз должен жениться только на француженке, на что я отвечал ему, что вполне с ним согласен и что именно так и поступлю).

Он заканчивает письмо извинениями за резкость, в которых звучат новые укоры: «Подумайте о моем горе, о моей печали, о моем страдании, и вы проникнетесь сочувствием и снисходительностью к несчастному изгнаннику»³⁸.

Но жалобы Бальзака не производили должного впечатления на его рассудительную подругу. И теперь, будучи совершенно свободной, она продолжает строить свои отношения с ним, как в 30-е годы, — на принципе временных свиданий и случайных встреч, ни к чему не обязывающих. Только через семь лет, уже в разгаре предсмертной болезни Бальзака, когда «несчастный изгнанник» еле прошел расстояние от кареты до алтаря, Ганская решила изменить эту 17-летнюю тактику. Сбылось зоркое предсказание романиста о том, что счастье придет к нему, когда он станет «пустым мешком» и уже не сможет им воспользоваться. В Петербурге, когда Бальзак видел перед собой, по крайней мере, еще десять лет «мужества, таланта и молодости», в этом «счастье» ему было отказано.

Все эти политические и личные неудачи привели к тому, что знаменитый путешественник сравнительно мало появлялся в обществе и на гуляньях. Но он все же не вполне замкнулся в особняке Ганской, и светский Петербург получил возможность видеть иногда популярного романиста. Секретарь французского посольства д'Андре пригласил его в миссию, где он, очевидно, побывал. Он осматривал государственные драгоценности. Он посетил павловские концерты. Художник П. П. Соколов, известный иллюстратор Грибоедова и Пушкина, видел Бальзака летом 1843 г. в Павловске. «Однажды вечером на музыке появился знаменитый Бальзак в какой-то большой серой куртке и большой шляпе из итальянской соломы, с физиономией довольно скучающей»³⁹.

Бальзак посетил Михайловский театр, где играла отличная французская труппа во главе с известной Аллан. «Французские спектакли на Михайловском театре были блистательны и многолюдны все лето», сообщает «Северная Пчела»⁴⁰. Знакомый Бальзака, Шанфлёр, рассказал впоследствии со слов Григоровича, что публика в Михайловском театре устроила знаменитому романисту овацию⁴¹. Но сам Григорович ничего не записал об этом в своих «Литературных воспоминаниях», в которых много говорит о своем юношеском увлечении Бальзаком. К тому же нужно помнить, что общественные демонстрации были невозможны в николаевском Петербурге, и овации в театре по адресу присутствующих допускались лишь в направлении императорской ложи. В петербургском обществе, окружавшем Ганскую, Бальзак мог наблюдать всеобщее раболепное преклонение перед царем. Особенный интерес представляет его знакомство с Ольгой Александровной Жеребцовой, невестка которой, Александра Петровна Жеребцова, урожденная Лопухина, вышла вторым браком за брата Эвелины Ганской, Адама Ржевусского. В момент знакомства с Бальзаком О. А. Жеребцовой было уже под 70 лет (род. в 1766 г.). Это была наиболее интересная историческая фигура, с которой пришлось общаться Бальзаку в Петербурге. По свидетельству Герцена, она знала всю политическую Европу «от графа Артуа и Сегюра до лорда Гренвиля и Каннинга»⁴². Отличаясь исключительной красотой, она уже в XVIII в. стала участницей крупных

Mademoiselle

Voilà deux si élégants pour moi occu-
pés. Cher moi, la place que vous
occupiez vous même dans le salon
de chez moi, j'ai fait pour vous
pièces, j'ai écrit pour vous des
quatre vers plus poétiques
et plus... Mais on me demandait
des jolis chefs, ne craignez
pas que je n'aie l'impression
de vous amener, allez
vous si belle, qu'elle, j'en suis sûr
est très, sur un autre, en effet
du regard, tout est si fin, si
savourable, et si si si...

après tout, l'adoration est un
sentiment que vous inspirez et
aussi, vous avez l'habitude de
celui qui a le bonheur de
vous voir, de voir les deux
admirables, en vous admirant
de confondre l'admiration et la
fièvre, comme ceux des Poètes

L'après-midi 13, le 1849

La bénédiction de madame de
M... me paraît d'ailleurs, pour
moi, l'union à vous dans une
union
M... me paraît à moi d'ailleurs, pour
l'union.

придворных и международных интриг. Родная сестра известного фаворита Екатерины II, Платона Зубова, Ольга Жеребцова стала любовницей посла Великобритании при русском дворе, Джорджа Уитворта, который превратил ее в верное орудие своих политических целей. Когда международная ориентация Павла I приняла нежелательное для Англии направление, в кружке екатерининских вельмож и гвардейцев, объединившихся вокруг Жеребцовой, был подготовлен заговор, инспирированный Уитвортом и приведший к царевубийству 11 марта 1801 г. К этому моменту английский посол вместе с Жеребцовой уже находились за границей. Эта «высокая старуха со строгим лицом, носившим следы большой красоты», по описанию Герцена, пользовалась значительным влиянием в петербургском «свете», в котором сохранила независимость своих резких суждений. Герцену казалось, что она оценила в нем «возникающие всходы другой России», но Бальзаку Жеребцова подарила небольшой бюст Николая I на малахитовом цоколе, переданный впоследствии писателем в музей города Буржа⁴³.

Знакомые и приятельницы Ганской, видимо, усиленно приглашали к себе французскую знаменитость. Сохранилось письмо к Ганской некоей Елены Смирновой, достаточно характеризующее отношение к нему женского общества столицы. «Узнав о приезде г. де Бальзака, я прежде всего преисполнилась радостью и счастьем за вас, а затем, сознаюсь, сомнением и грустью. Сумеют ли у нас оценить и принять знаменитого человека? Дай бог, чтобы он составил себе благоприятное мнение о России. Я жажду увидеть и услышать его. Вы проявили высшую любезность, пригласив его сопровождать вас в Петергоф, где мы будем счастливы принять его»⁴⁴.

Бальзак, видимо, откликнулся на это приглашение. Сохранился автограф его письма, адресованного дочери Смирновой, по поводу присланных ему знаков внимания:

Перевод:

Mademoiselle, два ваших столь изящных сувенира займут в моей жизни то место, которое сами вы занимаете в сердцах всех, умеющих оценить вас,—не значит ли это, что они составят мои драгоценные реликвии? Но, даря мне такие красивые предметы, не опасаетесь ли вы, что я не посмею пользоваться ими? С ними будет поступлено, как и с вами,—они так прекрасны, что станут предметом почитания и поклонения, на зависть взору, всегда дорогие и юные!... В сущности, поклонение есть чувство, внушаемое вами и к которому вы так быстро приобщили того, который имеет счастье считать себя в числе ваших самых преданных поклонников, прося вас сохранить воспоминание о его искреннем уважении.

де Бальзак

Петербург, 13 сентября 1843 г.

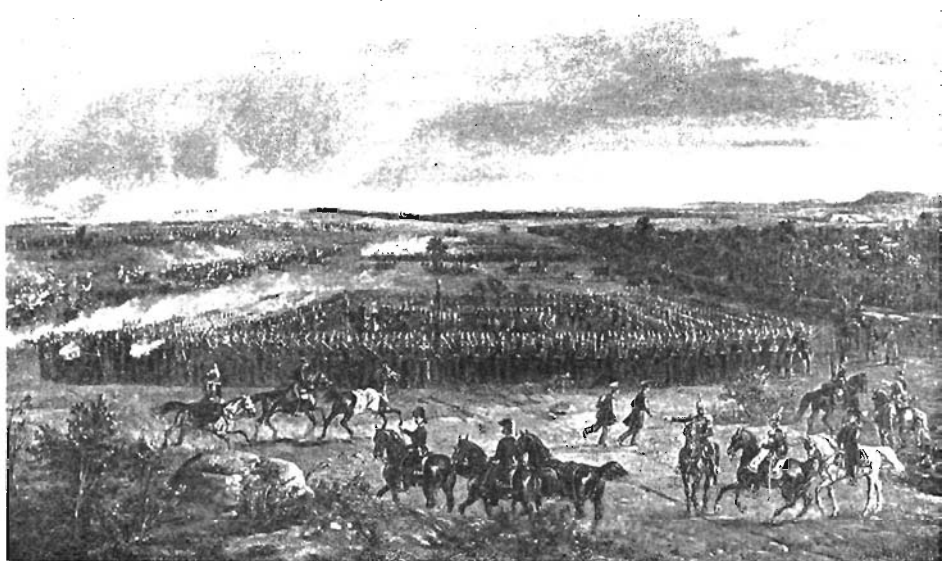
Благословение вашей матушки принесет мне счастье, разрешите мне соединить его в моей памяти с вами.

Мои почтительные приветствия вашим сестрам⁴⁵.

V

Сохранилось воспоминание об одном из таких появлений Бальзака с Ганской в петербургском обществе. Писатель Болеслав Маркевич довольно живо описал впоследствии свою встречу с ними:

«Летом 1843 г. (я за несколько месяцев перед тем поступил на службу в Петербург),—сообщает Маркевич,—на даче у С. С. Б-вой, имел я случай увидеть французского писателя, с произведениями которого познакомился, еще бывши ребенком (лет 14 отроду прочел я в первый раз «La recherche de l'inconnu»⁴⁶, печатавшееся в «Revue étrangère», французском журнале, много лет издававшемся в Петербурге книгопродавцем Белизаром) и к которому питал с тех дней самое восторженное сочувствие. Его привезла к хозяйке дачи неожиданно—по крайней мере, для гостей, собравшихся у нее в тот вечер,—богатая польская дама, г-жа Ганска, на которой

МАНЕВРЫ В КРАСНОМ СЕЛЕ 11 АВГУСТА 1848 г.
На параде в Красном селе Бальзак присутствовал летом 1843 г.

Картина маслом Г. Шварца

Военно-артиллерийский музей, Ленинград

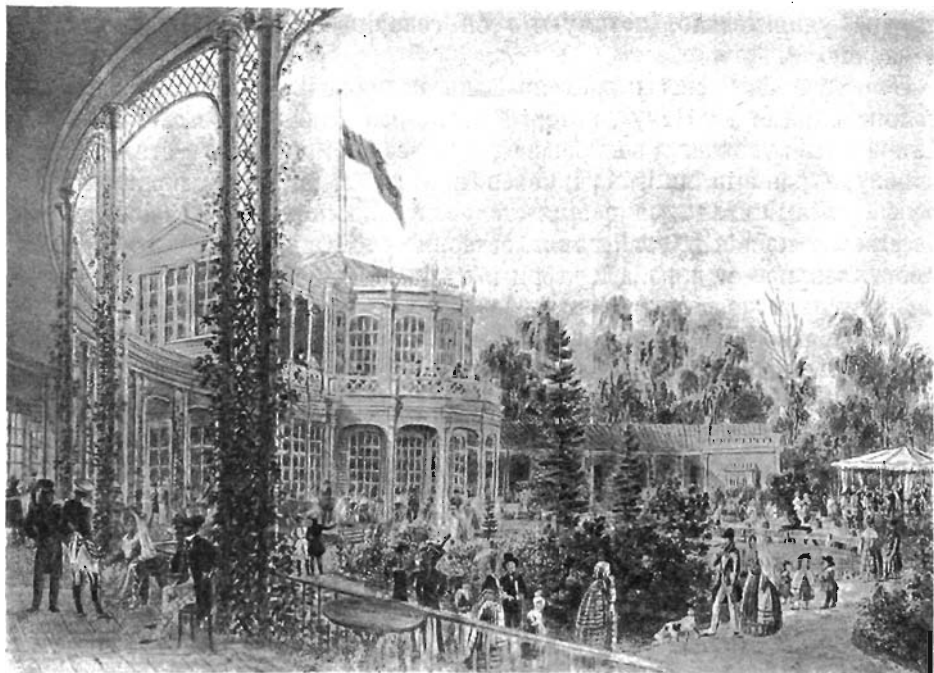
впоследствии женился Бальзак и с которой он приехал в то время в Петербург из ее подольского имения⁴⁷. В изящной, полной цветов и растений гостиной сидело общество за чаем, когда они вошли в комнату: плотная, чтобы не сказать толстая, невысокая женщина лет 40, с широким лицом и далеко не элегантною походкою, и за ней такой же невысокий и плотный, с длинными русыми волосами «à la moujik», по моде 30-х годов, мужчина... Я в первую минуту не поверил даже, когда—не помню теперь, кто—сидевший подле меня за столом шепнул мне на ухо: «Это Бальзак...». Бальзак, автор «Eugénie Grandet» и «Père Goriot»—этот грузный, с каким-то спящим и грубым лицом человек, «похожий на пехотного майора из бурбонов, отравившего себе волосы, как дьякон»,—подумалось мне,—и мне сделалось как-то ужасно грустно. Не таким представляло себе мое двадцатилетнее воображение великого писателя (к тому же первого, которого

мне суждено было видеть), и, только внимательнее вглядываясь в него, признал я некоторое сходство оригинала с литографированным его портретом, который я, в пору моего студенчества, выдрал из той же «*Revue étrangère*» и, вставив его под стекло, повесил в моей комнате, рядом с подобным же портретом Жорж Санд, в мужском костюме и с такою же, как у него, длиною прическою... Хозяйка тотчас же представила вошедших сидевшим подле нее дамам. Начался общий разговор: дамы то и дело обращались к Бальзаку то с тем, то с другим вопросом. Он отвечал немногословными, обрывчатыми фразами, а затем и совсем замолк, насупившись, с видом более еще, чем прежде, сонным. На меня он произвел впечатление человека, не считающего нужным метать перлы перед обществом, неспособным понимать его*, и мне в то же время стало досадно на него и обидно за всех нас. А у него, может быть, в это время просто голова болела, или ему действительно спать хотелось от утомления целого дня, проведенного, как объясняла госпожа Ганска, в обозрении всех достопримечательностей Петербурга. Спутница его зато не умолкала все время; говорила она бойко, отчетливо и чрезвычайно книжно, с удовольствием, очевидно, слушая сама себя и как бы давая понимать остальным слушающим, что она гораздо еще более, чем привезенная ею знаменитость, заслуживает быть центром общего внимания. Но о чем она говорила, я решительно не помню. Глаза мои не отрывались от Бальзака, в глазах, в улыбке которого мне упорно хотелось все отыскать «*l'éclair du génie*», как я выражался тогда мысленно. Но никакого *éclair*, кроме усталости или скуки, подметить мне было не дано. Часа через полтора-два он повел как бы молящим взглядом на г-жу Ганску. Она вняла ему и поднялась с места. Они простились и уехали.

Под таким далеко не поэтическим освещением пришлось мне увидеть этих двух лиц, отношения которых друг к другу представляют собою, между тем, весьма занимательный роман, с перипетиями, тянувшимися на пространстве более 20 лет»⁴⁹.

Приведем еще одну малоизвестную зарисовку Бальзака в эпоху его петербургского пребывания. Она принадлежит автору его некролога в «С.-Петербургских Ведомостях», где имеется и следующее описание: «...Подобно Наполеону, г. Бальзак тучнел, по мере того, как росла его слава. Когда он был у нас в России, мы видели его уже не тем поэтическим бледным юношей, о котором сейчас говорили, а веселым и румяным толстяком. Представьте себе небольшого человечка, широкоплечего, большей частью довольно худо одетого, с длинными, черными, плоскими, небрежно причесанными волосами, полным, румяным и веселым лицом, с большим смеющимся ртом и усами, с выражением лица, которое можно было бы назвать простым, если бы его маленькие, но чрезвычайно живые и проницательные глаза не придавали ему насмешливо-умного оттенка и живости. Говорят, что он имел особенный дар нравиться женщинам, и

* Насколько это впечатление мое было неосновательно, служит доказательством отзыв покойного Рамазанова, который несколько дней после вечера, о котором я говорю здесь, уехал из Петербурга за границу в одной почтовой карете с Бальзаком, возвращавшимся на родину. В весьма интересных воспоминаниях своих об этом отъезде своем и пребывании за границей, напечатанных в «Русском Вестнике» несколько лет назад, художник не нахвалится обходительностью, веселостью и общительностью обращения знаменитого спутника своего, с которым доехал до самого Дрездена, сколько мне помнится⁴⁸.

ГУЛЯНЬЕ В ПАВЛОВСКОМ КУРЗАЛЕ

На концерте в Павловске Бальзак присутствовал летом 1843 г.

Акварель В. Садовникова, 1840-е гг.

Публичная библиотека, Ленинград

БОЛЬШОЙ ПЕТЕРГОФСКИЙ ДВОРЕЦ

В Петергофе Бальзак бывал летом 1843 г.

Акварель В. Садовникова, 1845 г.

Эрмитаж, Ленинград

это не удивительно, потому что он говорил очень умно, увлекательно и изящно»⁵⁰.

Большую часть своего времени Бальзак проводил у Ганской в «голубом салоне окнами на Неву», который он не раз вспоминал в своих письмах. Его память художника воспроизводит во всех деталях «зал в стиле рококо», бронзу, экран à la Louis XVI, ковер, кресла, камин, вазы с плющом и даже белый чайный стол и самовар в столовой. Он вспоминает в своих письмах беседы «в особняке Кутайсова» и вечерние расставания, когда собеседники прогуливались от дивана к двери и от двери к дивану, никак не решаясь окончательно проститься⁵¹.

В Париже он любит гуашью художника Кольмана, изображающей петербургский салон Ганской, и жалеет, что акварелист не изобразил и противоположной части гостиной⁵². Здесь Бальзак читал иногда вслух свои произведения. Анна Мнишек вспоминала впоследствии эти чтения⁵³.

В отличие от других иностранных писателей, живших в Петербурге, Бальзак не оставил своих описаний русской столицы. Он не последовал в этом отношении по стопам Жозефа де Местра, судьба которого в России так пленяла его. В «Петербургских вечерах», как известно, дана замечательная картина летней ночи на Неве, лодок с оркестрами роговой музыки, памятника Петру, «простирающего свою повелительную руку над городом...». Это описание было полностью приведено в том французском путеводителе по Петербургу, по которому Бальзак готовился к своему путешествию. Но оно не вдохновило его на аналогичные страницы⁵⁴.

Есть все же некоторые основания предполагать, что Петербург навеял Бальзаку один художественный замысел, правда, оставшийся неосуществленным. Образ Петра, изваянный Фальконетом и Растрелли, место заточения царевича Алексея—Петропавловская крепость, которую романист ежедневно видел из окон Ганской, предания о небывалой судьбе полковой прачки Марты, ставшей российской императрицей Екатериной I,— все это отложилось впоследствии в обширный план исторической драмы об «одиноким законодателе», окруженном со всех сторон врагами. В 1847—1848 гг. Бальзак усиленно готовился создать на эту тему «шекспировскую трагедию», которая, впрочем, по условиям времени и личных обстоятельств, так и не была написана (см. ниже, гл. VI).

Не подлежит сомнению, что Бальзак уезжал из Петербурга глубоко разочарованным. Письма к Ганской по пути в Париж совершенно недвусмысленно свидетельствуют о резкой перемене его воззрений на Россию и русских. Прямым указанием на бестактность отношения к нему петербургского правительства отзывается его сообщение из Берлина:

«Гумбольдт нанес мне сегодня визит и провел у меня добрые четверть часа, имея поручение передать мне приветствие от короля и принцессы прусской. Если бы я задержался здесь на неделю, меня бы чествовали». Еще характернее следующее восклицание: «О, дорогая, принимаю все несчастья, но с вами; пусть Россия, но с вами!». Даже сравнение с антипатичной Бальзаку Пруссией—не в пользу Петербурга. «Необходимо признать, что для приезжающего из России Германия имеет особый неопределимый вид, который не объясняется еще пока волшебным словом с в о б о д а, но который можно передать выражением с в о б о д н ы е н р а в ы или с в о б о д а в н р а в а х»⁵⁵.

Несмотря на свой легитимизм, Бальзак почувствовал глубокую скованность русской жизни, схваченной во всех ее проявлениях тисками стра-

ного николаевского самодержавия, не оставлявшего ни тени свободы даже в нравах, даже в частной жизни русских подданных. Вероятно, личные переживания в связи с замаскированным отказом Ганской значительно углубили эти безотрадные впечатления.

Бальзак не скрывал в берлинском обществе своего отрицательного впечатления от николаевского Петербурга. Герцогиня Дино, племянница Талейрана, с которой писатель встретился у французского посла Брессона, писала 16 октября 1843 г., что Бальзак отзывается о России «так же зло, как и Кюстин; но только он не опубликует на эту тему своих путевых впечатлений, он собирается работать над сценами из солдатской жизни, из которых некоторые разыгрываются, кажется, в России»⁵⁶.

ТРОИЦКАЯ ПЛОЩАДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ.

Место частых прогулок Бальзака и Ганской

Картина маслом Ф. Перро, 1840-е гг.

Собрание Э. Ф. Голлербаха, Ленинград

После Петербурга Бальзак надолго оставляет мечты о политической карьере в России. Только великое сотрясение 1848 г. вызывает некоторый рецидив этих честолюбивых проектов романиста. Рассчитывая на предстоящее возвращение Бурбонов, он ждет для себя высших почестей и отличий: «Я хочу получить высокое назначение за границу,—говорил он в 1848 г. молодому литератору Вакри,—я колеблюсь между посольством в Лондоне и посольством в Петербурге»⁵⁷... Еще одна «утраченная иллюзия» Бальзака! Необходимо отметить, что в 1843 г. он сам со всей трезвостью отказался от таких вожделений. Покидая Россию, он оставляет в силе только планы личного счастья на Украине: писатель продолжает верить, что он станет со временем счастливым супругом владелицы Верховни. Мы увидим сейчас, что и в таком ограниченном виде проблема России не получила в биографии Бальзака желанного разрешения. Ему

суждено было вступить в нашу страну другими путями, о которых он мало думал и которые оказались самыми верными и одновременно самыми почетными.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Correspondance*, II, 58.

² *Lettres à l'Etrangère*, II, 217. Гравюра эта приложена к стр. 256 путеводителя, где она носит название «Palais d'hiver et de l'Hermitage (Quai de la Cour)». См. «Guide du voyageur à Saint-Petersbourg», 1840, 256. Бальзак в своих письмах ошибочно называет этот путеводитель «Guide de l'étranger à Pétersbourg» (см. *Lettres à l'Etrangère*, II, 217).

³ *Correspondance*, II, 46—47.

⁴ О впечатлениях Бальзака от неприглядной «изнанки Петербурга» см. у Н. А. Рамазанова (приложения к настоящей статье).—Приведем сводку погоды в день приезда Бальзака в Петербург:

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ 17 ИЮЛЯ

	Утра в 8 часов	Полдень	Пополуд. 4 часа	Вечера 8 часов
Баром. при 13½ PP	29,61	29,57	29,71	29,74
Термометр Реомюра	+ 12,5	+ 12,5	+ 14,2	+ 12,0
Ветры	0,3 слабые	3 умер.	тоже	тоже
Состояние атмосферы	пасмурно	тоже	облачно	пасмурно

„Северная Пчела“, 1843, 24 июля, № 163, 652.

⁵ *Lettres à l'Etrangère*, II, 185, 190.

⁶ «Русский Архив», 1910, II, 137. Бальзак, видимо, знал М. Д. Нессельроде. 12 января 1841 г. он просил своего издателя Суверэна «послать г-же Нессельроде экземпляр «Пьеретты» от имени Софьи Козловской» (*Balzac and Souverain*, 45).

⁷ Общественный бойкот французского поверенного в делах, Казимира Перье, временно заменявшего посла Баранта, был вызван следующими обстоятельствами. Когда традиционное приветствие Луи-Филиппу от дипломатического корпуса в день нового 1842 г. должен был произнести представитель России, граф Пален, Николай I, считая такое выступление не соответственным своей антипатии к французскому королю, спешно вызвал Палена в Петербург. Немедленно же французское правительство отдало распоряжение поверенному в делах Франции в Петербурге, молодому Казимиру Перье, чтобы 6 декабря французское посольство не явилось в Зимний дворец поздравлять царя с его именинами под простым предлогом нездоровья его главы. Инструкция была в точности выполнена. Небывалая демонстрация произвела сенсацию в придворных кругах. Неофициальным высочайшим приказом Казимир Перье был немедленно же отлучен от петербургского общества и как бы отброшен в тесный круг дипломатического корпуса. Ни один русский не смел переступить порога французского посольства. Все балы и приемы, на которые еще до 6 декабря получили приглашение супруги Перье, были отменены. Вскоре Перье обратился к Гизо с мольбой прервать его трудное положение и предоставить ему отпуск (*Guizot* (F.), *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, Leipzig—Bruxelles, 1864, t. VI, 335—342).

⁸ Панаев И. И., Петербургская жизнь.—«Современник», 1858, VIII; ср. Соколов П. П., Воспоминания, редакция Э. Голлербаха, Л., 1930, 324—325; «Из записок Е. Н. Львовой».—«Русская Старина», 1880, IX, 209.

⁹ *Lettres à l'Etrangère*, II, 106—107.

¹⁰ Письмо Ганской к Орлову из Парижа 20 января 1851 г.—«Звенья», III—IV.

¹¹ *Lettres à l'Etrangère*, III, 35, 41. Мнишек—претендент на руку дочери Ганской Анны и вскоре ее муж.

¹² *Lettres à l'Etrangère*, 277—278. Из других произведений Бальзака тем же комитетом были запрещены в 1829 г. «Le dernier Chouan» (д. № 248); в 1832 г. «Contes drôlatiques» (д. № 824); в 1849 г. «La cousine Bette» (д. № 1133); в 1852 г. «Maximes et pensées de H. de Balzac» (д. № 981); «Traité de la vie élégante» (д. № 1991).—Отзыв о «Livre mystique» с предложением запрещения книги в России подписан 27 февраля 1836 г. цензором В. Соцем. Комитет иностранной цензуры согласился с ним. (ЛОЦИА. Фонд Комитета цензуры иностранной. Рапорты. 1836 г., I, лл. 167—170).

¹⁸ Бальзак приехал в Петербург 17/29 июля 1843 г., а уехал оттуда около 25 сентября/7 октября, т. е. пробыл здесь около девяти недель.

¹⁴ *Lettre sur Kiew*, 10—11. Представляет интерес аналогичный отрывок из письма Бальзака к Ганской от 31 января 1844 г., в котором он изъясняется с большой свободой: «Немыслимо наговорить больше глупостей, чем высказано здесь о моем путешествии в Россию, а, между тем, трудно на них возражать. Мне неприятнее всего та глупая роль, которую мне при этом приписывают, как, впрочем, и самым высоким особам. Утверждают, что я отказался от колоссальных сумм, предложенных мне за написание известного опровержения [книги Кюстина]. Как это глупо! Ваш повелитель достаточно умен, чтобы знать, что купленное перо не пользуется никаким влиянием. В свое время я посвятил «Полковника Шабера» г. де Кюстину. По моем возвращении [из России] я зачеркнул это посвящение...». Бальзак надеется, что появление ряда новых его произведений заставит смолкнуть эти пустые толки: «Тогда поймут, что я не пишу ни за, ни против России. В моем ли возрасте создавать себе первые политические выступления? Нет, в политике я предпочитаю действие слову. Поверите ли, я не могу даже убедить людей, что я видел императора лишь «как собака видит архиепископа» (по слову Рабле), т. е. на параде в Красном селе. Третьего дня, обедая у Жорж Санд, я сказал ей: «Если бы вы видели его, вы бы сошли с ума и сразу перешли от вашего «радикализма» к самодержавию». Она пришла в ярость. Вообще меня много спрашивают [о России], но я отвечаю всем, что не имею путевых впечатлений, будучи до отъезда слишком утомлен отпечатками. И так как меня не отпустили бы, не услышав нескольких острот, я говорю, что, как все порочные люди, русские крайне обходительны и приятны в общении, что они чрезвычайно литературны, ибо все здесь делается с помощью бумаги, и что это единственная страна в мире, где умеют подчиняться».—*Lettres à l'Etrangère*, II, 285—286.

¹⁵ *Lettre sur Kiew*, 11—12.

¹⁶ *Lettres à l'Etrangère*, I, 456.

¹⁷ Отзыв Софьи Козловской о Бальзаке см. выше, в главе I (прим. 24-е).

¹⁸ *Lettres à l'Etrangère*, II, 190.

¹⁹ *Korwin-Piotrowska*, 361.

²⁰ Лев Нарышкин немедленно написал об этом приглашении Ганской; записка его от 8 августа 1843 г. сохранилась в *Collection Lovenjoul*, A. 369, fol. 226, ср. *Korwin-Piotrowska*, 362.

²¹ Насколько популярно было у нас имя Бальзака в середине 30-х годов, доказывает появление перевода повести *Girardin, La canne de m-r de Balzac*—«Трость Бальзака». Соч. Эмиля Жирардена. Пер. с фр., СПб. 1837. Характерен и следующий факт: уже 9 апреля 1834 г. министр просвещения Уваров предлагает цензору Никитенко составить для него записку о повестях Бальзака (Никитенко А. В., *Записки и дневник*, I, 241). О широкой известности у нас Бальзака свидетельствуют постоянные упоминания его имени в нашей литературе и журналистике, например, в «Герое нашего времени» (Лермонтов, *Сочинения*, изд. Академии наук, т. V, 189), в повести Ф. Б.—«Домашнее дело между откупщиками» («Сын Отечества», 1836, ч. 175), в «Статье о французском театре» («Библиотека для Чтения», 1837, XXII, 101) и др.

²² «Современник», 1838, XII, 22—23.

²³ *Correspondance*, II, 326.

²⁴ *Journal de Saint-Petersbourg*, 1843, №№ 618, 620, 658.

²⁵ «Листок для светских людей», 1843, июль. Петербургское польское издание «*Tygodnik Petersburski*» в № 46 от 4 августа 1843 г. сообщает о приезде Бальзака и вероятном пребывании его в Петербурге до зимы; в № 57 от 8 августа польский еженедельник воспроизводит отрывок из «*Journal des Débats*» о путешествии Бальзака (см. тот же отрывок в «Листке для светских людей»).

²⁶ «Северная Пчела», 1843, № 161.

²⁷ Первоначальное заглавие повести «*Une Muse du Département*» (см. *Lettres à l'Etrangère*, II, 133). Под первым заглавием повесть была напечатана перед приездом Бальзака в Петербург в «*Le Messenger*» от 20 марта и 29 апреля 1843 г.; отдельным изданием вышла под новым заглавием в том же 1843 г. в четырех выпусках у Суверэна.

²⁸ «Северная Пчела», 22 июля/5 августа 1843 г.

²⁹ «Северная Пчела», четверг, 9 сентября 1843 г., № 200, «Смесь».

³⁰ «Северная Пчела», 23 сентября 1843 г., № 214.

³¹ К ю с т и н (маркиз де), *Николаевская Россия* (*La Russie en 1839*). Перевод с французского Я. Гессена и Л. Домгера, Москва, изд. Политкаторжан, 1930, 183.

³² Ще в ы р е в С., *Парижские эскизы. Визит к Бальзаку*.—«Москвитинин», 1841, I.

³³ «Библиотека для Чтения», 1850, X, 104—105.

³⁴ G i g l i (Giuseppe), Balzac in Italia. Contributo alla biografia di Onorato di Balzac. Milano, Fratelli Trèves, 1920.

³⁵ B o u t e r o n, I, 18.

³⁶ О наследственном деле Ганской можно судить по следующему «мнению» Государственного совета, составленному на основании журналов Департамента гражданских и духовных дел от 26 ноября и общего собрания Государств. совета от 16 декабря 1843 г.:

«Государственный совет... рассмотрев внесенное за разногласием, происшедшим в общем собрании 4-го, 5-го и Межевого департаментов Правительствующего сената дело о пожизненной записи, составленной помещиком Вацлавом Ганским и женою его Евою, урожденною графинею Ржевускою, принял в соображение, что Киевская гражданская палата отказала вдове Ганской во вводе ее во владение имением умершего ее мужа, в Киевской губернии находящемся, по двум уважениям: во-первых, потому, что пожизненная запись, с 1819 г. в Житомирском уездном суде лично Ганским созданная, не была перенесена ими в установленный срок в киевские акты, и во-вторых, потому, что запись сия, которую в существе своем палата признала не чем иным, как актом завещательным, содержит в себе распоряжение родовым имением». По первому пункту Государственный совет, не входя в рассмотрение вопроса, признал, что прошение Ганской о вводе ее во владение было подано в законный срок. По второму пункту последовало еще более уклончивое и дипломатическое постановление, которое Бальзак назвал в письме к Ганской «личной любезностью к ней императора». Государственный совет «признал неудобным и преждевременным входить в рассмотрение означенного обстоятельства, которое не было и не могло быть обсуждено в низших инстанциях». Следовала формулировка «мнения» совета: «Вследствие сего Государственный совет мнением положил: не входя ныне в рассмотрение правильности или неправильности пожизненной записи Ганских в самом существе ее, ввести вдову Ганскую во владение оставшимся после умершего ее мужа в Киевской губернии имуществом; но вместе с тем над несовершеннолетнею их дочерью учредить немедленно на законном основании опеку, для охранения наследственных и других прав малолетней, по точной силе существующих о том законов». На документе имеется резолюция: «Его императорское величество воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета по делу о пожизненной записи, составленной помещиком Вацлавом Ганским и женою его Евою, урожденною графинею Ржевускою, высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить. За председателя Государственного совета—граф Левашов» (ЛОЦИА. Фонд Госуд. совета, цитированное выше «Дело гражданского департамента»).

³⁷ Граф Карл де Брессон, пэр Франции, французский посол при прусском дворе. (Almanach de Gotha pour l'année 1843, 479).—Французский литератор Ле-Веймар (Франсуа-Адольф), ездивший в 1836 г. в Россию в качестве неофициального политического агента Тьера. Ле-Веймар познакомился с Пушкиным, Жуковским и Вяземским и женился на русской—О. В. Голынской.

³⁸ C o r r e s p o n d a n c e, II, 51—52.

³⁹ С о к о л о в П. П., Воспоминания.—«Исторический Вестник», 1910, № 8, стр. 418.

⁴⁰ «Северная Пчела», 1843, № 199.

⁴¹ C h a m p f l e u r y, Balzac au collège.—«Musée universel», 1873, I, 116.

⁴² Герцен А. И., Сочинения, под ред. М. Лемке, 1919, XIII, 56—61.

⁴³ «Звенья», III—IV, 316—318.

⁴⁴ K o r w i n - P i o t r o w s k a, 361.

⁴⁵ Автограф.—Институт литературы АН СССР. «Альбом Шиповой», 244/195.

⁴⁶ Описка вместо: «La recherche de l'Absolu».

⁴⁷ Ошибка Маркевича: Бальзак, как мы видели, приехал в Петербург прямо из Парижа, а в имение Ганской (киевское) попал впервые только в 1847 г.

⁴⁸ Воспоминания Н. А. Рамазанова см. ниже, в «Приложениях» к настоящей работе.

⁴⁹ М а р к е в и ч, Б., Сочинения, П., 1885, XI, 419—421.

⁵⁰ В. П., Оноре де Бальзак. Некролог.—«СПб. Ведомости», 1850, № 186.

⁵¹ C o r r e s p o n d a n c e, II, 58, 67, 129.

⁵² C o r r e s p o n d a n c e, II, 107—109. Карл Иванович Кольман (1786—1847), изобразитель Петербурга и его окрестностей, столичных уличных сцен, простонародных типов и пр. участвовал, как рисовальщик, в изданиях Монферрана.

⁵³ K o r w i n - P i o t r o w s k a, 361.

⁵⁴ «Guide du voyageur à Saint-Petersbourg», 1840, 132—134. Из написанного Бальзаком в Петербурге нам известно начало статьи «Гёте и Беттина».

⁵⁵ L e t t r e s à l'Étranger, II, 200—201.

⁵⁶ B e t t e l h e i m (Anton), Balzac, eine Biographie, München, 1926, 458.

⁵⁷ F e r r y, Balzac après le 24 février 1848.—«Revue hebdom.», 9 juillet 1898, 259.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕРХОВНЯ

I. МЕЧТЫ БАЛЬЗАКА О ПОЕЗДКЕ НА УКРАИНУ.—СВИДАНИЯ С ГАНСКОЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ.—ПОЕЗДКА БАЛЬЗАКА В ВЕРХОВНЮ В СЕНТЯБРЕ 1847 г.—БАЛЬЗАК В БЕРДИЧЕВЕ. II. ПРИЕЗД В ПОМЕСТЬЕ ГАНСКИХ.—КВАРТИРА БАЛЬЗАКА.—ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО БЫТА.—ВЕРХОВНЯ В НАШИ ДНИ. III. ХОЗЯЙСТВО ПОЛЬСКИХ ПОМЕЩИКОВ.—ПЛАН БАЛЬЗАКА СПЛАВЛЯТЬ ЛЕС ИЗ ИМЕНИЯ МНИШКОВ ВО ФРАНЦИЮ.—КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО БАЛЬЗАКА.—ЕГО ОТНОШЕНИЕ К КРЕПОСТНЫМ.—ПИСЬМО К УВАРОВУ. IV. МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ВАЦЛАВА ГАНСКОГО.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕГО ПОМЕСТЬЯХ. V. ЛИТЕРАТУРНАЯ РАБОТА БАЛЬЗАКА В ВЕРХОВНЕ.—«ПИСЬМО О КИЕВЕ».—ОКОНЧАНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ» В ДЕКАБРЕ 1847 г.; ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ИЗНАНКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ» (ЭПИЗОД «ПОСВЯЩЕННЫЙ»).—ВЛИЯНИЕ ГАНСКОЙ: ПОЛОНОФИЛЬСКИЕ И МИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНЕЙ ПОВЕСТИ БАЛЬЗАКА

I

Передавая, очевидно, содержание своих бесед с Ганскими, Бальзак пишет в 1847 г.: «Я слушал рассказы о степях, крестьянах, управителях, метелях, жидях и, наконец, о сочетании цивилизации с варварством—все это в таких выражениях и в таком фантастическом облики, что Украина представлялась мне единственным в мире краем, где я мог еще видеть совершенно новые явления и людей»¹.

Мы знаем, что желание Бальзака посетить Верховню относится еще к 1834 г. и проходит через его письма на всем протяжении 30-х годов. Путешествие в Россию в 1843 г. ограничилось пребыванием в Петербурге. Зимой 1844 г. он пишет Ганской о своем желании навестить ее летом на Украине, но не получает приглашения. Следующее свидание происходит в Европе—в 1845 г.; они встречаются в Дрездене, путешествуют по Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Италии (в обществе Анны Ганской и ее жениха, Юрия Мнишка). В 1846 г. Бальзак присутствует в Висбадене на свадьбе своей будущей падчерицы. Ганская в это время готовится стать матерью, и Бальзак преисполнен счастья стать отцом маленького Виктора-Оноре; он даже совершает путешествие в Метц, чтобы наладить тайное венчание. Но в конце 1846 г. беременность, по невыясненным причинам, прекращается. Весьма вероятно, что долголетняя невеста Бальзака снова уклоняется от брака, неизбежного в случае появления на свет ребенка. Зимой 1847 г. Ганская гостит в Париже и назначает следующее свидание Бальзаку в Верховне, подавая некоторую надежду на исполнение их брачных планов. «Я твердо решил,—пишет Бальзак 17 июля 1847 г. Ганской,—взойти до самого Д а б а [т. е. Николая I] и смиренно выпросить у него необходимое разрешение. Мне не откажут в приеме, все будет высказано до конца, и у меня нет ни единого возражения против перехода в то состояние, которое он может потребовать от меня, в случае предоставления нам разрешения на строгих условиях»². Бальзак снова намекает на свою полную готовность принять русское подданство. Но этот план с чрезвычайно сложными имущественными последствиями, видно, не входил в расчеты Ганской. Тем не менее, в сентябре 1847 г. Бальзак, наконец, осуществляет свою почти 15-летнюю мечту: он едет на Украину.

Выехав из Парижа 5 сентября (н. ст.), он через Брюссель, Кельн, Ганновер, Берлин, Краков, Броды достигает на шестой день русской границы.

Маршрут Бальзака от австрийского рубежа до конечной цели его поездки, т. е. от Радзивиллова до Верховни, проходил житомирским почтовым трактом—через Дубно, Житомир, Бердичев. Последний город вошел в биографию Бальзака, как один из ее исторических этапов: именно

здесь через три года состоялось великое событие его жизни — венчание с Ганской.

В первую половину XIX в. Бердичев представлял собою довольно бойкое место, особенно в сезоны своих ярмарок, обычно оживленных разгульными гусарами, заезжими шулерами, польскими графинями, коннозаводчиками, фокусниками, музыкантами³.

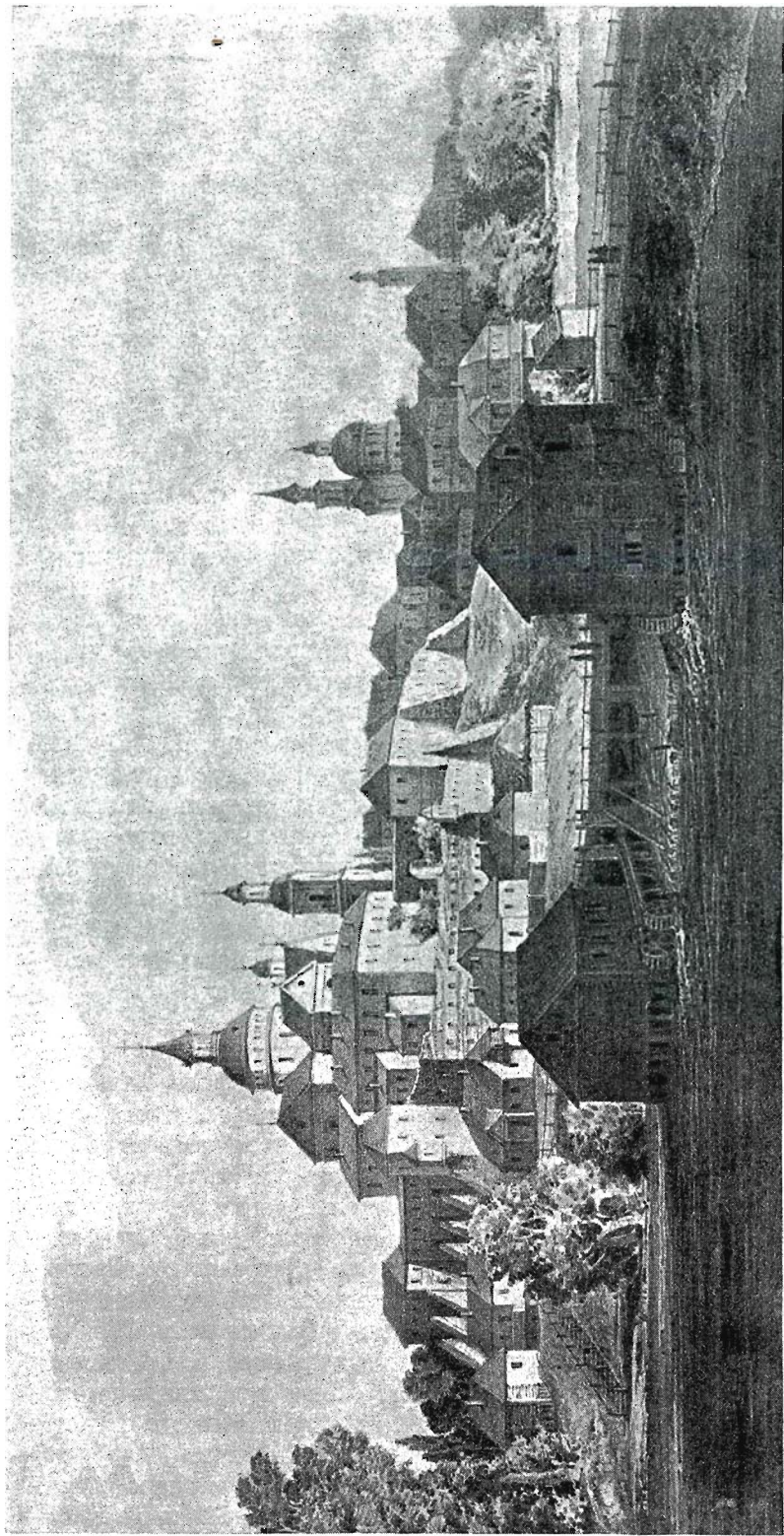
В 1843 г. киевский генерал-губернатор Бибииков в особой записке характеризовал Бердичев, как излюбленное место съезда поляков Галиции, Познани и западных губерний: «Бердичев представлял им своими беспорядками и потворством властей подобие самых буйных, беспорядочных польских сеймов — возможность делать все, предаваться всем порокам и преступлениям без всякой осторожности. Огромная карточная игра, там происходившая, служила также целью приезда. Поляки проигрывались и утешали себя мечтами в каком-нибудь тайном политическом обществе. Бердичев не раз был и местом съезда политических заговорщиков, и от него-то преступные правила и мысли развозились во все концы бывшей польской республики»⁴. В 1844 г. было повелено местечко Бердичев Житомирского уезда прирезать к Махновскому уезду Киевской губернии, под непосредственный надзор генерал-губернатора.

Город этот давно привлекал внимание романиста, как ближайший почтовый и административный пункт к обители его возлюбленной. Он не задержался в нем в сентябре 1847 г., но все же познакомился мимоходом с его бытом и оставил в своих путевых заметках любопытное описание этого «владельческого местечка», лишь за год перед тем переименованного в уездный город.

На восьмой день своего путешествия Бальзак заметил около полудня возвышенность, «на которой расположен преславный град Бердичев, представляющий, подобно своему брату, городу Броды, также владение Радзивиллов». Место мало понравилось путешественнику. «Здесь с новым изумлением увидел я дома, танцующие польку, т. е. сильно наклоненные, одни вправо, другие влево, третьи вперед, некоторые растерзанные, многие меньшего размера, чем наши ярмарочные балаганы, а по чистоте напоминающие свинной загон. Зрелище это столь неожиданно для европейца и парижанина, что необходимо его увидеть в двух-трех городах, чтобы несколько к нему привыкнуть».

«Это средоточие евреев было переполнено евреями, совершенно запрудившими улицы. При виде Бердичева даже спрашиваешь себя, находится ли кто-нибудь в этих домиках, из которых каждый может быть унесен без труда тремя парижскими рассыльными. Толпа была столь густа, что мой экипаж, запряженный шестеркой лошадей, несмотря на дикие окрики моего возницы, с трудом продвигался вперед, хотя мой кучер весьма мало заботился о том, задевают ли оси его колес невнимательных прохожих».

«Наконец, я прибыл на почтовый двор; мне отказали в лошадях под предлогом, что здесь должен проехать князь Варшавский. Какой-то полицейский объяснил мне, что моя подорожная кончается в Бердичеве, а, между тем, почта уже спрашивала с меня шесть рублей, чтобы довезти до Верховни. Приводили в разъяснение, что поместье это находилось в 60 верстах, что к нему вели проселочные дороги, и ряд других русских доводов. Все это растолковал мне француз-портной, проживающий в Бердичеве и проявивший ко мне много учтивости и внимания. Стогнались с евреями, которые вдвое дешевле, чем почта, взялись быстр

BERDYCZEW
(Ekijska)

Kościół i klasztor obronny XX Karłowców założony przez Janusza Tyszkiewicza 1630a na jego powołanie z niewol. Turckiej

БЕРДИЧЕВ
Литография по рисунку Наполеона Орды, 1840-е гг.
Музей краеведения, Бердичев

доставить меня в Верховню. Благодаря заботам г. Равеля, этого самодержца жилетов и законодателя мод на Украине, я выехал в два часа в еврейской бричке...»⁵.

От Бердичева оставалось 60 верст до конечной цели поездки. «Я, наконец, увидел настоящие степи,—продолжает свое описание Бальзак,—ибо Украина начинается в Бердичеве. Все, что я видел до того, ничего не стоило. Это пустыня, царство хлеба, это прерия Купера и ее безмолвие. Здесь начинается украинский чернозем и жирная почва, идущая в глубину на пятьдесят футов и ниже, которую никогда не удобряют и всегда засевают под хлеб. Этот вид навел на меня уныние, я впал в глубокий сон и лишь в половине шестого был разбужен криком израильянина, приветствующего обетованную землю. Я увидел некое подобие Лувра или греческого храма, озолоченного солнечным закатом и господствующего над долиной—над третьей долиной, какую я видел после границы»⁶.

II

Первое впечатление от Верховни вполне оправдало прежнее представление о ней Бальзака, сложившееся по рисункам и рассказам.

Еще в декабре 1840 г. Бальзак получил от Ганской большой пейзаж Верховни. «Я сам привез [от банкиров, получивших посылку],—пишет он,—этот ящик, сколоченный из северного дерева, которое, раскалываясь, распространило вокруг чудесный запах, возбуждавший во мне тоску по вашей стране. Если вы отапливаетесь этим деревом, какое наслаждение шевелить жар в ваших каминах; это более, чем удовольствие... Я наслаждался, созерцая это полотно; вы мне не говорили, что у вас перед лужайкой протекает река, ни что вы обладаете целым Лувром. Все это чрезвычайно красиво, стройно, свежо; фабрики нарядны, и у нас здесь нет лучших⁷. Но как печален задний план! Как угадываешь степи и всю эту страну, лишенную возвышенностей... Взгляды мои будут теперь всегда устремлены на ваши окна и на колонны вашего перистилия, и, обдумывая мои замыслы, я буду прогуливаться по вашей лужайке» (16 декабря 1840 г.)⁸.

Что случилось с парком и замком Верховни после Октябрьской революции?—вот вопрос, сильно занимающий французских литературоведов. Постараемся дать на него исчерпывающий ответ.

3 сентября 1936 г. в первом часу пополудни пишущий эти строки выехал из Бердичева в Верховню. Расстояние, на которое Бальзаку, судя по его описанию, пришлось потратить около четырех часов⁹, было покрыто легковой машиной бердичевского горсовета в какой-нибудь час времени. Общий пейзаж проселочных дорог Украины мало изменился за протекшие 90 лет: остались безбрежные поля, ветряные мельницы, деревянные мосты через речки, кое-где редкие рощи, густые лужайки, по временам выбеленные мазанки и кривые улицы украинской деревни. Проходящие колхозники называли на расспросы шофера знаменитое поместье, столь известное нам по письмам Бальзака, как и по его «Поискам абсолюта». И трудно было без волнения въезжать в живописный поселок Верховни с его широким прудом и крутой возвышенностью, плато которой занято просторным помещичьим домом, где так драматически пытался отстоять свое право на жизнь и любовь умирающий Бальзак.

В иностранной печати не раз появлялись всевозможные измышления о разрушении этого крупного культурного памятника. «Жилище это,—категорически заявляет о Верховне автор книги «Женщины в жизни

Бальзака», Жуанита Гельм-Флойд¹⁰, — жилище, в котором все реликвии Бальзака, в том числе и портрет его, писанный Буланже, тщательно сохранялись родственниками его жены, было совершенно разрушено большевиками со всеми его художественными ценностями». Автор переведенной у нас книги «Необычайная жизнь Оноре де Бальзака», Рене Бенжамен, писал в «ECHO de Paris»: «Если говорить о поместье Верховня с тем благоговением, какого оно заслуживает, необходимо признать, что большевики устроились в нем, что они его, несомненно, ограбили и опустошили и, быть может, даже зажигают свои трубки письмами Евы и Оноре»¹¹. Не говоря о прочем, достаточно указать, что переписка Бальзака с Ганской находится целиком во Франции, и было бы, конечно, мудро закуривать на Украине «люльки» документами парижских архивов. Но чего ни

УКРАИНСКАЯ ЯРМАРКА
Литография В. Штеренберга, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

пишут в антисоветской прессе! Гораздо удивительнее, что автор объемистой монографии о «Госпоже Ганской и творчестве Бальзака», доктор литературоведения София Корвин-Пиотровская, совершенно в таком же духе трактует эту тему: «Во что превратилась в руках представителей СССР эта великолепная резиденция?» — ставит она вопрос о современном состоянии Верховни. — «Мы знаем (!), что в настоящее время она служит убежищем для умалишенных; быть может, она подверглась непоправимым изменениям»¹². Ничего позорного бы, конечно, не было, если бы помещичий дом Ганской, в тридцати комнатах которого при Николае I жила семья из трех душ, превратился теперь в психиатрическую лечебницу, где получали бы излечение сотни душевнобольных. Но дом Верховни служит теперь другой, не менее жизненной и прекрасной цели: он превратился в специальную школу, в которой потомки бессловесных рабов знаменитой польки получают широкое образование и становятся полноценными, куль-

турными работниками своей социалистической родины. Гостиные и приемные покои Ганских стали аудиториями агрономического факультета «Верховенского сельскохозяйственного техникума полеводства» с четырехгодичным курсом, выпускающего агрономов для колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций. Заместитель директора по учебной части техникума, Ф. М. Пахроменко, ознакомил меня с программой этой превосходно организованной школы и был моим гидом по отлично сохранившемуся зданию. Я как раз застал в ходу ремонтные работы по реставрации лепных украшений фасада, местами обветшавших от времени. Сопровождавший меня фотограф И. Я. Бродецкий произвел ряд снимков с дома Эвелины Ганской, по которым можно видеть, как старинный лепной орнамент, зарисованный на гравюрах середины прошлого столетия, тщательно сохранен от всех разрушений времени и погоды.

Помещичий дом в Верховне был построен, вероятно, около 1800 г. в ампирном стиле, который, как известно, начал создаваться еще до «Наполеоновской империи», с первых же лет Французской революции. Колоннада с коринфскими капителями и лепным фронтоном украшает фасад двухэтажного здания шириною в тринадцать окон. В здании выдержаны растянутость всего корпуса, столь характерная для ампирных зданий, однородность фасада, вытянутость стен, их гладь и линейность¹³. От главного корпуса идут вглубь два крыла, украшенные скромным орнаментом из медальонов и гирлянд. В доме около тридцати комнат, что было более чем достаточно для семьи Ганских, но не совсем оправдывало гиперболическое и вполне бальзаковское сравнение Верховни с Лувром. Согласно фамильным преданиям, здание было воздвигнуто либо итальянскими архитекторами, либо французом Блерио¹⁴. Но мы знаем, что в русских поместьях было принято возводить архитектуру «дворянских гнезд» к знаменитым именам итальянских зодчих (над чем подсмеивался Тургенев). На самом деле, эти просторные и изящные здания строились обычно талантливыми местными архитекторами, часто крепостными зодчими. Весьма вероятно такое именно архитектурное происхождение и верховенского дома, вопреки всем легендам о его франко-итальянских строителях.

Бальзак был в восхищении от своего помещения. В ноябре 1847 г. он сообщает своей сестре: «У меня восхитительная квартирка, состоящая из гостиной, кабинета и спальни; кабинет отделан розовым гипсом; в нем камин, роскошные ковры и удобная мебель; в окнах зеркальные стекла, так что я могу охватить взглядом весь пейзаж. Можешь по этому судить, что представляет собою этот верховенский Лувр, где имеется еще пять или шесть таких же апартаментов для гостей»¹⁵.

Старый швейцар здания, Семен Романович Шевчук, служивший у последних Ржевусских и запомнивший все фамильные предания, повел нас в «квартиру Бальзака». Ее сейчас же узнаешь по описаниям самого романиста в его украинских письмах. Мы поднялись по внутренней деревянной лестнице на второй этаж; невольно возникали в сознании столь печальные упоминания этих маршей в письмах безнадежно больного романиста: «Я не могу одолеть двадцати ступеней» и проч.¹⁶ С площадки лестницы—вход в «гостиную» Бальзака. Три его комнаты—салон, кабинет и спальня—находятся в левом крыле здания (если стать к нему лицом), на втором этаже. Главный фасад дома, куда выходят два окна гостиной романиста и одно окно его кабинета, обращен на юг; левый боковой фасад, куда

выходят окна кабинета и спальни писателя, обращены на запад; в этих окнах сохранились цельные зеркальные стекла, о которых упоминал в своих письмах Бальзак. Квартира его расположена наиболее благоприятно—она занимает юго-западную часть строения, т. е. наиболее обеспеченную солнцем. В кабинете, отделанном теперь под мрамор, сохранился старинный угловой камин, перед которым отогревался от украинских морозов и ветров утомленный и хворый гость владелицы замка. Здесь Бальзак заканчивал «Человеческую комедию». Из окон расстилается и теперь вид на лужайки, заросли парка, далекие поля,—безбрежная панорама, которую писатель восхищался в своих письмах к родным.

ГЛАВНЫЙ ФАСАД ДОМА В ВЕРХОВНЕ

Крайние окна второго этажа (слева)—гостиная и кабинет Бальзака

С фотографии, принадлежащей „Литературному Наследству“

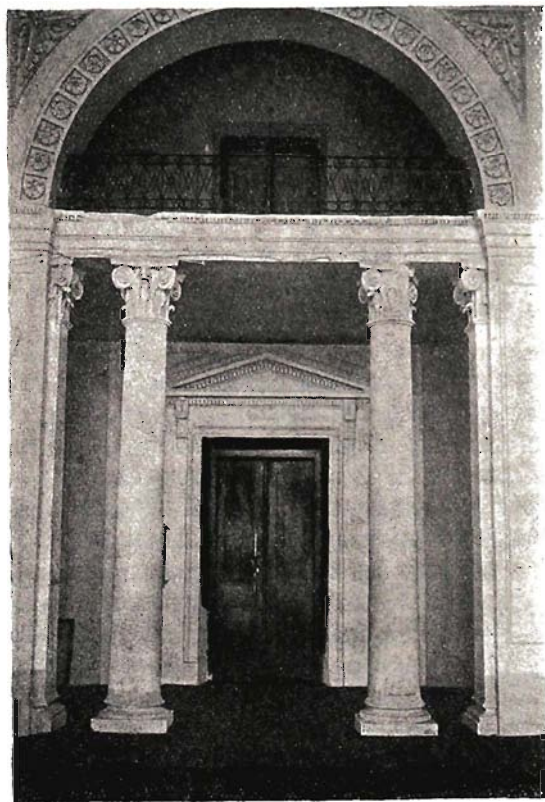
Снято в сентябре 1936 г.

Отсюда Бальзак спускался по вечерам в приемные комнаты, столовую, большой зал в два света, с хорами. Лепной карниз зала поддерживается широким фризом с барельефами на мифологические темы игр и плясок. Зал выходит на второй перистиль здания из шести колонн, откуда раскрывается весь старый парк с его глубоким оврагом, пересеченным старинным мостом довольно необычной архитектуры. Недалеко от дома в саду белеет стройная часовня—«Верхховенска каплица», где похоронены Вацлав Ганский и его малолетние дети. Все постройки самого конца XVIII или начала XIX в.—главное здание, служебные корпуса, часовня, мост—находятся в полной сохранности. Парк, конечно, сильно разросся, и в настоящее время было бы невозможно воспроизвести главный фасад здания en face, как на старинных гравюрах бальзаковской эпохи,—он почти совершенно скрыт листвою широко раскинувшихся деревьев.

III

На Украине Бальзак мог непосредственно ознакомиться с некоторыми социально-политическими явлениями, издавна занимавшими его, — именно здесь он мог увидеть те крупнейшие земельные владения, каких уже не было во Франции. Дробление больших поместий после Французской революции, замена богатейших помещиков незначительными собственниками, появление средней и мелкой буржуазии, которая повела беспощадную борьбу с земельными аристократами, — все это, как известно, чрезвычайно волновало Бальзака.

Еще в эпоху Реставрации, в 1824 г., он написал статью в защиту майоров («Du droit d'aînesse»). Он указывает в ней, что исключительное право старшего сына наследовать в земельном имуществе отца восходит к феодальному праву, которое закрепляло плоды побед за теми, кто завоевал территории, и в силу этого оказало первым условием установления монархии во Франции. Оно остается, по мнению Бальзака, главной основой сильной королевской власти и вернейшим источником всякого социального благополучия. Даже литература, по его словам, может процветать только под сенью больших состояний, сосредоточенных в руках знаменитых фамилий. Система концентрации крупных земельных имуществ в руках знати является, таким образом, основой государственного могущества и культурного процветания нации. Система же дробления земельных имуществ раскрывает «грозную перспективу новой революции». Обеднение земельной аристократии, превращение «великих землевладельцев» через два-три поколения в мелких буржуа представляет величайшую полити-

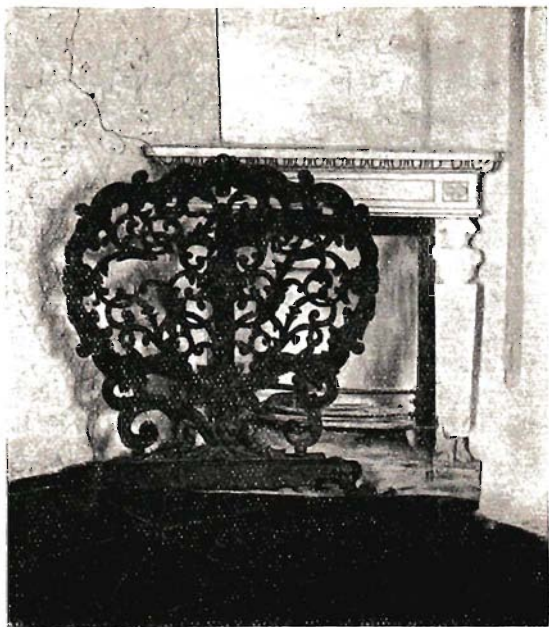

БОЛЬШОЙ ЗАЛ С ХОРАМИ
В ВЕРХОВЕНСКОМ ДОМЕ
С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“

Снято в сентябре 1936 г.

КАМИН В КАБИНЕТЕ БАЛЬЗАКА
В ВЕРХОВЕНСКОМ ДОМЕС фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“

Снято в сентябре 1936 г.

ческую опасность для королевской Франции. Внуки богатейших помещиков окажутся лишенными избирательных прав, погрузятся в бесцветное и бесславное прозябание, от чего промышленность и искусства придут в полный упадок, иссякнут таланты, и прежняя единодержавная власть станет достоянием многих, если не всех. Это приведет к порабощению нации. Единственное средство сохранения и упрочения наследственной монархии заключается в системе поддержки крупной земельной аристократии на основе права старшинства¹⁷.

Июльская революция нисколько не видоизменила этих воззрений романиста и даже, вероятно, способствовала их дальнейшему развитию и углублению. Мы знаем, что в начале 30-х годов, в момент его первого знакомства с Ганскими, ему пришлось обратиться к этим именно темам.

В 1834 г. в Женеве, сообщает историк произведений Бальзака Шпульберк де Лованжюль, Ганская обратилась к романисту с просьбой написать для нее и для ее мужа два романа: «Католический священник» и «Крупный помещик». Бальзак ответил на эту просьбу «Серафитой» и «Крестьянами»¹⁸. Католическая тема занимает Бальзака, помимо «Серафиты», посвященной Эвелине Ганской, еще в «Деревенском враче», «Сельском священнике», «Изнанке современной истории» (частично написанной в имении Ганской). Роман «Крестьяне», о котором сохранился, как мы видели, отзыв Маркса¹⁹, является самым крупным социальным романом Бальзака. Сам он писал о его главной идее Теофилю Готье в 1839 г.: «Роман «У кого земля, у того война» (первоначальное заглавие «Крестьян») представляет собою борьбу в глубине деревень крупных помещиков с пролетариями и деморализацию последних в результате их отказа от католического учения».

Бальзак в этой книге исходит из положения, что страна неразрывно связана с территорией, что народ ведет беспрестанную борьбу за завоевание земли и что подлинное овладение почвенными богатствами возможно только на основе крупной земельной собственности («la grande propriété»).

Герой романа, генерал Монкорне, приобрел огромное поместье, приносящее доход в 60 000 ливров. В управление своим имением он вносит всю суровость военной дисциплины, с целью достигнуть высших результатов в своей хозяйственной деятельности и тем наилучшим образом послужить своей стране. Но мелкие собственники, завидующие состоянию Монкорне, привлекают на свою сторону крестьян, не понимающих, что их, якобы, подлинный враг—это ничтожные буржуа, стремящиеся стать крупными помещиками. В результате напряженной борьбы мелкие собственники, сумевшие резкими нападками на власть и богатство привлечь на свою сторону крестьян, побеждают крупного владельца. Генерал Монкорне покидает свое поместье, которое захватывает целая свора мелкопоместных хищников. А с исчезновением крупного землевладения возникают непреодолимые трудности для эксплуатации земли.

В посвящении своих «Крестьян» Бальзак называет это произведение самым значительным из всех своих творений. Историк его произведений, Шпульберк де Лованжюль, разделяет это авторское мнение: «„Крестьяне“, — пишет он, — вот, вероятно, самый замечательный шедевр из всех написанных Бальзаком; именно здесь он показал взаимоотношения разных классов французского общества и подлинное положение крупных земельных собственников». Первая версия этого произведения так и была озаглавлена: «Le grand propriétaire» («Крупный землевладелец»). Затем следовали другие, также весьма характерные заглавия: «Qui terre a, guerre a» («У кого земля, у того война»), «La cabane et le château» («Хижина и замок») и, наконец, «Крестьяне» (под этим заглавием начало романа появилось в газете «La Presse» в декабре 1844 г.).

В предисловии, или, вернее, в посвящении, к своему роману Бальзак со всей точностью сформулировал свой основной замысел. Он возражает против деятельности новейших партий, призывающих к восстанию рабочих, как в свое время их предшественники возбуждали третье сословие. «Никто из этих Геростратов не нашел в себе мужества отправиться в глубь деревень, чтобы изучить на месте постоянный заговор тех, кого мы еще называем слабыми, против тех, кто еще считает себя сильными, т. е. крестьянина против помещика... Среди головокружения от демократических идей, которое захватило стольких ослепленных писателей, не следует ли, наконец, изобразить крестьянина, который лишает значения самый свод законов, сообщая крайнюю зыбкость праву собственности? Я покажу вам этого неустоимого землекопа, этого грызуна, который разрывает на части почву, ни на минуту не прекращает ее дележа и превращает арпан земли в сотню отрезков, побуждаемый к тому мелкой буржуазией, превращающей его в своего помощника и одновременно в свою добычу. Этот анти-социальный элемент, созданный революцией, когда-нибудь поглотит буржуазию, как буржуазия поглотила дворянство. Возвышаясь над законом в силу своего ничтожества, этот Робеспьер об одну голову и сотню миллионов рук безостановочно действует, притаившись во всех общинах, утвердившись в муниципальных советах, вооруженный во всех кантонах Франции в качестве национального гвардейца, каким он стал после Июльской революции, которая забыла, что Наполеон предпочел свое крушение вооружению масс»²⁰.

Эта именно преданность Бальзака порядкам старого режима не только в политическом, но и в социально-экономическом плане обратила его «русские планы» от Петербурга к Украине, от императорской столицы

к безбрежному «океану пажитей», от посольств и министерств, которые оказались для него закрытыми, к латифундиям Ганских, где он мог стать, по его собственному выражению, «украинским принцем Альбертом».

Площадь одной Верховни равнялась 21 000 гектаров земли. В 30—40-е годы в деревне насчитывалось 3 035 крепостных душ одного мужского пола. В помещичьем доме было 300 дворовых. А помимо Верховни, Ганским принадлежали такие же обширные поместья — ключ Гарностайпольский, ключ Пулинский и имение Павлоч, купленное Ганской в 1833 г. у ее брата Эрнеста.

Это была поистине *grande propriété*, столь ценимая Бальзаком.

Писатель восхищен хозяйственными масштабами украинских землевладельцев: «Поместье [Ганских] величиною в наш департамент. Мы не представляем себе протяженности и плодородия этих земель, которые никогда не удобряются и ежегодно засеваются хлебом. Хотя молодой граф [Мнишек] со своей юной графиней [Анной Ганской] обладают вдвоем двадцатью тысячами крестьян мужского пола — или около того, — что составляет сорок тысяч душ, потребовалось бы четыреста тысяч [sic!] человек, чтобы возделывать все эти земли. Здесь засевают лишь столько, сколько можно собрать... Несмотря на плодородие почвы, превращение сырья в деньги чрезвычайно затруднительно, ибо управители воруют, и нехватает рабочих рук для молотбы хлеба (который здесь молотят машинами). И, тем не

ВХОД В КВАРТИРУ БАЛЬЗАКА В ВЕРХОВЕНСКОМ ДОМЕ

Два верхние окна (справа) — спальня и кабинет Бальзака
С фотографии, принадлежащей „Литературному Наследству“
Снято в сентябре 1936 г.

менее, мы не имеем представления о богатстве и мощи России; нужно это видеть, чтобы поверить. Это могущество и это изобилие—целиком в земле, и это обстоятельство превратит со временем Россию в хозяйку европейского рынка по сельским продуктам»²¹. «Ты не в состоянии вообразить себе,—пишет он своему зятю Сюрвилю 9 февраля 1849 г.,—неисчерпаемые богатства этой обширнейшей империи. Россия и Англия—вот две единственные подлинные силы, причем мощь Англии создана искусственно, а Россия непосредственно владеет огромными запасами сырья для всех видов промышленности»²².

В одном из последующих писем эта мысль приобретает политический оттенок. «Англия обязана своим благосостоянием феодальному закону, который предоставляет родовые земли и замки старшему в семье. Россия опирается на феодальное право самодержавия. Вот почему обе эти страны находятся сегодня на пути поразительного процветания»²³.

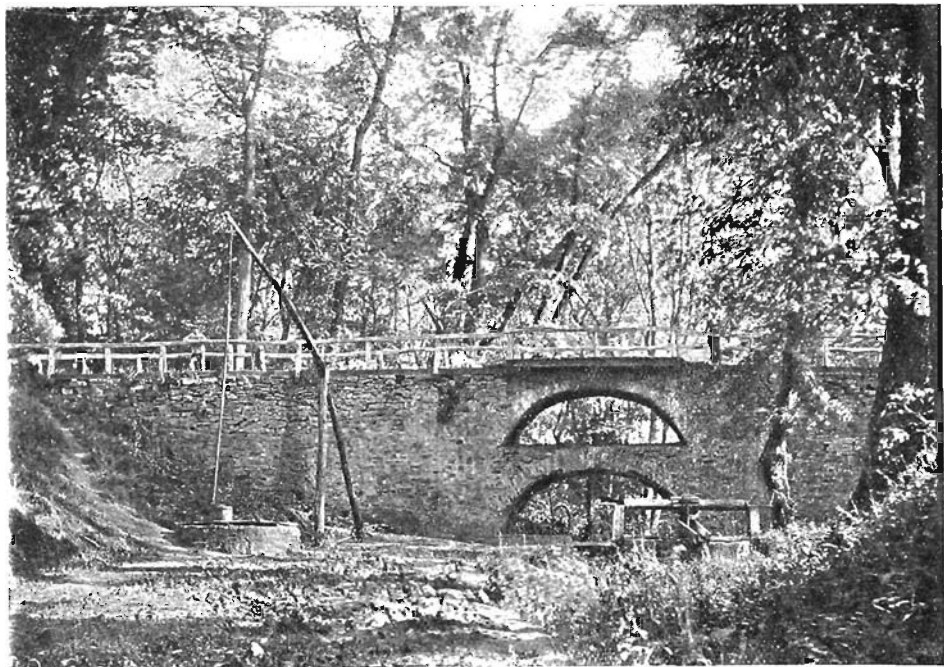
Впоследствии, уже незадолго до смерти, прожив около года на Украине, Бальзак писал 18 декабря 1849 г. своему издателю Суверэну: «Ни одна страна в мире не может сравниться спокойствием с той, в которой я теперь живу, и только ее могущество можно сопоставить с безопасностью жизни в ней. Я сильно опасаюсь, что наша бедная страна долго не сможет достигнуть такого великолепного благополучия. Россия—богатейшая в мире страна, она особенно поражает размерами своей торговли»²⁴.

Бальзак восхищается и Верховней Ганских, и Вишневецом Мнишков, где он неоднократно гостил. У мужа Анны Ганской, по словам Бальзака, «необъятное имение величиной в департамент Сены и Марны, орошаемое тремя реками—Днепром, Припетью и Тетеревом», а замок его на Волыни представляет собою «Польский Версаль». Он дарит своей жене четверик восточных жемчужин из приданого «царицы» Марины Мнишек.

Историческое поместье Вишневецких в тогдашней Волынской губернии, действительно, славилось своим дворцом, построенным в первой половине XVIII в. одним из видных представителей рода—князем Михаилом-Сервацием. Здание было сооружено, под его личным наблюдением, в сложном архитектурном стиле, сочетающем конечный период французского Ренессанса с приемами конструкции и орнаментикой начала XVIII в. Вишневецкий замок стал средоточием замечательных художественных коллекций—картинной и портретной галлерей, богатейшей библиотеки, собрания ценных рукописей, гербовников и пр. В эпоху посещения Вишневца Бальзаком все эти ценности еще были в сохранности (только в 1852 г. Юрий Мнишек вывез значительную часть картин и книг в Париж).

Бальзак восхищен размахом русско-польского быта: «В Верховне можно иметь у себя дома все виды промышленности: здесь свой пекарь, обойщик, портной, сапожник, прикрепленные к усадьбе. Я понимаю теперь потребность в трехстах дворовых, о которых говорил мне в Женеве покойный г. Ганский, к услугам которого был целый оркестр»²⁵.

Впрочем, он отмечает и некоторые противоречия быта: «Рядом с величайшей роскошью ощущаешь недостаток в самых обыкновенных предметах европейского комфорта... Это поместье—единственное, обладающее карселевыми лампами и больницей. Зеркала здесь в десять футов, а стены без обоев...». В другом письме он сообщает: «Мы отапливаемся здесь соломой (а Верховня—дворец). В неделю здесь сжигают в печах все количество

УГОЛОК ПАРКА В ВЕРХОВНЕ И СТАРИННЫЙ МОСТ
 С фотографии, принадлежащей „Литературному Наследству“
 Снято в сентябре 1936 г.

соломы, какое можно увидеть в Париже на Сен-Лоранском рынке». Его поражает медлительность жизни и сообщений: «Почту отправляют с верховым в Бердичев, т. е. за 60 верст...».

Мнишки привезли Ганской в подарок Грёза, Ватто, Ван-Дейка, Кра-наха, Каналетти, предназначенных для парижского особняка супругов Бальзак. «Какие сокровища в этих знатных польских домах! Порази-тельно, как такие ценности здесь уживаются с варварством»²⁶.

На Украине, как известно, возник один из любопытнейших деловых планов Бальзака. Зять Ганской, граф Мнишек, богатейший юго-запад-ный землевладелец, насчитывал в своем поместье двадцать тысяч десятин строевого леса и мог в любую минуту продать шестьдесят тысяч дубовых стволов. Имение его было расположено у самой русской границы, т. е. у начала галицийской дороги, ведущей к краковской железно-дорожной колее, откуда с помощью Рейна и Эльбы нетрудно было бы доставить товар в Париж. Франция нуждалась в огромном количестве дубового леса для постройки железнодорожных путей. Бальзак отправляет спешный запрос своему зятю Сюрвилю: сколько должна стоить перевозка этого груза из России во Францию? Что стоят в Париже 60 000 дубовых стволов длиной в 10 футов каждый, из которых можно сделать 60 000 балок и столько же железнодорожных шпал? Если каждый дубовый отрезок принесет только двадцать франков прибыли, это составит, по расчету Бальзака, барыш в один миллион двести тысяч франков.

Родственники Бальзака, повидимому, признали это предложение обыч-ной для него фантазией и отклонили сделку. Будущее, однако, оправ-

дало в этом проекте великого романиста и доказало правильность его деловых расчетов²⁷.

Фрибургский профессор, доктор Гааз, написал в 1902 г. письмо в газету «Temps», в котором сообщал: «Лет 15 тому назад Броды были куплены тремя торговцами леса из Лемберга за 800 000 австрийских флоринов. После среза леса одна южногерманская фирма приобрела Броды за 3 600 000. Не превосходят ли значительно эти цифры воображение Бальзака и не доказывают ли верность его деловых соображений?»²⁸.

Но не один лес привлекает внимание Бальзака. Он непосредственно осматривает хозяйственное обзаведение Верховни, посещает фабрику, гумно, плотины, изучает, наблюдает, строит выводы и проекты. Он, как всегда, отлично запоминает цифры и предлагает разумные нововведения. «На-днях я отправился на верховенский фольварк²⁹, где складывают скирды и молотят хлеб машинами; и вот для одной этой деревни было собрано двадцать скирд в 30 футов вышины, на 50 шагов длины и 12 ширины. Но воровство управителей и расходы сильно снижают прибыль. Мы не представляем себе во Франции здешнего быта». Фабричное производство имения вызывает его пристальный интерес: «... Здесь отличная суконная фабрика. Мне шьют из здешнего сукна шубу на меху сибирской лисы, чтобы я мог провести зиму, и сукно это не хуже французского. Здесь выделывают десять тысяч штук сукна в год»³⁰.

Бальзак выступает и в качестве хозяйственного культуртрегера. Еще в 1837 г. он писал своей подруге: «Скажите г. Ганскому, что я нашел способ выращивать марену в России»³¹. Он пытается теперь привить киевскому хозяйству некоторые европейские открытия и методы. Его ужасают русские плотины из смеси селомы с землей. Он выписывает из Парижа книгу о способах производства бетона и водостойчивой извести.

При этом интересе к хозяйственным целям и производственным накоплениям крупного поместья Бальзак наблюдал русских крестьян лишь мимоездом, из своей кибитки. Они производили на него впечатление счастливого и веселого населения. «...Я видел группы крестьян и крестьянок, идущих на работу или возвращающихся с поля весело, беззаботно, почти всегда с пением»... Бальзак сравнивает их с французским крестьянством, гораздо менее, по его мнению, счастливым. «И это вполне естественно: когда я узнал об условиях существования русских и польских крестьян, я превосходно понял причину их счастья. Без малейшего парадокса можно утверждать, что русский крестьянин во сто раз более счастлив, чем двадцать миллионов французского народа, т. е. тех, которые не считаются богачами и, если хотите, состоятельными людьми». Бальзак описывает розовыми красками барщину и заключает: «Вот почему крестьянин живет с беззаботностью ребенка. Его кормят, ему платят, и рабство, нисколько не представляя для него зла, становится для него источником счастья и покоя»³².

Об этом же Бальзак пишет С. С. Уварову, в ответ на письмо, незадолго перед тем полученное от него.

Перевод:

Октябрь 1847 г., Верховня

Граф,

Я только что вернулся из Киева, где оказанный мне прием дал мне понять, как много я обязан вашему сиятельству, без сомнения, столь

не с быстротой самого императора. Я был очень рад узнать, что мои друзья находятся от меня на расстоянии всего только 6 дней пути, так как пере-рывы железнодорожной колеи от Гамма до Ганновера и от Масловца до Кракова, заставившие меня потерять 48 часов, теперь уже застроены. В настоящее время шестидневный путь соединяет Париж с Бердичевым, и, следовательно, из Парижа в Одессу можно попасть в три раза скорее паровозом, чем из Марселя в Одессу пароходом. Что получится в результате этого неожиданного сближения двух великих держав? Боюсь, как бы они не создали ряд малых.

Очутившись впервые в этой части вашего огромного государства, я, вероятно, не вызову вашего удивления, граф, сообщив вам, как велико было мое изумление, когда вместо той пустыни, о которой до сих пор со времени рокового для нас 1812 г. с ужасом вспоминает Франция, я увидел великолепную Беаусе* в 60 лье длины и не знаю какой ширины, неисчерпаемую по своему плодородию; и если Беаусе является Украиной Парижа, то вы обладаете здесь Беаусе Европы. На своем пути я видел группы крестьян и крестьянок, идущих на работу или возвращающихся с поля весело, беззаботно, почти всегда с пением; так как едва ли для меня устроили театральное шествие крестьян, подобно тому, как Крым был населен Потемкиным для Екатерины, то, наслаждаясь этим разлитым повсюду глубоким покоем, проезжая по деревням без нищих, я невольно сравнивал этот живой и благоденствующий организм с истощенной Галицией, кричащей о милостыне всеми своими костями, и я не удивлялся желанию многих галичан видеть императора России своим повелителем... Но, как говорят во Франции о монетах в пять су, не будем касаться политики. Как видите, я увлекся беседой с высокопоставленным лицом, забыв в порыве благодарности и глубокой признательности, что говорю с министром.

Надеюсь, что ваше сиятельство простите мне это и примете уверения в глубоком почтении, с которым я имею честь пребывать

вашим преданнейшим и покорнейшим слугой

де Бальзак³³

Так выражает Бальзак воззрения усадебных гостиных, в которых протекает его жизнь.

В доме Ганских крепостных пороли за малейшую провинность. Бальзак об этом знал, но не приходил в ужас от этих рабовладельческих обычаев. Он просит сестру, из Верховни в ноябре 1847 г., подтвердить получение каждого его письма, «потому что гонцы напиваются, теряют письма, и хотя их за это секут, но корреспонденцию уже не воротишь»³⁴.

Так за изящным фасадом верховенского замка и прелестными пейзажами усадьбы развортывались ужасающие картины рабовладельческого быта.

Изучим по неизданным материалам этот социальный фон последней главы из биографии автора «Крестьян».

IV

Киевский и волынский помещик, Вацлав Ганский, произвел на Бальзака весьма благоприятное впечатление. Судя по письмам романиста,

* Ла Веаусе—обширная область Франции, орошаемая Сеной, Луарой, Вокулером и др., представляет собой равнину, почти сплошь засеянную под хлеб. Славится своим плодородием и считается «житницей» Франции.—Л. Г.

это был культурный и внешне воспитанный человек; он собирал автографы знаменитых людей, увлекался музыкой Россини, внимательно читал произведения французского писателя, ставшего другом его семьи, ценил его «Смехотворные сказки» и «Деревенского врача», вел с ним беседы о европейской политике. В мае 1836 г. он посылает Бальзаку ценную малахитовую чернильницу, а для утоления страсти своей дочери к чтению «истощает для нее книжные лавки Петербурга». Бальзак сочувственно отзывался об этом «достопочтенном украинском маршале»³⁵.

Иным изображают его фамильные предания и архивные документы о крестьянском движении на Украине. Его племянник (по жене), Станислав Ржевуский, рисует его «мстительным и суровым помещиком, чье ненавистное имя остается до сих пор на Украине синонимом жестокости; он,

ОБЩИЙ ВИД ВИШНЕВЕЦКОГО ЗАМКА

Во время своих поездок на Украину Бальзак останавливался в поместье Мнишков, Вишневце

С фотографии 1900-х гг.

видимо, был, как и многие другие в ту крепостную эпоху, свирепым и скаредным тираном»³⁶.

Архивные материалы вполне подтверждают эту характеристику. Из официальных документов явствует, что крестьяне Ганского были обременены непосильной работой, подвергались жестокой эксплуатации, хищническим оброкам и налогам. Сам хозяин всячески уклонялся от принятия жалоб от крестьян, отказывался разговаривать с ними, и установленный режим беспощадно проводил его родственник, Кароль Ганский, управлявший его поместьями. Большое количество крестьян находилось в бегах, другие восставали против власти помещика, подвергались заключению в острог, избиению плетью и другим тяжким карам. Характерен следующий документ из секретной части канцелярии киевского генерал-губернатора³⁷:

«Крестьяне помещика Вацлава Ганского, имеющие жительство Радомысльского уезда в деревнях, относящихся по управлению к Гарностайпольскому так называемому ключу, постепенно беднеют и разоряются, особенно со времени польского бунта, в который крестьяне Вацлава Ган-

ского, по примеру прочих соседних крестьян, представляли своих управляющих и экономов связанными к военному губернатору. Восьма многие, прежде хорошие хозяева, имеющие довольство в хлебе и скоте, до того разорились, что ни одного вола не имеют во дворе, и хлеба собственного после жатвы не достанет у них и на три месяца. Два или три человека только в деревне найдется, у которых достаёт хлеба до новой жатвы. Причиной тому: крайнее утеснение работами, так что всегда почти по целым неделям держат на работах помещичьих всякого из крестьян, кто может работать, и поэтому они не имеют времени заняться своим хозяйством. Управляющий имением, Кароль Ганский, после бунта польского отбравший хорошие участки земли, которыми издавна пользовались крестьяне, в пользу помещика, заменил самыми бедными в истребленных лесах и болотах. В этом году требовали подушного оклада от всех крестьян и за единоклетных мальчиков. В зимние вечера налоги сильные бывают на пряжи для женщин, так что дают третью долю льна или конопли, а требуют пряжею еще двух частей. Маленьких детей связанными гоняли в поле для работы. От крайнего притеснения многие крестьяне находятся в бегах—и притом большая часть таких, которые оставили свое семейство и бедное хозяйство, не находя способов поддерживать его... Если же удавалось управляющему иногда беглых словить, то ограбя донага и в кандалах по полугоду держал на своих работах».

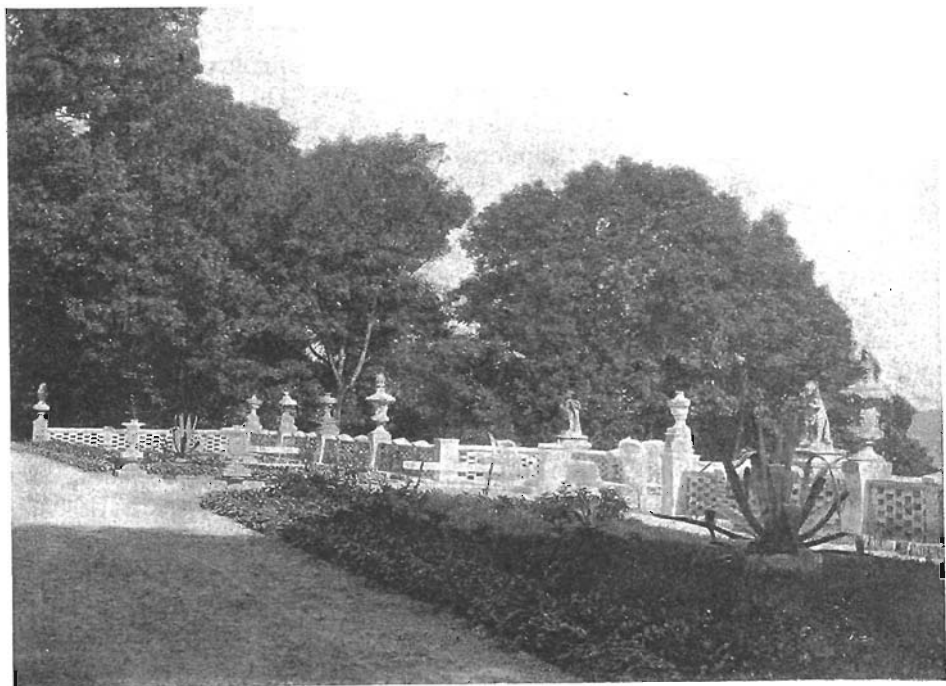
Такое обращение с крестьянами вызывало глухое брожение, нередко прорывавшееся открытыми возмущениями³⁸.

Ганский принимал «все меры к обузданию» непокорных, но тщетно. Так, 15 февраля 1839 г. произошло возмущение «с явным уклонением от повинностей и зависимости владельческой власти»; когда один из крестьян был взят под арест, он был освобожден насильственно двадцатью другими. «10-го прошлого апреля бывшие на работе с топорами 112 человек при требовании от них топоров в обеспечение, что они выйдут на работу в следующий день, собравшись в карре и держа топоры в руках, воскликнули к двум бывшим при них экономам: „Идите, берите, коли хотите смерти“». Суд постановил обвиняемых крестьян, «наказав при полиции через нижних ее служителей каждого сорока ударами плетью, водворить на месте жительства, внушив им и всем крестьянам гарностайпольского имения должное помещику Ганскому и его экономии повиновение».

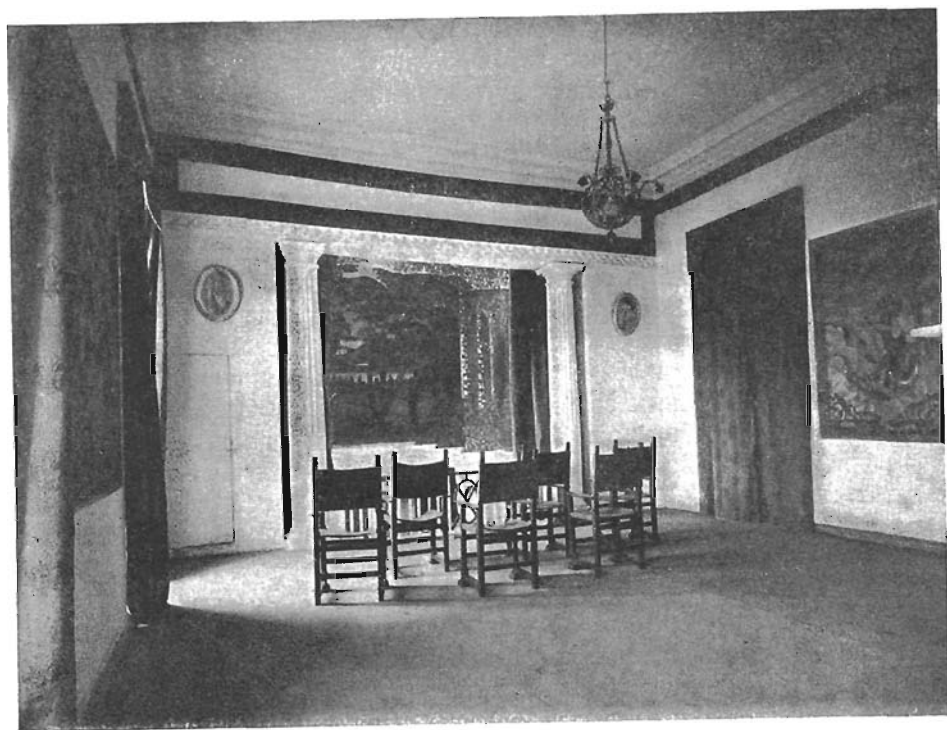
Таков был на Украине—в поместьях друзей Бальзака—подлинный быт крепостных, который представился романисту таким радостным, беззаботным и счастливым.

V

В помещичий дом Верховни, где обитатели предавались полной праздности, Бальзак внес начало труда и некоторые принципы рабочего режима. За четыре месяца, которые он здесь провел (октябрь 1847—январь 1848), он усиленно писал, словно чувствуя, что заканчивает свою литературную деятельность. «Я здесь работаю, как в Париже»,—пишет он родным. Он сообщает о своем режиме в Верховне: «Так как в настоящее время я много работаю, чтобы опубликовать по возвращении рукопись и уплатить долги, я завтракаю у себя и схожу вниз лишь к обеду; но обе дамы и граф Юрий наносят мне маленькие визиты. Здесь совершенно патриархальная жизнь, без малейшей заботы» (ноябрь 1847 г.)³⁹. И действительно, за этот краткий срок своего первого пребывания в Верховне Бальзак

ТЕРРАСА НА РЕКУ ГОРЫНЬ В ВИШНЕВЕЦКОМ ЗАМКЕ
С фотографии 1900-х гг.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛ В ВИШНЕВЕЦКОМ ЗАМКЕ
С фотографии 1900-х гг.

пишет всю вторую часть «Изнанки современной истории», под заглавием «Посвященный» («L'initié»), драму «Мачеха» (поставленную в Париже в мае 1848 г.), наконец, «Письмо о Киеве»⁴⁰. Он заканчивает свой жизненный труд в николаевской России, в крепостном поместье, в глубоко реакционной среде польских аристократов, предавшихся русскому царизму, и необходимо признать, что социально-политическая атмосфера семейства Ганских заметно отразилась на его последних произведениях.

Автор одного из лучших исследований о Бальзаке, Андре Ле-Бретон, подводит итог идейной пропаганде романиста: «Он не захотел или не смог стать выразителем лучших чаяний, захвативших в то время молодое поколение. Его Мишель Кретьен являет единственное выражение республиканской мысли 30—40-х годов, но это еле намеченный образ, остающийся в тени. Он не рассказал нам ни о июльских днях, ни о непрерывных восстаниях эпохи Луи-Филиппа. Сен-симонизм или фурьеризм, все разнообразные формы единой мечты о всеобщем счастье и братстве казались ему пустыми бреднями, и он мимоходом упоминал о них только для насмешек. Он даже иронизирует над «негрофилами», требующими освобождения черных рабов»⁴¹. Мы уже видели, что и рабство русского крестьянства не возмущало Бальзака, а в качестве претендента на руку и владения Ганской он также отрицательно относился и к вопросу об освобождении крепостных в России.

Живя у Ганских, постоянно беседуя с богатейшими юго-западными помещиками, в лице самой хозяйки дома и ее зятя Юрия Мнишка, Бальзак в произведениях, написанных в Верховне, заметно проникается их воззрениями. Его неоконченное «Письмо о Киеве»⁴² свидетельствует о приверженности автора к «самодержавной» власти («я предпочитаю управление одного человека господству толпы») и дает изображение русских крестьян, как дикарей, способных только на пьянство и безделье без попечительной власти крепостных душевладельцев.

Следы того же влияния сказываются и на эпилоге «Человеческой комедии», написанном в украинском поместье, т. е. на второй части «Изнанки современной истории». Этот «второй эпизод» романа, как бы представляющий собой самостоятельную повесть, озаглавленную «Посвященный» («L'initié»), чрезвычайно характерен для позднего Бальзака: среди оживления социальных учений и политических тревог конца 40-х годов он излагает здесь свою морально-религиозную доктрину, вполне согласованную с реакционными вкусами его владетельной невесты. Культ Польши и католицизма, противопоставление коммунизму религии, проповедь исцеления современных социальных зол «Подражанием Христу» (известной книгой Фомы Кемпийского, посланной Ганской Бальзаку в начале их знакомства), вражда к еврейству, преданность старой, дореволюционной Франции («именем Людовика XVI и Марии-Антуанетты, которых я видела на эшафоте, именем сестры короля, во имя Христа, я вас прощаю...») — вся эта смесь мистики, национализма, расовой ненависти и феодальных симпатий чрезвычайно характерна для воззрений Ганской.

Вот как излагает свою общественную миссию главный герой повести, стремящийся противопоставить идеям революционного преобразования общества церковно-филантропические меры: «Я поступаю подмастерьем на большую фабрику, где все рабочие заражены коммунистическими доктринами и стремятся к социальному разрушению и даже убийству своих хозяев, не сознавая, что это умертвит промышленность, коммерцию,

производство. Я пробуду там, быть может, целый год, ведя кассу, бухгалтерию и вникая в существование ста или ста двадцати семейств тех бедняков, которых свела с прямого пути нужда, прежде чем это успели сделать дурные книги». Социалистической пропаганде противопоставляется учение «нашей святой матери церкви», т. е. католической религии⁴³.

Весьма характерно рассуждение Бальзака о единственной плодотворной ассоциации «для совместного действия», т. е. о католической церкви. Ни тайные общества, ни промышленные союзы, ни политические ассоциации, якобы, не могли достигнуть полной преданности и абсолютной дисциплины своих членов; единственные подлинные общества — это религиозные братства. Единственный выход из социального тупика современности — «в католических добродетелях»⁴⁴.

В повести выведен врач Гальперсон, польский еврей, коммунист, друг революционера Лелевеля, эмигрант 1831 г. Он знаменит своими врачебными дарованиями и своей скупостью: его мрачная физиономия выражает предельную хитрость и алчность. Он требует двести франков за визит, а в случае выздоровления больного — тысячу экю. Он неумолим в делах, но собирает деньги для какой-то особой цели (вероятно, для восстановления Польши). Вся повесть окрашена таким национальным колоритом: «Из Польши нередко выходили такие странные, таинственные люди. Помимо этого врача, мы имеем сегодня Гене-Вронского, этого математика-ясновидца, поэта Мицкевича, вдохновенного Товянского, Шопена с его сверхестественным талантом. Великие народные потрясения всегда выдвигают таких разбитых гигантов»⁴⁵.

Героиня повести — внучка храброго поляка, флигель-адъютанта Наполеона, генерала Тарловского, который был другом Станислава Понятовского. Бабка ее — графиня Соболевская из Пинска. Сама Ванда поет заунывные польские песни, навевающие грусть и восхищение. Она страдает истерией и особой болезнью польских и литовских болот — колтуном⁴⁶. Эти мотивы последней повести Бальзака явственно свидетельствуют о месте ее зарождения и разработки. Зимой 1847 г. в Верховне Бальзак читал вслух «Посвященного» Ганским и Юрию Мнишку. Он даже называет в своих письмах эту повесть «детисцем Верховни»⁴⁷.

Действительно, рукопись имеет помету: «В е р х о в н я , У к р а и н а , д е к а б р ь 1847 г.» Эта дата знаменует окончание «Человеческой комедии». Более к своей серии романов Бальзак уже не вернется. Прихотливая история его творчества должна была завершиться — как в сущности и его личная судьба — за тысячу верст от его любимого Парижа, на чужбине, среди украинских степей. Великий Бальзак венчался в скромном приходском костеле унылого Бердичева и завершал свой грандиозный труд в маленьком кабинете верховенского дома, среди мертвой тишины глухого уезда николаевской России⁴⁸.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Lettre sur Kiew, 15.

² Korwin-Piotrowska, 437.

³ «Киевская Старина», 1898, V, 45, статья «Бердичевская ярмарка».

⁴ Мердер А., Бердичев в сороковых годах. — «Русская Старина», 1901, IV, 119—121.

⁵ Lettre sur Kiew, 70—71.

⁶ Lettre sur Kiew, 71—72.

⁷ Бальзак принял за «нарядные фабрики» служебные флигеля, построенные по обеим сторонам главного фасада здания и составляющие с ним один архитектурный ансамбль.

Фабричные постройки отстояли очень далеко от помещичьего дома и были расположены на противоположном берегу пруда.

⁸ *Lettres à l'Etrangère*, I, 548—549.

⁹ *Lettre sur Kiew*, 88.

¹⁰ *Floyd*, 243.

¹¹ Benjamin (René), *Chez le neveu de Balzac*.—«*Echo de Paris*», 4 juillet 1920. Сведения о том, что в Верховне до последнего времени сохранились рукописи Бальзака, не подтверждаются фактами. Писатель действительно дарил Ганской рукописи своих произведений, которые по его словам составляли „целую библиотеку в огромном сундуке“ (*Lettres à l'Etrangère*, II, 153). Рукопись „Серафиты“ была послана Ганской в Петербург с маркизом Кюстином. Таким образом в 40-х гг. Верховня представляла собой подлинную сокровищницу литературных автографов Бальзака. Но все эти рукописи были вывезены в 1850 г. в Париж, где в момент смерти Ганской они сильно пострадали (см. прим. 37 к гл. VII).

¹² *Korwin-Piotrowska*, 78.

¹³ Некрасов А. Н., *Русский амбир*, М., 1935.

¹⁴ *Rzewuski* (Adam), *Reminiscences du séjour d'Honoré de Balzac à Wierchowonia par son neveu*.—«*Messenger polonais*», Varsovie, 29 и 30 мая 1928 г., №№ 1009 и 1010. Сведения, сообщенные в печати племянником Ганской, Адамом Ржевуским, не заслуживают доверия. Неверно, что Бальзак венчался в кармелитском монастыре Бердичева; что Ганская во время болезни Бальзака выписывала врачей и профессоров из Киева (его лечили исключительно верховенские медики—отец и сын Кноте); что Ганские относились мягко и благодушно к своим крепостным и т. д. С таким же основанием Адам Ржевуский уверяет, «что Юрий Мнишек был знаменитым ученым», а «Станислав Ржевуский оставил имя драматурга и критика во французской (!) и польской литературе». Наконец, в этой же статье находим измышление о том, что после Октябрьской революции Верховню, якобы, превратили в дом умалишенных.

¹⁵ *Correspondance*, II, 320.

¹⁶ *Ibid.*, II, 443.

¹⁷ *Œuvres complètes* (Lévy), XXIII, 1—13.

¹⁸ *Spoelberch de Lovenjoul*, *La genèse d'un roman de Balzac*—«*Les Paysans*», P., 1901, 1—8 и сл. Тема «Крестьян» Бальзака звучит в неизданном письме его вдовы к канцлеру Горчакову от 17 января 1861 г. из Парижа: «Нужно было, подобно мне, долго прожить в западных губерниях, чтобы узнать, с каким цинизмом там целые семейства бывают разорены мелкими служащими—судейскими, управителями, подлинными хищниками, которые набрасываются на имена и пожирают их, угнетая крестьян по мере того, как они разоряют помещика» (письмо Евы де Бальзак к канцлеру А. М. Горчакову 17 января 1861 г. из Парижа.—Архив внешней политики, Москва. Письмо не издано).

¹⁹ Маркс, *Капитал*, 1935, III, 12.

²⁰ *Œuvres complètes* (Lévy), XIV, 233.

²¹ *Correspondance*, II, 319.

²² *Ibid.*, II, 365.

²³ *Correspondance*, II.

²⁴ *Balzac and Souverain*, 86—87.

²⁵ *Correspondance*, II, 321—325. О Вишневецке см. Лукомские, В. и Г., *Вишневецкий замок*.—«*Старые Годы*», 1912, III, 3—40.

²⁶ *Ibid.*, 419—420. Верховня представляла некоторый интерес и в археологическом отношении. В местности имелся один из древних курганов (Антонович В. Б., *Археологическая карта Киевской губернии*. Изд. Моск. археологич. общества, М., 1895, 59).

²⁷ [Ярон С. Г.], Киев в 80-х годах. Воспоминания старожила. Киев, 1910, стр. 3—15. Псевдоним раскрыт в брошюре: Ж и в о г л я д о в А. П., *Несколько слов по поводу воспоминаний Сергея Григорьевича Ярона «Киев в 80-х годах»*, Киев, 1910.

²⁸ «Balzac et ses 60.000 chênes de Pologne».—«*Revue biblio-iconographique*», 1902, 480—481. В 70-х годах 6000 дес. векового дубового леса были проданы новым владельцем для «выборочной» рубки за 900 тыс. руб. (см. ст. Лукомских «Вишневецкий замок», стр. 37. Ср.: «Процесс о Вишневецком имении по иску гр. Плятера против Толли». Киев, 1888, и «Киевлянин», 1888, №№ 25—26 и 48—50).

²⁹ «Имение разделяется обыкновенно на экономии, или ф о л ь в а р к и; ими заведывают экономы из вольных людей, большею частью польские дворяне и люди из бывшей шляхты; меньшими фольварками иногда заведывают свои крестьяне, и таких называют приказчиками» (Ф у н д у к л е й И., *Статистическое описание Киевской губ.*, II, 256).

³⁰ *Correspondance*, II, 324, 326. Фабрика Ганских не принадлежала к крупнейшим предприятиям суконного производства на Украине (каким считалась,

напр., Таганская фабрика Понятовских, организованная в 1816 г. бельгийцем Янсом и изготовлявшая в 40-е годы изделий на 300 000 р. сер. в год), но она считалась старинной и отличалась хорошим устройством. Цифру 10 000 следует считать ошибочной—вероятно, Бальзак написал «штук сукна» вместо «аршин сукна».

³¹ *Lettres à l'Etranger*, I, 442.

³² *Lettre sur Kiew*, 65—66.

³³ Автограф.—Рукописное отделение Исторического музея, Москва («архив Уварова»).

В Киевском областном историческом архиве сохранилось «Дело о доставлении писем от генерал-губернатора к французскому литератору Бальзаку, имеющему прибыть в западные губернии России к графам Мнишкам. Началось 2 сентября 1847 г. Кончилось 14 октября 1847 года. Канцелярии киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора. На 10 листах». Составляющие это «дело» несколько мелких документов, которые мы приводим, дают ряд дополнительных штрихов к украинской главе биографии Бальзака.

1. 2 сентября 1847 г. Отпуск предписания киевского генерал-губернатора Бибикова кременецкому исправнику, № 7304 (л. 1—об. 1).

В скором времени имеет быть у графов Мнишков в м. Вишневце известный французский писатель Бальзак. Поручаю вашему высокоблагородию по прибытии его тотчас вручить ему прилагаемое при сем письмо. А если бы он не находился в имении Мнишков около Бердичева, то немедленно препроводить это письмо к тому исправнику, в уезде коего он будет находиться, для вручения Бальзаку. Об исполнении мне по сему донести.

2. 10 сентября 1847 г. Рапорт кременецкого земского исправника Майбороды из м. Радзивиллова киевскому генерал-губернатору Бибикову, № 1173 (л. 2—об. 2).

Вашему высокопревосходительству во исполнение предписания от 2-го числа сего сентября за № 7304 имею честь почтительнейше донести, что известный французский писатель Бальзак 31 числа прошедшего августа прибыл из-за границы в м. Радзивиллов, а отсель того же числа отправился в Бердичев, из Бердичева же предполагает ехать в с. Верховню, имение помещицы Ганской, состоящее в Сквирском уезде. Почему о вручении Бальзаку препровожденного при прописанном выше предписании вашего высокопревосходительства письма сообщено мною сего же числа за № 1172 к сквирскому земскому исправнику, с тем, чтобы по вручении одного прямо от себя донес вашему высокопревосходительству. Земский исправник Майборода.

3. 16 сентября 1847 г. Отпуск предписания правителя канцелярии киевского генерал-губернатора Бибикова сквирскому исправнику, № 2730 (л. 3).

Покорнейше прошу ваше высокоблагородие прилагаемое при сем генерал-губернатора письмо к французскому литератору Бальзаку, находящемуся в Сквирском уезде в с. Черниховке [ошибочно вместо: с. Верховне], доставить немедленно по принадлежности, если же он куда выехал, то приказать отправить письмо немедленно же туда, где он есть.

4. 18 октября 1847 г. Отпуск письма киевского генерал-губернатора Бибикова министру внутренних дел Л. А. Перовскому (л. 4):

Милостивый государь Лев Алексеевич! Долгом поставляю уведомить ваше высокопревосходительство, что в Киевскую губернию приехал известный французский писатель Бальзак, а киевским гражданским губернатором выдан ему паспорт на пребывание в Киевской губернии. Говорят, что он прибыл сюда, чтобы жениться на вдове помещицы Ганской, урожденной графине Ржевусской.

5. 3 октября 1847 г. Рапорт сквирского земского исправника киевскому генерал-губернатору Бибикову, № 1814 (л. 7).

Присланное при предписании вашего высокопревосходительства от 16 сентября за № 7730 письмо к французскому литератору Бальзаку, находящемуся в с. Верховне Сквирского уезда, вручено по принадлежности с распиской. О сем имею честь вашему высокопревосходительству почтительнейше донести. Земский исправник [подпись].

6. 10 октября 1847 г. Рапорт сквирского земского исправника киевскому генерал-губернатору Бибикову, № 1851 (л. 8).

Присланное кременецким земским исправником 10 сентября за № 1172 письмо от вашего высокопревосходительства на имя известного французского писателя Бальзака вручено ему по принадлежности с распиской. О сем почтительнейше честь имею донести вашему высокопревосходительству. Земский исправник [подпись].

³⁴ *Correspondance*, II, 328.

³⁵ Письмо Вацлава Ганского к Бальзаку от 15/27 мая 1836 г. напечатано в *Lettres à l'Etranger*, I, 330—331.

³⁶ Rzewuski (St.), Le mariage de Balzac, «Nouvelle Revue», 15 janvier 1906.

³⁷ Все нижецитируемые документы о крестьянских волнениях в имениях Ганских взяты нами из Киевского областного исторического архива. Фонд генерал-губернатора, секретная часть. 1840 г., б/н, лл. 109—110.

³⁸ Приведем выразительную выписку из путевого журнала некоего ротмистра Стогова от 15 сентября 1840 г.:

«Радомысльского уезда, помещика Вацлава Ганского, Гарностайпольского ключа крестьяне: Алексей Приходько и Роман Демиденко принесли мне жалобу в том, что будучи утруждены со стороны экономии несоразмерной работой, хотели просить об уменьшении оной помещика своего Ганского, приезжавшего в Радомысльский уезд в м. Гарностайполь, но экономия не допустила их к помещику.

Они отправились в Киев и подали жалобу губернатору. Управляющий Гарностайпольским ключом, явившись также в Киев, получил разрешение отправить непокорных крестьян из киевской полиции и отправил под конвоем своих казаков в город Радомысль. Еще до выезда из Киева просили они дозволить им видеть помещика своего Вацлава Ганского, но опять к нему не были допущены. В Радомысле посажены были в острог, где им перебрили головы, а потом через три недели отослали в м. Чернобыль и содержатся там уже две недели...».

Крупный интерес представляет также дело Радомысльского уездного суда от 24 ноября 1839 г., из которого видно, что «помещик Вацлав Ганский подал жалобу киевскому генерал-губернатору на своих крестьян Гарностайпольской волости, которые с некоторого времени подверглись лени и пьянству и, при взыскании с них за то, оказались дерзкими и выходящими из должного повиновения, за какие поступки и подачу в 1831 и 1832 гг. вымышленных ложных и несправедливых жалоб до 10 человек из них по решению правительствующего сената в 1832 г. наказаны плетью и для приведения их в послушание главное начальство вынуждено было употребить военную команду, и с того времени хотя казалось, что они усмирились, однакож последствия доказали, что раз вкравшись, зло не скоро может искорениться». (Из материалов Киевского областного исторического архива. Фонд генерал-губернатора, секретная часть, 1840 г.).

³⁹ Correspondance, II, 326—327.

⁴⁰ Дата и место написания «L'initié» помечены на рукописи романа. См. Œuvres complètes (Lévy), XII, 763. О других работах Бальзака в Верховне см. Ferry (Gabriel), Balzac après le 24 février 1848.—«Revue hebdomadaire», 9 juillet 1898.

⁴¹ Le Breton (André), Balzac. L'homme et l'œuvre. P., Armand, 1905, 135.

⁴² Lettre sur Kiew, 36, 43—44, 65—68.

⁴³ Œuvres complètes (Lévy), XII, 674, 737.

⁴⁴ Ibid., XII, 679.

⁴⁵ Ibid., XII, 735.

⁴⁶ Болезнь эта даже вошла в медицинскую терминологию с признаком своего географического происхождения: она называется по-латыни *plica polonica*, по-французски *plicque polonaise*. Как раз перед приездом Бальзака в Верховню киевский профессор А. П. Вальтер защищал в 1845 г. свою диссертацию на доктора медицины, трактующую о колтуне. В своей повести Бальзак отразил, вероятно, отголоски различных мнений по поводу диссертации проф. Вальтера, дошедших до него через верховенского доктора Кноте. См. Биографический словарь профессоров и преподавателей Киевского университета, под ред. В. С. Иконникова, Киев, 1884, 85—86.

⁴⁷ Письма к Ганской 26 июля и 24 августа 1848 г. См. Korwin-Piotrowska, 444. Во французской критике 1848 г. этот роман Бальзака встретил весьма отрицательную оценку. В «Voix du Peuple» Прудона была помещена статья Таксиля Делора об «Изнанке современной истории», резко осуждающая Бальзака (Ferry, op. cit., 245). Основные тенденции своего последнего романа Бальзак имел в виду развить и в задуманном им в 1848 г. другом произведении, «Ессе Нотом». В журнале «Evénement» 1848 г., редакции которой Бальзак обещал этот философский роман, сообщалось, что он посвящен теме «христианского милосердия» (Ferry, op. cit., 245).

⁴⁸ Находясь в Верховне, Бальзак, конечно, продолжал задумывать новые произведения, а подчас и делать первые наброски к ним. «Сколько романов, задуманных в те долгие месяцы кажущейся праздности, которые он провел в России!—воскликает Шпильберг де Лованжюль.—Сколько неизданных страниц, помеченных Верховней, нашли мы среди его бумаг—беспорядочные доказательства труда, которого ничто не могло прервать, даже ужасающие приступы болезни, которая вскоре должна была его унести!» (Sproelberch de Lovenjouil, La genèse d'un roman de Balzac—«Les Paysans», P., 1901, 302).

ГЛАВА ПЯТАЯ

КИЕВ

I. ПОЕЗДКИ БАЛЬЗАКА В КИЕВ.—«СЕВЕРНЫЙ РИМ».—ЗАМЫСЕЛ «ПИСЬМА О КИЕВЕ». II. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА: ЛАВРА И СОФИЯ.—РАЗОЧАРОВАНИЕ БАЛЬЗАКА.—КИЕВ В ОПИСАНИЯХ Г-ЖИ СТАЛЬ, УКРАИНСКИХ И РУССКИХ ПОЭТОВ. III. ИНТЕРЕС БАЛЬЗАКА К СОВРЕМЕННОСТИ.—КОНТРАКТОВЫЕ ЯРМАРКИ. IV. ОБЕД РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В ЧЕСТЬ БАЛЬЗАКА.—КИЕВСКИЕ ЗНАКОМСТВА.—ГУБЕРНАТОР ФУНДУКЛЕЙ: АРХЕОЛОГИЯ И СЕКРЕТНЫЙ НАДЗОР.—ПОМОШНИК ПОПЕЧИТЕЛЯ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА М. В. ЮЗЕФОВИЧ; ПИСЬМА К НЕМУ БАЛЬЗАКА.—КИЕВ В РИСУНКАХ М. М. САЖИНА.—ШАФЕР БАЛЬЗАКА ГУСТАВ ОЛИЗАР.—«ВИЦЕ-КОРОЛЬ ТРЕХ ГУБЕРНИЙ» БИБИКОВ; ЕГО ПЕРЕПИСКА С ЗНАМЕНИТЫМ ОБИТАТЕЛЕМ ВЕРХОВНИ. V. КИЕВСКАЯ ХОЛЕРА 1847 г.—НЕДУГИ БАЛЬЗАКА.—ПОЧЕМУ КИЕВ НЕ ПОПРАВИЛСЯ РОМАНИСТУ И ДАЖЕ НЕ БЫЛ ОПИСАН В ЕГО «LETTRE SUR KIEW»

I

За время своего пребывания в Верховне Бальзак несколько раз посетил Киев. Судя по его переписке, он был здесь осенью 1847 г., зимой и весной 1849 г., в январе—феврале 1850 г.; по другим указаниям, он был здесь и в апреле 1850 г., перед самым отъездом во Францию. Его призывали в Киев официальные дела и потребность увидеть древний русский город. «Я должен посетить Киев,—пишет Бальзак сестре 8 октября 1847 г.,—этот с е в е р н ы й Р и м, город с тремястами церквей, чтобы приветствовать генерал-губернатора, вице-короля трех губерний величиною с империю, и получить у него вид на жительство»¹.

Киев по рассказам и описаниям представлялся Бальзаку центром восточной церкви, средоточием религиозных древностей, богатейшим храмом православных реликвий.

Следует иметь в виду, что незадолго перед тем, в апреле 1846 г., Бальзак посетил Рим, который привел его в восхищение. «Город цезарей и пап» особенно поразил его пышностью католического культа: триста церквей, собор Петра, торжественные богослужения (Бальзак провел в Риме пасхальную неделю)—все это произвело на него сильнейшее впечатление. «Рим, несмотря на краткий срок моего пребывания в нем, останется одним из величайших и прекраснейших воспоминаний моей жизни»².

Аналогичных впечатлений Бальзак ждал и от Киева, о чем сам писал в своих путевых заметках: «После того, как я повидал католический Рим, я испытывал живейшее желание видеть Рим православный. Петербург—еще город-младенец, Москва только что вступила в мужественный возраст, но Киев—это Вечный город Севера»³.

Вот почему древняя столица Приднепровья столь привлекает творческое внимание Бальзака. Если условия его поездки в Петербург в 1843 г. не дали ему возможности написать книгу о России, он решает теперь, в 1847 г., описать свое путешествие на Украину.

Сохранившееся начало рукописи, озаглавленной «Письмо о Киеве», дает довольно отчетливое представление о плане и характере всего намеченного очерка. Он был задуман, как серия корреспонденций в парижскую газету «Journal des Débats» в виде дружеских писем к ее редактору Арману Бертену. Последний, с целью возбудить интерес к этой публикации, поместил в своей газете 4 сентября 1847 г. следующую заметку:

«Наш знаменитый романист Бальзак только что выехал в Киев. Он отправляется в южную Россию через Галицию и Подолию. Бальзаку придется проехать по странам, которые лишь изредка посещаются европейцами, но зато ему всюду будет предшествовать его знаменитое имя»⁴.

Приехав в Верховню, Бальзак приступил к записи своих путевых впечатлений. Сохранилось пятьдесят пять листов веленовой бумаги, на которые занесены непосредственные впечатления писателя об этапах его путешествия в нашу страну. Эта незаконченная работа Бальзака, недавно лишь впервые опубликованная (1927), представляет для нас особый интерес, как единственная его попытка дать целое произведение о современной России. Оно выдержано в тоне живой и быстрой беседы, с беглыми зарисовками, мелькающими анекдотами, сценками, остротами. Путевые впечатления здесь перемежаются с размышлениями автора о немецкой флегме, о русском послушании, о парижских поляках, о галицийских евреях, о польских магнатах и украинских крепостных. Манера письма свидетельствует, что жанр «путешествий», столь мало использованный Бальзаком, так же полно развернул бы его повествовательный дар, как и все прочие испробованные им словесные виды. Рукопись его носит при этом явственные следы всегда присущего ему полонофильства. Правда, эти национальные симпатии окрашены определенным социальным оттенком: Бальзак на стороне «покорившихся поляков» (т. е. украинских землевладельцев), а не «бессмысленных парижских эмигрантов» с их революционными утопиями. Он с увлечением рассказывает о богатствах знатных польских родов, он подробно описывает «славу опочившей Польши» — Краковский собор с его гробницами Баториев и Ягеллонов.

Задача и главная тема задуманной книги Бальзака, как показывает заглавие, — дать подробное описание центра Украины, столь связанного с историей Польши.

«Подавляющее большинство французов не знает, что такое Киев, — замечает Бальзак в самом начале своего изложения. — Итак, Киев — это столица Украины, это священный град России, бывшая метрополия, татарский и русский Рим, старшая сестра Москвы, резиденция князей* в те времена, когда князья еще зависели от великих орд...»⁵.

Тема в историческом разрезе представлялась чрезвычайно значительной и драматичной.

«... Из всего этого я сделал заключение, что даже если бы у меня не было друзей, живущих вблизи Киева, я все же поехал бы в Киев в интересах литературы и этнографии» («vérité locale») ⁶.

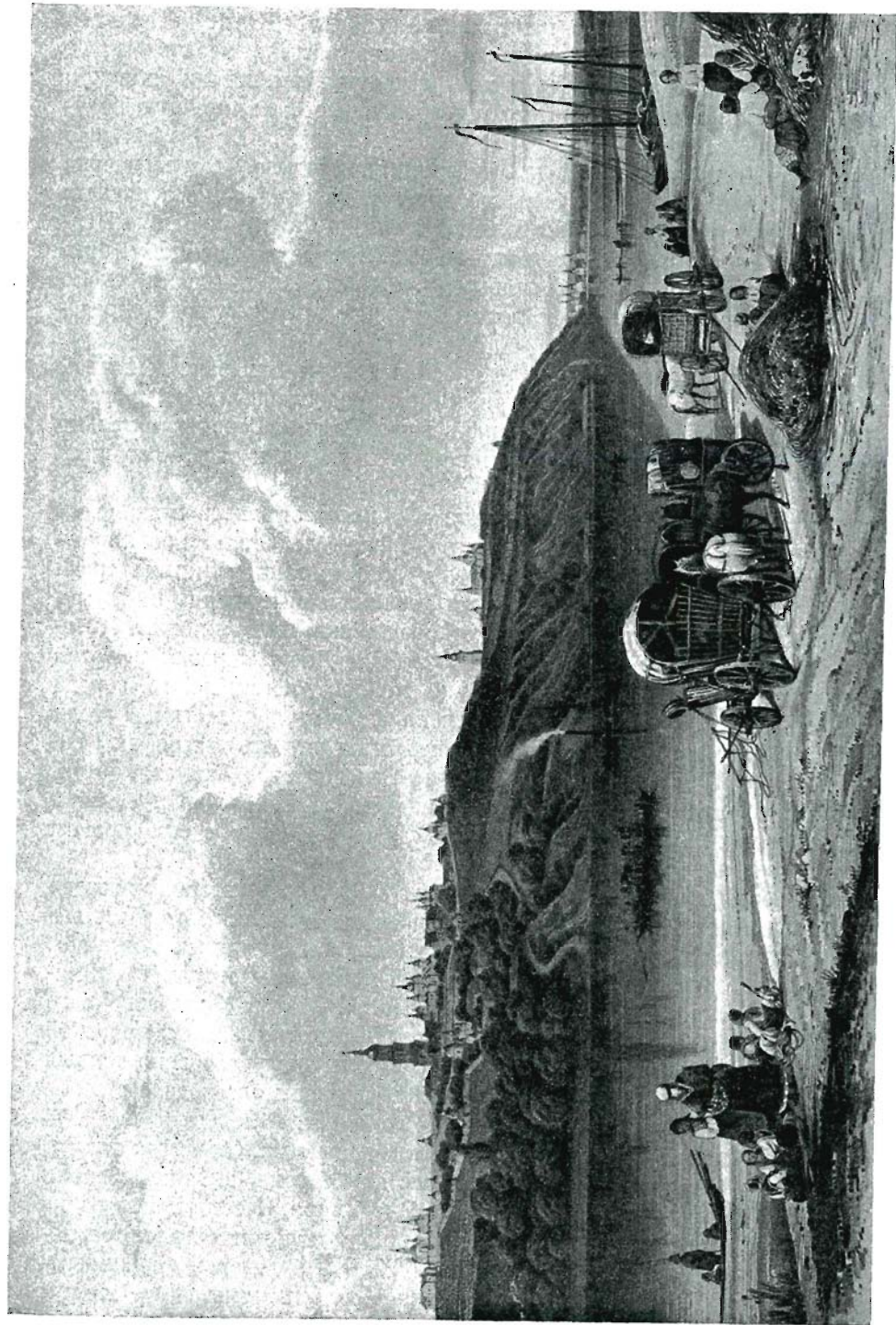
Бальзак отправляется из Парижа в Киев с уверенностью, что ради этого города, где незадолго до него представляли европейскую культуру актриса Жорж, Гектор Берлиоз и Лист, стоит проделать восьмидневное путешествие через Францию, Бельгию, Германию, Австрию и Украину всеми способами сухопутного передвижения — в дилижансах, вагонах, кибитках и бричках.

II

«Итак, я, наконец, отправился в Киев, — сообщает Бальзак сестре в ноябре 1847 г., — и обе дамы [Ганская с дочерью] сопровождали меня...»⁷.

Путешествие российских помещиков из имения в город, хотя бы на один месяц, при отсутствии железных дорог, представляло чрезвычайно громоздкое предприятие. Мы знаем по «Евгению Онегину», как мелкопоместная Ларина снаряжала в Москву целый обоз, состоящий из «боярского

* Мы позволяем себе перевести термин Бальзака «tzars» исторически более точным — князья.

„ВИД КИЕВА ИЗ-ЗА РЕКИ ДНЕПРА“

Литография с рисунка М. Сажина

Часть киевских зарисовок Сажина была литографски воспроизведена в альбоме И. Лауфера, подаренном Бальзаку М. В. Юзефовичем
Бальзак намеревался украсить этими литографиями лестницу своего парижского дома
Русский музей, Ленинград

возка» с упряжкой в восемнадцать кляч и трех кибиток, полных «всякого добра...». Можно представить себе, насколько обширнее и наряднее был поезд богатейшей Ганской! Бальзак в двух строках сообщает о сложности такой экспедиции: «Необходимо нанять для этого дом [в Киеве], отправить туда экипажи, лошадей, посуду, кухонную утварь, постели, мебель и пр.»⁸. В сезон контрактов за наем дома в семь комнат на две недели платили в Киеве 2500 руб. ассигнациями (по тем временам весьма крупную квартирную плату)⁹.

Судя по старинной карте Киевской губернии, приходилось ехать сначала проселочной дорогой, а затем большой дорогой на Фастов и Васильков; лучшая шоссейная дорога делала большой крюк на Сквиру и Белую Церковь; первым маршрутом от Верховни до Киева, судя по масштабу, приходилось ехать около 80 верст, вторым, т. е. в объезд по шоссе, около 100 верст¹⁰. Вероятно, состояние дорог в связи с временем года определяло выбор пути.

Но все это снаряжение не оправдалось в глазах Бальзака конечной целью поездки: «Итак, я увидел северный Рим, православный город с тремястами церквей, богатства Лавры, степной святой Софии». Город решительно не понравился писателю: «На это можно взглянуть один раз»,—сообщает он в том же письме¹¹.

Между тем, очарование старого Киева обычно сказывалось в записках путешественников и в описаниях поэтов. Мадам де Сталь, посетившая приднепровскую столицу почти за 40 лет до Бальзака, отметила среди убогих хат, похожих на бивуачные шатры, великолепные дворцы и церкви, создающие в лучах заката впечатление праздничной иллюминации. Киевские пещеры напомнили ей римские катакомбы, а Днепр поразил чистотой и ширью своих потоков¹². Поэтический колорит легендарного города с его казаками и бурсаками замечательно схвачен в повестях Гоголя и в поэмах Шевченко, а тема Киева не перестает звучать в строках Козлова, Рылеева, Подолинского, Хомякова, Бенедиктова, Тютчева, Фета. Летом 1825 г. здесь побывал проездом на Кавказ Грибоедов и оставил в своих письмах восторженный отзыв о «древнем Киеве» с его «мраком пещер» и «зеленью тополей»¹³.

Лесков, переехавший в Киев как раз в 1849 г., т. е. в эпоху заездов сюда Бальзака, внес в свои мемуары восхищенные описания «этого милого города в его дореформенном виде с избытком деревянных домиков», «с тихим Печерском и облежавшими его урочищами», «которые были застроены как попало, но очень живописно...». Автор «Запечатленного ангела» оценил, как художник, надбережные хатки над днепровской кручей, придававшие «прекрасному киевскому пейзажу особенно теплый характер», и своеобразные нравы населения, сохранявшие подчас в своем быту отпечаток «стародавнего запорожского духа...»¹⁴.

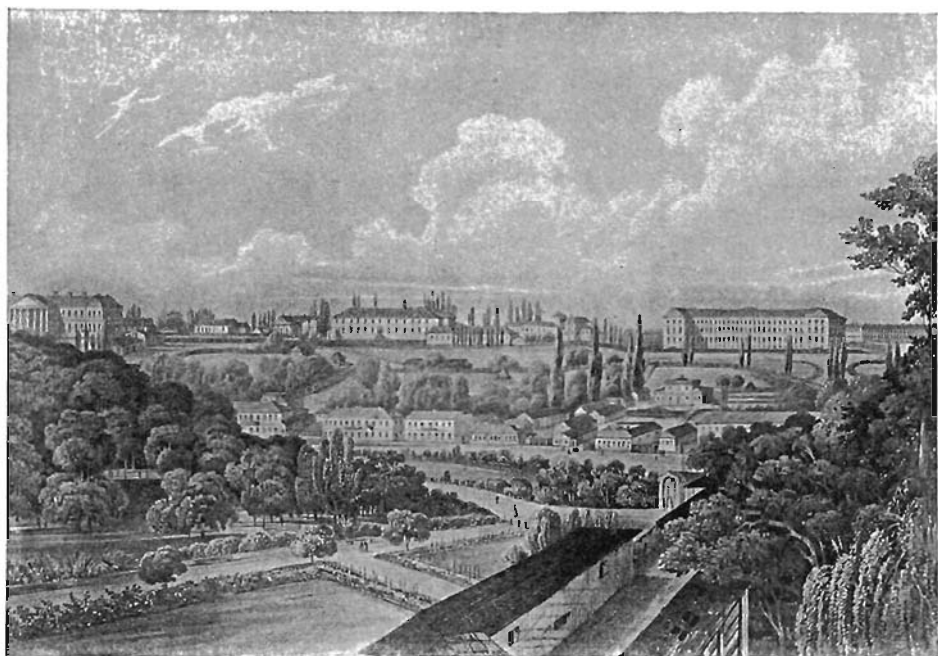
Но Бальзака мало заинтересовали киевские древности. Он всегда считал, что Россия начинает представлять интерес для европейца лишь с эпохи Петра I¹⁵. Имена Аскольда, Ярослава, Владимира, Нестора ничего не говорили ему. Поклонник католического искусства, он остался равнодушен к памятникам восточной церкви. Но если пещеры, гробницы и мощи киевских затворников и целбников, столь умилавшие толпы богомольцев, не могли пленить посетителя Нотр-Дам и св. Петра, оставались все же и здесь замечательные образцы архитектуры и живописи—византийский стиль древней Софии и блестящий образец рококо в Андре-

„ПЕРСПЕКТИВА КИЕВА С СОБОРОМ“

Литография с рисунка М. Сажина

Русский музей, Ленинград

„ВИД КИЕВА С ПАРКОМ“

Литография с рисунка М. Сажина

Русский музей, Ленинград

евской церкви Растрелли; оставались фрески и мозаики Софийского собора, старинная лаврская иконопись, весь живописный и пестрый городок на Печерском склоне, изящные очертания Кирилловского монастыря. В 1842—1843 гг. оживилось изучение старинных росписей Киева. Как раз в 40-е годы известный художник-археолог Ф. Г. Солнцев возобновил стенную живопись в лаврском Успенском соборе. Тогда же были открыты в Софии фрески XI в. (по определению Солнцева—«древняя живопись альфреско, которою храм сей был расписан при Ярославе»).

Но Бальзака все это мало привлекало. В Киеве, как и повсюду, автора «Цезаря Биротто» более всего занимала слагающаяся на его глазах современность в характерных проявлениях деловой борьбы и денежных оборотов.

III

Киев в 40-е годы из старой, патриархальной провинции превращался в важный стратегический пункт и большой губернский центр. Три основных района города еще были разделены пустырями и оврагами, но на Печерске уже шла ломка домов под крепостные сооружения, кельи Никольского монастыря превращались в казармы, застраивалась Кловская возвышенность (Липки), очищалась площадь перед Софийским собором для постройки здания присутственных мест, укреплялись откосы гор, через холмы старых валов пробивались новые улицы, начинала приобретать характер торгового русла «Крещатицкая долина». В начале 40-х годов было закончено здание университета, построенное архитектором В. И. Беретти. В конце десятилетия стали сооружать цепной мост по проектам английского инженера Шарля де Виньоля. Масштабы города, судя по статистическим данным, представляли для тогдашней России черты крупной провинции. Верхнее урочище еще напоминало большое село, но уже в 1845 г. в Киеве считалось восемьдесят улиц и тридцать переулков, около шестидесяти фабрик и заводов, до пятидесяти тысяч населения и около двухсот тысяч ежегодно приезжающих (благодаря паломничеству и контрактным ярмаркам)¹⁶.

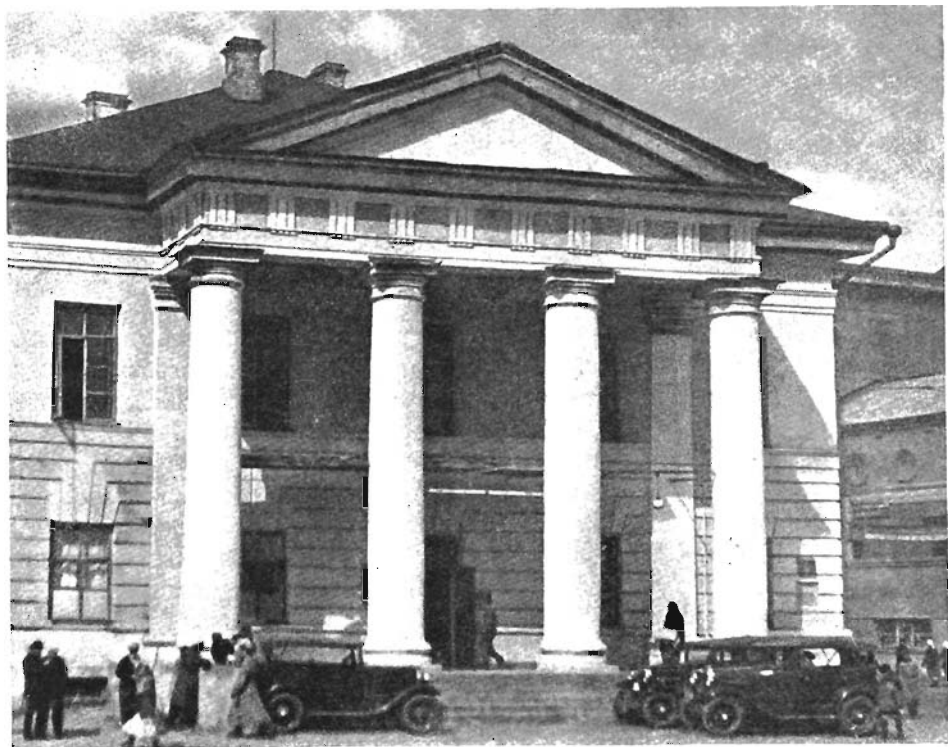
Бальзак посещал Киев и в самом разгаре зимнего сезона, во время знаменитых деловых съездов Приднепровья, происходивших на масляной. Он писал об этом родным: «В течение 15 или 20 дней контрактной ярмарки в Киеве, куда съезжаются со всех концов России,—столько движения, дел, развлечений, что невозможно написать письмо...». В марте 1849 г. он сообщает сестре, что видел на контрактной ярмарке в Киеве великолепные персидские ковры и мебель изумительной работы¹⁷.

Это была «биржа» Украины по сельскохозяйственным делам, сопровождавшаяся настоящим карнавалом. Контрактные съезды перенесены в Киев в 1797 г. из Дубно, куда, в свою очередь, они были переведены в 1774 г. из Львова¹⁸. В 1-й половине XIX в. они приобрели большой размах. Их посещали Гоголь, Мицкевич, Шевченко, Франц Лист, Крашевский. Путешественники сравнивали их с знаменитой лейпцигской ярмаркой. Оживление и празднества киевских контрактов воспевали и описывали известные польские авторы—Мицкевич (в «Пане Тадеуше»), Крашевский и Коржаневский.

Во время контрактов, рассказывает историк старого Киева, сюда съезжались почти все помещики юго-западного края со своими семьями. «Многие жители Заднепровья жили здесь открыто и весело; приезжие

вели большую игру и разъезжались обыкновенно на первой неделе поста... Концерты давались в Контрактовом доме и привлекали многочисленную блестящую публику. Там же бывали общественные балы».

Главной целью контрактowych ярмарок были крупные сделки: с первых лет своего существования контракты становятся центром хлебной торговли и вообще всех сделок, имевших связь с землевладением и сельским хозяйством. Хлебные сделки почти всего приднепровского края совершались исключительно на киевских контрактах. Не менее значительно было количество сделок по продаже и покупке имений, по залогу их, по сдаче в аренду или «посессию» и т. п.

ЗДАНИЕ КОНТРАКТОВОГО ДОМА НА ПОДОЛЕ В КИЕВЕ
Бальзак бывал на контрактowych ярмарках в Киеве в 1849 и 1850 гг.
С фотографии, принадлежащей „Литературному Наследству“
Снято в сентябре 1936 г.

Иногда под шум и оживление контрактowych ярмарок вершились крупные политические дела. Олизар рассказывает о переговорах польских заговорщиков с будущими декабристами и достигнутом между ними соглашении как раз в Киеве в начале 1823 г., во время контрактowej ярмарки. С русской стороны он называет Пестеля, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина¹⁹.

В период контрактов город видоизменялся. Особое оживление охватывало место деловых встреч и всю его округу. «В сезон контрактов Подол становился, как в старое время, центром городской жизни. Наибольшее оживление царило теперь на площади перед Контрактовым домом. Паны, шляхта, евреи, купцы, крестьяне, чиновники, лошадаики, балагулы,

ксендзы, священники, военные—все снуют здесь взад и вперед. Кроме польского языка и еврейского жаргона, можно услышать русскую и малорусскую речь, немецкий, армянский, турецкий и татарский языки...¹ К крыльцу Контрактового дома подъезжают кареты, дормезы, сани. Лицевая сторона дома, четыре огромные колонны, поддерживающие фронтон его и все стены на пространстве широкой лестницы, чуть не под самую крышу и потолок облеплены всякого рода объявлениями...». Сохранились обстоятельные описания внутреннего быта «крещенской ярмарки» в Киеве: «Товары помещаются для продажи во временных балаганах, занимающих всю площадь перед Гостиным двором, а лучшие—в Контрактовом доме и в магазинах смежных с ним домов. В верхнем этаже Контрактового дома временные лавки устраиваются с обеих сторон вдоль окон, а середина образует просторную залу, установленную скамьями, на которых контрактующие переговариваются о делах и заключают сделки. В этой же зале артисты дают концерты, разыгрываются лотереи для приютов, бывают балы и маскарады. Нижний этаж во время ярмарки занимается, где только можно, вдоль стен и при подпорах, рядами лавок, по местам, не довольно освещенным дневным светом, но от входа есть по обеим сторонам большие светлые залы с богатыми товарами, которые притом располагаются самым заманчивым образом. Посетители здесь в шубах и в шляпах»²⁰.

Таким наблюдал великий живописец городов Франции «северный Рим», охваченный деловой лихорадкой. Киев оказался к нему гостеприимнее Петербурга. Впечатление от книги Кюстина успело сгладиться. Бальзак, по отзывам жандармов, и в 1843 г. и в последующие приезды держал себя «благородно». Если это и не ослабило бдительности политической полиции, то, во всяком случае, снимало с него то подобие общественного бойкота, которое ему пришлось испытать в Петербурге сейчас же после выхода «России в 1839 году». В Киеве все обстояло по-иному. Военный начальник края, гражданский губернатор, ряд официальных лиц, видные представители русского и польского общества неизменно выражают здесь Бальзаку свое внимание и почтение, чествуют его, подчеркивают высокую честь, оказанную их городу знаменитым европейцем.

Все это объяснялось и заметным повышением к этому времени общих интересов киевского общества. С учреждением в 1834 г. университета оживилась культурная жизнь города. В 1837 г. был организован музей древностей, в 1843 г.—«Археологическая комиссия для разбора древних актов». Над реставрацией стенной живописи здесь работает с начала 40-х годов знаток древних фресок Солнцев. Воспитанник Академии художеств Сажин был приглашен для зарисовки открываемых древностей. С 1849 г. правителем канцелярии Бибикова состоит известный впоследствии славянофил Юрий Самарин, в 1846 г. начинает читать курс истории в Киевском университете Костомаров (правда, очень быстро прекративший его). «При Бибикове история с археологией поистине были модными науками в Киеве: ими увлекалось и киевское чиновничество, и киевский beau-monde; волею-неволею увлекалось и польское дворянство»²¹.

Бальзак познакомился с виднейшими представителями официальной учености и киевского «света»—И. И. Фундуклеем, археографом М. В. Юзефовичем, нумизматом бароном С. И. Шодуаром, с археологом-любителем, в лице самого начальника края, и, наконец, с поэтом и отчасти политическим деятелем, знакомым Пушкина и Мицкевича, графом Густавом

Олизаром, которому суждено было вскоре сыграть весьма заметную роль в одном из важнейших событий жизни романиста.

IV

«В зиму 1850 г.,—сообщает историк Киева,—побывал на киевских контрактах знаменитый французский писатель Бальзак, посетивший юго-западный край, чтобы жениться на Эвелине Ганской, урожденной гр. Ржевусской. В честь его губернатором Фундуклеем был дан обед, на котором присутствовали представители русского и польского общества»²². Олизар также упоминает в своих мемуарах «обед, данный в Киеве И. И. Фундуклеем в честь Бальзака», на котором присутствовал среди прочих гостей и бывший офицер Семеновского полка Астафьев, отнесшийся с участием к Олизару в Петербурге в 1826 г., во время его ареста по делу декабристов²³.

Инициатор общественного банкета в честь Бальзака, киевский гражданский губернатор И. И. Фундуклей, был историком и археологом. Получивший по наследству от отца огромное состояние, он считался щедрым благотворителем и приобрел в силу этого общественную популярность. С 1839 г. он состоял киевским губернатором. Ему вменяли в заслугу улучшение быта заключенных и заботы о женском образовании. В качестве ученого он участвовал в составлении «Обозрения Киева в отношении к древностям» и «Обозрения могил, валов и городищ Киевской губернии»²⁴. Как раз во время пребывания Бальзака в Киеве, в 1849 г., Фундуклей был избран членом-корреспондентом археологического и нумизматического общества и почетным членом Киевского университета²⁵.

Чествуя Бальзака, Фундуклей одновременно выполнял тайные правительственные функции. В «Красном Архиве» М. П. Алексеев опубликовал характерное дело «о надзоре за французским литератором Бальзаком», сохранившееся в архиве бывшего одесского градоначальства. В отношении от 4 ноября 1848 г. начальник Киевской губернии Фундуклей сообщил одесскому военному губернатору: «Государь император всемилостивейше соизволил французскому литератору Бальзаку, бывшему здесь в прошлом году, приехать обратно в Россию, но с строгим над ним надзором. Бальзак прибыл в Сквирский уезд и получил от меня вид на пребывание в Киевской губернии и проезд в г. Одессу. Имею честь просить ваше превосходительство, если Бальзак прибудет в Одессу, приказать иметь за ним строгий надзор, о последствиях которого не оставьте уведомить меня». Во исполнение этого отношения одесский военный губернатор предписанием за № 492 от ноября 1848 г. предложил одесскому полицеймейстеру «по приезде вышеупомянутого лица в Одессу, немедленно учредить за ним бдительный полицейский надзор и о последствиях мне донести». За неприбытием Бальзака в Одессу дело было прекращено²⁶.

Приятельские отношения установились у Бальзака с помощником попечителя Киевского университета, М. В. Юзефовичем. Это был крупный полтавский помещик, отличавшийся в молодости некоторым вольнодумством и даже «щеголявший демократизмом» (по его собственному определению). Во время турецкой кампании 1827—1828 гг. он служил в действующей армии и встретился здесь с Пушкиным. Это доставило ему честь быть упомянутым в «Путешествии в Арзрум». В эпоху знакомства с Бальзаком Юзефович уже давно оставил «декабристские» увлечения своей молодости и, видимо, уже занимал те охранительные позиции, которые в старости

решиительно отбросили его в стан крайней реакции²⁷. Сохранились три неизданных письма Бальзака к Юзефовичу, дающие представление об их отношениях и о киевских впечатлениях романиста²⁸.

Перевод:

Милостивый государь,

Верховня, октябрь 1847 г.

Только здесь я мог развернуть и рассмотреть прекрасные виды Киева, которые вы сделали честь и удовольствие мне прислать. Шлю вам тысячу благодарностей, которые прошу благосклонно принять, несмотря на это невольное опоздание.

Я не имею, однако, нужды, милостивый государь, в этом вещественном воспоминании, чтобы хранить память о благосклонном приеме, который вы и все другие власти этой обширной столицы соблаговолили мне оказать и который, надеюсь, я заслужил своим искренним восхищением Россией, но я помещу Киев, по своем возвращении, среди тех городов, которые я люблю видеть вновь и пейзажи которых украшают лестницу моего дома. И вот иногда, мимоходом, я возвращаюсь в эти места. Киев и его купола, Киев и его холмы вместе со своими садами и сокровищами мне улыбнется, рассеет скуку от литературных трудов, я вновь увижу особняк Фундуклея и всех его обитателей, столь любезных ко мне. Я скажу: «Да, это было время отдыха, это было прекрасное время!».

Эта уверенность заставляет меня сожалеть о невозможности, со своей стороны, оставить в Киеве иные воспоминания, как только об этом дне. Вас же, милостивый государь, прошу принять почтительные приветствия, с которыми честь имею быть вашим покорнейшим и послушнейшим слугой.

де Бальзак

На обороте 2-го листа:

От г. де Бальзака господину Юзефовичу,
помощнику попечителя Киевского университета, в Киев.

ОСОБНЯК И. И. ФУНДУКЛЕЯ В КИЕВЕ, ГДЕ БЫВАЛ БАЛЬЗАК В 1850 г.

С фотографии начала 1870-х гг.

Частное собрание, Киев

И. И. ФУНДУКЛЕЙ

Портрет маслом Г. Гольпейна, 1845 г.

Музей украинского искусства, Киев

Очевидно, об упомянутых видах Киева Бальзак пишет своей сестре в ноябре 1847 г.: «Я привезу для лестницы моего дома виды Киева, нарисованные одним немцем и превосходно литографированные»²⁹. Писатель имеет в виду редкое издание: «Виды Киева, изданные И. Лауфером, тетрадь 1-я. Киев, 1846 г.». На обложке имеется и перевод этой надписи на французский язык. Из пяти листов этого альбома, описанных в первом томе известного «Каталога русских иллюстрированных изданий» Н. Оболянинова (точное количество листов, составлявших альбом, не установлено), только одна литография воспроизводит рисунок самого Лауфера. Это—воспроизводимый нами на стр. 269 «Вид института благородных девиц в Киеве». Четыре же остальных сделаны по рисункам другого художника—М. М. Сажин а. Его кисти принадлежат: 1) вид Толкучего рынка на Подоле; 2) вид Киева со стороны царского сада; 3) вид площади театра; 4) вид Киева из-за Днепра. Размер каждой литографии без полей—27 см×40 см. Подписи под ними на русском и французском языках³⁰.

О Сажине и его зарисовках Киева находим некоторые сведения в мемуарной повести Н. С. Лескова «Печерские антики»: «В Киеве в то время проживал академик С.-Петербургской академии художеств, акварелист Михаил Макарович Сажин. Он составлял для Дмитрия Гавриловича [Бибикова] акварельный альбом открытых при нем киевских древностей...»³¹. Краткие сведения об этом пейзажисте имеются в «Списке русских художников» С. Н. Кондакова, в «Русском биографическом словаре» и некоторых мемуарах³².

Уроженец Костромской губернии, Михаил Макарович Сажин, «живописец перспективный и пейзажный», был с 1834 г. приходящим учеником Академии художеств, в 1839 г. получил 2-ю серебряную медаль за «Виды

с натуры близ Старой Ладogi», в 1840 г.—звание неклассного художника за два вида Невы, в 1855 г.—звание академика живописи за картину «Внутренний вид Киево-Софийского собора». В 1846 г. он вместе со своим товарищем по академии Т. Г. Шевченко принимается за серию киевских видов, которыми восхищались Ф. А. Бруни и Н. А. Рамазанов: «Что за живописные местности и какое умение в выборе точек для картины!»³³.

Бальзак, действительно, повез в Париж для лестницы особняка на ул. Фортюне образцы первоклассного пейзажного искусства. Старый Киев, в котором первобытная природа так живописно сочеталась с архитектурными памятниками древности, нашел в этом старинном акварелисте замечательного изобразителя. Тонкость рисунка и совершенство техники здесь сочетаются с теплым лиризмом, свидетельствующим о подлинной влюбленности мастера в свой сюжет. В этом отношении киевские виды Сажина перекликаются с соответственными строфами нашей старинной лирики³⁴.

Второе письмо Бальзака к Юзефовичу, написанное значительно позднее, снова трактует художественную тему.

Перевод:

Январь 1850 г.

Милостивый государь,

Имею честь выразить вам мою бесконечную благодарность за удовольствие, которое вы доставили мне, бедному больному, прислав для просмотра этот обширный труд. Так как это единственный способ обладания сокровищами Москвы, не похитив их, я постараюсь достать для себя это издание, как только оно будет закончено, ибо в качестве библиомана я поставил себе за правило иметь только полные издания.

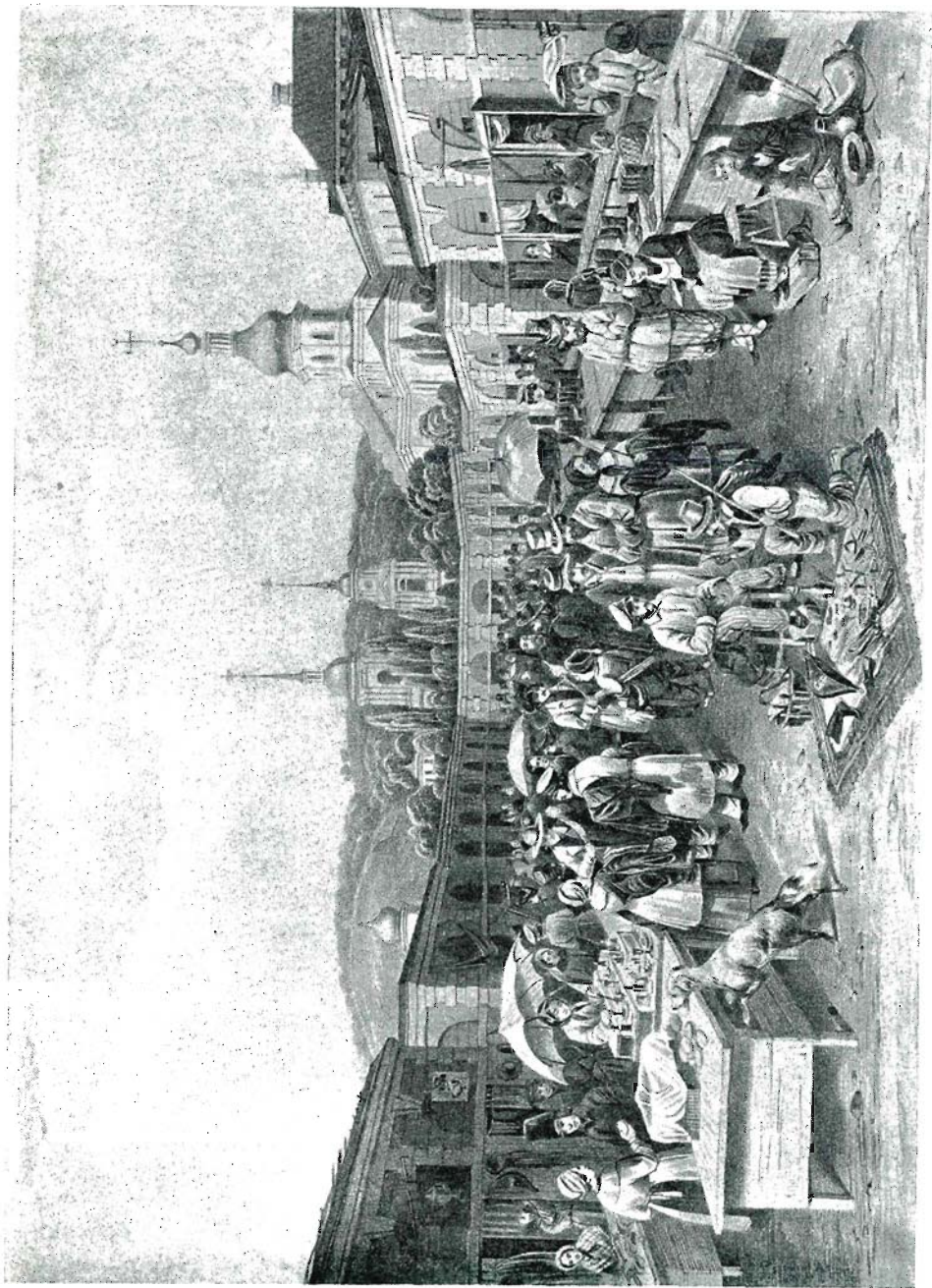
Будучи прикован к постели в течение пяти или шести первых дней моей болезни, я имел возможность просмотреть эти сокровища старины только вчера и третьего дня; они заставили меня очень живо пожалеть о том, что я не видел Москвы. Особенно хорош кубок эпохи Ренессанса, который превосходит все известные мне изделия XVI в. Какая драгоценность!

Я очень хотел бы знать, когда приблизительно будет закончено это издание и сколько оно будет стоить, чтобы присоединить его к работам подобного же рода, какие я уже имею в своей библиотеке. Впрочем, я надеюсь выйти через два-три дня и лично получить у вас эти сведения, одновременно выразив вам устно мою признательность за тот прекрасный день, какой вы доставили мне на этой неделе, омраченной киевским кашлем, который можно отнести к разряду наиболее тяжелых.

Пока же примите, милостивый государь, вместе с уверением в моем почтении и выражение моей благодарности.

де Бальзак

Следует думать, что Бальзак получил от Юзефовича художественное издание «Московская оружейная палата» А. Вельтмана (М., 1844), снабженное действительно замечательными изображениями царских регалий, уборов, облачений, оружия, утвари, карет и пр. Как указывает во вступлении автор, в Московской оружейной палате «сберегается древний наследственный царский чин, становые и воинские государские одежды, древняя русская булатная броня с золотой насечкой и драгоценными камнями, столовая утварь с узорочным чеканом, изукрашенная алмазами,

„ВИД ТОЛКУЧЕГО РЫНКА НА ПОДОЛЕ“

Литография с рисунка М. Сажина

Русский музей, Ленинград

изумрудами и яхонтами, бирюзой и жемчугами; всевозможные формы древних сосудов разных веков, московского изделия, русского мастерства и искусства иноземного в вещах, присылавшихся в дар от императоров греческих, германских, королей английских, датских, шведских, литовских, польских, от шахов персидских и султанов турецких»³⁵.

Таким образом, в книге широко представлены изделия старинных русских мастеров панцырного и оружейного производства, швейного искусства, золотых и резных дел, наряду с образцами творчества европейских и восточных художников, поднесенными в дар московским властителям. Примечательнейшие из этих предметов весьма искусно зарисованы карандашом анонимного рисовальщика (они литографированы неким Дрегером). В книге несколько десятков рисунков. Внимание Бальзака остановил замечательный «кубок эпохи Ренессанса». Это, вероятно, изображенный на листе, приложенном к странице 130-й, кубок с подписью: «Поднесен великому государю Никитою Ивановичем Романовым, 1648, весу 33 фунта 95 з., вышины 1 аршин 15 вершков». Тут же и французская надпись: «Un grand bocal offert au tzar Alexis par le Bojar Nikita Romanoff en 1648». Кубок, действительно, отличается исключительной тонкостью и богатством чекана.

Приведем и прощальную записку Бальзака к тому же Юзефовичу.

Перевод:

Киев, 6 февраля 1850 г.

Милостивый государь,

Болезнь вынуждает меня, к моему большому сожалению, покинуть Киев, не доставив себе удовольствия еще одной беседы с вами, которая была бы для меня отголоском парижских разговоров.

Я не сделал ни единого шага из моей комнаты, и хотя я надеялся до последнего момента иметь возможность выйти, сегодня я решился покориться судьбе.

Прошу вас, милостивый государь, сохранить обо мне некоторую память и не отказать в любезности вознаградить меня за столько лишений, когда через месяц, перед отъездом в Париж, я приеду сюда на несколько дней, чтобы нанести прощальные визиты властям и привести в порядок тот важный документ, который зовется паспортом.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в глубоком уважении, с которым я имею честь быть вашим нижайшим и покорнейшим слугою.

де Бальзак

Среди киевских знакомых Бальзака наиболее примечательным был, несомненно, граф Густав Олизар, который вскоре организовал вместе с Мнишком венчание Бальзака с Ганской и даже был единственным свидетелем на их свадьбе (если не считать родных). Очевидно, в семье Ганских к нему относились с исключительным доверием и сам писатель был к нему расположен.

Личность этого «шафера Бальзака» представляет значительный интерес по своему положению в русско-польском обществе, связям и влиянию. Поэт-романтик и польский патриот, близкий к декабристам, он пережил драматический роман, безнадежно увлекшись Марией Раевской, будущей Волконской (т. е. родной сестрой того Александра Раевского, который,

по свидетельству Пушкина, увлекался Эвелиной Ганской в Одессе в 1823 г.). Но девушка не отвечала на его увлечение: «Различие народности и религии препятствовало мне найти в ее сердце желаемый ответ на мою склонность», — пишет в своих мемуарах Олизар. Отец Марии — воспетый Жуковским, пользовавшийся большим уважением Пушкина, генерал Раевский, ответил на предложение Олизара сердечным и тонким письмом, в котором все же совершенно категорически указал на непреодолимую преграду к браку в различии исповеданий и национальностей и в «понимании своего долга»³⁶.

Олизару и его несчастной любви посвящен крымский сонет Мицкевича «Аю-Даг» и стихотворение Пушкина:

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена...

После отказа Раевских Олизар поселился в Крыму в полном уединении, продолжая писать стихи в честь любимой девушки.

Крымское уединение Олизара было нарушено арестом по делу о 14 декабря и заключением в Петропавловскую крепость. Он был вскоре освобожден, но затем вторично арестован в Киеве и препровожден в Варшаву, где предстал перед военно-следственной комиссией Константина Павловича. Впоследствии Олизар женился на одной из своих волынских знакомых, графине Юзефе Ожаровской. Во время польского восстания 1830—1831 гг. он не скрывал своего сочувствия соотечественникам и был выслан русским правительством на жительство в Курск. После освобождения и путешествия в Италию Олизар на двадцать лет поселился в своих юго-западных имениях. По свидетельству русского издателя его мемуаров, он приобрел всеобщее расположение веселым нравом и любезностью. Впрочем, отношение Олизара к России и к русскому обществу характерно для польского патриота, земельные владения которого находятся на русской территории. Он поддерживает знакомство «с некоторыми из высокопоставленных в официальном отношении лиц», но остается верен культу Польши. Он даже выступил в печати с резкой критикой сатирических

ГУСТАВ ОЛИЗАР

Зарисовка Николая Раевского в альбоме
Ек. Н. Раевской-Орловой, 1821 г.

Собрание Ел. Н. Орловой, Москва

Д. Г. БИБИКОВ

Миниатюра неизвестного художника

Местонахождение оригинала неизвестно

очерков своего друга Генриха Ржевусского против польской шляхты. После восстания 1863 г. Олизар выехал в Дрезден, где и скончался в 1865 г.

Таков был человек, чествовавший Бальзака на киевском обеде и вскоре сыгравший такую заметную роль в крупнейшем событии его личной жизни.

Памятником пребывания Бальзака в Киевской губернии остаются также два его письма к генерал-губернатору Д. Г. Бибикову. Этот характерный администратор николаевского времени мог, между прочим, интересоваться Бальзака и как участник войны 1812 г., сражавшийся под Витебском, Смоленском и Бородиным и даже потерявший на Бородинском поле руку.

В среде Ганских имя киевского сатрапа, несомненно, вызывало двойственное к себе отношение: официальную преданность представителю российского самодержца и скрытый протест против неумолимого руссификатора юго-западного края. Назначенный в 1837 г. киевским военным губернатором и генерал-губернатором подольским и волынским, он уже в 1840 г. получает благодарственный рескрипт Николая I «за благоразумное содействие мерам, предпринятым к слиянию западного русского края с древним отечеством природных его жителей». Сам Бибиков заявлял, что он проводил эти мероприятия «со злостью». Неудивительно, что при этом нередко сказывалось административное самодурство неограниченного повелителя края: когда Бибиков узнал, что группа молодых людей распевала в ресторане польские патриотические песни, он прислал к ним регента и приказал им разучить под его руководством «Боже царя храни». Лесков в своих киевских очерках прямо отмечает, что от методов управления Бибикова «отдавало каким-то непонятно бесцеремонным и грубым самовластием»³⁷.

Ко времени пребывания Бальзака на Украине Бибиков был в зените славы и влияния. В 1848 г. он был назначен членом Государственного совета, вскоре после отъезда Бальзака—в 1852 г.—министром внутренних дел³⁸.

Бальзак обменялся с Бибиковым несколькими письмами. Переписку их открыл сам киевский генерал-губернатор; получив извещение Уварова о предстоящем приезде Бальзака на Украину, Бибиков счел нужным обратиться к писателю с приветственным письмом.

Перевод:

Киев, 2 сентября 1847 г.

Господин де Бальзак,

Я только что получил от министра народного просвещения графа Уварова письмо, возвещающее мне ваш приезд в губернии, управление коими мне вверено, и я тороплюсь вам переслать его.

Свидетельствуя вам мое особенное удовольствие, при мысли, что вы будете жить в наших краях, я прошу вас, милостивый государь, обращаться непосредственно ко мне, как только представится в этом необходимость, и пользоваться мной для любых поручений, которые я выполню с истинным наслаждением.

Примите также уверение в моих лучших чувствах к вам.

Ваш покорный слуга

Дмитрий Бибиков³⁹

Бальзак, видимо, имел в виду ответить на это письмо личным представлением Бибикову, но, судя по их последующей переписке, начальник края не оказался в Киеве в первое посещение города французским писателем, осенью 1847 г. Только во время второго пребывания Бальзака на Украине, зимою 1849 г., он обменялся с киевским губернатором следующими письмами.

*Mon Excellence, Monsieur le
Général Gouverneur,
C'est avec un grand plaisir que j'ai l'honneur de
présenter à Votre Excellence mes respects
et mes respectueuses obédiences, je suis d'autant
recommandant si Elle daignait m'indiquer
une heure où elle me favoriserait dans
un moment d'audience, tant l'honneur et son attention.
Dans tout cas, je vous prie, Monsieur le
Général, d'agréer l'assurance de mon profond
respect avec lequel je suis l'honneur de me
dire.*

De Votre Excellence

*Très humble et très
obéissant serviteur
De Balzac*

АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЛЬЗАКА
К Д. Г. БИБИКОВУ ОТ 8 МАЯ 1849 г.

Институт литературы Академии наук
СССР, Ленинград

Recu, & muni, aux Honneurs.

Перевод:

Верховня, февраль 1849 г.

Его превосходительству генералу Бибикову,
члену Государственного совета, генерал-губернатору и проч., в Киев

Как только я узнал о возвращении вашего превосходительства в Киев, я решил лично засвидетельствовать вам свое уважение, поблагодарить за содействие, оказанное вами мне в прошлом году, и просить вас о продолжении вашего доброго отношения; но непрерывные бронхиты, дань климату, помешали мне выехать в намеченное время. Дабы не причинить ущерба своему здоровью, я вынужден отложить путешествие до весны, а потому прошу ваше превосходительство извинить мне невольное запоздание моего визита, который, если бы не являлся для меня долгом, послужил бы выражением признательности вашему превосходительству за оказанное покровительство и за то спокойствие, каким, благодаря вашему неусыпному и постоянному попечению, наслаждаются в этих областях; это спокойствие составляет столь славный для России контраст с волнениями, происходящими в Европе и Франции, от которых я ищу прибежища у моих друзей.

Прошу вас, г. генерал-губернатор, принять выражение моих почтительных чувств, с которыми остаюсь вашего превосходительства нижайшим и почтительнейшим слугой.

де Бальзак⁴⁰

На это письмо Бальзака Бибиков вскоре отвечал.

Перевод:

Получив с истинным удовольствием адресованное вами в феврале письмо, спешу выразить вам свою признательность за добрую память обо мне. Поверьте, сударь, что я был бы всегда рад видеть вас в нашем городе и почел бы приятным долгом исполнять все ваши пожелания, поскольку это в моей власти.

Вы поступили хорошо, избрав на некоторое время убежищем нашу страну, потому что, действительно, только у нас можно теперь насладиться полной безопасностью. Благодаря его императорскому величеству, мы видим Россию спокойной, и волнения Европы с их плачевными последствиями не способны увлечь нас; мы знаем по опыту других, что спокойствие в государстве есть одно из величайших благодений, которое всемогущий дарует народам.

Примите выражение и т. д.

[Подпись]⁴¹

Киев, 5 марта 1849 г.

Весною Бальзак, действительно, собрался в Киев. 9 апреля 1849 г. он сообщает матери, что вскоре представится генерал-губернатору: «Это обязанность, предписанная всем иностранцам, но которую постоянные простуды заставили меня откладывать»⁴². На этот раз сердечное заболевание задерживает представление: 30 апреля писатель сообщает об этом матери и сестре, рассчитывая в самом начале мая выехать в Киев⁴³. Следующая записка Бальзака к Бибикову свидетельствует, что в мае 1849 г. это представление, наконец, состоялось.

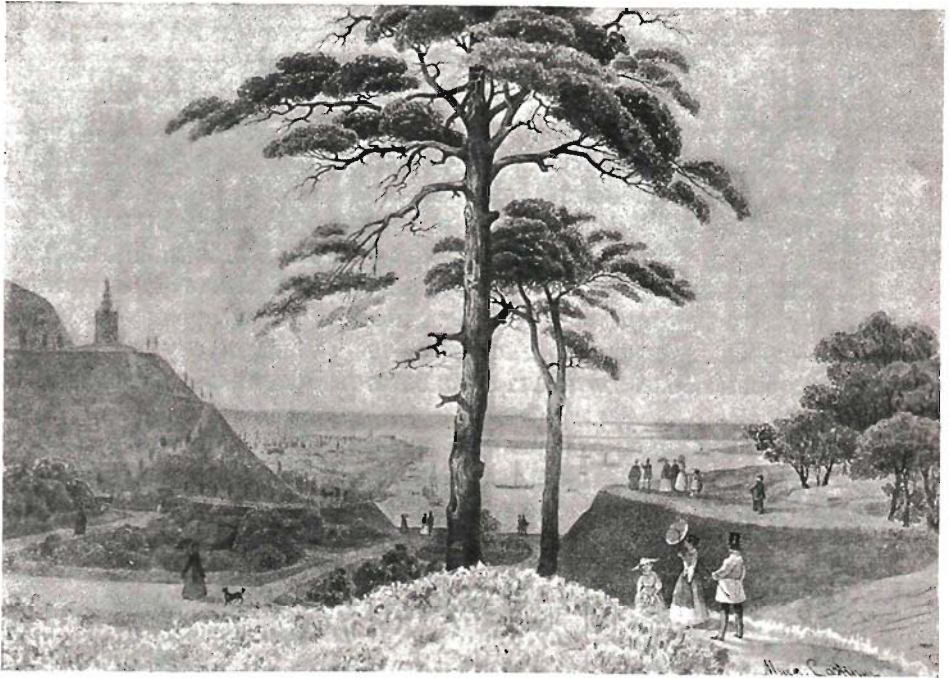
Перевод:

Его превосходительству генерал-губернатору

Прибыв, чтобы засвидетельствовать вашему превосходительству почтение и готовность к услугам, я был бы признателен вам, если бы вы соизволили назначить мне час для частной беседы; в ожидании ваших распоряжений прошу вас, г. генерал, принять выражение глубокого уважения, с коим имею честь пребывать нижайшим и покорнейшим слугой вашего превосходительства.

де Бальзак

Киев, 8 мая [1849 г.], в номерах⁴⁴.

„ВИД НА ПАМЯТНИК КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ В КИЕВЕ“

Рисунок М. Сажина

Русский музей, Ленинград

Предметом этой «частной беседы» были матримониальные дела Бальзака: через две недели, 22 мая 1849 г., Ганская обратилась к Бибикову с особым письмом на эту тему. Официальный Киев оказался главным этапом в сложных переговорах Верховни с Петербургом о предстоящем бракосочетании русской подданной Ганской с иностранцем Бальзаком.

V

В биографиях Бальзака можно нередко встретить указания на его увлечение Киевом и, якобы, пристальный интерес к памятникам «второго Царьграда». «Он посетил Киев, этот живописный город, который преисполнил его восхищением, он объездил всю Украину, интересуясь каждой вещью, каждым социальным классом, каждой избой по пути...»⁴⁵. Или: «Он посетил южную Россию, любовался Киевом, изучал нравы, интересовался памятниками, отдался еще раз с наслаждением своему ре-

меслу туриста и наблюдателя»⁴⁶. Все это—общие и готовые суждения, совершенно не соответствующие фактам и документам. Киев, как мы видели, не понравился Бальзаку. Первообытный по своему благоустройству город с его незамощенными улицами, оврагами и канавками, отсутствием освещения, обилием нищих и уродов слишком резко контрастировал с кварталом Божон, где рядом с домом Ротшильда заканчивался отделкой особняк Бальзака. Памятники православия не пробудили интереса в этом убежденном поклоннике Ватикана и готических соборов. Контрактные ярмарки могли заинтересовать его некоторыми привозными товарами, но он находил цены чрезвычайно высокими и любовался выставленными вещами совершенно бескорыстно. К тому же прибавился ряд отрицательных впечатлений о городе, вероятно, способствовавших полному охлаждению к нему Бальзака. В первом же письме к сестре из Верховни, от 8 октября 1847 г., писатель сообщает ей, что в Киеве холера, «которая и производит опустошения вполне добросовестной холеры». «Впрочем, не беспокойтесь обо мне,—шутит он в том же письме,—ибо холера убивает только богатых дядюшек, а мое состояние еще не достаточно значительно, чтобы холера удостоила меня своим вниманием...»⁴⁷. Но в следующем письме (ноябрь 1847 г.) он пишет об эпидемии в более серьезном тоне: «Холера беспощадно свирепствует в наших краях. В Саратове она уже унесла девять тысяч человек, а в Киеве, где я уже побывал, она уносила от сорока до пятидесяти человек в день». «Холера прошла и через Верховню,—сообщает он в том же письме,—теперь она, по слухам, в Вене; но все мы здоровы. Болезнь унесла сына богатой Браницкой, в пятидесяти верстах от нас»⁴⁸.

Смертность от киевской холеры 1847 г. была действительно очень высока: по официальным сведениям, из 1680 заболевших умерло 990⁴⁹.

Но если грозная эпидемия пощадила Бальзака, общее состояние его здоровья оставляло желать много лучшего. Сам писатель склонен был обвинять в этом киевский климат. 3 марта 1849 г. Бальзак пишет сестре: «Я схватил в Киеве—уже в четвертый раз—простуду, заставившую меня долго и жестоко страдать... Я не покидал комнаты в течение двадцати дней. И моим единственным развлечением было видеть госпожу Жорж Мнишек перед отъездом на бал в нарядах царского великолепия...»⁵⁰. Через год, 28 февраля 1850 г., он дает такие же сведения о себе: «Увы! Путешествие в Киев было пагубным для моего здоровья. Со второго же дня моего пребывания, пока я разъезжал с визитами к начальствующим лицам, страшный и гибельный вихрь, называемый здесь метелью, пронесшийся по течению Днепра, быть может, с побережий Черного моря, прохватил меня, несмотря на плотно облегающую меня шубу, и я получил самую ужасную простуду, какую когда-либо испытывал в жизни. Я лихорадил четыре дня и двадцать дней не выходил из комнаты. Бронхи, легкие—все было поражено... Нет, решительно мой организм отказывается акклиматизироваться здесь»⁵¹. Между тем, общая картина болезни Бальзака не оставляет сомнений, что причиной его последнего заболевания был не столько «русский климат» (как известно, не отличающийся особенной суровостью на Украине), сколько в конец расстроенный артериосклерозом организм, которому оставалось всего полгода жизни.

Следует заметить, что обычные высказывания самого Бальзака и некоторых его исследователей относительно его путешествий 1847—1848 гг., как о поездках «на север», не отличаются точностью. Киев и Париж лежат

„ВИД ПЛОЩАДИ ТЕАТРА В КИЕВЕ“

Литография с рисунка М. Сажина

Русский музей, Ленинград

„ВИД ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В КИЕВЕ“

Литография с рисунка И. Лауфера

Русский музей, Ленинград

почти на одной параллели—Париж под 48°, Киев под 50° северной широты. Отправляясь из Франции на Украину, Бальзак ехал не на север, а только на восток. Это, конечно, не исключает целого ряда особенностей в климатических условиях обеих стран, хотя соображения о губительном действии «русского климата» на здоровье Бальзака едва ли обоснованы. Общие условия его жизни в Верховне были, конечно, неизмеримо здоровее его парижского режима и обстановки. Беда была в том, что в просторы степной Украины и в богатый быт верховенского замка Бальзак привез непорочно надорванное сердце. Прекрасная природа Киевщины оказалась бессильной восстановить этот разбитый героическим трудом организм, но она, конечно, неповинна в предсмертной болезни Бальзака.

Все эти переживания послужили причиной того, что задуманное в Париже «Письмо о Киеве» осталось недописанным и «*Journal des Débats*» не получил обещанных корреспонденций. Старый Киев, столь восхищавший своей живописностью и древностями наших мастеров кисти и слова, представлял для Бальзака российскую провинцию николаевского времени, бессильную чем-либо прельстить или зачаровать искушенного парижанина. К тому времени Бальзаку уже вообще было не до туризма. Больной и усталый писатель был более всего озабочен на Украине личной драмой своей жизни, а со времени своего второго приезда в Верховню—и политическим потрясением Франции после 1848 г. Эти великие тревожения заслонили присущие ему прежде интересы странствующего наблюдателя и не пробудили его творческого внимания к древностям «северного Рима», пленявшим не только русских поэтов, но и многочисленных французских путешественников XVII—XVIII вв.⁵² Сложные события, наполнившие последнюю главу биографии Бальзака, не дали ему возможности сосредоточиться на новом жанре путевых записок, и, к великому сожалению для нас, Киев, как и Петербург, так и не получил своей «грамоты на бессмертие» под пером гениального живописца Парижа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Correspondance*, II, 323. К. Радзивилл сообщает, что Бальзак приезжал в Киев в апреле 1850 г. для оформления своего брака гражданским порядком; в Бердичеве не было французского консула, и для этого пришлось ехать в Киев, где регистрация брака и состоялась 3/15 апреля 1850 г. (Floyd, 251). В имеющихся у нас документах о браке Бальзака (см. главу VII и примечания к ней) об этом ничего не говорится, но из них явствует, что брачное свидетельство Бальзака посылалось для надлежащего оформления в Петербург, в министерство иностранных дел и во французское посольство.

² Gigli (Giuseppe), Balzac in Italia. Contributo alla biografia di Onorato di Balzac, Milano, 1920, 193—198.

³ *Lettre sur Kiev*, 15.

⁴ *Ibid.*, 75.

⁵ *Ibid.*, 13—14.

⁶ *Ibid.*, 16.

⁷ *Correspondance*, II, 352.

⁸ *Ibid.*, II, 432.

⁹ Иконников В. С., Киев в 1654—1855 гг. Исторический очерк, К., 1904, 350.

¹⁰ Специальная карта Киевской губернии 1852 г. Приложение к «Статистическому описанию Киевской губернии», изд. И. Фундуклеем, П., 1852, 1.

¹¹ *Correspondance*, II, 326—327.

¹² Staël (M-me de), *Œuvres*, XV, 190—191.

¹³ Грибоедов А. С., Сочинения, под ред. Н. К. Пиксанова, П., 1917, III, 175.

¹⁴ Лесков Н. С., Сочинения, П., 1903, XXXI, 4—5.

¹⁵ *Œuvres complètes* (M. Lévy), XXII, 35.

- ¹⁶ Закревский Н., Описание Киева, К., 1868; Иконников, *op. cit.*, 192 и сл.; Петров Н. Н., Историко-топографические очерки древнего Киева, К., 1897, 71.
- ¹⁷ *Correspondance*, II, 377, 435.
- ¹⁸ Шероцкий, К. В., Киев, К., 1918, 170.
- ¹⁹ Копылов А. Ф., Мемуары графа Олизара.—«Русский Вестник», 1893, IX, 104.
- ²⁰ Иконников, *op. cit.*, 348—349 и Закревский Н., Описание Киева, М., 1868, 390.
- ²¹ *Ibid.*, 270.
- ²² *Ibid.*, 351.
- ²³ Копылов А. Ф., Мемуары графа Олизара.—«Русский Вестник», 1893, IX, 117.
- ²⁴ 1) «Обозрение Киева в отношении к древностям, изданное по высочайшему соизволению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем». Киев, в типографии Вальнера, 1847, 62 гравированные таблицы. 2) «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем». Киев, в типографии Феофила Гликсберга, 1848, 17 таблиц.
- ²⁵ «Русский биографический словарь», том Фабер—Цявловский, 251.
- ²⁶ Алексеев М. П., Бальзак в России (архивная справка).—«Красный Архив», 1923, III, 307.
- ²⁷ Нечкина М. В., Декабрист Н. И. Лорер и его «Записки». Вступительная статья к книге «Записки декабриста Н. И. Лорера», М., 1931, 37—41.
- ²⁸ Все три письма к М. В. Юзефовичу были сообщены редакции «Литературного Наследства» в 1934 г. В. М. Базилевичем. Подлинники их находятся в Киеве.
- ²⁹ *Correspondance*, II, 327.
- ³⁰ Симзен-Сичевский О., Художник старого Киева, приятель Шевченко—М. М. Сажин.—«Київські збірники історії й археології побуту й мистецтва». К., 1931, I, 372—373.
- ³¹ Лесков Н. С., Сочинения, П., 1903, XXXI, 28.
- ³² Кондаков С. Н., Список русских художников к юбилейному справочнику Академии художеств. П., 1914, 174; «Русский биографический словарь», том Сабанеев—Смыслов, 1904, 54; Чужбинский, А., Воспоминания о Т. Г. Шевченко, П., 1861, 25. Ср. «Київські збірники...», 1931, I, 367—369.
- ³³ Рамазанов Н., Материалы для истории художеств в России, М., 1863, I, 259—261.
- ³⁴ В Историческом музее в Москве сохранилась большая коллекция киевских видов Сажина. Это 45 рисунков лавры, церквей, монастырей, софийских фресок, Аскольдовой могилы, понтонного моста, университетского здания и других частей города и его окрестностей.
- ³⁵ [Вельтман, А.] Московская оружейная палата, М., 1844, 3—4.
- ³⁶ Копылов А. Ф., Мемуары графа Олизара.—«Русский Вестник», 1893, IX, 117.
- ³⁷ Лесков Н. С., Сочинения, П., 1903, XXXI, 6.
- ³⁸ «Русский биографический словарь», том Бетанкур—Бякстер, СПб. 1908, 23. Ряд анекдотов о деятельности Библикова в Киеве см. в «Киевской Старине», 1882, VII.
- ³⁹ *Collection Lovenjoul*, A. 312, fol. 2. Ср. *Korwin-Piotrowska*, 438. В подлисе ошибка: Андрей вместо Дмитрий.
- ⁴⁰ Автограф.—Институт литературы АН СССР («Пушкинский дом»). Дашковское собрание.
- ⁴¹ Отпуск письма, в том же собрании.
- ⁴² *Correspondance*, II, 391.
- ⁴³ *Ibid.*, II, 397, 402.
- ⁴⁴ Автограф.—Институт литературы АН СССР («Пушкинский дом»). Дашковское собрание.
- ⁴⁵ *Séché* (Alphonse) et *Bertaut* (Jules), Balzac, Louis-Michaud, P., s. a., 180.
- ⁴⁶ *Faguet* (Emile), Les grands écrivains français. Balzac, P., Hachette, 1913, 18.
- ⁴⁷ *Correspondance*, II, 323.
- ⁴⁸ *Ibid.*, 325.
- ⁴⁹ Иконников, *op. cit.*, 201. Вскоре был издан «Отчет о холерной эпидемии, бывшей в Киеве в 1848 году, составленный проф. А. Вальтером, Ф. С. Цыцуриным и Н. И. Козловым», К., 1848. В «Киевских губернских ведомостях» были напечатаны статьи о холере: 10 октября 1847 г. (№ 41) и 26 июня 1848 г. (№ 26).
- ⁵⁰ *Correspondance*, II, 377.
- ⁵¹ *Ibid.*, II, 436.
- ⁵² Французские путешественники Боплан, Линаж, Шерер, Гарран де Кулон, Лезюр, Дамаз де Реймон, Кастильньо, графиня Отпуль и Л.-П. де Сегюр оставили свои свидетельства о Киеве (*Lettre sur Kiew, notes*, 77).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БАЛЬЗАК В 1848 г.

I. ОТЪЕЗД БАЛЬЗАКА ИЗ ВЕРХОВНИ ВО ФРАНЦИЮ В ЯНВАРЕ 1848 г.—ПРИБЫТИЕ В ПАРИЖ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.—БАЛЬЗАК В ТЮИЛЬРИ В ДЕНЬ ОТРЕЧЕНИЯ КОРОЛЯ.—ОТНОШЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.—ОЦЕНКА БАЛЬЗАКОМ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ В ГАЛИЦИИ В 1846 г.—НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ БАЛЬЗАК В БОРЬБЕ БУРЖУАЗИИ С ПРОЛЕТАРИАТОМ? II. ЕГО УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 1848 г.—БАЛЬЗАК НА СОБРАНИИ ЛИТЕРАТОРОВ: ЕГО ИЗБИРАЮТ ДЕЛЕГАТОМ К ЛЕДРЮ-РОЛЛЕНУ.—БАЛЬЗАК И „ЛИХОРАДКА НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА“.—ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БАЛЬЗАКА К ПРЕЗИДЕНТУ КЛУБА ВСЕМИРНОГО БРАТСТВА: „ИСПОВЕДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕРЫ“.—РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г., КАК „ВОЙНА ТРУДА И КАПИТАЛА“ (К. МАРКС).—СТАТЬЯ БАЛЬЗАКА О ТРУДЕ И КАПИТАЛЕ („LETTRE SUR LE TRAVAIL“).—ИДЕАЛ „МОШНОЙ МОНАРХИИ“. III. ПЕРВЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ УСПЕХ БАЛЬЗАКА—ПЬЕСА „МАЧЕХА“ НА СЦЕНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕАТРА.—„ПЕТР I И ЕКАТЕРИНА“. IV. СТРЕМЛЕНИЕ БАЛЬЗАКА „СПАСИТЬСЯ ОТ ТРЕВОЛНЕНИЙ ПАРИЖА“ НА УКРАИНЕ.—ПЕРЕПИСКА С УВАРОВЫМ И ОРЛОВЫМ О РАЗРЕШЕНИИ НА ВЪЕЗД В РОССИЮ.—РЕЗОЛЮЦИЯ НИКОЛАЯ I: „ДА, НО С СТРОГИМ НАДЗОРОМ“.—ПЛАН БАЛЬЗАКА НАПИСАТЬ В РОССИИ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН О НАПОЛЕОНОВСКОМ ПОХОДЕ 1812 г.—НАМЕРЕНИЕ РОМАНИСТА ПОСЕТИТЬ С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ ЗИМОЙ 1849 г. МОСКВУ. V. „КОРОЛЬ НИЩИХ“.—ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАДЕЖДЫ И ЧАЯНИЯ ОБИТАТЕЛЕЙ ВЕРХОВНИ: ГЕНРИХ V И НАСЛЕДСТВО СВ. ЛЮДОВИКА

I

Приезд в Верховню в 1847 г. так же мало приблизил к осуществлению главную мечту Бальзака о браке с Ганской, как в свое время его путешествие в Петербург. К концу года Бальзаку стало ясно, что его «величайшее желание еще далеко от своего исполнения: г-жа Ганская еще нужна своим детям» и пр.¹ Бальзаку необходимо оставить Верховню, чтобы вернуться к парижской деятельности и не играть сомнительной роли нахлебника в доме, где он не может стать мужем и хозяином. Деловые обстоятельства способствуют ускорению его отъезда². Несмотря на жестокие морозы, он в самом разгаре зимы (около 20 января 1848 г. по ст. стилю) выезжает из имения Ганской и за неделю, а по его собственному выражению, «за несколько часов до революции», приезжает 4/16 февраля в Париж³.

Февральские события захватывают и его в свой круговорот, но не в качестве активного участника революции, а как ее скептического наблюдателя. В самый день отречения Луи-Филиппа, 24 февраля, когда революционные отряды заняли королевский дворец и огромная толпа парижан вслед за ними проникла в Тюильри, Бальзака видели в Маршалском зале. Его приятель, молодой Шанфлёр, записал тогда же:

«Бальзак одним из первых вошел в Тюильри в день 24 февраля. Я был более изумлен, встретив его в Маршалском зале, чем самой революцией и бегством короля. Среди повстанцев, среди ружейной пальбы странно было видеть человека, приверженного монархическим традициям. Актер Монроз, игравший в пьесе «Средства Кинолы», в суতোлке узнал от Бальзака, что он явился взять лоскут бархата с трона. Автор «Человеческой комедии» чрезвычайно любил такие исторические достопримечательности»⁴.

Между тем, события быстро разворачиваются. Трон выносятся на улицу. Толпа устраивает торжественное шествие. Четверо рабочих несут на своих плечах королевское кресло, их сопровождают национальные гвардейцы с кусками пурпура, узорчатого штофа, парчи, придворных мундиров и ливрей на остриях штыков. На площади Бастилии раскладывается костер, толпа хороводом начинает кружиться вокруг пылающего хвороста, учащая свой бег и ускоряя ритм пляски, пока последние остатки трона не превращаются в груды пепла⁵.

Такие картины восставшего Парижа наблюдал Бальзак сейчас же по возвращении из своего украинского затишья. Сцены народного возму-

щения не вызывали сочувствия в этом стороннике «сильной власти». Дня через три после свержения Луи-Филиппа Шанфлэри посетил Бальзака в его особняке на улице Фортюне, который обставлялся для будущей супружеской жизни. В своих воспоминаниях Шанфлэри записал:

«Г-н де Бальзак в 1848 г. оставил Францию; он не любил республики, или, по крайней мере, не доверял будущему»⁶.

О том же свидетельствует Жюльен Лемер. В марте 1848 г. Бальзак заявил ему, что единственной сферой деятельности для активных натур во Франции остается политика.

«Но для этого нужно быть молодым, а я стар»,—с глубоким вздохом заключил писатель.

«Человек, написавший «Крестьян» и «Бедных родственников», всегда молод»,—не без основания возразил ему Лемер⁷.

Но ему не удалось переубедить романиста.

По переписке Бальзака мы знаем, что политические события революционного года шли вразрез с его планами и особенно с его сложившимися воззрениями.

Собственно, падение орлеанской династии не могло встретить его возражений. Мы знаем, как иронически он относился к Луи-Филиппу, как держал себя в стороне от правительственных кругов Июльской монархии, которая, в свою очередь, игнорировала его и ни к каким официальным почестям не допускала. Победа демократии, установление республики, стремление осуществить идеи утопического социализма—все это резко противоречило его политической программе. Мы знаем, что революционное движение никогда не привлекало Бальзака и что за два года перед тем крестьянское восстание в Галиции крайне встревожило его. 7 марта 1846 г. он писал Ганской:

«О, сам бог привел вас в Неаполь... Оставайтесь же в Риме, осуществляйте план вашего путешествия, возьмите как можно больше денег, ибо Украина, Подолия и Волынь возмутились. Сто одиннадцать галицийских помещиков убиты крестьянами, хотевшими вовлечь своих господ в бунт против их повелителя—австрийского императора... Мятеж или восстание поднялись одновременно по всей старой Польше (прусской, австрийской и русской); движение к о м м у н и с т и ч е с к о е. Дрожу за вашего кузена Леонтия. Восставшие взяли Подгорцы [поместье Мнишков на Волыни]. Вот ужасы. Обе стороны беспощадны. Священники, женщины, дети, старцы, все поднялись»⁸.

Не меньшее впечатление, конечно, произвело на Бальзака восстание парижского пролетариата. Центральным деятелем революции 1848 г. являлся рабочий класс, который неизмеримо глубже, чем революционная буржуазия XVIII в., отодвигал в прошлое бальзаковский идеал «старой Франции». В разразившихся классовых боях буржуазии с пролетариатом Бальзак оказался на стороне буржуазии, к которой всегда относился критически со своих легитимистских позиций. В апреле 1848 г. Бальзак даже отказывается от постановки своей пьесы «Мещане» на том основании, что буржуазия «благородно пролила свою кровь, защищая цивилизацию, находившуюся под угрозой» и «на утро после этой битвы ее нельзя сатирически выводить на сцену»⁹.

Он приветствует июньские дни 1848 г. и победу буржуазии, устанавливающей свою диктатуру во Франции. В июле 1848 г. он пишет царскому министру Уварову: «Мы искупили свои ошибки ужасной июньской битвой».

PARIS EN 1848

JOURNÉE DU JEUDI 24 FEVRIER

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1848 г. В ПАРИЖЕ
Народ выносит королевский трон из Тюильри
Современная литография
Музей революции, Москва

II

Бальзак не остался безучастным к бурной жизни Парижа. В 1848 г. Шанфлёр видел его на одном собрании литераторов; в мае, по предложению Ледрю-Роллена, литературные деятели собрались в одном из помещений Академии для обсуждения вопроса о судьбе художественных изданий. В пестрой толпе журналистов и лиц разных профессий поражало полное отсутствие настоящих писателей...

«Вдруг входит Бальзак, и все собрание обращает свои взгляды на этого полного человека в перчатках и зеленом фраке. Он быстро оглядел собравшихся, узнал меня и сейчас же сел рядом, не подозревая, что занимает место на крайней левой».

Шло довольно беспорядочное обсуждение правительственного предложения, и «г. де Бальзак много смеялся общей неразберихе». Когда же он оказался единогласно избранным в делегацию к Ледрю-Роллену, великий романист, выразив свою благодарность за доверие, отклонил эту честь, сошел с кафедры и оставил зал заседания.

Таким наблюдал Бальзака молодой Шанфлёр на одном из собраний революционной Франции 1848 г.

По его словам, Бальзак даже склонен был принять участие в политической жизни Франции. Его давнишние мечты о депутатстве оживились неожиданным ходом событий. «На несколько мгновений его захватила

лихорадка «народного представительства», вследствие чего он даже опубликовал в газетах письмо на этот случай. Но представляете ли вы себе г. де Бальзака в народном клубе?»¹⁰.

Письмо это, действительно, появилось в печати в апреле 1848 г. под заглавием «Исповедание политической веры» и с обращением «к господину президенту клуба всемирного братства в Париже». Это ответ на сообщение, что Бальзак внесен названным клубом в список кандидатов в Национальное собрание и приглашается выразить свои политические убеждения на общем собрании членов.

Бальзак предпочел ответить в печати. Он заявил, что примет обязанности народного представителя, если они будут ему доверены, так как «мандат 1848 г. является для избранника актом преданности Франции, самоотверженности, пренебрежения опасностью». Свою политическую программу он свел к заявлению о необходимости создать, наконец, прочное правительство на более длительный срок, чем 15 или 18 лет, как это наблюдалось во Франции после 1789 г. В заключение Бальзак опроверг распространившиеся слухи о том, что он, якобы, поторопился вернуться из России на родину, чтобы выставить свою кандидатуру. Он указал, что неуклонно продолжает свои литературные занятия, «которые дают работу типогра-

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1848 г. В ПАРИЖЕ

Народ сжигает королевский трон

Современная литография

Музей революции, Москва

фиям, театрам, книготорговле, газетам. Эти виды промышленности, эти предприятия питают двадцать родов торговли, в настоящее время пришедших у нас в упадок, и стремление объединить и оживить их снова является также одной из наших задач»¹¹.

Такая профессиональная программа писателя показалась недостаточно убедительной политической декларацией, некоторые газеты объявили ее реакционной, и Бальзак не оказался в числе народных представителей 1848 г.

Он приготовил еще одну большую политическую статью по вопросу о текущих событиях. Она свидетельствует о том, что со своих позиций романист довольно верно определял их ход и расценивал их сущность. Маркс, как известно, определил революцию 1848 г. во Франции, как «гражданскую войну в ее самом страшном обличи—войну труда и капитала». Это отчасти было ясно и Бальзаку. Весьма характерна в этом отношении его статья, написанная весной 1848 г. в Париже,—«Письмо о труде», в котором он ставит себе задачей открыто высказаться насчет «республиканских утопий». Он выступает здесь против социалистического принципа организации труда, защищая независимость производства и коренные интересы частных и государственных богатств. Новая «тираническая система» должна привести, по его мнению, к дезорганизации промышленности; установление принципа равенства в индивидуальном труде представляется ему противоестественным. Он защищает единственную организационную силу промышленной жизни—капитал. Вместо регламентации и организации труда государство должно, по примеру Англии, покровительствовать продаже, т. е. находить и открывать новые рынки национальной продукции. Бальзак протестует против той «жестокой войны, которую объявляют капиталу, т. е. самой жизни и крови промышленного организма». Он берется доказать, что «капитал—это труд в прошлом, который субсидирует труд в настоящем, и что испытывать его, посягать на собственность каким бы то ни было способом, это значит препятствовать будущему труду»¹²...

В своих письмах 1848—1849 гг. Бальзак высказывается о революционных событиях гораздо решительнее и откровеннее. «Доколе крепкая и мощная монархия не будет у нас восстановлена,—пишет он своему зятю Сюрвилю,—во Франции нечего будет делать. Я даже допускаю, что в ближайшее время возникнет якобинское движение; но я думаю, что оно окажется последним и что вскоре покончат с этой невозможной республикой, которая стбит нам и всей Франции столько утрат и несчастий»¹³.

Считая, что до восстановления сильной власти ему нечего делать во Франции, где литература пришла в полное расстройство, Бальзак решает снова удалиться из революционного Парижа на безмятежную Украину. На этот раз путешествие в Россию представляло ряд новых трудностей. Весной 1848 г. Николай I «по случаю возникших во Франции смятений» запретил русским консулам выдавать французским подданным паспорта на въезд в Россию¹⁴. Приходилось хлопотать об особом разрешении. О своей потребности укрыться от политических бурь своей родины под щит самодержавной России Бальзак пишет Уварову, довольно обстоятельно излагая в этом письме свое отношение к текущим политическим событиям.

Перевод:

Его сиятельству графу Уварову,
министру народного просвещения, в С.-Петербург

Париж, 14 июля 1848 г.

Граф,

Благосклонность вашего сиятельства ко мне в прошлом году дает мне смелость просить о продлении вашего милостивого содействия, и все по

У французского под-
данного де Бальзака

да не от Франции
в Россию.

Совместно Про Вещи -
ствя рукою написанно
карандашом: «Да, но
с строгим надзором»
"28^е Июля 1848 г.

Генерал-Адъютант Ду Роя

написано в Вне. пов. секрет
Бибаксов, а Г. Балкан
отав мелк. писмен
Франции и Куртис
«Да, но с строгим надзором»
в Россию 443

Исполнительный Фран-
цузский литератор де
Бальзак, в приказ -

по мелк. изъ Пари-
жа мыслью объяснать,

что придётся в про-
шедшем году в Киев
и находясь на жизнелю-
бви у Григор Теофила -

Минишка, он откры-
вая в Марию, для
каждого своего
дела в Россию, по приказу

Бальзак оставаться тако
потому что в то са-
мое время посетован
воспрещение протекать
интересов в предо-
ме России Кодатайства

„ВСЕПОДДАНИЕШИЙ ДОКЛАД“ А. Ф. ОРЛОВА ОТ 28 ИЮЛЯ 1848 г.
О РАЗРЕШЕНИИ БАЛЬЗАКУ ПРИЕХАТЬ В РОССИЮ
Сверху резолюция Николая I: „Да, но с строгим надзором“

Архив революции, Москва

поводу того же самого дела. Мое пребывание в поместье графа Мнишка¹⁵ было прервано в феврале т. г. личными делами, для устройства которых я вынужден был выехать на несколько дней в Париж, где я был застигнут врасплох революцией, подобно тому, как путешественник в китайских водах бывает неожиданно захвачен тайфуном. Я должен был поставить на сцену пьесу, написанную мною на Украине, и закупить для графа Мнишка, всецело поглощенного энтомологией, самую знаменитую и

богатую коллекцию насекомых, а именно коллекцию Дюпона. Сейчас я, больше чем когда-либо, хотел бы вернуться на Украину, прежде всего, чтобы самому присмотреть за выгрузкой знаменитой коллекции Дюпона, которая будет отправлена через Марсель, Константинополь и Одессу, а затем, чтобы спастись от треволнений Парижа, где книжное дело, быть может, возродится только года через три, где газеты не помещают больше фельетонов, так как переполнены событиями и полемикой, и где театры увидят вновь зрителей лишь тогда, когда у нас будет прочное правительство. Те, кто любят свою страну, граф, а я, признаюсь, люблю ее горячо, все в большом унынии; и я покидаю ее сейчас только потому, что в 50 лет, после 25-летней работы днем и ночью, я могу служить ей только своим умственным трудом, а сейчас, когда разнуздались все грубые страсти, он ей не нужен. Это не жалоба и не обвинение, это просто факт, о котором, к несчастью, говорят наши газеты всему миру, освещаемому заревом наших пожаров. Мне, рожденному во времена Директории, казалось, что я вновь пережил ту эпоху за эти 4 месяца, когда правительство, руководимое поэтом Ламартином, требовало, чтобы такая страна, как Франция, была представлена ремесленником, а не талантом, наборщиком Данги, а не поэтом, экс-пэром Франции, Гюго... Мы искупили свои ошибки ужасной июньской битвой, но это только одна из ран давнего поединка между варварскими руками Парижа и его культурной головой. Увы, подобные вещи можно говорить только человеку вашего положения и вашего ума. Как русскому министру, вам, быть может, будет приятно знать, что кандидат на кресло Шатобриана просит вас о милостивом разрешении вернуться в Россию, чтобы найти там покой и безопасность у своих друзей. Мне сообщали, что генерал Бибилов, которому вы сооблаговолили рекомендовать меня в прошлом году, справлялся недавно у графа Мнишка, не думаю ли я вернуться. Это лукавый вопрос со стороны правителя, прекрасно знающего, что путешественник сохранил только хорошие воспоминания и о стране, и о ее правителях. Я уже выражал вам свою благодарность за прием столь милостивый, что он возбудил даже зависть; наши газеты помещали всевозможные басни об оказанном мне гостеприимстве. Личные привязанности мои на Украине делают ее для меня второй родиной, и вы не должны сомневаться в том благоговейном чувстве, с которым писатель, всецело преданный монархическим идеям, повинуетя законам вашей страны. В силу этого я надеюсь, что вы не откажете мне и в дальнейшем в своем покровительстве и устранили все препятствия, могущие возникнуть для въезда французского гражданина в империю после парижских событий. Так как я собираюсь написать несколько вещей, то мне придется прибегнуть к вашей помощи еще раз, чтобы отправить их из моего убежища в парижские театры, если в этом встретятся какие-либо затруднения.

До моего отъезда из Парижа, который последует только после вашего ответа, у меня есть время для получения письма, которым вы меня удостоите. Я также имею честь обратиться с просьбой к графу Орлову, в ведении которого находится, повидимому, предмет моего ходатайства и моего домогательства. В надежде получить благоприятный ответ, примите, граф, заранее выражение моей благодарности за все сделанное вами для меня и глубокого почтения, с которым я имею честь пребывать

вашего сиятельства покорнейший и преданнейший слуга

де Бальзак

В случае, если я получу разрешение, я проеду через пограничную станцию Радзивиллов, где я встречу тех же людей, которые были столь любезны по отношению ко мне в прошлом году¹⁶.

III

Следует остановиться на одном литературном сообщении этого письма: «Я должен был поставить на сцене пьесу, написанную мною на Украине...». Действительно, 25 мая 1848 г. парижский Théâtre historique ставил новую пьесу Бальзака «Мачеха» («La marâtre»).

ПЕРЕПРАВА НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ

Гравюра Федорова по рисунку Скотти 1814 г., висевшая в Верховие

Музей краеведения, Бердичев

Это был первый театральный успех знаменитого романиста. Все предыдущие попытки его утвердиться на сцене терпели полную неудачу. Когда директор Исторического театра спросил Бальзака о его новой драме, романист отвечал ему:

«Это будет нечто ужасное... Но поймите меня правильно. Речь идет не о какой-нибудь громоздкой мелодраме, в которой предатель поджигает дома и держит в страхе их обитателей. Нет, я мечтаю о салонной комедии, где все мирно, спокойно, приветливо. Мужчины невозмутимо играют в вист при свете свечей под мягким зеленым абажуром. Женщины смеются и беседуют над своими вышивками. Пьют патриархальный чай. Словом, все возвещает порядок и гармонию. И вот под всем этим бушуют страсти,

драма зреет и движется, пока, наконец, не прорывается, как пламя пожара. Вот чего я хочу»¹⁷.

Бальзак выступал здесь сценическим новатором или, во всяком случае, решительным обновителем забытого и оставленного жанра. «Мачеха» была обозначена самим автором в подзаголовке его пьесы, как «и н т и м н а я д р а м а», и, во многом, действительно обращалась к старинной «мещанской драме». Критик «Revue des Deux Mondes» с сочувствием отмечал попытку Бальзака «восстановить трагедию домашнюю, семейную, интимную, идущую на смену героической комедии». «В проявлениях этой мирной, однообразной патриархальной жизни, в которой рассеянный зритель заметит только невинное времяпровождение и приветливые улыбки, есть нечто от тревожной тишины и скрытого беспокойства, которые предшествуют буре и располагают к волнению». Критик ставит в заслугу Бальзаку его умение доказать, что «вокруг какой-нибудь кушетки и ломберного стола человеческие страсти могут сплести такую же подлинную трагедию, как и в идеальном мире исторических героев»¹⁸.

Другой театральный критик, поэт Теофиль Готье, писал по поводу новой пьесы: «„Мачеха“ Бальзака принадлежит к той школе истинной драмы, которую блистательно открыли в прошлом столетии Дидро, Мерсье и Бомарше. Это—самая логическая концепция интимной и буржуазной трагедии. Невидимая драма растет и разыгрывается в этом мирном и дремлющем доме, в котором величайшими событиями кажутся перипетии традиционной партии виста»¹⁹.

Таким образом, сам драматург и авторитетнейшие критики его отмечали в «Мачехе» новую театральную форму. Пьеса Бальзака как бы демонстративно ликвидировала романтический театр и выдвигала на смену ему борьбу страстей в ежедневной обстановке, намечая новые компоненты для назревающей психологической драмы. Этой формулой, как увидим ниже, под непосредственным впечатлением «Мачехи» увлекся молодой Тургенев.

Драма Бальзака имела большой успех. Это обращает его к новым театральным замыслам, среди которых особое место занимает драма из русской истории—«Петр I и Екатерина». Еще за год до того, в 1847 г., Бальзак изложил директору Исторического театра Гоштейну план задуманной им на эту тему пьесы. Пролог ее был построен на занимательном эффекте повторения аналогичной ситуации: в харчевне на большой дороге красавица-служанка пленяет поочередно солдата, офицера и самого царя, выслушивая в нарастающей прогрессии их обещания всяческого улучшения своей судьбы и своего быта—теплой хаты, прекрасного дома и, наконец, царского дворца. Но это забавное начало должно было, по словам Бальзака, развернуться в «колоссальное предприятие», тем более, что предстоящее путешествие в Россию дало бы ему возможность собрать на месте необходимые материалы о русских нравах и обычаях. Весною 1848 г. он снова обращается к этому замыслу, веря, что ему обеспечен огромный театральный успех. Он сообщает 16 апреля 1848 г. Ганской: «„Петр и Екатерина“—это обширная драма в шекспировском духе, но дополненная неслыханной роскошью костюмов и декораций. Она представит историю Петра Великого и его второй жены. Сцены опалы и смерти его сына, пленения великого визиря на Пруте, коронации Екатерины I привлекут к себе внимание всего Парижа. Три или четыре декорации покажут Петербург. Сюжет пьесы со стороны литературного замысла—это постепенное восхождение женщины из народа до высокого звания императрицы и соот-

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ О
БАЛЬЗАКЕ, 1848 г.

Архив революции, Москва

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

СОБСТВЕННОЙ КАМЕРЛЕРИИ

ОТДѢЛЕНИЯ III

ИНСПЕКЦИИ I.

№ 443

*По ходатайству французскаго императора
де Вандрама, о дозволеніи ему возвратиться с
мол. Платона въ Кіевъ, и проархисекрет. министромъ
Висковатовъ. Канцел. вступитъ слѣдующ. въ дѣло.*

29 Июля 1848.

ветственное нисхождение великого законодателя из-за его разгулов и вспышек гнева, ставящих его ниже жены, пока борьба этих двух сил не завершается катастрофически смертью Петра...»²⁰.

Замысел заметно вызревает в процессе обдумывания сюжета. Уже 21 мая 1848 г. Бальзак сообщает Ганской: «Я начинаю понимать драму Петра и Екатерины. Она должна показать борьбу законодателя со всем окружающим миром: женою, сестрою, сыном, духовенством, народом. Это не легко будет выразить в драме из-за обилия героев. Но нужно победить все трудности»²¹.

Так от занимательной обстановочной пьесы Бальзак поднялся до широкого понимания подлинного драматизма судьбы и образа Петра. К сожалению, ему не дано было воплотить этот замысел. Вскоре он выразил своему антрепренеру сомнения, возможно ли в 1848 г., «после битвы пролетариев», рассчитывать на интерес парижского зрителя к такой исторической пьесе. Он предпочел приступить к работе над веселой комедией «Меркаде», а задуманная трагедия о Петре так и не вышла из стадии замыслов, обдумывания и переговоров. Успех «Мачехи» был, кажется, единственным отрадным переживанием Бальзака за весь 1848 г. Оно не могло возместить ему горестей, разочарований и потерь, вызванных политической бурей, от которой он рассчитывал теперь укрыться в усадьбе далекой Киевщины.

IV

Одновременно с письмом к Уварову Бальзак отправил аналогичную просьбу, хотя и в более официальном и деловом тоне, «министру полиции» Орлову (14 июля 1848 г.)²².

28 июля Орлов получил письма Бальзака и Уварова. Осторожный министр народного просвещения не брал на себя ходатайства за французского

литератора, просил только сообщить ему «смысл ответа», который будет дан иностранцу, намекая, впрочем, на возможность положительного решения:

«Очень известный французский писатель, г. де Бальзак, — писал Уваров, — приезжал в прошлом году в Россию, где он прожил довольно долго; генерал Бибилов, которому я рекомендовал Бальзака, по просьбе последнего, был весьма доволен его поведением и очень блажелателен по отношению к нему, так как мнения де Бальзака более литературного, чем политического свойства, и он никогда не вмешивался в политические дела»²³.

В этом духе Орлов представил Николаю I 28 июля 1848 г. «всеподданнейший доклад о французском подданном де Бальзаке», в котором указывал, что названный проситель во время его пребывания в Петербурге в 1843 г. и на Украине в 1847 г. «вел себя благородно и ни в чем предосудительном не замечен». «Принимая во внимание неукоризненное поведение де Бальзака во время прежнего пребывания его в России, — заключал Орлов, — а также и ходатайство о нем графа Уварова, я полагаю бы, с моей стороны, возможным удовлетворить настоящую просьбу де Бальзака о дозволении ему прибыть в Россию»²⁴.

Но Николай I оказался подозрительнее и строже своего шефа жандармов. Он не согласился на такое простое и безоговорочное разрешение и наложил резолюцию «да, но с строгим надзором».

Орлов немедленно же послал секретное сообщение Бибилову о приказе императора²⁵, а самому писателю направил безупречно учтивый утвердительный ответ

Перевод:

С.-Петербург, $\frac{30 \text{ июля}}{11 \text{ августа}}$ 1848 г.

Господину де Бальзаку и пр.

Милостивый государь,

Доставляю себе удовольствие сообщить вам в ответ на письмо, каким вы изволили почтить меня 14 сего месяца, что нашим пограничным властям уже даны распоряжения не чинить никаких препятствий вашему въезду в Россию, в виду того, что цель предпринимаемого вами путешествия носит чисто научный характер.

Прошу вас, милостивый государь, принять по этому поводу уверение в моем совершенном почтении.

Граф Орлов²⁶

В более дружеском тоне было составлено ответное письмо Уварова:

Перевод:

С.-Петербург, 5/17 августа 1848 г.

Я счастлив сообщить вам, милостивый государь, что е. в. император, ознакомившись с письмом, которое вы направили графу Орлову, как и с тем, которым вы изволили почтить меня, отдал приказ, чтобы въезд в империю был для вас открыт. Граф Орлов сообщает мне, что он принял в этом направлении все необходимые меры; мне остается выразить вам надежду, что вы найдете у нас отдохновение от грозы, потрясающей политический мир. Разделите же с нами, милостивый государь, то состояние полной безопасности, которым мы пользуемся; вы убедитесь в том, что ни одно из обстоятельств, потрясших Европу, ни на мгновение не задержало пра-

вильного и мирного развития, которое вы наблюдали у нас в прошлом году; быть может, вы даже найдете, что нашим отголоском на столь печальные события было стремление теснее сомкнуться вокруг национального начала, оберегающего наши судьбы и возбуждающего наши драгоценнейшие запросы.

Не сомневайтесь в том, что усилия, предпринятые в последнее время во Франции с целью восстановить порядок, угрожаемый в самой основе своей, возбуждают сочувствие всех понимающих как важность совершающегося, так и его плачевное направление.

Примите, милостивый государь, искреннее выражение моего совершенного к вам уважения.

Граф Уваров

ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ

Рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.

Исторический музей, Москва

На конверте [по-немецки]: «Из России, porto»; [по-французски] «Господину О. де Бальзаку, квартал Божон, улица Фортюне, 14, Париж»²⁷.

Бальзак отвечал Уварову благодарственным письмом, представляющим интерес и по изложению некоторых литературных замыслов романиста.

Перевод:

Париж, 26 августа 1848 г.

Я хочу вас поблагодарить отсюда за вашу любезность и быстроту, с которой вы дали ход моему прошению. Ваш благоприятный ответ, так же как и графа Орлова, застал меня накануне одной из тех ужасных битв, в которых мы, писатели, часто бываем разбиты,—накануне первого представления моей новой пьесы во Французской Комедии. Если я буду побежден, путешествие меня утешит. Я надеюсь иметь возможность выразить вам лично в Петербурге всю мою благодарность. Я намерен описать наше великое поражение 1812 г. и хочу видеть Москву. Мои друзья обещают мне устроить

это путешествие и провести со мной конец зимы в С.-Петербурге. Если ничто этому не помешает, я смогу отдать вам свой долг, удостоившись чести личного знакомства с вами, в равной мере я заплачу когда-нибудь свой долг русскому гостеприимству, описав стойкое мужество ваших войск, противостоящее бешеному натиску французов. Уже в первое свое путешествие в Петербург я очень жалел о том, что не зарисовал двух или трех самых знаменитых русских генералов, чтобы описать их с натуры, на этот раз я исправлю эту ошибку; кроме того, у меня будут эскизы военного обмундирования (безделица, которая мешала мне до сих пор заняться 1812 г.). Хотя я надеюсь быть на Украине в конце сентября, я все же не хочу, чтобы ваше сиятельство подумали, что я не чувствую вашего милостивого ко мне отношения; вот почему я написал, посреди всех своих приготовлений к бою и к путешествию, это небольшое письмо, чтобы дать вам знать, что ваше письмо мгновенно разрешило все мои сомнения. Что же касается милости, оказанной мне императором, то мне кажется, что по отношению к нашим государям, как и к нашим отцам, мы невольно всегда оказываемся неблагодарными; они дают нам жизнь, а мы никогда не можем отплатить им тем же.

Благоволите принять, граф, выражение почтения, с которым я имею честь пребывать

вашего сиятельства

покорнейший и преданнейший слуга

де Бальзак²⁸

Бальзак говорит здесь об одном из главных замыслов намеченного и оставшегося неосуществленным отдела «Человеческой комедии» — «Сцены из военной жизни». Трагедия разгрома великой армии и крушения наполеоновского могущества должна была составить один из центральных эпизодов всей серии. Личность Наполеона, как известно, чрезвычайно прельщала фантазию Бальзака, и образ императора проходит по целому ряду его произведений, хотя нигде и не был им выдвинут на первый план. Наполеон появляется в рассказе «Вендетта», в «Темном деле», в «Полковнике Шабере», в «Семейном согласии», «Тридцатилетней женщине» и, наконец, в «Изнанке современной истории». Он выступает перед нами то первым консулом, то уже императором в эпоху Иены, Эйлау, в 1813 г. и пр. Поход Бонапарта в Россию представлялся романисту особенно благодарной темой «наполеоновской эпопеи» как по ее основному драматизму, так и по некоторым возможностям автора изучать и трактовать с достаточной осведомленностью события русской истории. Один из эпизодов 1812 г. — катастрофа французской армии на Березине — послужил Бальзаку материалом для его раннего рассказа «Прощание» и для одной драматической страницы в «Сельском враче». Он считал, что эта тема далеко не исчерпана, и уже в первую свою поездку в Россию готовился по-новому разработать ее. Бонапарт представлялся ему типичным представителем латинской расы, сочетающим в себе характерные черты ее задорной воинственности и тонкого макиавеллизма. Недаром он родился на французском острове, согретом итальянским солнцем. Корсиканец чувствует себя в своей стихии и неизменно торжествует в странах Средиземноморья: он теряется на севере и терпит крушение в России. Эти мысли Бальзака о Наполеоне (развиваемые, между прочим, в «Сельском враче») сказались бы, вероятно, на разработке исторического романа о русском походе. Если бы не тяжелая

болезнь Бальзака, которая сковала его с осени 1848 г., он, конечно, осуществил бы свой план поездки в Москву и зарисовки с натуры знаменитых русских полководцев. Нарастающее расстройство здоровья и упадок творческих возможностей заставили романиста отказаться от этого большого плана его работ на 1849 г. и провести почти весь этот период в задумывании ходких пьес, которые также не были написаны. Но, вероятно, взгляды Бальзака не раз останавливались на висевшей в одной из комнат Верховни гравюре, изображающей поражение Наполеона при переправе через Березину («Défaite de Napoléon au passage de la Bérésina»). Старинный художник изобразил французского императора в момент, когда он достиг противоположного берега в сопровождении одного из своих маршалов и мамелюка, а мост через Березину рушится под взрывами снарядов вместе с всадниками и пехотинцами. Мы видели эту гравюру, хранящуюся теперь в Берди-

БАЛЬЗАК, ГАНСКАЯ, ЕЕ ДОЧЬ АННА И ЗЯТЬ ЮРИЙ МНИШЕК

Рисунок Юрия Мнишка с шутливой надписью:

„Бильбоке [прозвище, данное Бальзаку в Верховне] от признательных скоморохов“

Коллекция Лованжуля, Шантильи

чевском музее и как бы иллюстрирующую последнюю творческую драму Бальзака—замысел его исторической фрески, оставшийся неосуществленным. Писатель, любивший сравнивать себя с Наполеоном и поставивший себе даже девизом «завершить пером то, что тот не успел осуществить шпагой», мог перед этой картиной великого разгрома проводить такие же аналогии и с горечью раздумывать о крушении в России своих последних надежд, планов и предначертаний.

V

Во время своего последнего пребывания в Верховне Бальзак обращается к замыслу исторической пьесы «К о р о л ь н и щ и х», о которой сообщает своим друзьям в Париж. Замысел этот относится к раннему периоду бальзаковского творчества—еще к 20-м годам. Но он был оставлен и забыт на целых двадцать лет, чтобы снова всплыть в сознании Бальзака в 1848 г., когда он решил сосредоточиться на драматургической деятельности. В не изданных еще письмах к Ганской от 6 и 18 августа 1848 г. Бальзак говорит об этом замысле, а в письме от 29 августа сообщает тему драмы:

«При Людовике XIII был в Париже король нищих, синдик, ведавший всеми делами гольтыбы и назначавший каждому нищему его место и квартал при условии общей и взаимной поруки заниматься своим ремеслом в определенном округе. Этот король нищих при Людовике XIII был поочередно кальвинистом и католиком. Он оказал ряд услуг Генриху IV, который назначил его своим пожизненным королем нищих. Но при кардинале он был забыт. Вот философская идея: король низов, презирающий жизнь и отправляющий неограниченную власть, потешается и веселится, в то время как подлимный король Франции томится от скуки. Верховный владыка завидует властелину низов, и этот последний всегда оказывается в лучшем положении, чем тот. Людовику XIII докучает его министр; того же обожает его главный помощник, считающий своего начальника великим человеком. Я не рассказываю вам самого сюжета драмы, который чрезвычайно увлекателен: король нищих незаслуженно обвинен в преступлении»²⁹.

Бальзак рассчитывал написать эту пьесу быстро, в одну неделю. Но он уехал из Парижа, не успев осуществить этого намерения, к которому он снова обращается в Верховне. «Я окончил пьесу «Король нищих»,—пишет он сестре в январе 1849 г.,—пьесу, которая принесет Гоштейну, я уверен, сто сорок блестящих представлений (вроде «Жирондистов»), а мне двадцать тысяч франков»³⁰. Но, несмотря на такие заявления, пьеса не была написана, и никаких набросков к ней не сохранилось.

31 августа 1848 г. датировано краткое благодарственное письмо Бальзака Орлову из Парижа.

Перевод:

Париж, 31 августа 1848 г.

Его сиятельству графу Орлову, министру высшей полиции империи
Имею честь, граф, поблагодарить ваше сиятельство за ваш благосклонный и быстрый ответ на мое ходатайство.

Мне не хотелось уехать, не поблагодарив вас еще отсюда, ибо, если вы это позволите, я надеюсь иметь честь выразить вам благодарность лично в случае, если этой зимой я буду возвращаться через Санкт-Петербург. Умоляю ваше сиятельство продлить мне свое покровительство. Однажды оказанная милость обязывает, и во имя ее я рассчитываю на ваше расположение в дальнейшем.

Примите, граф, почтительное выражение чувств признательности, с которым имею честь быть вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою.

де Бальзак³¹

За неделю перед тем, 22 августа, Бальзак более подробно писал о целях своей поездки директору радзивиловской таможни Гаккелю: «Не знаю, во что превратится Франция—вероятно, в русскую провинцию, если происходящее продолжится,—в настоящий момент готовится ужаснейшая битва в Национальном собрании, и если я не потороплюсь с выездом, не знаю, разрешат ли нам в дальнейшем свободу передвижения. Я еду в Россию за миром и спокойствием»³². Он уезжал надолго: «Я покидаю Францию на очень длительный срок»,—пишет он 8 сентября 1848 г. г-же Деборд-Вальмор³³.

В сентябре романист пустился в путь, а в начале октября в III отделение была представлена волынским гражданским губернатором «ведомость об иностранцах, прибывших из-за границы с 16 по 22 сентября», в кото-

рой был «показан между прочими: Французский подданный, литератор Гоноре де Бальзак, следующий из Парижа в Киевскую губернию на жительство». На это сообщение последовало распоряжение Орлова штаб-офицеру корпуса жандармов Киевской губ. Белоусову:

Государь император, по всеподданнейшему моему докладу просьбы известного французского литератора де Бальзака, всемилостивейше соизволил на обратный приезд его в Россию, но с строгим за ним надзором.

Усматривая ныне из представленной начальником Волынской губернии семидневной об иностранцах ведомости, что упомянутый Бальзак уже прибыл в наши пределы для следования в Киевскую губернию на жительство, предлагаю вашему высокоблагородию, во исполнение монаршей воли, иметь строгое секретное наблюдение за этим иностранцем, образом его жизни, занятиями и связями в обществе, и о последствии буду ожидать вашего донесения.

Генерал-адъютант граф Орлов³⁴

Бальзак, мечтавший одно время стать русским литератором, неожиданно подвергся участи, столь характерной для этого сословия николаевской империи: в продолжение полутора лет своего последнего пребывания в Верховне (с сентября 1848 г. по апрель 1850 г.) он находился под строгим надзором киевских жандармов. К сожалению, их донесения (вероятно, о переписке Бальзака, его разъездах, женитьбе, отъезде во Францию) в архивах не сохранились. В Верховне менее всего, как мы знаем, сочувствовали республиканской Франции и способны были пропагандировать социализм. О политических настроениях маленького общества на этом «островке» среди океана пажитей можно судить и по весьма характерному письму Анны Мнишек к ее матери от 20 апреля 1850 г., т. е. еще в эпоху Второй республики: «Мне снилось всю ночь, что Генрих V принял наследство св. Людовика и моего обожаемого Людовика XIV. Дай, господи, чтобы этот сон осуществился! О, прекрасная Франция моих сновидений!»³⁵.

Вот о чем мечтали у каминов Верховни в долгие зимние вечера 1848—1850 гг., когда великий романист развивал семье Ганских-Мнишек свои политические виды на будущее. Возможное в ту переходную эпоху восстановление Бурбонов на престоле Франции сулило ему, автору «Шуанов», находившемуся в течение 18 лет в оппозиции Луи-Филиппу, ряд высоких почестей—Академию, законодательный корпус, быть может, пэрство Франции. Еще к 1837 г. относится работа Бальзака «Шесть королей», в которой он дает идеализированные портреты Людовиков (от XIII до XVIII), восхищается эпохой «короля-солнца», противопоставляет «разнузданную толпу» 1793 г. «казненному страдальцу», хвалебно живописует даже Людовика XVIII. Все это должно было получить полное признание в случае новой реставрации.

Такими перспективами блестящего будущего тешил себя Бальзак среди невзгод текущего, всевозможных политических осложнений, материальных трудностей, матримониальных неудач, а главное—тяжелых недугов. С осени 1848 г. давнишние расстройства его здоровья чрезмерным трудом и сильными возбуждателями принимают резкий характер. С 1849 г. врачи признают его сердечную болезнь неизлечимой, и, несмотря на усилия медицины и благоприятные условия жизни на воздухе, в тишине, в богатом поместье, Бальзак медленно и неотвратимо умирает.

Последнее пребывание романиста в Верховне—печальный эпилог его жизни, когда сердце все заметнее отказывается ему служить, зловеще слабеет его зрение, изменяют органы дыхания, останавливается творческая работа. И если мы вспомним, что как раз в эти годы, когда молодая Европа была окрылена борьбой за новую историческую эру освобожденного труда и всемирного братства рабочих, слабеющий Бальзак строил свои планы феодальной реставрации и писал в своих письмах о «бессмысленном восстании демократии»³⁶,—не вправе ли мы будем заключить, что скрывшийся в усадьбе Ганской от вихря современной истории великий писатель уже переживал закат своей творческой мысли?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Correspondance, I, 325, письмо Бальзака к сестре от 6 ноября 1847 г.

² В 1846 г. Бальзак вместе с Ганской приобрел на 60 000 фр. акций Северной железной дороги. В начале 1848 г. выяснилась необходимость внести за них дополнительную сумму, и Бальзак поторопился выехать в Париж. Ferry (G.), Balzac après le 24 février 1848.—«Revue hebdomadaire», 9 juillet 1898, 237.

³ Correspondance, II, 331.—G. Ferry, op. cit., 237.

⁴ Champfleury, Notes historiques sur M. de Balzac—в книге: Baschet (Armand), Variétés littéraires. Honoré de Balzac, Blosse, 1851, 230.

⁵ Стерн Даниель, Февральская революция—в сборнике «Революция 1848 г. во Франции», «Academia», 1934, 114—115.

⁶ Champfleury, op. cit., 220.

⁷ Lemer (Julien), Balzac, sa vie, son œuvre, P., 1892, 165. Ср., Ferry (G.), op. cit., 243.

⁸ Lettre à l'Étrangère, III, 228.

⁹ Correspondance, II, 332.

¹⁰ Champfleury, op. cit., 220.

¹¹ «Profession de foi politique. Au citoyen président du club de la fraternité universelle à Paris».—Œuvres complètes (M. Lévy), XXII, 787—789.

¹² Balzac, Lettre sur le travail. Рукопись из собрания Шпульберка де Лованжуля.—«Revue des Deux Mondes», 1-er septembre 1906, 51—62.

¹³ Correspondance, II, 364.

¹⁴ Куликов С. Н., О. Бальзак. Неизданные письма.—«Звенья», III—IV, 294.

¹⁵ В это время Юрий и Анна Мнишки жили в Верховне, и Бальзак считал удобнее сказать в официальном письме о своем пребывании у графа Мнишка, а не у Ганской.

¹⁶ Автограф.—Исторический музей, Москва. Ср. Korwin-Piotrowska, 443.

¹⁷ Hostein (Hyppolite), Historiettes et souvenirs d'un homme de théâtre, P., 1872.

¹⁸ «Revue des Deux Mondes», 1848, II, 1813.

¹⁹ Gautier (Théophile), Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans, P., 1859, 3-е série.

²⁰ Неизданное письмо из собрания Лованжуля. Отрывок приведен в книге: Milatchitch (Douchan Z.), Le théâtre inédit de Honoré de Balzac, P., 1930, 40—41.

²¹ Milatchitch, op. cit. 42.

²² Приводим перевод письма по тексту, опубликованному в «Звеньях», III—IV, 295—298:

Графу Орлову, министру полиции, в С.-Петербург

Париж, 14 июля 1848 г.

Имею честь обратиться к вашему сиятельству, хотя я лично вам неизвестен, в надежде, что вы соблагovolите благосклонно принять просьбу, составляющую предмет настоящего письма.

В прошлом году, граф, я прибыл в Россию с намерением прожить там долгое время у графа Георгия Мнишек на Украине, близ Бердичева; я, в действительности, пробыл там несколько месяцев; но так как одно денежное дело вызвало меня на несколько дней в Париж, то граф Мнишек, который с увлечением занимается энтомологией, воспользовался моим возвращением сюда, чтобы договориться о приобретении наиболее замечательной из всех известных коллекций насекомых, коллекции Дюпона, и наша февральская революция захватила меня врасплох, как гроза, меня так же, как и столько других.

В настоящее время я желал бы вернуться в Россию к друзьям, которыми иметь счастье там обладать, не только для того, чтобы искать отдыха и спокойствия, которые можно найти в Европе лишь в пределах вашей империи и Англии, но также и для того, чтобы присутствовать при выгрузке и распаковке коллекции насекомых. Эта коллекция, которая должна прибыть через Марсель и Одессу, состоит из 23 000 видов, весит 800 килограммов и требует величайшей заботливости для того, чтобы избежать какой-либо утери; я наблюдал за ее погрузкой и желал бы быть свидетелем того, что и при перегрузке будут приняты все необходимые меры предосторожности.

Между тем, до меня дошел слух, что въезд французов в империю может оказаться сопряженным с некоторыми затруднениями; чтобы знать, до какой степени обоснованы эти газетные слухи, я и обращаюсь к вашему сиятельству с просьбой содействовать моему приезду, если вы то сочтете уместным, причем имею честь обратить внимание вашего сиятельства на отсутствие каких-либо оснований, могущих вызвать мое недопущение.

Я уже два раза совершал поездку в пределы государства его величества императора всероссийского, и мне кажется, что я всегда держался и буду держаться поведения человека, который лучше всякого другого француза знает, каким уважением он обязан по отношению к законам чужой страны, в особенности, когда его благоклонно принимают в ней.

Если затруднения, о которых говорят,—одна из тысячи клевет, распространяемых о русском правительстве и свидетельствующих о выдумках прессы, мне останется удовольствие обращения к вам, граф, так что в другой раз я не буду вам совсем неизвестен; а путешественники всегда нуждаются в покровительстве.

Я был бы неблагодарным, если бы я, равным образом, не обратился в данном случае к графу Уварову, в ведении коего я считал себя состоящим в прошлом году и который в высшей степени любезно оказал мне услугу, рекомендовав меня генералу Бибикову.

Если ваше сиятельство соизволите удостоить меня ответом, я подожду его, прежде чем пускаться в путь; я рассчитываю выехать через пограничное местечко Радзивиллов и прошу ваше сиятельство верить в мою глубокую признательность за хлопоты, которые я вам причиняю.

В надежде на благоприятный ответ, имею честь, граф, быть вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой.

Де-Бальзак

²³ Там же, 298—299.

²⁴ Там же, 299—300.

²⁵ Там же, 300.

²⁶ Автограф.—Collection Lovenjoul. Ср. «Звенья», III—IV, 300.—В Архиве внешней политики (Москва) сохранилась официальная переписка о выдаче Бальзаку паспорта на проезд в Россию, —отношение Орлова к Нессельроде от 30 июля 1848 г., письмо Нессельроде к Киселеву от 2 августа 1848 г. и письмо Киселева к Нессельроде от 18 августа 1848 г., которое приводим:

Милостивый государь, граф Карл Васильевич,

Вследствие почтеннейшего отношения вашего сиятельства от 2 августа за № 6734 о последовавшем французскому литератору де Бальзаку высочайшем соизволении приехать в Россию, имею честь уведомить, что императорское посольство засвидетельствовало 17/29 числа текущего месяца за № 9918 паспорт этого иностранца на проезд в Россию.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

Киселев

²⁷ Автограф.—Collection Lovenjoul, A. 315. Fo. 218.

²⁸ Автограф.—Исторический музей, Москва.

²⁹ Milatchitch, op. cit., 25—26.

³⁰ Correspondance, II, 360; см. также письмо к Лоран-Жану от 1849 г.—Ibid., II, 339.

³¹ «Звенья», III—IV, 301—302.

³² См. в «Приложениях» к настоящей работе.

³³ Correspondance, II, 333.

³⁴ «Звенья», III—IV, 303.

³⁵ Korwin-Piotrowska, 358.

³⁶ Correspondance, II, 359, 394, 401, 429.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЖЕНИТЬБА И СМЕРТЬ

I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА О ПРЕДСТОЯЩЕМ БРАКЕ.—ОБРАЩЕНИЕ БАЛЬЗАКА К НИКОЛАЮ I ЧЕРЕЗ УВАРОВА.—ПИСЬМО ГАНСКОЙ К БИБИКОВУ.—ОТВЕТЫ УВАРОВА И ДУБЕЛЬТА.—РАЗРЕШЕНИЕ БРАКА ПРИ ТОЧНОМ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАКОНА ОБ УТРАТЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РУССКОЙ ПОДДАННОЙ, ВЫХОДЯЩЕЙ ЗА ИНОСТРАНЦА.—ПРЕДСТОЯЩИЙ РАЗРЫВ. II. СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ БАЛЬЗАКА.—НОВОЕ РЕШЕНИЕ ГАНСКОЙ.—ВЕНЧАНИЕ 2/14 МАРТА 1850 г. В БЕРДИЧЕВЕ.—ТЯЖЕЛОЕ СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. III. ПРИЕЗД В ПАРИЖ УМИРАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ.—АГОНИЯ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ БАЛЬЗАКА, ПО СТАТЬЯМ И НЕКРОЛОГАМ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.—РОЛЬ ГОСПОЖИ ДЕ БАЛЬЗАК У СМЕРТНОГО ОДРА ЕЕ МУЖА.—СВИДЕТЕЛЬСТВО ОКТАВА МИРБО. НАСЛЕДСТВО БАЛЬЗАКА.—ВТОРОЕ ВДОВСТВО ЭВЕЛИНЫ.—ПОЛНОЕ РАЗОРИЕНИЕ.—СМЕРТЬ ГОСПОЖИ ДЕ БАЛЬЗАК В 1882 г.—СУДЬБА „ПИСЕМ К ИНОСТРАНКЕ“

I

Приехав снова в Россию, Бальзак решает, наконец, предпринять тот важнейший шаг, о котором он мечтает с начала 30-х годов: обратиться к Николаю I в целях благополучного устройства своего союза с Ганской без каких-либо жертв и потрясений. Пачка деловых писем Бальзака, Ганской, Уварова, Бибикова, Дубельта отмечает одну из последних глав этого интимного романа в момент его официального оформления. В январе 1849 г. Бальзак обращается за разрешением своей участи к царю через Уварова.

Перевод:

Его сиятельству графу Уварову, министру народного просвещения,
в С.-Петербурге

Верховня, около Бердичева,
3 января 1849 г.

Граф,

Не удивляйтесь, что я прибегаю к вашей благосклонности в том исключительно щекотливом положении, в котором я сейчас нахожусь. Вы—единственный мой покровитель в России и вы милостиво доказали мне это своим попечением, за которое я вам буду благодарен всю свою жизнь. Ваше сиятельство оправдали те надежды, которые у меня возникли, когда, основываясь на всеобщей молве о вас, я возымел счастливую мысль обратиться к вам. Я не стану, однако, оскорблять человека с вашим умом, достойного занимаемого им высокого положения, настоятельной просьбой о сохранении глубочайшей тайны, какой требует это дело, ради которого я обращаюсь к вам. Благородный человек угадывает это сразу. К тому же ваше сиятельство можете видеть, что я доверяюсь вам всецело. Это абсолютное доверие делает, мне кажется, честь нам обоим. Я хочу вас просить, граф, одновременно и о совете и о новом доказательстве вашего милостивого ко мне расположения, так как речь идет о самом важном, об единственном деле моей жизни; не достаточно ли вам сказать, вам—писателю и мыслителю, что это больше, чем дело, что это вопрос жизни. Я люблю, вот уже скоро 16 лет, достойную и добродетельную женщину, настолько известную этими своими качествами, что эти два эпитета приходят на ум каждому, произносящему ее имя. Это чувство—я признаюсь вам здесь в том, что известно только ей,—является объяснением всех тех усилий, которые я делал, чтобы стать чем-то большим, чем я был бы без этой поставленной перед собой цели. Эта особа—русская подданная, и ее полнейшая благонадежность не только не может быть заподозрена, но, несомненно, оценена, так как вам в России все известно,—самым же ярким доказательством ее является то, что единственное препятствие, задерживающее

наш брак, заключается в этом подданстве, так как она не хочет выходить замуж за иностранца без разрешения своего августейшего повелителя,—однако, она разрешила мне хлопотать об этом. Я не только не ропщу на эту покорность, но нахожу ее вполне естественной,—мои политические убеждения отнюдь не позволяют мне критиковать, а тем более нарушать законы какой бы то ни было страны. Судьба тех, кто не разделяет этих принципов, могла бы послужить мне уроком и внушить мне эти убеждения, если бы я уже издавна их не придерживался. Впрочем, меня ничуть не страшит то, что счастье моей жизни зависит всецело от его вел. российского императора, и мое упование на счастливый исход почти переходит в уверенность, до такой степени я убежден, что его рыцарская доброта

БАЛЬЗАК В 1842 г.
Дагерротип Надара
Частное собрание, Париж

равна его могуществу; но я абсолютно не знаю, в какую форму облечь мое прошение; я не знаю, какому министру его надо направить, чтобы оно было доложено государю; я не знаю, достаточно ли этого письма; наконец я не знаю, кого взять в ходатаи, если только дело взаимной привязанности, освященной временем, нуждается в защите перед его императорским величеством, когда решать будет его сердце. Если бы это зависело от вас, граф, все мое беспокойство прекратилось бы.

Недрузи, враги, даже завистники,—так как я больше горжусь этой привязанностью, чем всем, что она мне продиктовала,—столько говорили об этом в надежде создать препятствия, что, быть может, для вас не явится новостью имя этой особы; но зато я могу сообщить вам о ней то, что явится ее хвалой и одновременно наилучшим основанием для получения той милости, о которой я умоляю его величество.

Г-жа Ганская вдова в течение 6 лет, но она не хотела и слышать о замужестве, пока не выполнит своих материнских обязанностей—не выдаст замуж

свою единственную дочь и не введет ее во владение отцовским, довольно значительным состоянием. Что же касается личного состояния г-жи Ганской, то оно достаточно скромно для того, чтобы моя просьба была совершенно бескорыстна; к тому же и это состояние переходит к ее дочери, г-же Жорж Мнишек. Таким образом, могущий возникнуть в подобных обстоятельствах вопрос о передаче русского недвижимого имущества в руки иностранца не является существенным, если только подобный пустяк мог бы служить препятствием. Наконец, в силу вполне естественного желания сочетать наше французское право с русскими законами, мы хотим вступить в брак, если только его величество разрешит этот брак, сохранив имущество раздельным. Покорность г-жи Ганской приказаниям его величества является не только естественным чувством, но еще и чувством благодарности, так как она помнит и будет всегда помнить, что его величество соизволил утвердить постановление Государственного совета, положившее конец процессу об ее правах.

Что касается меня, если его величество соизволит оказать мне милость, о которой я имею честь просить, то я никогда не забуду, что проработав в течение 20 лет,—быть может, скажут, бесплодно во славу своей родины и никогда ничем не поощренный,—единственную награду, на которую я претендую за все свои труды, я получу от его величества российского императора. Но так как не надо никогда обвинять свою страну, то следует сказать, что мои легитимистские убеждения заставляли меня держаться так же далеко от прежнего правительства, как и от нынешнего. Во Франции же, как и во многих других странах, никогда не вспоминают о тех, кто ничего не просит.

Что же касается вас, граф, то если вы не можете быть ходатаем в деле моего счастья, то окажите мне хотя бы милость быть моим советником и помощником; я присоединяю вас к своей благодарности императору, от которого все зависит, и ваше имя будет начертано вне пределов России в двух сердцах, в которых также будет всегда благословенно и имя его величества. Я не стану вам описывать столь понятного нетерпения, с каким я буду ждать вашего ответа, которым вы соизволите либо указать мне тот путь, который я должен избрать, либо объявите мне милость, огромная ценность которой будет еще удвоена быстротой ее дарования. Не нахожусь ли я, как уже имел честь говорить вам об этом, в вашем ведении?

В ожидании возможности лично поблагодарить вас в С.-Петербурге, примите пока мою письменную благодарность и выражения глубокого почтения, с которым, граф, остаюсь вашего сиятельства

покорнейшим и преданнейшим слугою.

де Бальзак¹

В феврале последовал ответ Уварова на письмо Бальзака. Внешне любезный и благожелательный, он произвел на просителя впечатление отказа. Между тем, Бальзаку не отказывали в его ходатайстве относительно женитьбы на Ганской, но только указывали на существующие законы, согласно которым русские подданные женского пола, сочетающиеся браком с иностранцами, лишаются своих прав на земельные владения в России². Французскому романисту не ставили специальных препятствий к осуществлению его матримониальных планов, но и не шли на какие-либо льготы и преимущества в обход существующих узаконений. Вот что писал Уваров:

Перевод:

С.-Петербург, 12/24 февраля 1849 г.

Милостивый государь,

Длительная болезнь является единственной и невольной причиной того, что я задержал ответ на ваше письмо от 3 февраля. Я весьма тронут, будьте в том уверены, тем доверием, которое вы оказываете мне в деле, всю важность коего я вполне сознаю. Обязательство, которое вы намереваетесь принять на себя, не может встретить никаких затруднений, и, разумеется, никто не станет вам препятствовать. Итак, по этому основному вопросу вы можете быть вполне спокойны; что же касается необходимых формальностей, то они точно указаны в законе, касающемся браков с иностранцами. Вы легко получите все нужные сведения по этому вопросу. Если же возникнет какой-нибудь дополнительный вопрос, генерал Бибилов, я уверен, не откажется разъяснить вам его.

Вот, милостивый государь, сведения, которые могу сообщить вам; надеюсь, что они покажутся вам удовлетворительными. Мне остается только выразить вам мои наилучшие пожелания и поблагодарить вас за сердечность вашего письма, относящуюся как к правительству, так и ко мне лично. При нынешних обстоятельствах вы, несомненно, оцените спокойствие, в котором мы живем, и наше стремление разрешать домашние, внутренние дела, не допуская влияния пагубных зарубежных событий. От всего сердца желаю вам, по устройстве и укреплении вашего личного счастья, найти силы и покой для литературных занятий; ибо надо надеяться, что спокойствие будет снова обретено и что забвение идей, поддерживающих порядок и цивилизацию, окажется лишь призраком, который исчезнет при свете рассудка и разума.

Прошу вас принять уверения в совершенном почтении.

Граф Уваров³

Поскольку в своем письме Бальзак указывал, что он не собирается «нарушать законы» и что «личное состояние Ганской переходит к ее дочери», он мог бы удовлетвориться полученным ответом. Но, очевидно, целью письма, хотя и не высказанной явно, было разрешение будущей г-же Бальзак сохранить свои имущественные права в России; по этому вопросу Уваров ограничился указанием на существующие законы о браке с иностранцами. В Верховне это было понято, как отклонение представленного ходатайства.

С горечью писатель сообщает сестре о полученном им, якобы, «высочайшем» отказе:

«Я дошел до того, что позволил себе написать в Петербург, чтобы получить разрешение верховного повелителя, но он не только не дал своего согласия, но еще указал нам через своего министра, что на все есть законы и что мне остается только подчиниться им»⁴.

Следует отметить, что редакция Бальзака не вполне точна: разрешение на брак он получил, а об имущественных правах Ганской он не ходатайствовал и даже, вероятно, считал для себя неудобным выступать с такой просьбой. Тем не менее, ответ Уварова вызвал со стороны Ганской острый кризис ее отношений к Бальзаку. По его собственному свидетельству, речь зашла о разрыве: «Устав от борьбы, госпожа Ганская решила послать меня в Париж распродать все на улице Фортюне. Ведь она здесь богата, любима, уважаема; она здесь ничего не тратит; она страшится переехать

в место, где не видит ничего, кроме волнений, долгов, расходов и новых людей... В 45-летнем возрасте денежные соображения оказывают огромное давление на весах судьбы...»⁵.

Перед окончательным решением предпринимается еще одна попытка. То, что неудобно было сделать Бальзаку, берет на себя сама Ганская.

ЭВЕЛИНА ГАНСКАЯ
Портрет маслом Жана Жигу, 1852 г.
Частное собрание

Она обращается 22 мая 1849 г. к Бибикову с ясно выраженной просьбой «сохранить, несмотря на замужество с иностранцем», свое русское поместье.

Перевод:

22 мая 1849 г.

Генерал,

Г-н Бальзак, которого вы приняли с такой любезной предупредительностью, сказал мне, что он посвятил вас в свои планы относительно

меня, а также рассказал о том содействии, которое вы сделали честь обещать ему в этом отношении... Все, что я знаю о его характере на основании шестнадцатилетнего знакомства, обеспечивает мне в нем верную поддержку в годы старости. Я не предвижу, по крайней мере, со своей стороны, никакого препятствия к моему союзу с ним, и мне только остается просить благосклонного ходатайства вашего превосходительства перед его величеством императором для получения его милостивого согласия. Вы окажете мне, генерал, еще большую любезность, получив для меня, если это возможно, разрешение сохранить (несмотря на замужество с иностранцем) небольшое поместье, которым я владею в Киевской губернии и которое составляет все мое состояние.

Кто был в течение стольких лет счастливою и верною подданною нашего великого и обожаемого государя, тот без сожаления не может отказаться от подобного повелителя, и хотя я никогда не перестану быть в душе его подданной, я хотела бы оставаться на всю свою жизнь, если это возможно, его подданной и на деле, и по закону.

Моя дочь, г-жа Мнишек,—моя единственная наследница; в виду моих лет и моих немощей, я не буду иметь других. Законное препятствие, запрещающее иностранцам владеть земельной собственностью в России, не может касаться меня, поскольку я передала зятю управление имениями, пожизненную ренту от которых я хотела бы сохранить.

Во всяком случае, что бы ни произошло, будьте уверены, генерал, что я всецело полагаюсь на то, что его величество решит относительно меня; я никогда не имела в своем скромном уединении иных желаний, как только исполнять монаршую волю великого государя, призывая на него и на его августейшее семейство все небесные благословения.

Простите, генерал, вольность, с которой я докучаю вам среди попечений и тяжелых забот, которые поглощают ваше драгоценное время. Меня страшит мысль о ничтожестве моих интересов по сравнению с теми делами, которые привлекают все ваше внимание, но я успокаиваю себя тем, что также принадлежу к той большой семье, которой в течение долгих лет вы управляете с такой мудростью и достоинством и которая обязана вам своим спокойствием и безопасностью.

Я надеюсь, генерал, что могу рассчитывать на вашу покровительственную и благожелательную поддержку и что вы не откажете содействовать успеху моих надежд, чтобы я могла всегда называть вас своим начальником и своим генерал-губернатором.

Что бы ни произошло, во всяком случае, будьте всегда уверены в моих чувствах глубокого уважения и преданности, с которыми имею честь быть вашего превосходительства покорнейшая и послушнейшая слуга

Е. Ганская

Верховня,
Киевской губ. Сквирского уезда⁶.

Бибиков дает ход ходатайству Ганской⁷ и вскоре получает ответ из III отделения:

Милостивый государь,
Дмитрий Гаврилович,

Государь император, по всеподданнейшему докладу г. генерал-адъютанта графа Орлова, препровожденной при отношении вашего превосходительства от 28 минувшего мая, № 224, у сего возвращаемой

просьбы помещицы Киевской губернии Ганской, не соизволил изъяснить высочайшего согласия на ходатайство г-жи Ганской о дозволении ей и по заключении брака с французским подданным, литератором Бальзаком, сохранить право владения недвижимым в Киевской губернии имением, так как это совершенно противно существующим узаконениям.

КІЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№

17.

Называется при Губернском Правленіи и
экземпляр по Субботинамъ смендально.
Цена за полный экземпляр на годъ съ
доставкою ТРИ руб. 60 коп. серебромъ.

Статьи и объявления для помещиковъ въ
Губернскихъ Вѣдомостяхъ доставляются
названными въ Губернское Правленіе, а
частіями въ Редакцію Вѣдомостей.

29-го АПРѢЛЯ

1850 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

(Общій.)

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о выѣздѣ помещицы Еввы Ганской, урожден-
ной графини Ржевской за-границу.

Помещица Ева Ганская, урожденная Гра-
финя Ржевская, по выѣздѣ въ замужество за
Французскаго подданныго Голората де Бальзака
получила отъ Г. Начальника Губернскіхъ паспортовъ
изъѣздить за-границу. О чемъ Губернское Прав-
леніе публикуетъ для всеобщаго свѣдѣнія съ
тѣмъ, что если гдѣ окажется противное извѣ-

стіе ея Ганской, вынѣ де Бальзака, безъ про-
дажи или передачи наследникамъ ея въ такомъ
случаѣ было бы подвержено секвестру на осно-
ваніи существующихъ узаконеній.

вызовъ въ къ РУКОПРИКЛАДСТВУ

Кіевская Палата Гражданскаго Суда, на осно-
ваніи 2,4/18 ст. X тома Св. Зак. Гражд. вызы-

СТРАНИЦА „КИЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ОТ 29 АПРЕЛЯ 1850 г.

Официальное объявление о выезде Ганской за границу

За отсутствием графа Алексея Федоровича и по поручению его, имею честь сообщить о таковой монаршей воле вам, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Дубельтъ⁸

18 июня 1849 г.

Дело Бальзака было, казалось, безнадежно проиграно. Он довольно недвусмысленно пишет родным о разрыве, ибо говорить о новой «отсрочке» в виду возраста обоих уже не приходилось. Но, согласно русской пого-

ворке, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Весною 1849 г. Бальзак серьезно заболевает, к зиме 1850 г. его состояние становится безнадежным, и это печальное обстоятельство убеждает, наконец, Ганскую пойти пол венец.

II

Предсмертная болезнь Бальзака готовилась годами: чрезмерный труд, злоупотребление наркотиками или возбудителями, постоянная напряженность мозга и нервов,—все это медленно и верно разрушало его сердечную систему. В сущности, еще в 1848 г. издавна назревавшая болезнь принимает тревожные формы. Гюго передает, что за несколько дней до отъезда Бальзака на Украину, в сентябре 1848 г., он встретил отъезжающего писателя на одном из парижских бульваров: «Бальзак уже жаловался на здоровье и дышал тяжело»⁹.

С 1849 г. начинается медленное умирание романиста. В апреле у Бальзака сильнейший приступ сердечной болезни. Он не только не в состоянии ходить, но не в силах причесаться без одышки и сердцебиения; появляются припадки «ужасающих удуший»; он не в состоянии подняться к себе по лестнице в двадцать ступеней. Врачи ставят диагноз «простой гипертрофии сердца»,—«чтобы не испугать меня»,—добавляет слишком проникательный больной, которому, впрочем, становится ясным, что один из врачей считает его конченным человеком. И неудивительно: однажды утром он испытывает приступ такой мучительной боли в месте солнечного сплетения, что он опрокинут на диване, словно ударом молнии, и исходит рвотой, считая, что настал его последний час. Его укладывают, но малейшее движение вызывает неслыханные боли. Врач ни на минуту не оставляет его; только «после 25 часов агонии» он в состоянии принять лекарство.

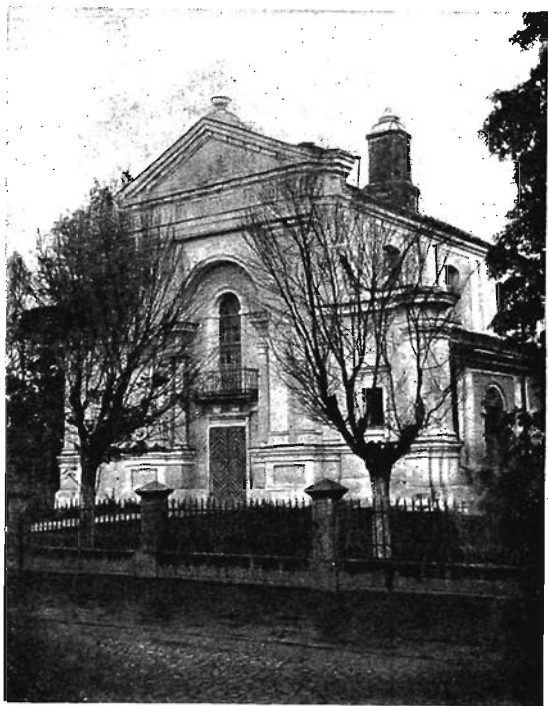
В сентябре открывается болезнь легких и бронхов и сильно ослабевает зрение. Врачи ставят диагноз «головной перемежающейся лихорадки» (*«fièvre céphalalgique intermittente»*), опасаются воспаления мозга. «Я худ, как в 1819 г.», пишет Бальзак. К этому времени он становится почти полным инвалидом, еле движется, с трудом дышит, периодически теряет зрение, не в состоянии писать, даже читать. Происходит нечто невероятное в жизни этого могучего строителя: работа выпадает из его рук. Бальзак явно умирает.

Приходится преклоняться перед мужеством и оптимизмом писателя в эту безнадежную эпоху его жизни. Его не покидают надежда на выздоровление и вера в возможность нового творчества, он находит в себе силы говорить о прелести наступающего «полдня» или «лета». В октябре 1849 г., в разгаре своей болезни, он пишет своему издателю в Париж: «Я возвращусь с многочисленными трудами, которые завершу этой зимой»...¹⁰. Изредка только прорывался правдивый и трезвый голос безнадежности. В феврале 1848 г. он пишет начинающему писателю Шанфлэри, посвятившему ему свою книгу: «Вы вступаете в жизнь, а мы из нее уходим; вы молоды, а мы стары...». Он приветствует литературного дебютанта за его уважение к уходящим «добросовестным труженикам». Под конец жизни Бальзак с глубоким достоинством говорит о своем выполненном труде. С большим спокойствием принимает он самые тяжелые и несправедливые удары. Об одном из них он узнает в Верховне. Еще с 1833 г. Бальзак мечтал попасть во Французскую академию. В 1839 г. он официально выдвинул свою кандидатуру, но с большим благородством поторопился снять

ЗДАНИЕ КОСТЕЛА СВ. ВАРВАРЫ
В БЕРДИЧЕВЕ, ГДЕ ВЕНЧАЛСЯ
БАЛЬЗАК

С фотографии, принадлежащей
„Литературному Наследству“.

Снято в сентябре 1936 г.

ее, узнав о заявке Виктора Гюго, которого признавал первым кандидатом. Только через десять лет, накануне смерти, уже закончив «Человеческую комедию», Бальзак снова официально выдвигает свою кандидатуру на одно из двух освободившихся к тому времени кресел—Шатобриана и Вату. Происходят поистине постыдные выборы: Бальзак получает всего два голоса, и избранными оказываются такие литературные «знаменитости», как Ноайль и Сен-При. По этому поводу Бальзак роняет несколько горьких и великолепных строк в письме от 9 февраля 1849 г. из Верховни к литератору Лоран-Жану:

«Академия предпочла мне г. де Ноайля. Он, вероятно, лучший писатель, чем я; но я лучший джентльмен, чем он, ибо в свое время я отказался от баллотировки, узнав о кандидатуре Виктора Гюго»¹¹.

Два домашних врача Верховни, отец и сын Кноте, несомненно, сообщили Ганской о безнадежном состоянии больного, достаточно очевидном и для непосвященных. Сама Ганская заявляла впоследствии, что стала женой Бальзака лишь для того, чтобы иметь право ходить за ним в болезни, признанной неизлечимой... Впрочем, этим правом она не злоупотребляла. Только теперь, уже в предвидении агонии великого писателя, рискуя потерять навсегда блестящее наследие его имени и творчества, Ганская, наконец, идет под венец. С обычной доверчивостью к людям Бальзак 28 февраля 1850 г. снова сообщает матери о своих надеждах: «Мои четыре или пять последовательных болезней, страдания моей акклиматизации на Украине тронули эту прекрасную душу и пересилили страх, который она, как женщина благоразумная, испытывала перед моими долгами,—и я вижу, что все пойдет на лад...». Ганская, впрочем, тщательно стремится к соблюдению полной тайны обряда. Первоначальный план обвенчаться в Житомире приходится отменить ввиду наплыва туда при-

езжих на масленицу: «Здесьние дамы во главе с кн. Васильчиковой заявили, что если Бальзак сюда приедет, его отпустят лишь после того, как изучат, наподобие китайской редкости», — сообщает своей теще Юрий Мнишек, подготовляющий с Густавом Олизаром предстоящую свадьбу. Оба шафера решают перенести венчание в Бердичев. Житомирский прелат, Виктор Ожаровский, соглашается выехать и совершить обряд в бердичевском костеле. Вопреки правилам, никакого «оглашения», или «обыска брачного», не происходит, хотя в официальном акте об этом и говорится.

В Бердичеве имелся великолепный костел при монастыре «босых кармелитов», но, избегая всякой торжественности и огласки, устроители свадебного обряда выбирают наиболее скромный общий приходской костел (так называемый «фарный»). Попавшее в печать предание о том, что Бальзак венчался, якобы, в великолепном кармелитском храме, которое мне пришлось слышать даже от научных сотрудников Бердичевского музея, расположенного в самом помещении кармелитского монастыря, категорически опровергается свидетельством самого Бальзака: согласно его извещениям, он венчался в «приходской церкви», «в церкви святой Варвары». Именно так назывался «фарный костел» на главной улице, построенный Варварой Радзивилл и имевший в алтаре большое изображение святой Варвары.

В совершенно необычный для свадьбы час, на рассвете, 2/14 марта 1850 г. Ганская, наконец, исполняет свое невшательское обещание 1833 г.

Вот как об этом свидетельствует брачный акт Бальзака, сохранившийся в Архиве внешней политики (Москва) и в печати до сих пор не известный:

ПЕРЕВОД ВЫПИСИ ИЗ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ВАРВАРЫ
В Г. БЕРДИЧЕВЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ БЕРДИЧЕВСКОГО УЕЗДА

№ 10. Тысяча восемьсот пятидесятого года, марта второго дня, в приходской римско-католической церкви г. Бердичева его преподобие прелат Олыкской духовной коллегии граф Виктор-Эммануил Ожаровский, вследствие церковного оглашения, произведенного двадцать второго февраля сего года за № 346 его преосвященством Гаспаром Боровским, епископом Луцким и Житомирским, сочетал таинством брака г. Оноре Бальзака, не состоявшего в браке, 50 лет от роду, родившегося в Париже в приходе св. Филиппа и имеющего разрешение своей матери, с графиней Евой Ржевусской, 46 лет от роду, вдовой Ганской, владеющей землями Верховни и состоящей прихожанкой римско-католической церкви м. Паволочь. В виду того, что никакого препятствия к заключению означенного брака не было обнаружено предварительным обыском и взаимное согласие обеих сторон было установлено, брачный союз между г. Оноре Бальзаком, законным сыном Бернара-Франсуа Бальзака и Анны-Каролины-Лауры Саламбе с Евой Ржевусской, законной дочерью графа Ржевусского и Юстины Рдултовской, был торжественно освящен перед достойными доверия свидетелями: графом Густавом Олизаром, графом Юрием Мнишком, предводителем дворянства Киевской губернии, каноником Иосифом Белоблоцким и некоторыми другими лицами, при сем присутствовавшими. Настоящее свидетельство было со всей точностью выписано из метрических книг церкви г. Бердичева и снабжено печатью названной церкви 2 марта 1850 г.

Подпись: священник приходской церкви св. Варвары в Бердичеве каноник Иосиф Белоблоцкий¹².

Traduction du Polak du Registre de l'Eglise
Catholique Romaine de St. Pierre & Paul
Schiff, vers le Gouvernement de l'Empire de
St. Petersbourg

L'an mil-huit-cent-trente
quatre, le Vingt six Mars,
en l'Eglise catholique russe de
Catholiques, romaine de St.
Nicolas, le vicar de Plesk.
Du college Iulianowski, l'abbé,
Nikolai ~~Gomarus~~ Bonch-
Orzowski, en vertu de la
dispense des baux accordée
le Vingt Vingt Trois de
cette année N° 346, par
Son Excellence Monsieur le
Général Borowski Viceroy
de Lutzk et Ostern,
a uni par le mariage
Dm. mariage de St. Marie
Babai, dit le marié
Ag. de St. ans natif
de Gaus, du le père

БРАЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БАЛЬЗАКА

Первая страница

Архив внешней политики, Москва

De Sr Philippe et même
 de l'autorisation de sa
 mère, avec Eve Sophie
 Przemska âgée de 46
 ans veuve Plauski, propu-
 taine de la terre de Michonki
 et paroissienne de l'Eglise ca-
 tholique romaine de Parvo-
 logki. Aucun empêchement
 n'ayant été constaté
 par l'inspecteur préalable, et
 le consentement mutuel
 des deux parties contrac-
 tantes ayant été constaté
 le mariage de Sr Honoré
 Balsac fils légitime de
 Bernard François Balsac
 et d'Anne Lucie Anne Salla-
 bur, avec Eve Przemska,
 fille légitime de Sophie
 Przemska et de Justine
 Adolfski, a été solennel-
 lement célébré devant le
 même Organ de foi; le

de Justine Olga, 6te George
 Anichet, marié de la notaire
 de St. de Kieff, le Chanoine
 Joseph Bielobok et plusieurs
 autres personnes qui y ont
 assisté. Le présent acte
 a été exactement extrait
 des registres de l'Eglise de
 Boudschef et certifié de
 veau de l'Eglise le 2 Mars
 1850

Signé: le Curé de Pylow, par-
 roisse de St. Pierre à Boudschef
 et Probst.

Le Chanoine Joseph Bielobok.

Le 2e Mars 1850 En vertu d'un Or-
 dre de S. M. l'Empereur la
 consistorie ecclésiastique de Lublin
 a ^{certifié} ^{par les} ^{registres}
 que l'acte de mariage ^{est} ^{authentique}
 authentique et a été exactement
 extrait des registres de Boudschef
 et dûment certifié de la signature
 du Chanoine Joseph Bielobok.

Бальзак подробно описал своим родным, как посланец житомирского епископа, «славный старейшина польского католического духовенства» и «шурин графа Олизара», благословил его брак в бердичевском костеле св. Варвары¹³. Великий романист забыл, что в книге, которая так пленила на заре его славы молодую Ганскую, в своей «Физиологии брака», он утверждал: «Брак—это смертельный бой, вступая в который супруги испрашивают у неба благословения...». Не подтвердила ли последняя глава биографии Бальзака всю верность этого афоризма?

После венчания в тот же день новобрачные оставили Бердичев и к 10 час. вечера прибыли в Верховню.

Заветная мечта писателя сбылась—наконец, женат. «Я не знал ни счастливой юности, ни цветущей весны,—пишет он своему старому другу, Зюльме Карро,—зато я буду иметь самое солнечное лето, самую нежную осень»¹⁴. Но перед ним—ровно пять месяцев сплошной агонии при нарастающем холоде и равнодушии Ганской. И, в сущности, дата венчания Бальзака, 2/14 марта 1850 г., отмечает начало развода для долголетнего и изжившего себя союза.

Племянник Ганской, Станислав Ржевуский, признает, что разлад, видимо, сказался сейчас же после замужества и был естественным следствием столкновения двух сильных и легко возбудимых натур, ставших еще более раздражительными в той атмосфере лихорадки и горечи, которая подчас свойственна медленным агониям¹⁵.

Соотечественник Эвелины, польский писатель И. Крашевский, совершенно правильно отметил, что «г-жа Ганская явилась в Париж получить наследство человека, который любил ее с таким постоянством, союз с которым она откладывала от года к году и которого она все же не выпускала из своей власти, пока он не заплатил жизнью за ее любовь. С одной стороны, обожание до идолопоклонства, с другой—ледяное равнодушие»¹⁶.

Умиравший Бальзак с величайшим трудом, с тяжелыми припадками удушья, мигренями, слабостью и в полном состоянии упадка сердечной деятельности и расстройства кровообращения еле выдерживает переезд из Верховни в Париж.

Его записка к дубенскому городничему, А. А. Чернилевскому, свидетельствует и о трудностях путешествия и о нервности больного писателя.

[Дубно, конец апреля 1850 г.]

Милостивый государь,

Не знаю, соблаговолите ли вы вспомнить меня, но я так хорошо запомнил вашу любезность в [18]47 г., что мне было жаль проехать Дубно, не доставив себе удовольствия приветствовать вас, ибо я с чрезвычайной поспешностью везу больную жену на пиренейские воды¹⁷. И вот я вынужден писать вам, пользуясь пером еврейской корчмы и на бумаге сего заведения. Нам не дают лошадей, уже запряженных в почтовую карету, а хозяйский приказчик осмелился потребовать у нас денег, чтобы отпустить нам лошадей. Если бы вы знали, в каком состоянии дорога от Житомира до Дубно, сколько раз мы чуть не лишились жизни, вы признали бы требование кошелька или жизни на этих проклятых дорогах чрезмерным. Однако, для меня есть маленькое утешение в этом пустынном происшествии. Это возможность подать вам настоящей запиской знак памяти вместе с просьбой принять мою благодарность за прошлое и выра-

жение наилучших чувств, с какими имею честь пребывать вашим низжайшим и покорнейшим слугой.

де Бальзак¹⁸

30 апреля 1850 г. Ганская пишет из Брод дочери о Бальзаке: «Припадки удушья учащаются, он в состоянии крайней слабости, совершенно лишен аппетита, а обильные выпоты окончательно расслабляют его. В Радзивиллове его нашли столь изменившимся, что с трудом узнали»¹⁹. «Я в ужасном состоянии для молодожена», — сообщает сам писатель одному из своих парижских друзей в разгаре свадебного путешествия, из Дрездена 11 мая 1850 г.²⁰

На самом деле, физическое состояние его было безнадежно. С Бальзаком повторилась судьба Фирдоуси, рассказанная нам Гейне: когда сбылись; наконец, заветнейшие желания великого иранского поэта и караван с посланными ему почетными дарами султана вступал в западные ворота города, из восточных выходила погребальная процессия с телом Фирдоуси.

III

В конце мая 1850 г. новобрачные, наконец, в Париже, у знаменитого особняка, обставленного с таким старанием и любовью. Но вступить в него они не могут: ворота закрыты, их никто не впускает в ярко освещенный дом. Оказывается, слуга Бальзака только что сошел с ума. Приходится звать слесаря, взламывать замки, заботиться об отправке заболевшего лакея в дом сумасшедших. Бальзак совершенно подавлен.

Ганская писала дочери 7 июня 1850 г.: «Бильбоке [прозвище Бальзака, данное ему в Верховне] прибыл сюда... в несравненно более ужасном состоянии, в каком ты когда-либо видела его: он не может ни сидеть, ни ходить и постоянно впадает в обморочное состояние... Мы обязаны этим дурному состоянию дорог в нашей cara patria [дорогой родине], и если Настька рассказала тебе подробности этого ужасающего путешествия, ты не удивишься, что последствия его сказались так плачевно на здоровье нашего бедного больного. К этому прибавились обстоятельства приезда сюда: после двух утомительнейших суток без пищи и без сна обнаружить своего управителя, которому был доверен весь дом, в состоянии внезапного сумасшествия, да еще узнать об этом без всякой подготовки, — все это могло подорвать и более крепкое здоровье...»²¹.

Воздух родины, на который так рассчитывали окружающие, оказался недостаточным для восстановления деятельности разрушенного сердца. Бальзак медленно и непоправимо гаснет среди картин, бронзы, фарфора и художественных редкостей в своем великолепном особняке²², выстроенном в XVIII в. одним видным парижским банкиром. Теофиль Готье был поражен роскошью в убранстве и обстановке внутренних помещений: столовая, обшитая старым дубом, зал, обитый дамасским шелком с золотыми пуговками, библиотека, уставленная «булевскими» шкапами с бронзовой и черепаховой инкрустацией, ванная комната из черного и желтого мрамора, галерея с верхним светом, мягко освещающим ценное собрание картин, среди которых имелись оригиналы Порбуса и Гольбейна; на всех этажерках редкостные безделушки, саксонский и севрский фарфор, китайские вазы...

— Недаром же вас считают миллионером, — заметил смеясь тонкий знаток искусства Теофиль Готье.

ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАКА

Карикатура из „Livres des 400 auteurs“

«Я беднее, чем когда-либо,—отвечал Бальзак.—Из всего этого мне ничего не принадлежит. Я омеблировал особняк для моего друга. Я здесь только сторож и привратник...».

Действительность придала особый смысл этой фразе: Бальзаку осталось жить всего три месяца.

20 июня 1850 г. он приписал к письму, продиктованному им на имя Теофиля Готье, одну только строчку: «Я не могу ни читать, ни писать...»²³.

«Это был отчаянный крик сраженного мыслителя и труженика,—замечает Теофиль Готье,—и я навсегда сохранил, как реликвию, эту безнадежную строчку, вероятно, последнюю написанную творцом «Человеческой комедии»²⁴.

Вскоре русский журнал «Современник» в некрологе Бальзака кратко и точно, очевидно, по французским газетам, изложил ход его предсмертной болезни: «Четыре врача, в числе которых был доктор Луи, были призваны на консультацию и нашли болезнь его смертельною; они могли только поддержать его жизнь на несколько суток, препятствуя распространению водяной болезни; но, наконец, на левой ноге образовался нарыв. Началось разложение крови. Известный хирург Ру сделал удачную операцию, которая подала еще надежду. Напрасно: показалось начало антонова огня; повторение операции доказало только бессилие науки перед смертью...»²⁵.

17 августа жена Гюго отдала визит госпоже Бальзак и привезла мужу известие, что друг его умирает. Гюго отправился на улицу Фортюне. Было поздно. Луна еле светила из-за туч. Служанка, вся в слезах, сказала Гюго: «Он умирает. Барыня ушла к себе. Врачи оставили его со вчерашнего дня. У него рана на левой ноге. Открылась гангрена... С одиннадцати часов утра он хрипит. Он не переживет ночи». Гюго попросил проводить его к умирающему. «Мы прошли по коридору,—рассказывает в своих воспоминаниях поэт,—поднялись по лестнице, устланной красным ковром и уставленной художественными произведениями, вазами, статуями, картинами, мебелью с инкрустацией, проследовали снова по коридору, в конце которого я заметил открытую дверь. До меня донесся хрип, резкий и зловещий... Бальзак в своей постели лежал на груде подушек из красного шелка с иссиня-черным лицом и с открытым и пристальным взглядом;

в профиль он напоминал Наполеона. У кровати стояли старуха-сиделка и слуга. Гюго взял умирающего за руку, которая не ответила на его пожатие. «Я спустился вниз,—продолжает Гюго,—унося в памяти это посиневшее лицо. Проходя по залу, я увидел снова бюст Бальзака—неподвижный, бесстрастный, горделивый и как бы сияющий в полумраке... И я невольно сравнил смерть с бессмертием...».

— Европа теряет сейчас одного из своих великих мыслителей, господи,—сообщил Гюго в тот же вечер своим гостям²⁶.

На другой день, в полночь 18 августа, Бальзака не стало.

Русские журналы поместили обстоятельные некрологи, полные сочувствия к скончавшемуся писателю, подробные описания его похорон, биографические сводки и пр.

«Московские Ведомости» отмечали, что «литературный мир понес огромную потерю» и кончина Бальзака «погрузила в печаль всех образованных людей». «С.-Петербургские Ведомости», помещая обширную биографию и литературную оценку Бальзака, указывали, что скончавшийся писатель «интересен для нас, русских, не только, как литератор, но и еще потому, что был женат на нашей соотечественнице и жил долгое время в России»²⁷.

«На похоронах его,—сообщает «Современник»,—было все, что есть во Франции самого знаменитого в литературе, науке и искусствах, и при отпевании присутствовало более двух тысяч человек».

Журналы называют среди присутствовавших на погребении Виктора Гюго, произнесшего замечательное надгробное слово, Сент-Бёва, Жерара де Нерваля, Дюма-сына, Курбе, Берлиоза, Амбуаза Тома, Давида, Вильмена, министра внутренних дел, русского поверенного в делах и пр.

В заключение своего некролога «Москвитянин» называет Бальзака «глубоким мыслителем и тонким наблюдателем», обладавшим прекрасным дарованием и представлявшим собою одно из лучших явлений новейшей французской словесности. «Современник» сообщал, что умерший писатель «оставил портфели, наполненные планами и начатыми романами... За месяц до смерти Бальзак сам говорил, что он кончил только половину своего дела. В течение двух последних лет он изучил все битвы времен революции и империи. «Сцены военной жизни» уже были совершенно готовы в голове его; таким образом, он должен был дополнить не оконченную им эпопею XIX века».

«Библиотека для Чтения» писала: «Познания Бальзака по многим статьям, которые до него считали невозможными к передаче в литературной форме, были изумительны. История банкротства Цезаря Биротто останется образцовой историей делового производства... То же можно сказать о множестве эпизодов из жизни ученых и ремесленных, которыми усеяны его книги»...

«Библиотека для Чтения» не без некоторой иронии упомянула в своей статье и жену Бальзака, которую в России многие знали²⁸.

Французская печать лишь значительно позже попыталась осветить роль госпожи де Бальзак в самый момент смерти ее мужа. В 1907 г. известный романист Октав Мирбо опубликовал в газете «Temps» (ноябрь 1907) рассказ о последних часах Бальзака со слов художника Жана Жигу. Если верить этому рассказу, Ганская по приезде в Париж охладела к Бальзаку и вступила в связь с модным портретистом Жигу. В момент смерти Бальзака она находилась на своей половине в обществе художника; сиделка с трудом достучалась в ее спальню, чтобы сообщить ей, что Бальзак скон-

it's our money I
the money is out
I want to get
my money out of
the bank at 4 per cent
I want to get
I am happy in the
new state

V. t. L. avec respect. J'ai l'honneur de
vous adresser par le
Dr Belzag passer par Dubno
sans avoir le plaisir
d'aller vous saluer
car j'aimerais en le
trouver en route.

чался; только тогда, полуодетая и растрепанная, жена писателя отправилась к его смертному одру. Рассказ этот получил подтверждение в описании Гюго, не заставшего в комнате агонизирующего Бальзака его жены; не лишено интереса, что кисти Жана Жигу принадлежит известный портрет Эвелины Ганской (он был выставлен в Парижском салоне в 1852 г.). Наконец, совершенно точно известно, что впоследствии Жан Жигу долгое время был гражданским мужем г-жи Бальзак²⁹.

Биограф Ганской, Марсель Бутрон, сообщает в своей монографии о ней, что «Эвелина приняла молодого автора, к которому Бальзак относился дружески,—Шанфлёр. Это посещение имело для слишком чувствительной Эвелины самые печальные последствия: Шанфлёр стал ее любовником, а затем через год, утомившись от неподходящей связи, он прервал отношения и вернулся в богему. Связь Евы с Шанфлёром имела печальные последствия для творений Бальзака. Вдова романиста, захваченная страстью к своему молодому любовнику, во что бы то ни стало хотела доверить ему завершение неоконченных романов Бальзака. Шанфлёр, отдавая себе отчет в своих силах, отказался от этого кощунства, но, к сожалению, посоветовал своей любовнице поручить это предприятие некоему Рабу, который и выполнил его в ущерб таким творениям Бальзака, как «Депутат из Арсиса» и «Мещане»³⁰. Таким же способом были «закончены» и «Крестьяне».

Трудно представить себе более печальную посмертную участь. Сам Бальзак, описавший столько страшных наследственных историй, не мог бы придумать ничего ужаснее этого отношения «дорогой звезды» к его рукописям.

Помимо «романических» мотивов, это кощунственное «окончание» его произведений представляло и крупный материальный интерес. Достаточно сказать, что однотомный роман «Крестьяне» вырос после смерти его автора в тринадцать томов!

Вообще в управлении литературным наследием Бальзака бывшая владелица Верховни проявила большую деловитость, предприимчивость и распорядительность.

«Она была назначена по завещанию наследницей всего имущества Бальзака,—сообщает биограф Ганской,—это был колоссальный пассив»³¹. Быть может, юридически это достаточно точно, но все же, когда речь идет о Бальзаке, не следует забывать о «Человеческой комедии». Каковы бы ни были вороха векселей за его подписью, его литературное наследие—даже в деловом отношении—представляло могущественный актив! И если взять в целом наследство, оставленное Бальзаком его жене, если вспомнить, что уже за время ее вдовства вышел ряд изданий «Человеческой комедии» и писем ее творца,—не только ни о каком пассиве не придется говорить, но нужно будет признать, что творчество великого романиста стало после его смерти источником обогащения любимой им женщины и, может быть, надолго отсрочило ее разорение.

Шпильберг де Лованжуль, признавая, что госпожа Бальзак выплатила до своей смерти все долги своего покойного мужа, замечает: «Необходимо, впрочем, отметить, что в продолжение этого периода эксплуатация «Человеческой комедии», если говорить только о ней, принесла весьма существенные доходы, которые значительно облегчили материальные обязательства, взятые на себя госпожой Евой де Бальзак»...³².

Потом, для развлечения их и отца, достигаются в Редовскую, Анисим Ивановичу (чаще), на Вас. Остр. в 7 лпнш. ко улу набережной, в дом Ахмедов Поука.

НЕКРОЛОГ БАЛЬЗАКА В „САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ“ ОТ 19/31 АВГУСТА 1850 г.

Сам писатель это безошибочно предвидел. В ответ на упреки за долги и безденежье он уверенно отвечал: «Мое состояние—это мое творчество. А творчество мое стоит миллиона и даст его»³³.

Одновременно писатель так же безошибочно предвидел и другое обстоятельство: «К несчастью, творчество мое составит состояние, когда мне уже не нужно будет никакого состояния»,—писал Бальзак Ганской 8 апреля 1842 г.³⁴.

Но существование своей возлюбленной Бальзак, несомненно, обеспечил неутомимым творческим трудом, подорвавшим его жизнь.

После смерти Бальзака, сообщает племянница Ганской, вдова его осталась жить в особняке на улице Фортюне, переименованной вскоре в Rue Balzac. С ней поселились ее дочь и зять. Последний вел все денежные дела семьи и заключил с известным издателем Мишелем Леви договор на исключительное право переиздания всех произведений Бальзака. Эвелина Ржевусская-Ганская-Бальзак, ставшая теперь женою художника Жана Жигу, приобрела «великолепный замок Борегар в окрестностях Вильнев-Сен-Жорж», где проводила летние месяцы³⁵.

Психическое расстройство неожиданно поразило Юрия Мнишка. Возраст и недуги не давали возможности самой Ганской вести денежные дела семьи. Управление имуществом перешло к ее дочери, совершенно неопытной в практической жизни. Состояние Ганских стало быстро таять, и вскоре полное разорение обрушилось на последних представительниц семьи. От огромного состояния Ганских, Мнишков и, прибавим, Бальзака ничего не осталось!

Госпожа Бальзак скончалась 9 апреля 1882 г. (нов. ст.) в знаменитом особняке, где она еще находилась только из милости его новых владельцев. Ее похоронили на кладбище Пер-Лашез, рядом с могилой Бальзака. Сейчас же после похорон Анна Мнишек, за год перед тем овдовевшая, полунищей оставила дом, уже не принадлежавший ей³⁶. Кредиторы, дельцы, управители заполнили последнее жилище Бальзака. Многое было расхищено, разбросано, утрачено навсегда. Знаменитый собиратель автографов Шпульберг де Лованжуль разыскал у соседнего лавочника письма Оноре к его обожаемой Еве³⁷.

Поистине, следует обратиться к шекспировской формуле «нет повести печальнее на свете...». Знаменитое двустилие не может найти более полного и соответственного применения, чем к истории Эвелины Ганской и Бальзака.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автограф.—Исторический музей, Москва. На первой странице письма рукой Уварова помечено: «Rep. 12/24 février» (ответил 12/24 февраля). Ср. Kogwin-Piotrowska, 457—459.

² К «записке», составленной 8 июня 1849 г. в канцелярии III отделения для Орлова по поводу просьбы Ганской сохранить права на недвижимое имущество в России при вступлении в брак с Бальзаком (см. ниже, прим. 7-е), приложена выписка из соответственного законоположения—указа 17 апреля 1834 г.: «Лицо женского пола, вступившее в законный брак с иностранцем, не состоящим ни в службе России, ни в подданстве, какого бы она и он ни были вероисповедания, следует состоянию и месту жительства своего мужа. Но оставляя... отечество и вступая по мужу в чужеземное подданство, жена не может уже владеть в России недвижимым имуществом и обязана при выезде продать оное в срок, общим законом установленный, именно в полгода».—«Звенья», III—IV, 313.

³ Автограф.—Collection Lovenjoul. A. 315. Fo. 218—221. Связанные с этим письмом два обращения Уварова к начальнику III отделения Орлову см. в «Звеньях», III—IV, 311—312.

⁴ Correspondance, II, 380.

⁵ Ibid., II, 380—381.

⁶ Киевский областной исторический архив (КОИА). Фонд канцелярии генерал-губернатора.

⁷ 28 мая 1849 г. Бибилов переслал письмо Ганской в Петербург, в III отделение, с соответствующим отношением на имя Орлова. Канцелярия III отделения 8 июня составила на основании этих документов «записку» для Орлова, к которой были приложены «справка» о политической благонадежности Бальзака и, добавленная 9 июня, выписка из свода гражданских законов (см. выше, прим. 2-е). Очевидно, в самые ближайшие дни дело Ганской было доложено Николаю I. На «записке» рукой Орлова написано: «Высочайше повелено отказать, как противное существующим законам. Гр. Орлов». См. «Звенья», III—IV, 312—313.

⁸ Киевский областной исторический архив (КОИА). Фонд канцелярии генерал-губернатора.

Позднейшие документы об имущественных отношениях владельцев Верховни в начале 1851 г. сообщают ряд существенных подробностей о деловой стороне второго замужества Ганской. 20 января 1851 г. Ева де Бальзак обратилась из Парижа с просьбой к А. Ф. Орлову об охране имущественных прав ее дочери Анны Мнишек, которой грозит конфискация всех ее земельных владений в виду пенсии, которую она выплачивает своей матери, вышедшей замуж за иностранца. Письмо это опубликовано в «Звеньях», III—IV, 315—320. Орлов поторопился обратиться к Бибилову с следующим письмом, сохранившимся, как и другие нижеприводимые документы, в Киевском областном историческом архиве, фонд канцелярии генерал-губернатора.

Отношение III отделения киевскому генерал-губернатору Бибилову № 223 от 20 января 1851 г. (лл. 10—11).

Милостивый государь,
Дмитрий Гаврилович,

Вашему высокопревосходительству известно, что государь император, вследствие всеподданнейшего доклада моего просьбы помещицы Киевской губернии Г а н с к о й, всемилостивейше дозволил ей в июне 1849 года вступить в брак с французским литератором де Б а л ь з а к о м, на основании общих узаконений, без сохранения права владения недвижимостью в России.

Г-жа Б а л ь з а к объясняет ныне в письме ко мне из Парижа, что до выезда еще из России она передала дочери своей, графине М н и ш е к, все права на отцовское ее имение, выговорив себе только некоторое из доходов имения пожизненное содержание; а что по заключении уже брака с Б а л ь з а к о м она доставила дочери своей формальное отречение от всякого в России имущества, не упомянув, однако же, в этом акте о пожизненном содержании, которого она, впрочем, никогда не получала и не требовала. Сие последнее обстоятельство послужило будто бы киевским судебным местам поводом к наложению запрещения на имение ее дочери, графини М н и ш е к, а потому г-жа Б а л ь з а к просит защиты прав ее дочери, обязываясь в скорейшем времени прислать из-за границы отречение от получения всякого пожизненного от дочери содержания.

Не находя, с своей стороны, повода, в этих обстоятельствах, к наложению запрещения на имение графини М н и ш е к и полагая, что сведения, дошедшие до г-жи Б а л ь з а к, вероятно, не основательны, я не менее того счел обязанностью сообщить о сем вашему высокопревосходительству, с покорнейшею просьбою, для доклада его императорскому величеству, почтить меня уведомлением: сделано ли какое-либо распоряжение по этому предмету, почему и на каком основании.

Примите, милостивый государь,
уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Орлов

На соответственный запрос Бибилова (№ 541, л. 12—12 об.) ему представлена была записка советника Киевского губернского правления Янкулио.

Записка по делу о помещице Ганской, вышедшей в замужество за французского подданного де Бальзака

По выходе Ганской за де Бальзака, его превосходительство господин начальник губернии, выдав ей паспорт на проезд за границу, предложить изволил губернскому

правлению от 10 марта 1850 года сделать надлежащее распоряжение касательно имущества Ганской, остающегося в России.

Губернское правление, имея в виду, что Ганская вместе с выходом за иностранца замуж обязана была остающееся в России недвижимое имение ее по силе 1370 ст. 9 тома и 707 ст. 5 тома устава о пошлинах (изд. 1842 г.) продать или переуступить детям своим, и что она имела имение Киевской губернии, в Бердичевском, Радомысльском и Сквирском уездах,—требовало от земских исправников означенных сведений, как Ганская распорядилась с имением своим, сделав с тем вместе распоряжение о пропечатании в «Киевских губернских ведомостях» во всеобщее сведение объявления об оставлении Ганскою чрез выход за иностранца замуж отечества с тем, что если где окажется недвижимое имение ее без продажи или передачи наследникам,—в таком случае подвержено было бы это имение секвестру на законном основании.

По собранным от бердичевского, радомысльского и сквирского земских исправников сведениям оказалось: что Ганская, по мужу де Бальзак, недвижимое населенное имение свое, в тамошних уездах состоящее, переуступила во владение дочери своей, графине Мнишек с тем, чтобы ей уплачивала ежегодно наличными деньгами по 9000 руб. серебром, и что графиня Мнишек введена только во владение имениями, состоящими в Радомысльском и Сквирском уездах, а на имение, состоящее в Бердичевском уезде, не получила ввода.—Почему Губернское правление предписало сквирскому земскому исправнику истребовать от графини Мнишек отзыв: почему она доселе не испросила ввода ее во владение имением, состоящим в Бердичевском уезде, и таковой представить в Губернское правление вместе с документом, по которому Мнишек обязалась уплачивать матери своей по 9000 руб. серебром, и сведением, каким образом и с чьего разрешения доставляются эти деньги к матери ее.

Вследствие этого предписания сквирский исправник представил 26 генваря отзыв графини Мнишек, в котором она пояснила, что ввод на имение, в Бердичевском уезде состоящее, она уже получила, а что касается обязательства ее уплачивать матери своей ежегодно по 9000 руб. серебром, то таковое состоялось тогда еще, когда мать ее была в вдовстве и не намеревалась выйти во второй брак за иностранца,—но она таковых денег матери не уплачивала, а мать ее актом, в парижских присутственных местах совершенным, отказалась от получения тех денег в пользу ее, Мнишек, какового акта она ежедневно ожидает.

Этот отзыв еще не разрешен, а составляется только проект журнала.

Советник Янкулио

Наверху докладной записки помета карандашом рукой Бибикова: «Так и отвечать гр. Орлову. 29 января».

Не лишен интереса и представленный на запрос Бибикова секретный рапорт председателя Киевской палаты гражданского суда Чернова ген.-губернатору Бибикову от 30 января 1851 г., за № 111 (л. 18—19).

Р а п о р т

На предписание вашего высокопревосходительства от 29 генваря сего года за № 541 о доставлении сведений, состоит ли под запрещением, по какому случаю и с которого времени находящееся в Киевской губернии имение бывшей Ганской, вышедшей замуж за иностранца Бальзака, которое перешло к дочери ее, графине Мнишек, честь имею донести, что после смерти помещика, Вацлава Ганского, досталось дочери его Анне, по мужу Мнишек, в наследство недвижимое имение в Радомысльском—Гарностайпольский, в Сквирском—Верховенский и в Волынской губернии Житомирском уезде—Пулинский ключи, с предоставлением всего того имения в пожизненное владение жене своей, Еве Ганской, матери Анны Мнишек. Из числа того имения помещица Анна Мнишек, за согласием пожизненной владелицы, заложила Гарностайпольский ключ в С.-Петербургском опекуном совете. За сим 9 июня 1850 года явлена в сей палате дарственная запись Евою Адамовою дочерью, по первому браку Ганскою, а по второму де Бальзак, на основании которой подарила дочери своей и единственной наследнице, графине Анне Вацлавовне Мнишек, собственное свое имение, состоящее Киевской губернии Бердичевского уезда, с. Паволоч, в коем по 8 ревизии числится мужского пола душ 505, оцененное в 70 т. руб. серебром. Из означенных 505 душ на 269 наложено в 1837 году запрещение, в обеспечение лежащего на них долга Государственному заемному банку. Более же запрещений на имение помещицы Евы Ганской, по второму браку де Бальзак, а также сведений вообще о имениях ее, перешедших к дочери ее, графине Анне Мнишек, никаких нет.

Председатель Чернов

3 февраля 1851 г. эти сведения были дополнительно сообщены в кратком отношении Бибикова за № 612 Орлову (л. 20 — 20 об.), а 15 февраля начальник III отделения послал вдове Бальзака ответ на ее письмо (см. «Звенья», III—IV, 323—324).

⁹ Hugo (Victor), Choses vues, Ollendorf, P., 1913, II, 67.

¹⁰ Balzac and Souverain, 75—76.

¹¹ Correspondance, II, 372.

¹² Архив внешней политики (Москва). «Дело по отношению киевского генерал-губернатора о переводе и засвидетельствовании метрики французского подданного Гонората де Бальзака». Для окончательного оформления этот брачный акт должен был пройти через житомирскую консисторию, канцелярии двух военных губернаторов — Житомира и Киева и, наконец, через министерство иностранных дел. Экземпляр акта, сохранившийся в Архиве внешних сношений, имеет ряд соответствующих удостоверений. Документ был переслан канцлером Нессельроде к представителю Франции маркизу де Кастельбажаку при следующем сообщении от 17 апреля 1850 г. за № 3620:

«Французский подданный Оноре де Бальзак обратился к г. военному губернатору Подолии и Волыни с просьбою засвидетельствовать прилагаемое удостоверение о его бракосочетании с Евой Ганской в бердичевской римско-католической церкви во имя св. Варвары и доставить ему указанный документ в Париж через посредство г. французского консула в Петербурге. Канцлер Российской империи граф Нессельроде в виду этого имеет честь, по просьбе генерал-адъютанта Бибикова, переслать выше-названный документ как в подлиннике, так и в засвидетельствованном французском переводе генералу Кастельбажаку».

Брачный документ Бальзака сохранился в архиве во французском переводе с польского языка, на котором написан подлинник. Следует отметить, что документ этот изобилует рядом официальных неточностей: Бальзак родился не в Париже, а в Туре; в приходе св. Филиппа только находился его новый особняк; в письмах из Верховни он не испрашивал у своей матери разрешения на венчание, а по недостатку времени и не успел бы его получить; возраст Ганской в акте указан неправильно; наконец, ни оглашения, ни «обыска брачного» не производилось, как это явствует из переписки Юрия Мнишка с Ганской перед ее венчанием.

¹³ Об этом см. в письмах Бальзака к матери и сестре на другой день после венчания 15 марта 1875 г.: «... mon mariage a été béni et célébré dans l'église Sainte-Barbe de Berditchew» (Correspondance, II, 442), «hier à Berditchew dans l'église paroissiale de Sainte-Barbe...» (ibid., II, 443).

¹⁴ Correspondance avec Zulma Carraud, 325.

¹⁵ Rzewuski (S), Le mariage de Balzac.—«Nouvelle Revue», 15 janvier 1906, 191.

¹⁶ Kraszewski (J.-I.), Рецензия на «Correspondance de Balzac» в польском журнале «Bluszcz» от 16 мая 1877 г., № 20, 154—155, цитируется по выдержке, приведенной у Kołwin-Piotrowska, Balzac en Pologne, P., H. Champion, 1933, 51.

¹⁷ Здоровье Ганской в 40-е годы пришло в расстройство, и она неоднократно обращалась к знаменитостям французской и немецкой медицины; в конце 40-х годов она страдала сильными припадками подагры и, видимо, общим нарушением обмена (сильное пополнение). Бальзак и Ганская предполагали по возвращении в Париж отправиться лечиться на воды пиренейских курортов и на морские купанья в Биаррице.—Correspondance, II, 445, 452, 456.

¹⁸ Автограф.—Ленинградская Публичная библиотека. Рукописное отделение, «собрание Вакселя», № 106. Адресат письма—Алексей Алексеевич Чернилевский, городничий в Дубно, устанавливается по «описи», приложенной к «собранию Вакселя», и по «Адрес-календарю» на 1848 и 1850 гг.

О своем знакомстве с дубенским городничим (maître de police) Бальзак упоминает в описании своего путешествия в Россию в 1847 г. «Наконец, в 2½ часа [ночи с 11 на 12 сентября 1847 г.] добрался я до Дубно; тут меня задержали на станции. Уверенный в своем проводнике [данном Гаккелем в Радзивиллове], я бросился на диван, твердый, как походная кровать, и заснул на нем в первый раз за девять дней... Утром местный городничий, прекрасный русский, недавно женившийся, в мундире с орденами, приехал в своей коляске, запряженной четверкой, и застал меня врасплох за чашкой кофе. Все формальности с подорожной были уже закончены. Городничий, бывший гвардейский офицер, высказал большое сожаление по поводу того, что я так тороплюсь—его жене очень хотелось бы, чтобы я у них позавтракал, но это было отложено до моего обратного проезда, и я уехал дальше в 10 часов...».—Lettre sur Kiew, 61—62.

¹⁹ Bouteron, II, 27.

²⁰ Correspondance, II, 457. Письмо к редактору «Constitutionnel», Луи Верону.

²¹ Bouteron, II, 49.

²² Необычайная роскошь бальзаковского особняка подробно описана в книге J a r r y, (Paul), *Le dernier logis de Balzac*, P., 1924.

²³ *Correspondance*, II, 459.

²⁴ Gautier (Théophile), *Portraits contemporains*, P., 1874, 127—128.

²⁵ «Современник», 1850, XXIII, 101.

²⁶ Hugo (V.), *Choses vues*, II, 67—69.

²⁷ «Московские Ведомости», от 24 августа 1850 г. Известие о кончине Бальзака, стр. 1077.

«Санкт-Петербургские Ведомости», № 186, от 19 августа 1850 г.

²⁸ «Современник», 1850, XXIII, 103—107, «Москвитянин», 1850, № 18, кн. 2, 43—46; «Библиотека для Чтения», 1850, X, 101—107.

²⁹ На другой день по опубликовании статьи Мирбо, т. е. 11 ноября 1907 г., Анна Мнишек заявила резкий протест против «ужасающей клеветы» Мирбо; по ее словам, она сама познакомилась свою мать с Жаном Жигу два года спустя после смерти Бальзака. Октав Мирбо, уступая протесту дочери, не включил своего рассказа в книгу «Автомобиль 628 Е8», в которой он должен был появиться. На защиту вдовы Бальзака выступили впоследствии в печати ее родная племянница Катерина Радзивилл и крупный исследователь Бальзака Марсель Бутрон. Следует, впрочем, согласиться с Шарлем Леже, который в статье «Иностранка и Жигу» («Mercure de France», 15 juin 1927) признает неудавшимися все попытки реабилитации Ганской. Перу Шарля Леже принадлежит монография о Ганской «Eve de Balzac», P., 1927. Она, к сожалению, осталась нам неизвестной. Отзыв о ней см. в «Nouvelles littéraires», 12 mars 1927 (статья Charensol).

³⁰ Bouteron, I, 34.

³¹ Bouteron, I, 32.

³² Spoelberch de Lovenjoul, *Une page perdue d'Honoré de Balzac*, P., 114, 115.

³³ В 1851—1853 гг. вышло восьмитомное издание «Euvres illustrées de Balzac» (chez Gustave Havard); в 1853—1854 гг.—пятитомное (J. Janet); в 1856—1859 гг.—собрание сочинений в 45 томах («Librairie nouvelle»), с дополнительными 10 томами; в 1859—1867 г.—«Euvres de jeunesse»; в 1869—1876 гг.—наиболее известное издание Кальман-Леви в 24 томах. Кроме того, с 1855 г. продолжалось издание Houssiaux, начатое при жизни Бальзака и законченное в конце 50-х годов тремя последними томами (XVIII—XX). Оно было переиздано в 1874 и 1877 гг. В 1867 и в 1868 гг. иллюстрированное издание Havard (1851—1853) было переиздано Мишелем Леви. В 1876 г. вышло двухтомное издание писем Бальзака. (См. T a l v a r t (Hector) et P l a c e (Joseph), *Bibliographie des auteurs modernes de langue française*, 1801—1927, P., 1928, I, 172—176). Отметим здесь, что на всем протяжении нашей работы незаменимым библиографическим пособием была для нас новейшая «Бальзакиана» Ройса: «A Balzac bibliography compiled by William-Hobart Royce. Writings relative to the life and works of Honoré de Balzac. The University of Chicago press, Chicago-Illinois [1929]». В ряде случаев нам служил справочник: B l a n c h a r d (Marc), *Témoignages et jugements sur Balzac. Essai bibliographique, recueil de jugements*, P., 1931.

³⁴ *Correspondance*, II, 24.

³⁵ Radziwill (Catherine), *Les derniers jours de m-me de Balzac*.—«La Revue Mondiale», 1927, 4 (15 février), 332—337.

³⁶ Юрий Мнишек умер в 1881 г. в возрасте 58 лет.—«Euvres complètes» (Conard), XXIX, 326. Анна Мнишек скончалась 22 мая 1915 г., в возрасте 89 лет. Последние 25 лет своей жизни она прожила в монастыре крестовых сестер в Париже, на ул. Во-жирар, сохранив до конца свои умственные способности.—F l o y d, 261.

³⁷ В одной из новейших работ о Бальзаке приведены ужасающие подробности разгрома его литературного наследия: «После смерти писателя документы, которыми он пользовался в своей работе, оказались почти совершенно расхищенными. Не был составлен полный инвентарь его библиотеки; в течение одной недели тысячи томов, которые служили ему в работе, были распроданы с молотка... Но даже эта потеря книг писателя не могла бы считаться невознаградимой, если бы восемь ящиков с рукописями, которым Бальзак придавал такое значение, были тщательно сохранены. Но этого не случилось. Как только супруга Бальзака, в свою очередь, скончалась, произошло возмутительное разграбление автографов «Человеческой комедии»: дело дошло до того, что на парижских улицах подбирали тетради с заметками великого романиста к его задуманным произведениям. Из восьми ящиков с рукописями Бальзака едва ли удалось восстановить содержимое полутора ящиков». P r i o u l t, (A.) *Balzac avant la Comédie humaine (1818—1829). Contribution à l'étude de la genèse de son œuvre*, George Courville, P., 1936, avant-propos, IX.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БАЛЬЗАК И НАША СТРАНА

I. СЛОЖНОСТЬ ТЕМЫ „БАЛЬЗАК В РОССИИ“: РАВНОДУШИЕ ПИСАТЕЛЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕГО ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.— НЕОСВЕДОМЛЕННОСТЬ БАЛЬЗАКА В КРУПНЕЙШИХ ФАКТАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ.— ЧТО ЗНАЛ ОН О ПУШКИНЕ?— „ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ“ КРУГ ЕГО ЗНАКОМЫХ.— РОССИЯ И РУССКИЕ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БАЛЬЗАКА (РАССКАЗ „ПРОЩАНИЕ“, „ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА“).— СЛУЧАЙНЫЕ РУССКИЕ ГЕРОИ ЕГО ПОЗДНЕЙШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.— БЕЗРАЗЛИЧИЕ РОМАНИСТА К РУССКОМУ НАРОДНОМУ ИСКУССТВУ.— ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ О XVIII ВЕКЕ. II. ВОЗДЕЙСТВИЕ БАЛЬЗАКА НА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.— ИНТЕРЕС К НЕМУ В ПУШКИНСКОЙ СРЕДЕ.— ВЯЗЕМСКИЙ, А. Н. ВУЛЬФ, БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ В ИХ ОТЗЫВАХ О БАЛЬЗАКЕ.— БИБЛИОТЕКА ПУШКИНА.— ГОГОЛЬ.— ОЦЕНКИ БАЛЬЗАКА В ЖУРНАЛИСТИКЕ НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ („ТЕЛЕСКОП“, „СОВРЕМЕННОСТЬ“, „БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ“, „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“).— ЭВОЛЮЦИЯ МНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО О БАЛЬЗАКЕ.— ВОСХИЩЕНИЕ МОЛОДЫХ — ГЕРЦЕНА, ГРИГОРОВИЧА И ДОСТОЕВСКОГО.— „МАЧЕХА“ БАЛЬЗАКА И „МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ“ ТУРГЕНЕВА.— СВИДЕТЕЛЬСТВА ГОНЧАРОВА, ЧЕРНЫШЕВСКОГО, ШЕДРИНА И Л. ТОЛСТОГО.— ОТВЕТ ГОРЬКОГО ОКТАВУ МИРБО. III. В ЧЕМ БАЛЬЗАК ОСТАЕТСЯ НАШИМ СОВРЕМЕННОМ: БАЛЬЗАК, КАК СОЗДАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РОМАНА, КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬ ТРУДА, КАК МАСТЕР РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ.— „ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ“ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

I

«Русская глава» в биографии великого романиста охватывает, как мы видели, весьма обширный период его жизни и деятельности. Б а л ь з а к в Р о с с и и—большая и сложная тема. Она велика, если вспомнить, какое влияние имел могучий зодчий «Человеческой комедии» в России, какое впечатление он произвел на Достоевского, в какой огромной степени один из величайших романов русской и мировой литературы—«Преступление и наказание»—обязан своим зарождением и замыслом Бальзаку.

Но эта тема достаточно безотраднa, если от творчества мы перейдем к личной биографии романиста. Правдивое изучение сообщений и фактов подтверждает здесь общее явление из истории этой жизни и мысли: Бальзак велик, как художник, как романист, как мастер широких фресок современности. Теоретик, политик, делец, историк, государственный деятель, моралист или социальный мыслитель—во всех этих качествах Бальзак не поднимается на изумительную высоту своего романического искусства.

Но каковы бы ни были его теории, доктрины и планы, он оправдывает и утверждает себя в своем художественном творчестве. Здесь подлинное торжество и величие Бальзака, в этом его неоспоримые права на наше признание и поклонение.

К сожалению, тема России не прошла через горнило творческих вдохновений Бальзака и осталась в плане его деловых соображений. Он, знавший Петербург и Киев, украинскую усадьбу и деревню, проживший в нашей стране в общем свыше двух лет, не заинтересовался ни русским народом, ни русской поэзией, ни русской мыслью, ни русским общественным движением и в своем творчестве прошел мимо России и русских. Он восхитился здесь только Николаем I, он хотел приобрести себе—творцу «Человеческой комедии», великому мировому писателю—жалкое звание волынского и киевского помещика. Виною тому, несомненно, была и Ганская, внушившая ему свою вражду к русским и свою приверженность к российскому самодержцу, оберегавшему крепостнический строй.

Характерно, что до знакомства со своей польской подругой Бальзак проявил однажды интерес к живой России, культурной и революционной. В самом начале своей деятельности, в 1830 г., в своем еженедельнике «Фельетон политической прессы» («Le feuilleton des journaux politiques»), в рецензии на книгу J.-B. May «Saint-Petersbourg et la Russie en 1829», Бальзак обнаруживает знакомство с европейской «россикой», называет

«Историю» Карамзина, отмечает важность «заговора 1825 года», выражает сожаление, что Франция не имеет ценного исследования о народе, «призванном играть такую великую роль в будущем»¹. Но после знакомства с Ганской такие заявления сменяются у Бальзака скептическими отзывами о России, за которой он признает только политическую и даже экономическую мощь в условиях крепостничества и самодержавия.

Правда, Бальзак судил не о народе и не о его лучших творческих представителях, а о той особой среде, с которой преимущественно общался. Поистине удивителен круг русских знакомых Бальзака. Писатель, столь интенсивно живущий литературной жизнью эпохи, с таким интересом относящийся к профессиональному быту работников пера, к их деятельности, к их продукции, к их борьбе, не знает положительно ни одного русского поэта, романиста или драматурга. Когда скульптор Рамазанов осведомляется у него о тогдашнем классике Державине, имея это ничего не говорит Бальзаку. За время его дружбы с Ганской были убиты Пушкин и Лермонтов, скончался Белинский, появился и создал все свои шедевры Гоголь, выступили в печати молодые—Достоевский, Тургенев, Гончаров, Герцен, Островский. За этот краткий сравнительно период русская литература дала «Медного всадника», «Капитанскую дочку», «Мертвых душ», «Ревизора», «Героя нашего времени», «Бедных людей», «Сон Обломова». Кончал свою деятельность Жуковский, начинал Некрасов. Что знал об этом Бальзак? Как раз накануне первой поездки его в Петербург появилась в «Revue de Paris» статья Мармье «О литературном движении в России». Помимо характеристики русского языка, который пленил французского исследователя своей музыкальностью, Мармье дает в своей статье обзор произведений Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Жуковского, Крылова, Вяземского, Баратынского, Языкова, Веневитинова, Батюшкова, Одоевского, Каролины Павловой, Ростопчиной, Загоскина, Павлова, Соллогуба; из писателей XVIII в. он называет Державина и Фонвизина². Ни одно из этих имен ни разу не было упомянуто Бальзаком.

Не лучше обстояло дело и с русским общественным движением. Если в своей рецензии 1830 г. на книгу Ж.-Б. Мэя «С.-Петербург и Россия в 1829 г.» Бальзак отмечает важность «заговора 1825 года», в дальнейшем мы не находим у него никаких следов интереса к деятельности декабристов, Чаадаева, Герцена или Бакунина, с которым общалась в те годы Жорж Санд. Бальзак находился в России, когда разразилось «дело Петрашевского», когда молодой Достоевский, переводчик «Евгении Гранде» и верный ученик творца «Человеческой комедии», был возведен на эшафот для расстрела и затем сослан на каторгу. Что слышал об этом великий французский романист, как воспринял он это событие, потрясшее русское общество, как расценил образ действий Николая I? Мы об этом ничего не знаем.

В этом равнодушии творца «Человеческой комедии» к русской культуре имеется один поразительный факт. Бальзак посетил Россию вскоре после смерти Пушкина и общался с целым рядом лиц, хорошо знавших поэта. В первую очередь здесь следует, конечно, назвать Эвелину Ганскую, которую Пушкин лично знал в Одессе и которую он называет в своих письмах тем же прозвищем, какое впоследствии так часто встречается в письмах Бальзака: Atala. Муж ее, Вацлав Ганский, встречался с Пушкиным в Одессе и, вероятно, за свою ипохондрию фигурирует в письмах поэта под именем байроновского Лары. Бальзак знал сестру Эвелины—Каролину Собан

„CONTES BRUNS“ БАЛЬЗАКА

Экземпляр из библиотеки Пушкина

Институт литературы Академии наук СССР,
Ленинград

CONTES

BRUNS

PAR

DE BALZAC.

BRUXELLES.

J. P. NELINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR,
RUE DE LA MONTAGNE, N° 51.

1832

скую, которой посвящены пушкинские стансы «Что в имени тебе моем?». Он общался с такими близкими знакомыми Пушкина, как Александр Тургенев, Горчаков, Мицкевич, Шевырев, Густав Олизар, Юзефович, Козловский,—все это лица, которым Пушкин посвящал свои строфы, о которых он упоминает в своих записях или которые о нем оставили замечательные воспоминания. И несмотря на это, Бальзак не оставил ни малейшего свидетельства своего интереса к русскому поэту, который уже привлекает к себе весьма пристальное внимание в Европе 40-х годов.

Круг интересов и встреч Бальзака в России чрезвычайно ограничен. Он знает только русских «великосветских» людей и высших чиновников, т. е. круг, соответствующий основным интересам Ганской. Это преимущественно «высший свет», «международная аристократия», титулованная знать. Князь Козловский и дочь его Софья, князь Тюфякин, княгиня Голицына и графиня Орлова, г-жа Самойлова, которую он посещал в Милане, «женщина из холодной России, княгиня Багратион», которая слыла в Париже прообразом Федоры из «Шагреневой кожи», графиня Шувалова, с которой он встречался на вечерах у австрийского посла, графы Разумовские, с которыми он знакомится в Вене, русские дипломаты—Поццо ди Борго, Пален, Киселев, Балабин, Горчаков, русские чиновники и администраторы вроде начальника петербургской таможни Тимирязева, генерал-губернатора Бибикова, киевского гражданского губернатора Фундуклея, влиятельного петербуржца Данзаса, который должен открыть путь Ганской к министру юстиции Панину,—вот преимущественный круг русских знакомых Бальзака. Русские немцы из среды николаевских бюрократов, как Ленц и Гаккель, дополняют этот круг³. Характерно его сообщение Ганской: «В настоящий момент я осажден русскими: одна княгиня, имя которой я не пытался узнать, хочет увезти меня с собою

в путешествие; графини, называющие себя вашими кузинами, просят меня навестить их и проч., и проч.»⁴. В письме к Софье Козловской от 6 марта 1842 г. Бальзак называет ее друзей и, очевидно, своих знакомых: Трубецкую, Нарышкину, Разумовскую, девуцу Краевскую, неких «Макановых» (Мухановых?)⁵. Все это та же среда крупного российского дворянства. К ней же относятся и Мятлевы и гр. Лаваль. С другими кругами его связи случайны. Шевырев посетил его по собственной инициативе, Александр Тургенев, с его обширными культурными интересами, несомненно, сделал первый шаг к сближению⁶, скульпторы Рамазанов и Климченко были его случайными попутчиками.

Никакого развития эти культурные связи не получили. В эпоху, когда Проспер Мериме общается с Баратынским, Андреем Карамзиным, переводит Пушкина, а вскоре затем и Гоголя, Бальзак, претендующий на русское подданство, не обнаруживает ни малейшего интереса к русской литературе, науке, интеллигенции, общественной мысли. Официальная и землевладельческая Россия исчерпывает его интерес и внимание к стране, которую он готов избрать своей родиной.

Отсюда странное явление в творчестве Бальзака. В интернациональном обществе «Человеческой комедии» среди французов, итальянцев, немцев, испанцев, англичан, поляков, венгерцев, голландцев, евреев, даже черногорцев чрезвычайно редко появляются русские. Тема России в творчестве Бальзака разрабатывается до его знакомства с Ганской и почти совершенно исчезает из его произведений после их встречи. К раннему периоду относится небольшая повесть «Прощание», напечатанная в «La Mode» от 15 мая и 5 июня 1830 г. (под первоначальным заглавием «Солдатские воспоминания»). Вторая глава ее была названа «Переход через Березину». Трагедия отступления великой армии здесь изображена на основе исторических свидетельств: события 27 и 28 ноября 1812 г., развернувшиеся вокруг возвышенностей Студзянки, на безнадежном фоне снежных равнин, составляют главное содержание рассказа. В «Шагренево́й коже» (1831 г.) главная героиня Федора—русская, женщина из народа, ставшая властительницей парижского общества, ослепительная красавица, остроумная и бессердечная, доводящая до отчаяния испытанных сердцецов. Это один из мастерских образов Бальзака, хотя как раз национальная характеристика Федоры может быть подвергнута сомнению. Блистательная львица кутящего Парижа представляет собою скорее международный тип и менее всего выражает характер тех «русских женщин» 20-х годов, которые последовали в Сибирь за своими мужьями-декабристами. Но этим событием, которое вдохновило Дюма на целый исторический роман, Бальзак не заинтересовался.

Остальные русские, выведенные в «Человеческой комедии», проходят на заднем плане, в тени, появляются случайно и, в сущности, совершенно теряются в густой толпе бальзаковского города. Это всегда великосветские и титулованные персонажи, никакого отношения не имеющие к подлинной России 20—40-х годов, с ее поэтами, композиторами, живописцами, архитекторами, мыслителями и революционными деятелями. Какой-то русский князь и княгиня Галактион, которые мелькают в целом ряде произведений Бальзака («Утраченные иллюзии», «Старик Горио», «Дочь Евы», «Беатриса», «Тайны княгини Кадиньян», «Мещане»), какая-то русская княгиня Нарцикова («Годиссар») и другая наша соотечественница княгиня Щербелова («Старая дева», «Крестьяне», «Кабинет древностей») —

вот, кажется, все русские герои Бальзака. Случайно и поверхностно облечены они своим национальным признаком, ни в чем не выражая России Пестеля, Пушкина, Гоголя, Глинки, Кипренского, Брюллова, Мочалова.

Русское искусство не вызывает ни его внимания, ни сочувствия.

«Я чрезвычайно не доверяю в к у с у русских,—пишет он Ганской,—хотя я и видел у госпожи Самойловой в Милане деревянную скульптуру спальни, полученной из России и напоминающей по резьбе обработку китайцами слоновой кости. Это стоило бы больших денег в Париже, вот и все, и меня поразила только дешевизна!»⁷.

Он получил как-то в подарок от Ганской украинский ковер, образец замечательного прикладного искусства, воспринявшего тонкие декоративные влияния, идущие с Балкан, из Малой Азии и Закавказья. Взгляд его останавливался подчас в Париже на этих «красных и зеленых квадратах и полосах»⁸, но он, видно, так же мало ценил художественное ткачество украинских кустарей, как и резное искусство русских крепостных резчиков по дереву. Прожив столько времени в украинской деревне, Бальзак ни разу не заинтересовался местной архитектурой деревянных церквей, росписью хат или живописным орнаментом гончарных изделий. Все внимание его в плане искусства было сосредоточено на драгоценных полотнах знаменитых живописцев Запада, собранных в галлерее Мнишков. Блеск этих славных имен совершенно затмил в его глазах смиренных народных художников по тканям и керамике.

По фамильным преданиям Ржевусских, Бальзак оказался чувствительнее к украинской музыке и, якобы, с интересом слушал заунывные «думы», которые играл по вечерам верховенским обитателям виолончелист Моисей⁹. Но точные (а не легендарные) сведения о его музыкальных интересах на Украине (его письма и сочинения) свидетельствуют лишь о его внимании к фортепианной игре Анны Мнишек, т. е. к музыке европейских композиторов, и, в частности, к Шопену, которого он с восхищением называет во 2-й части «Изнанки современной истории» (написанной в Верховне). Он упоминает здесь с похвалой и польские песни (которые напевает его героиня Ванда), но об украинских или русских напевах мы не находим у него ни слова.

Бальзак проявил интерес лишь к искусству чекана на Украине: «У нас здесь имеется один человек,—пишет он в Париж своему другу Лоран-Жану,—изумительно обрабатывающий железо; если ты пришлешь мне рисунок кубка, хотя бы и самый затейливый, он сможет выковать его из железа или серебра. Это Бенвенуто Челлини, выросший среди Украины, как гриб»¹⁰.

В ряду французских писателей, посетивших Россию, в ряду таких авторов, как госпожа де Сталь, Жозеф де Местр, Стендаль, Дюма, Теофиль Готье—если говорить только о современниках Бальзака,—он стоит особняком. Прожив довольно долго в нашей стране, он почти ничего не оставил нам о русских городах, пейзажах, нравах, плясках, песнях или языке, который вызвал такое восхищение г-жи де Сталь «нежностью и блистаньем своих звуков, словно предназначенных для музыки и поэзии»¹¹. Бальзак остался и здесь в пределах практики: он знал несколько ходких русских слов, как «бричка», «кибитка», «подорожная», «почтовая карета», «мужик», «огня», «какой», «другой», «кнут» и пр. Но художественные особенности русской и украинской речи не привлекли его внимания.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Амиэль. Стихотворение Виктора К — ки	385.
II. Евгения Гранде. Романс Ожор де-Бальзака	386.
III. Скажи, скажи, товарищ мой. Стихотворение П. С.	438.
IV. Митинг для истории русского театра. Владимир Лукин, драматический писатель 1763-го года. Статья М. И. Макарова	459.
V. Рыбачка. Стихотворение Николая Голубина	482.
VI. Испанские любовники. Промиссарио XIV вѣка. Драма из 5-ти действий и 6-ти картинках, соч. Фредерика Сюи	483.
VII. Известие о кладбище. Гейм	582.
VIII. Пылающая. Стихотворение Виктора К — ки	602.
IX. Книга опасно читать явные табуны! Комический сонет	604.
X. Океан. Стихотворение I. б.	628.
XI. Сцена. Представление комедии Аристова «Облава», из Амьена, из 378 году до Р. X. (Палачик из Плуарга.) — Сцена ребенка, рассказавшего Юдору Яскови. — Французские законы о театрах. — Некоторые подробности о Казимире Делавань. — Французские пьесы Деривис. — Справное хитрое извѣстие. — Барбоза лорд Сидни. — Жюль повелитель и мушкетер. — Забавный концерт. — Гар и Маргарет. — Черта из жизни Лесора. — России и Гаи соображен. — Честомыслие Сомьера. — Переломъ композитора Бертюа. — Ассасинъ и являющ.	629.

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ.

РОМАНЪ Г-НА ОЖОРЪ ДЕ-БАЛЬЗАКА*.

ГЛАВА I.

Провинціальныя типы.

Иногда въ провинціи встрѣчается жилище, съ виду мрачное и унылое, какъ арсеналъ монастыря, изъ дикой грустной развалины, какъ сухія, безплодные, обложившія стѣны; дождикъ подъ крышей этихъ жилищъ, и въ-самомъ-дѣлѣ часто найдемъ жизнь вѣную, сухую, неподвижную своимъ однообразіемъ и тишиною монастырскую, и скуку обшественную, дикихъ стѣнъ. Прямъ, проходаazole дверей такого дома, повально гонимыя, въ небытность; но скоро оживомъ развѣрнувшись: подомать помощю, несправно увидимъ сухую, мрачную «огуръ холана, иривлеченнаго къ окну шумомъ шлоговъ на улицѣ.

Такой мрачный вѣтъ жилищъ, казалось, былъ отлучительнымъ признакомъ одного дома въ героль Сомьера. — Домъ стоялъ на концѣ улицы, первой, прямой, вѣдушей къ старинному замку; улица эта, почти всегда пустая и молчаливая, замѣчательна звонкостью своей первой, булыжной мостовой, всегда сухой и чи-

* Это одинъ изъ первыхъ и, безспорно, изъ лучшихъ романовъ молодого Бальзака, который, въ послѣднее время, дѣятельно неслался. Сколько намъ извѣстно, романъ этотъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ не былъ, а потому мы надѣемся угнать многимъ изъ нашихъ читателей, поспѣвая его въ «Репертуаръ и Пантеонъ». — Ред.

СТРАНИЦА ПЕРВОПЕЧАТНОГО ТЕКСТА «ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ», В ПЕРЕВОДЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО
«Репертуар и Пантеон», книжка шестая за 1844 г.

Факты новой русской истории вызывали иногда интерес Бальзака, и, в частности, полный авантюризма и переворотовъ Петербург XVIII в. В его романахъ встречается имя Петра I, с волевой натурой которого он сравниваетъ свой собственный характеръ (а в устахъ Бальзака это большая похвала), он даже составляетъ, какъ мы видели, план исторической драмы «Петр I и Екатерина», впрочем, не получивший разработки. В «Банкирскомъ домѣ Нюсенжанъ», в «Депутатѣ от Арсиса» и в «Екатерине Медичи» он называетъ Потемкина в ряду такихъ блестящихъ политиковъ, какъ Мазарини, маршал Ришелье и герцог Лозен. В «Блеске и нищете куртизанокъ» встречается имя Пугачева рядомъ с именами Робеспьера и Лувеля. В «Письме о Киевѣ» переданъ эпизодъ изъ отношеній Павла I съ Суворовымъ. Устами Вотрена излагается биографія Бирона, но в мало достоверныхъ анекдотахъ, не выдерживающихъ исторической критики¹². Всегда интересовавшіеся Бальзака столкновения Россіи съ Франціей (в 1812 г.) и съ Польшей (в 1831 г.) вызываютъ иногда на его страницахъ имена А. И. Чернышева (в «Блеске и нищете куртизанокъ»), великого князя Константина Павловича (в «Кузине Бетте»), Николая I (в «Шагреневои коже», «Мнимой любовнице»)¹³. Но все эти историческіе темы и имена не получаютъ развитія в его творчествѣ и остаются в немъ случайными намеками и упоминаніями.

Если вспомнить, сколько мѣста уделено в «Человеческой комедіи» полякамъ и Польшѣ, какіе значительные натуры выведены имъ в лицѣ Лагинскаго, Тадеуша Паза, Адама Верховни, Ванды, сколько разъ великій ро-

26 января 1833 г.: «Я люблю пытаться себя Бальзаком... Какая глубина, какая истина мыслей, и каждая из них, как обвинитель, светом озаряет углы и цепи светской инквизиции — инквизиции с золочеными карнизами, в хрустале, в блестках и румянах»¹⁶.

Друг Пушкина, Вульф, записывает в 1833 г. в своем дневнике: «Прочел знаменитого Бальзака, которого до сих пор знал только по слуху. Небольшая повесть его «*La Vendetta*» передо мной оправдала его европейскую славу. Слог его истинно превосходный и мне показался выше всего, что я нй читал нынешних и прежних французских писателей»¹⁷.

Сам Пушкин, видимо, перенес на Бальзака свое общее разочарование французской литературой 30-х годов: Лесажа и Вальтер-Скотта он предпочитает Жюлю Жанену и Бальзаку, а в одном из писем к Хитрову, в 1832 г., говорит об «изысканности» французского романиста¹⁸. Но в пушкинской библиотеке имелись крупнейшие произведения раннего Бальзака: «*Le médecin de campagne*», «*Le Lys dans la vallée*», «*Le livre mystique*» («*Louis Lambert*», «*Séraphita*», «*Les proscrits*»), «*Scènes de la vie privée*» (6-й том брюссельского издания 1836 г.), ранний роман Бальзака «*Le centenaire ou les deux Beringheld*» и «*La fleur de poi*» (первоначальное заглавие «*Contrat de mariage*»); имелось также в русском переводе «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта»¹⁹. В записи Пушкина к его статье «О новейших [французских] романах» (1832 г.) названы «*La peau de chagrin*», «*Contes bruns*», «*Contes drôlatiques*» и «*Scènes [de la vie privée]*»²⁰.

Мы не располагаем таким же количеством данных о знакомстве с Бальзаком Гоголя, но следует думать, что их встреча не прошла бесследно. Имя Бальзака встречается у Гоголя в рецензии, помещенной в «Современнике» Пушкина, на книгу «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей» (изд. Н. Надеждиным, М., 1836), где фигурирует и автор «Шагреневои кожи»²¹.

Знаменитое место «Шинели» Гоголя — насмешки чиновников над Акакием Акакиевичем — сильно напоминает сцены издевательств над стариком Горюи. Вообще вопрос об отношении Гоголя к Бальзаку, представляющий ряд интересных материалов (например, бюрократический мир в «Чиновниках» Бальзака и в «Мертвых душах»), до сих пор еще не поставлен в нашей исследовательской литературе.

Бальзак, как мы видели выше, прекрасно знал, что он пользуется в России «огромной популярностью». Но едва ли он детально представлял себе характер и размеры своей русской репутации. Вокруг имени Бальзака шла у нас в 30—40-х годах оживленная борьба. «Бесконечному преклонению» соответствовало страстное отрицание. Но такое столкновение мнений, несомненно, способствовало росту славы романиста.

Заполняя свои страницы всеми новинками Бальзака, русская журналистика 30—40-х годов попутно старается дать подробную критическую оценку его творчеству. С этой целью она помещает переводные критические этюды о Бальзаке и ряд самостоятельных отзывов о нем.

«Телескоп» печатает в 1834 г. под рубрикой «Знаменитые современники» большую критическую статью о Бальзаке из «*Revue des Deux Mondes*». Русский журнал не обозначает имени автора, но точный перевод дает возможность безошибочно определить его. Это первая статья Сент-Бёва о Бальзаке, представляющая до сих пор одну из лучших характеристик его творчества. Она интересна и как показатель раннего признания у нас Бальзака. Устами французского критика русский журнал уже в 1834 г.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ
„ОЗОРНЫХ СКАЗОК“ БАЛЬЗАКА В
ПЕРЕВОДЕ Ф. СОЛОГУБА
Гравюра В. Фаворского, 1920 г.
Частное собрание, Москва

признает Бальзака «самым известнейшим из нынешних романистов, писателем настоящей минуты по преимуществу», «обладающим тайной магического очарования».

Историк русской журналистики пушкинской эпохи сообщает в своих очерках:

«Обширная и хорошая статья о Бальзаке была помещена в «Северной Пчеле» 1838 г. В ней, в историческом порядке, указаны были наиболее замечательные произведения Бальзака. Между ними сильному порицанию подверглись его «Шутовские повести». По поводу их он был назван подражателем Рабле; рассказы его были названы грязными и превосходящими бесстыдством повести Бокаччио и Маргариты Наваррской. Зато об его «Сценах из частной жизни» автор отозвался с большой похвалой, указывая в них на необыкновенную тонкость наблюдения и искусство подготавливать интерес»²². К этому произведению Бальзака с большой похвалой отнеслись в одной статье и «Отечественные Записки» 1839 г., весьма невысоко поставив, одновременно, его философские повести. Вообще же о Бальзаке было сказано, что он владеет сильным талантом и мастерством живописного изображения. В другой статье в том же журнале был приведен отзыв Жюль Жанена о романе Бальзака «Великий человек провинции в Париже»²³. Статья Жюль Жанена о Бальзаке была напечатана и в «Библиотеке для Чтения».

В 1841 г. в «Современнике» появляется без подписи переводная статья о Бальзаке, признающая его «чудным романистом», «волшебником слова», представителем новой творческой ветви — «литературы отчаяния»²⁴.

В 1846 г. «Библиотека для Чтения» помещает переводную статью Ипполита Кастилья (т. 79), отмечающую сплетение влияний Рабле и Вальтер-Скотта в этом провозвестнике новой «морали силы».

Наконец, в «Литературной Газете» 1847 г. (№ № 24—25) помещен перевод большой статьи Лерминье о «Человеческой комедии». Критик признает

в Бальзаке «редкую способность наблюдения и светлый пронизательный взгляд», «верное изображение нравов нашей эпохи», но считает необходимым отметить склонность к преувеличениям и малоправдоподобным построениям.

Самостоятельная русская критика долгое время колебалась в признании Бальзака. Здесь сказывалось отчасти насмешливое отношение правого крыла русской журналистики ко всей литературной плеяде молодой Франции, во главе с Жорж Санд и Гюго. Но большинство отзывов о Бальзаке носит сочувственный характер и обнаруживает повышенное внимание к романисту. «Знание сердца изумительное,—определяет «Библиотека для Чтения» в 1845 г. основную черту Бальзака,—особенно женского сердца». В 1848 г. тот же журнал по поводу постановки в Париже бальзаковской драмы «*Marâtre*» дает весьма сочувственную общую характеристику его творчества: «Отличительное качество Бальзака—знание мельчайших изгибов человеческого сердца, психологический анализ, доведенный до утонченности»²⁵.

Особым было отношение к Бальзаку Белинского: от признания и высокой оценки он шел к отрицанию и развенчанию.

В начале 30-х годов Белинский признавал высокое мастерство Бальзака. В своей первой знаменитой статье «Литературные мечтания» Белинский ставит в пример однообразным российским беллетристам мастера французской прозы: «Посмотрите на Б а л ь з а к а: как много написал этот человек и несмотря на то, есть ли в его повестях хотя один характер, хотя одно лицо, которое бы сколько-нибудь походило на другое? О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всеми оттенками их индивидуальности... Сколько женских портретов вышло из плодотворной кисти Бальзака и между тем повторил ли он себя хотя в одном из них?..».

Вскоре Белинский изменил это восторженное мнение о Бальзаке. Он дает отрицательные отзывы о бальзаковских «*Contes bruns*», появившихся в русском переводе под заглавием «Темные рассказы опрокинутой головы», и в статье 1836 г. «О критике и литературных мнениях „Московского Наблюдателя“». Наконец, в статье «Русская литература на 1845 г.» Белинский как бы формулирует мотивы своих отрицательных суждений, называя Бальзака «Гомером Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы...». Социальным симпатиям Белинского был резко враждебен демонстративный легитимизм Бальзака²⁶.

Следует отметить, что с годами отрицательное отношение к Бальзаку в русской критике заметно изживается. В самый год смерти Бальзака Дружинин включает его «Историю тринадцати» в число пяти лучших европейских романов (вместе с «Векфильдским священником», «Клариссой Гарлов» и пр.). В лице Бальзака он видит могучую реакцию болезненному направлению романтической литературы²⁷.

Молодое литературное поколение 40-х годов глубоко и творчески воспринимает Бальзака. В кружке Герцена зачитываются «Шагреневою кожей», и сам писатель-эмигрант выразил впоследствии свое преклонение перед психологическим даром французского романиста, перед его исключительным умением «описывать сложные мудреные блаженства, сбивающиеся на страдания, и страдания, сбивающиеся на блаженства»²⁸.

Еще сильнее впечатление начинающих беллетристов: «Бальзак был любимым нашим писателем,—вспоминает Григорович свои молодые чтения совместно с Достоевским,—говорю «нашим» потому, что оба мы одинаково им зачитывались, считая его неизмеримо выше всех французских писате-

лей»²⁹. Особенно сильное впечатление производит Бальзак на молодого Достоевского, который еще летом 1838 г. прочитывает «всего Бальзака». К этому времени относятся его слова: «Бальзак велик! Его характеры—произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека».

По рассказу Григоровича, товарища и близкого свидетеля первых литературных шагов Достоевского, Бальзак оставался его любимым писателем и по окончании инженерного училища. «Я перевел «Евгению Гранде»—чудо, чудо!»—пишет он в эту эпоху брату. «Он положительно бредит этой бальзаковской повестью». «Я кончаю роман в объеме «Eugenie Grandet»,—определяет он свое первое создание. Даже лавры бальзаковских героев не дают ему покоя. Когда в ту же эпоху ему приходится составить шуточное объявление для сатирического альманаха Некрасова, он вдохновляется фельетоном бальзаковского Люсьена из «*Illusions perdues*».

Отсюда столь заметное влияние Бальзака на ранних произведениях Достоевского и особенно на «Преступлении и наказании». В школе бальзаковских романов закалил свое мастерство романиста Достоевский, дебютировавший переводом «Евгений Гранде» и вспомнивший великие и жгучие проблемы «Старика Горио» в своем последнем создании—в «Речи о Пушкине»³⁰.

В момент первого театрального успеха Бальзака—премьеры «Мачехи»—в Париже находился молодой Тургенев. С обычной восприимчивостью к новым сценическим жанрам он пристально всмотрелся в тему и технику бальзаковской драмы и затем переработал их в своем «Месяце в деревне».

Центральная нить интриги—борьба двух женщин, полюбивших одного молодого человека, или, точнее, беспощадный поединок замужней женщины и юной девушки, связанных семейно, но неожиданно ставших соперницами,—составляет основную ткань бальзаковской драмы и довольно близко к ней разрабатывается и в пьесе Тургенева³¹.

Из молодой плеяды романистов 40-х годов школу Бальзака, несомненно, проходил Гончаров. Недаром он называл имя французского классика и в «Обыкновенной истории» (правда, несколько критически), и в «Литературном вечере» (на этот раз с величайшим преклонением: «Диккенс, Теккерей, Бальзак, Пушкин, Лермонтов, Гоголь не родятся на каждом шагу...»)³². Автор крупнейшего исследования о Гончарове, проф. Андре Мазон, по этому поводу замечает: «Довольно значительное сходство сюжетов «Обыкновенной истории» Гончарова с «Орасом» Жорж Санд и особенно с «Утраченными иллюзиями» Оноре де Бальзака напоминает французскому читателю эти романы. Краткий трактат о брачной политике Петра Ивановича Адуева, повидимому, непосредственно заимствован из «Физиологии брака»»³³. Характерно, что в «Обыкновенной истории» названа «Шагреновая кожа» и что Гончаров читал также «Озорные сказки», «Тридцатилетнюю женщину», «Евгению Гранде».

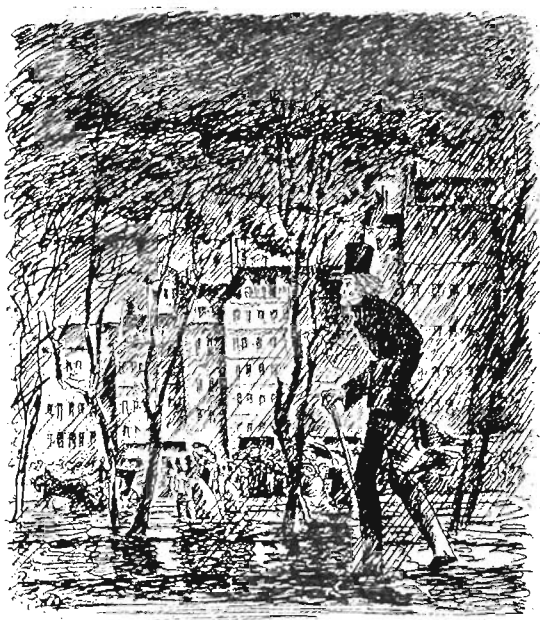
Бальзак—писатель и человек был высоко ценим нашим великим демократическим критиком и революционером Н. Г. Чернышевским. В 1856 г. он писал в «Современнике», выступая против «ожесточенной клеветы» «завистников и врагов» знаменитого романиста:

«Люди, имеющие свой расчет в том, чтобы чернить характеры людей, таланты которых не могут помрачить в глазах публики, кричали о Бальзаке как о легкомысленном и холодном эгоисте; читатели пасквилей, не знающие личности, против которой направлена была злоба, и не отгадавшие низких причин, направлявших ее, часто верили этим пустым

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К „ШАГРЕНЕВОЙ
КОЖЕ“ БАЛЬЗАКА

Рисунок А. Кравченко, 1932 г.

Частное собрание, Москва

выдумкам. Нам чрезвычайно приятно было в воспоминаниях сестры Бальзака [Лауры Сюрвиль] найти новое подтверждение той истины, которая известна по опыту каждому, кого случай ставил в близкие отношения с истинно-талантливыми писателями: обыкновенно сердце этих людей таково, что заставляет или любить или уважать их как людей: поэзия едва ли может жить в дурном сердце... Каждый факт убеждает нас в том, что Бальзак-человек заслуживает столько же уважения, как и Бальзак-писатель... Бальзак привлекает к себе каждого из людей, способных ценить под забавными причудами доброе и прямое сердце»³⁴.

В начале 1880-х годов Салтыков-Щедрин писал, что в «Бальзаке, несмотря на его социально-политический индифферентизм, невольно просачивалась тенденциозность; потому что в то тенденциозное время [1840-е гг.] не только люди, но и камни вопияли о героизме и идеалах». Щедрин относит Бальзака к категории «сильных писателей», наряду с Жорж Санд и Флобером³⁵.

В дневниках и письмах Льва Толстого встречается ряд упоминаний о Бальзаке, иногда критических и даже отрицательных, в ряде случаев — восторженных. В Париже 16/28 февраля 1857 г. Толстой записывает в своем дневнике: «Читал «Honore». Талант огромный». Во второй редакции «Детства» имеется обстоятельная критика описания Пятой симфонии Бетховена в «César Birotteau». Толстой возражает против метафор и образов Бальзака (ангелы, дворцы, фонтаны), бессильных передать впечатление от музыки. В письме к С. А. Толстой от 9 апреля 1882 г. из Ясной Поляны в Москву Толстой пишет: «Взял я с собой Бальзака и с удовольствием читаю в свободные минуты»³⁶.

В 1911 г. на запрос «Общества друзей Бальзака» Горький послал Октаву Мирбо свой отзыв о великом романисте: «Вспоминать о творчестве Бальзака мне так же приятно, как приятно путнику, идущему по скучной, бесплодной долине, вспомнить когда-то пройденный им край — плодородный, богатый красотой и силой... Мне пришлось проглотить бесчисленное количество

томов Дюма-отца, Понсон дю Террайля, Буагобея, Законне, Габорио, Ксавье де Монтепена и с десяток других авторов, прежде чем в руки мои попал томик Бальзака,—это была «Шагреновая кожа». Ясно помню то неопишное наслаждение, с которым я читал страницы, где описывается лавка антиквария,—это описание остается для меня одним из лучших образцов пластики слова. Другое место в этой книге, поразившее меня своим мастерством,—диалог на банкете, где Бальзак, пользуясь только бессвязными фразами застольного разговора, рисует лица и характеры с поражающей отчетливостью.

Я стал искать Бальзака, и следующая его книга, прочитанная мною, была «Père Goriot»—это окончательно победило меня, и долгое время я чувствовал себя Растиньяком, грозящим миру местью за попранное достоинство человека, за те боли, которыми люди наполнили его грудь...

«Человеческая комедия» была прочитана мною уже лет в двадцать; эта книга нанесла сильнейший удар моему неоформленному романтизму, я почувствовал в ней гений Бальзака и полюбил его горячей любовью, как, вероятно, любят учителя и друга.

Я не могу учесть, я не знаю, чем я лично обязан Бальзаку, но что его влияние вообще на русскую литературу было значительно, это несомненно и засвидетельствовано однажды Львом Толстым. Он спросил меня:

— Кого вы читаете больше других?

Я сказал.

— Это хорошо. Но читайте больше французов, Бальзака, у которого в оное время учились писать все, Стендаля читайте, Флобера, Мопассана. Они умеют писать, у них удивительно развито чувство формы и умение концентрировать содержание...

На этом кончу мое письмо к вам.

Бальзак—бесконечная тема и непосильная для меня, к тому же воспоминания о нем слиты в моей жизни с ее труднейшими днями, а это—волнует. Мне хочется сказать еще, что книга играла в моей жизни роль

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ШАГРЕНЕВОЙ КОЖЕ» БАЛЬЗАКА

Рисунок А. Кравченко, 1932 г.

Частное собрание, Москва

матери и что книги Бальзака наиболее дороги мне той любовью к людям, тем чудесным знанием жизни, которые с величайшей силою и радостью я всегда ощущал в его творчестве»³⁷.

Мы видим, что за столетие, протекшее с первых выступлений Бальзака, факты его творческой деятельности не переставали оказывать глубокое воздействие на ход и развитие русской литературы. Еще при жизни своей он произвел самое действенное впечатление на младшее поколение своих русских современников, строивших у нас романическую литературу. Но воздействие его шло дальше и глубже. Освобожденная страна тщательно изучает Бальзака, наново переводит его, выпускает наиболее полное собрание его сочинений, воплощает на лучших сценах его творческие образы и вместе с Марксом, Энгельсом и Горьким преклоняется перед его творческой мощью.

Поистине Бальзак не умирает в нашей стране. Не тот Бальзак, которого влекли в Петербург и Верховню его неистощимые деловые проекты, а тот борец и мастер, над страницами которого горел и трепетал юный Достоевский, у которого учился искусству романа Лев Толстой, к созданиям которого жадно припал один из самых народных русских писателей, величайший из представителей пролетарской литературы, недавно отошедший от нас Максим Горький.

III

Чем же объясняется близость этого легитимиста и католика к передовым течениям современной литературы?

Прежде всего освободительными тенденциями и огромной познавательной силой его художественного творчества. Именно эти черты вызвали высокую оценку Бальзака Энгельсом, признавшим творца «Человеческой комедии» зорким изобразителем современной социальной борьбы: «Он описывает, как последние остатки этого образцового для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки или были развращены им; как *grande dame*, супружеские измены которой, были лишь способом отстоять себя, вполне отвечавшим тому положению, которое ей было отведено в браке, уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которого я узнал, даже в смысле экономических деталей, больше (например, перераспределение реальной (*real*) и личной собственности после революции) чем из книг всех профессиональных историков экономистов, статистиков этого периода взятых вместе».

Не подлежит сомнению, что в сложном и многообразном творчестве Бальзака, в котором сталкивались самые крайние течения, сказался ряд идей, роднящих его с задачами нашей эпохи. Это, прежде всего, основная направленность творческих интересов Бальзака на коллектив, на современное поколение в целом, на «человека-массу», на новое общество во всех его характерных типах и отношениях. Недаром первоначальным заглавием «Человеческой комедии» было «Социальные этюды» (*Etudes sociales*), и только в 1841 г., под влиянием одной беседы о «Божественной комедии» Данте, Бальзак находит, наконец, счастливую формулу: «Человеческая комедия», — пишет он в сентябре 1841 г., — вот заглавие моей истории общества, изображенного в действии...»³⁸. Заглавие замечательно

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К НОВЕЛЛЕ БАЛЬЗАКА
„ДЕВУШКА С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ“

Рисунок В. Бехтеева, 1937 г.

Собрание художника, Москва

отвечало основному замыслу Бальзака. Еще в 1834 г. Париж представился ему «адам, который получит когда-нибудь своего Данте...».

В июле 1842 г. Бальзак написал свое предисловие к «Человеческой комедии». С первых же строк он определяет основную идею своей эпопеи, как «сопоставление человеческого со звериным».

Он дорожит единством своих творений, построенных на этом основном и всеобъемлющем принципе. Идея единства композиции в животном и растительном мире, провозглашенная знаменитым естествоиспытателем Жоффруа де Сент-Илером и сочувственно признанная старцем Гёте, переносится Бальзаком в новую область—в сферу общественных отношений.

Он выдвигает положение, что общество вырашивает из людей, в зависимости от среды и обстановки их деятельности, столь же различные типы, как и разновидности в зоологии. Это великое разнообразие социальных видов необходимо классифицировать и описывать, т. е., другими словами, строить историю нравов своего времени. Он хочет заинтересовать читателя той грандиозной драмой с тысячами участников, какую представляет современное общество.

Он исходит при этом из положения, что человек от природы ни добр, ни зол—он рождается с инстинктами и способностями. Общество не только не развращает его, как утверждал Руссо, оно его совершенствует и улучшает. Но личный интерес невероятно развивает дурные наклонности. Отсюда, по Бальзаку, те битвы и столкновения, которые ложатся в основу жизни общества. Отобразить их во всей множественности положений—вот цель романиста. «Нелегкой задачей было зарисовать две или три тысячи выразительных обликов целой эпохи»,—заявляет Бальзак. Но не только лица,—местности и события также группируются в типы. «Вот почему мое создание имеет свою географию и свою генеалогию, свой гербовник, своих вельмож и мещан, своих ремесленников и крестьян, своих политиков и щеголей, свою армию—словом, целый мир».

Изобразить этот мир во всех его проявлениях, дать динамическую

историю современного общества — таково было основное и господствующее стремление Бальзака. Именно оно сообщает всему циклу его творений тот характер обширной социальной фрески, которая остается до сих пор наилучшим свидетельством о быте и нравах буржуазного общества во Франции. Независимо от своих личных тенденций и политических симпатий, Бальзак остается бесспорным основателем новейшего социального романа.

«Нужно изобразить все классы, и план мой обязывает меня быть всеобъемлющим», — пишет Бальзак в 1835 г. по поводу своего романа «Брачный контракт». Эта огромная задача уже в эпоху Бальзака требовала особых изучений, наблюдений, встреч, разговоров и чтений. Именно она выработала точный и мощный творческий метод писателя — новый вид всеобъемлющего реализма, основанного на опыте, наблюдении, анализе и самом пристальном изучении действительности. «Я был наделен огромной силой наблюдения — писал о себе Бальзак — ибо помимо собственной воли я был брошен в самые разнообразные профессии».

Он признавал впоследствии чрезвычайную трудность уловить характерные черты, отличающие солдата от рабочего, администратора от адвоката, ученого от политика или нищего от священника. Вот почему для изображения современности во всем живом разнообразии ее типов необходимо было погрузиться в жизнь и в самой гуще пронсящих событий собрать материал для своей живописи.

Так и поступил Бальзак. Он сумел уже в молодости накопить огромный жизненный опыт, не перестававший служить ему для творчества.

Он рос среди врачей, солдат и священников, свидетельствуют его биографы; юношей он служит у нотариуса и адвоката; вскоре затем он типограф, коммерсант, делец, в постоянном общении с миром судебных установлений благодаря своим тяжбам, в еще большем соприкосновении с миром банкиров, ростовщиков, менял, биржевиков в силу своих денежных затруднений. Сам он — журналист, кандидат в палату депутатов, драматург,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К НОВЕЛЛЕ БАЛЬЗАКА
«ДЕВУШКА С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ»

Рисунок В. Бехтеева, 1937 г.

Собрание художника, Москва

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К НОВЕЛЛЕ БАЛЬЗАКА
„ДЕВУШКА С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ“

Рисунок В. Бехтеева, 1937 г.

Собрание художника, Москва

модный беллетрист. Он вхож во все круги общества, и во всех кварталах Парижа он чувствует себя дома. При этом он объездил всю Францию, он побывал в Швейцарии, Италии, на Корсике, в Австрии, Германии, России. Всюду он всматривался в людей и запоминал навсегда особенности лиц, нравов и состояний.

Стремясь выразить в своем творчестве «все социальные типы и отношения», Бальзак изображает современное общество в его основных пластах: крестьянство, парижские рабочие (этот класс появляется сравнительно изредка в «Человеческой комедии» и зачерчен мимоходом), мелкая и крупная буржуазия, средняя и высшая бюрократия и, наконец, родовая аристократия, которой теоретически принадлежали его симпатии. Но на самом деле он искренне симпатизировал только умственным труженикам—писателям, ученым, художникам, композиторам, изобретателям, философам. Подлинные герои Бальзака—это писатель д'Артез, это мыслитель Луи Ламбер, музыкант Каналис, композитор Гамбара, химик Бальтазар Клаас, изобретатель Сешар, живописец Френгофер или великий поэт Данте, изображенный им в замечательной исторической новелле. Вот истинные носители ценностей в «Человеческой комедии», пред подвигом которых безоговорочно склоняется ее автор. Недаром Бальзак даже в политическом плане хотел создать «партию интеллектуальных работников» (*le parti des intelligentiels*). Эти замыслы Бальзака соответствовали устремлениям современных ему утопических социалистов, с их ставкой на умственный труд, на науку и искусство, и даже возвещали ту высокую оценку ученого, мыслителя, художника, инженера, которая так характерна для социалистического общества.

Сам Бальзак был не только беспримерным тружеником литературы, он был и величайшим поэтом труда. Кажется, никто не передавал с таким волнением тревоги, отчаяния и радости рабочей кельи. Он говорит в одном из своих последних романов о «великолепии человеческого труда», об этой

«торжественной битве человека с природой». Он восхищается «работой великого терпения», отмечающей подлинных мастеров искусства. Недаром он выработал свою особую теорию воли, придавая ей исключительное значение в применении к творчеству.

«Нет великих талантов без великой силы воли,—пишет он в одном из своих романов.—Эти две родственные силы необходимы для постройки огромного здания человеческой славы. Избранные люди поддерживают свой мозг в условиях умственного производства и, как рыцари, имеют всегда свое оружие наготове».

Такие великие уроки энергии давал в своем творчестве Бальзак. Для работников мысли, для тружеников слова он остается незаменимым учителем бодрости, взнузданной воли, неслабеющего подъема сил. В основе всего творчества Бальзака лежит представление о человеческой энергии, способной выдерживать высочайшую степень напряжения. Его искатели и философы постоянно говорят нам о предельной «концентрации сил», и сам он определяет искусство, как высшее сосредоточение природы. Действовать, покорять, усиливать—вот его программа.

Только такое исключительное творческое мужество дало ему возможность меньше чем в двадцать лет запечатлеть в своей гигантской фреске весь быт и всю «цивилизацию» капиталистического общества Июльской монархии. Сила и мощь его художественного дарования привели к тому, что, помимо его личных желаний, эта широкая картина нравов приняла характер обвинительной речи против господствующих классов эпохи, сумевших закабалить не только труд, но и мысль, фантазию и творчество современного поколения.

Вот почему Бальзак занял одно из выдающихся мест в культурном наследстве, воспринятом страной социализма. Его великая способность, вопреки своим теоретическим установкам и официальным воззрениям, разоблачать глубокую неправду окружавшего его мира, выказывая свою скрытую солидарность с его отважнейшими разрушителями и преобразователями, при беспощадной правде его изображений,—делают его одним из самых любимых и читаемых авторов Советского Союза. Не в этом ли лучшее раскрытие всей глубины и всего жизненного значения обширной, сложной и драматической темы о Бальзаке в России?

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Œuvres complètes* (M. Lévy), XXII, 35—36. В 1840 г., в своем журнале «*Revue parisienne*», Бальзак имел в виду развернуть целый периодический отдел под заглавием «Русские письма», посвященный, впрочем, не столько России, сколько вообще современной политике. В программной статье к первому выпуску журнала отмечалось по поводу этой рубрики, что в ней «г. де Бальзак оставляет роман для трибуны, книжный рынок для политики, авторов для министров». Но журнал вышел только три раза (25 июля, 25 августа и 25 сентября 1840 г.), и намеченный отдел не получил развития. L o u i s (Louis), Honoré de Balzac, critique littéraire et directeur de journal. Вступительная статья к сборнику: «Honoré de Balzac, critique littéraire». P., 1912, 18—22.— Отметим, что в одном из ранних романов Бальзака (написанных до «Человеческой комедии») часть действия происходит в России, около Тобольска, но в стране совершенно условной и фантастической (см. P r i o u l t (A.), op. cit., 150—153).

² Изложение статьи Мармье о русской литературе было напечатано в «Северной Пчеле», 1843, 17 июля (№ 157), т. е. в самый день приезда Бальзака в Петербург.

³ От Ленца Бальзак узнает, что поклонником его творчества был министр юстиции Дашков (d'Askoff,—пишет Бальзак—l'ancien ministre de la justice, aujourd'hui mort.—*Lettres à l'Étranger*, II, 77). Это Д. В. Дашков, государственный деятель, отчасти писатель, автор «путешествий» и статей о Лагарпе, Шишкове и др.

В парижских архивах сохранились пять папок «писем, адресованных Бальзаку разными лицами» (см. Kogwin-Piotrowska, 471); среди них имеются, несомненно, и письма русских; мы знаем, что Бальзаку писали Н. А. Мельгунов, С. П. Шевырев, В. Ф. Ленц; письма Бальзака к Шодуару или Гаккелю свидетельствуют о переписке, т. е. об ответах этих корреспондентов; какие-то «русские графини» осаждали Бальзака, по его собственному свидетельству, приглашениями; светские отношения Бальзака с Киселевыми, Разумовскими, Козловскими и др., вероятно, выразились в записках. Личный архив романиста, к которому мы не имели доступа, несомненно, должен пролить свет на историю русских отношений Бальзака, хотя нельзя предполагать, чтобы он значительно изменил известную нам картину этих отношений.

⁴ *Lettres à l'Etrangère*, II, 117.

⁵ *Correspondance*, II, 30.

⁶ В парижских «дневниках» А. И. Тургенева (находятся в Институте литературы АН СССР, в Ленинграде) сохранились, между прочим, следующие следы его знакомства с Бальзаком. Запись от 4 декабря 1835 г.: «У Мятлевых на балу. Вся Парижская Русь там. Представил Бальзака Лавальше». Запись от 9 марта 1836 г.: «У Жерара с Бальзаком о Сведенборге, кого ставит выше Якова Бема, St. Martin и всех. Бальзак также не любит Ламартина. Ему не пристало быть Шателем, — сказал он». Эту фразу Бальзака Ал. Тургенев повторил и в своей «Парижской хронике», напечатанной в пушкинском «Современнике» (1836, № 4): «И Бальзак видит в Ламартине отступника, он сказал мне: il a pris le rôle de Châtel (епископ французской церкви, оставивший католицизм)». Запись от 20 апреля 1836 г.: «Вечер у Miss Clarc. Мериме рассказы. Оттуда к Жерару. С Бальзаком о многом и многих».

⁷ *Lettres à l'Etrangère*, II, 20.

⁸ *Ibid.*, III, 163.

⁹ Rzewuski (Adam), *Réminiscences du séjour d'Honoré de Balzac à Wierchowia*.—«Messager Polonais», 19 и 30 мая 1828, №№ 121 и 122.

¹⁰ *Correspondance*, II, 339.

¹¹ Staël (M-me de), *Œuvres*, 1830, XV, 215.

¹² Веневитинов М., Бальзак о Бироне.—«Русский Архив», 1898, II, 277—290.

¹³ *Œuvres complètes* (M. Lévy), XVI, 41, 117; XVII, 48; XXI, 391. Бальзак проявлял также интерес к текущей русской политике и довольно внимательно следил за ней по большой парижской печати. Он упоминает в своих письмах статьи о современном положении России из «Journal de Débats», «Constitutionnel» и «La presse» (статьи о Сибири, Николае I и пр.).

¹⁴ Кроме русского правительства, оберегающего помещичьи права Ганских, все русское находится под строгим бойкотом в их среде. Почти невероятно, что выросшая в Киевской губернии, постоянно посещавшая для балов и развлечений Киев, жившая подолгу в Петербурге дочь Эвелины, Анна Ганская, до самого замужества не знала русского языка. Только муж Анны, Юрий Мнишек, научил ее подписываться по-русски и пробовал сообщить ей кое-какие познания в языке страны, чьей официальной подданной она числилась (Kogwin-Piotrowska, 54). Весьма характерно опубликованное недавно письмо Ганской, от 19 июля 1869 г. из Villeneuve-St-Georges, в котором она откровенно выражает свою вражду к России и русским и признает российской нацией только тех, «кто носит форму придворную или военную в Петербурге» (письмо опубликовано в статье Ф. Я. Савченко, Бальзак на Украине.—«Україна», 1924, I—II, 148).

¹⁵ «Русская Старина», 1881, V, 202.

¹⁶ Письмо А. А. Бестужева к Н. Полевому от 26 января 1833 г.—«Русский Вестник», 1861, IV, 430.

¹⁷ Вульф, А. Н. Дневники (любовный быт пушкинской эпохи). Ред. П. Е. Щеголева, изд. «Федерация», М., 1929, 363.

¹⁸ «Письма Пушкина к Е. М. Хитрову», Л., 1927, 217 (в ст. Томашевского Б. В., Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрову).

¹⁹ Модзалевский Б. Л., Библиотека Пушкина.—«Пушкин и его современники», IX—X, П., 1910, стр. 4, 147; Модзалевский Л. Б., Библиотека Пушкина. Новые материалы.—«Литературное Наследство», 1934, № 16—18, стр. 1015.

²⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений. М., ГИХЛ, 1936, VI, 169.

²¹ Гоголь Н. В., Сочинения, изд. X, ред. Н. Тихонравова, СПб. 1889, V, 528.

²² «Северная Пчела», 1838, № 131, стр. 523.

²³ Весин С., Очерки истории русской журналистики 20-х и 30-х годов, П., 1881, 342.

²⁴ «Современник», 1841, XXIV, 15—46.

²⁵ «Библиотека для Чтения», 1845, т. 61, стр. 69; 1848, т. 49, «Смесь», стр. 58—61.

²⁶ Белинский В. Г., Сочинения, ред. С. А. Венгерова, I, 375—376; II, 456.—

Достоевский впоследствии писал (в «Дневнике писателя», 1876 г.), что «к Бальзаку, который дал в 30-х годах такие произведения, как «Эжени Гранде» и «Старик Горю», так был несправедлив Белинский, совершенно проглядевший его значение во французской литературе». В другой статье Достоевский объясняет это тем, что такие писатели, как Бальзак или Виктор Гюго, «не приходились под мерку нашей слишком уж реальной критики того времени» (Достоевский Ф. М., Сочинения. Гос. Изд., М.—Л., XI, 31; XIII, 525).

Характерен рассказ молодого Григоровича: «Увлечение Бальзаком было причиной, что Белинский, к которому в первый раз повел меня Некрасов (в 1843—1844 г.), сделал на меня впечатление обратное тому, какое я ожидал». Когда Григорович упомянул, что Достоевский переводит «Евгению Гранде» «Белинский разразился против общего нашего кумира жесточайшей бранью, назвал его мещанским писателем, сказал, что если бы только попала ему в руки эта «Евгения Гранде», он на каждой странице доказал бы всю пошлость этого сочинения» (Григорович Д. В., Литературные воспоминания, ред. В. Л. Комаровича, «Academia», 1928, 136).

²⁷ «Современник», 1850.

²⁸ Герцен, Скуки ради (1868). Сочинения, ред. М. Лемке, М.—П., 1923, XXI, 176. Впрочем, в письме Герцена к Н. А. Захарьиной, из Владимира, от 12 февраля 1838 г., имеется мало почтительное упоминание о Бальзаке (там же, II, 84).

²⁹ Григорович Д. В., Литературные воспоминания, ред. В. Л. Комаровича, «Academia», 1928, 135.

³⁰ См. о Бальзаке и Достоевском наши работы: «Бальзак в переводе Достоевского», вступ. статья к изданию «Евгения Гранде» («Academia», 1935), также «Бальзак и Достоевский» в «Библиотеке Достоевского» (перепечатано в «Поэтике Достоевского» и «Творчестве Достоевского»).

³¹ Впоследствии Тургенев мало ценил Бальзака. В 1882 г. он писал редактору журнала «Изящная литература»: «Я бы скорее взялся перевести несколько страниц из Монтеня или Рабле, но уже не Бальзака, которого я никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду, до того он мне противен и чужд». — «Первое собрание писем И. С. Тургенева», П., 1884, 505.

³² Гончаров И. А., Полное собрание сочинений, П., 1899, XI, 64.

³³ Мазон (André), Un maître du roman russe Ivan Gontcharov, P., 1914, 29, 310, 325.

³⁴ «Современник», 1856, 9, отд. V, стр. 1—24—анонимная статья «Бальзак». Принадлежность статьи Чернышевскому (выбор и перевод отрывков из воспоминаний о Бальзаке его сестры и Жорж Санд, предисловие и послесловие) устанавливается рукописью, хранящейся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове (№ 4155).

³⁵ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.), Полное собрание сочинений, XIV («За рубежом»), изд-во «Художественная Литература», Л., 1936, 202.

³⁶ Упоминания о Бальзаке у Толстого см.: 1) Толстой Л. Н., Полное собрание сочинений («Юбилейное издание»), I, 177; VII, 52, 115, 123, 124; 2) «Письма Л. Н. Толстого к жене, М., 1915, стр. 163; 3) Гусев Н., Летопись жизни и творчества Толстого, М.—Л., 1936 (по именному указателю: Бальзак).

³⁷ Письмо Горького было опубликовано в № 14 журнала «La Revue» от 15 июля 1911 г. на французском языке. Оригинал напечатан И. Груздевым в «Молодой Гвардии», 1927, № 1, 183—184. В статье «О том, как я учился писать» Горький делает аналогичные признания: «Настоящее и глубокое воспитательное влияние на меня, как писателя, оказала «большая» французская литература—Стендаль, Бальзак, Флобер... Это действительно гениальные художники, величайшие мастера формы... Совершенно поражен был я, когда в романе Бальзака «Шагреневая кожа» прочитал те страницы, где изображен пир у банкира и где одновременно говорят десятка два людей, создавая хаотический шум, многогласие которого я как будто слышу. Но главное—в том, что я не только слышу, а и вижу, кто как говорит, вижу глаза, улыбки, жесты людей, хотя Бальзак не изобразил ни лиц, ни фигур гостей банкира. Вообще, искусство изображения людей словами, искусство делать их речь живой и слышной, совершеннейшее мастерство диалога всегда изумляло меня у Бальзака и французов. Книги Бальзака написаны как бы масляными красками, и когда я впервые увидел картины Рубенса, я вспомнил именно Бальзака. Читая безумные книги Достоевского, я не могу не думать, что он весьма многим обязан именно этому великому мастеру романа». Так же хвалебно Горький отзывался о Бальзаке в статьях: «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной», «По поводу одной полемики», «Беседы о ремесле», «О мещанстве» и др. См. Горький М., О литературе. Статьи 1928—33 гг., М., 1933, 82, 104, 170, 185—186, 246; Горький М., Публицистические статьи, Л., 1933, 91, 368.

³⁸ Lettres à l'Étranger, I, 565.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПИСЬМА БАЛЬЗАКА, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ПРЕБЫВАНИЕМ В РОССИИ: П. Ф. ГАККЕЛЮ, БАРОНУ С. И. ШОДУАРУ, ЛЕНЦУ. II. ДВЕ ЗАПИСКИ БАЛЬЗАКА: ТИПОГРАФУ ВЕРДЕ И ГРАФАМ САН-СЕВЕРИНО. III. ПИСЬМА СКУЛЬПТОРА Н. А. РАМАЗАНОВА О ЕГО ПУТЕШЕСТВИИ С БАЛЬЗАКОМ. IV. АВТОГРАФЫ ПИСЕМ БАЛЬЗАКА В СОБРАНИЯХ СССР

I. ПИСЬМА БАЛЬЗАКА, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ПРЕБЫВАНИЕМ В РОССИИ

Бальзак—П. Ф. Гаккелю

Направляясь в 1847 г. на Украину, Бальзак должен был переехать русскую границу в Радзивиловле. Перед отъездом из Парижа он посетил русского поверенного в делах, Н. Д. Киселева, и получил от него рекомендательную записку к начальнику радзивиловского таможенного округа. Им в то время был Павел Францевич Гаккель, который отнесся к знаменитому путешественнику с большим вниманием (Бальзак упоминает обо всем этом в письме к Уварову из Верховни от октября 1847 г.—см. выше, стр. 238). В результате завязавшегося знакомства возникла переписка, отчасти деловая (поскольку французский романист выписывал в Верховню книги и различные вещи из Парижа через радзивиловскую таможню), отчасти приятельская, вызванная добрыми отношениями Бальзака с самим Гаккелем и с членами его семьи.

Известный собиратель автографов Бальзака, Шпульберг де Лованжуль, в конце XIX в. обратился к проживавшему в то время в Тифлисе сыну Гаккеля — председателю кавказского цензурного комитета, Михаилу Павловичу Гаккелю, с вопросом о судьбе писем знаменитого романиста к его отцу. 22 октября 1891 г. М. П. Гаккель послал Лованжулю 9 писем-автографов Бальзака с просьбой вернуть ему обратно подлинник одного лишь письма, а с остальных восьми прислать копии. Просьба эта, конечно, была выполнена. На основе этих копий (они хранятся в Музее писателей Грузии, в Тбилиси) и с обширными цитатами из них была написана статья Г. Бебутова, По страницам Бальзака («Звезда», 1934, II, 156—165). Мы заимствуем из этой статьи следующие сведения о радзивиловском корреспонденте Бальзака. П. Ф. Гаккель в 1815 г. поступил на военную службу, в Петровский гренадерский полк, в 1821 г. был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, где его застал день 14 декабря 1825 г. Об этом событии Гаккель готовился написать историческую хронику, от которой сохранились лишь наброски плана и подготовительные заметки из дневника (опубликованы в изданной Академией наук СССР «Летописи занятий постоянной историко-археографической комиссией» за 1926 г., XXIV, Л., 1927, 238—266). В 1830 г. Гаккель оставил военную службу с чином полковника и был определен по министерству финансов в таможенное ведомство. Он был начальником таможенного округа сначала архангельского, а с 1847 г. радзивиловского.

Довольно обстоятельную характеристику Гаккеля оставил нам сам Бальзак в своем «Письме о Киеве» («Lettre sur Kiew»), где он описывает и самый переезд через границу: «Я увидел у русской заставы чиновника с красивым и умным лицом, во всем похожего на француза высшего общества... Заметив много орденов на груди этого чиновника, я боялся ошибиться, так как не мог представить себе, что сам г. де Гаккель выйдет мне навстречу; но когда я приблизился к нему с поклоном, он спросил меня на отличнейшем французском языке и без малейшего акцента, я ли это; на мой ответ он назвал себя: «де Гаккель, начальник пограничного округа...». По знаку г. статского советника превосходный экипаж с четверкой в упряжке подъехал к нам; слуги взяли мои чемоданы и поместили их на козлах... «Долг прежде всего!—сказал мне г. де Гаккель.—Нужно явиться в таможню и подвергнуться осмотру». И действительно, мы прошли в здание, охранявшееся караулом, мой чемодан был открыт и осмотрен с величайшей предосторожностью. Затем г. де Гаккель сказал мне: «Разрешите оставить вас на попечение моих людей, так как г-жа де Гаккель рассчитывает, что вы окажете ей удовольствие принять участие в нашей трапезе, и мне необходимо предупредить ее...». Представленный г-же Гаккель, я узнал, что их семейство недавно только переехало в Радзивилов из Архангельска, где муж был десять лет начальником таможни... Это не только умный, но и образованный человек. Управление таможнями во Франции не имеет ничего общего с полномочиями г. де Гаккеля в Радзивиловле. Его управление охватывает расстояние в полтораста верст вдоль границы, где ему вверены функции политического и коммерческого надзора, что ставит под его начальство огромное количество служащих. Оклад его—в 40 тысяч франков, и сам он подчинен только киевскому генерал-губернатору» («Lettre sur Kiew», 53—55, 61—62).

Из девяти публикуемых писем Бальзака к П. Ф. Гаккелю восемь печатаются по автографам из «Collection du Vicomte Spoelberch de Lovenjoul (Institut de France)» и

одно (от 22 августа 1848 г.)—по автографу, находящемуся в частном собрании в Москве.

Тексты писем из «Collection Lovenjoul» в копиях сообщены редакции «Литературного Наследства» г. Анри Монго, благодаря любезному посредничеству проф. Андре Мазона и с разрешения хранителя этого архивного собрания, г. Марселя Бутрона. Всем этим лицам редакция выражает свою благодарность.

1

Верховия, 15 сентября (франц. стиля) [1847 г.]

Милостивый государь,

Отсылая вам солдата, которого вы мне отрядили, я не могу не выразить вам глубокой благодарности за заботы обо мне, а в частности, за услуги, оказанные мне этим молодцом. Без него мне не сделать бы ни шага. Я очень утомил его, а потому взял на себя смелость предоставить ему отдых на один день; к сожалению, я решительно не имел возможности написать вам в день своего приезда¹. Во Франции говорят: та щ и т ь с я на ч е т ы р е х л о ш а д я х , а я та щ и л с я в к и б и т к е , что одно и то же².

Я, разумеется, почту за счастье поблагодарить вас лично на обратном пути, но мне хочется теперь же выразить вам свою благодарность и сказать, что путешествие, начавшееся под вашим любезным покровительством, прошло весьма благополучно.

Будьте добры, милостивый государь, засвидетельствовать мое почтение вашей супруге³, поклониться от меня превосходнейшему майору и принять выражение наилучших чувств, с коими имею честь пребывать вашим премного обязанным слугой

О. де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове⁴

Автограф. — Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 107. — Ср. Korwin-Piotrowska, 438—439, и Lettre sur Kiew, 85.

¹ Ср. Lettre sur Kiew, 56, где Бальзак пишет: «Я объяснил свои затруднения г. Гаккелю [невозможность объясняться и расплачиваться на почтовых станциях ввиду незнания языка. — Л. Г.]; с очаровательной любезностью он обещал мне устранить все препятствия: он предоставлял в мое распоряжение одного из своих слуг, который будет платить вместо меня на станциях и за честность которого он ручался».

² Бальзак буквально повторяет это размышление и в Lettre sur Kiew, 62.

³ Матильда Гаккель, по происхождению француженка.

⁴ В этом и следующих письмах Бальзак неточно обозначает чин и должность Гаккеля. Последний был в это время «начальником радзивилловского таможенного округа» и имел чин «статского советника» (так его называл и сам Бальзак в Lettre sur Kiew, 60). Вероятно, Бальзак из принятой в то время любезности повышал чин своего адресата.

2

Париж, 22 августа 1848 г.

Добрейший и любезнейший генерал,

Я получил разрешение вернуться на Украину и через вашу границу. Два дня тому назад граф Орлов известил меня, что вам послано соответствующее распоряжение¹. Прошу вас попрежнему не отказать мне в вашей очаровательной любезности; разумеется, я не злоупотреблю ею, как в тот раз, доставлением вам хлопот, связанных с моим путешествием, ибо на этот раз граф Мнишек, извещенный мною, придет из Вишнева в Радзивиллов встретить меня. А от вашей доброты я жду вот чего:

У нас здесь большие затруднения с прислугой, и я пускаюсь в путешествие в этот раз совсем один из Парижа до Брод². И хотя я и намерен путешествовать с максимальной быстротой, но буду задерживаться на каждой железной дороге из-за багажа, потому что я не знаю ни слова по-немецки, так как потратил всю жизнь на изучение французского, на котором начинаю писать довольно порядочно. Поэтому я запломбировал

Paris, ce 22 août 1848

Mon bon cousin Général, j'ai obtenu
l'autorisation de revenir en France
après votre départ, M. Belmont
a écrit à M. de Montigny, il y a deux jours,
que vous veniez de venir à Paris et
j'ai donc écrit à M. de Montigny la con-
tention de vos charmes et de votre
santé, bien entendu, j'ai écrit à M.
de Montigny, comme l'ambassadeur en voy-
sant les jours de mon voyage,
car, celui-ci, M. de Montigny
faisait bien savoir, comme ça, mon
chèque de M. de Montigny à Rad-
ziviloff. Vous venez d'arriver à votre
belle.
J'ai vu les plus grands officiers
très affairés à mettre en mouvement
les voyageurs, cette fois-ci, en
tout fait de Paris à Brégely, et
comme, sur voyage, avec la
plus grande rapidité, j'ai écrit
amiti à ceux qui avaient fait
à coup de vent, de Brégely, attendez

D. Harkis, agit le vent de mon
rapport les officiers, et de
l'autre côté des officiers, comme ça
vous des lettres de M. de Montigny
avec les gens, je vous envoie

V. de Montigny

Radziviloff

J'ai vu les gens, comme ça, à mon
à votre, j'ai écrit à M. de Montigny
à M. de Montigny, comme ça, à M.
de Montigny, j'ai écrit à M. de Montigny
de Montigny, j'ai écrit à M. de Montigny
à M. de Montigny, j'ai écrit à M. de Montigny

АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЛЬЗАКА К П. Ф. ГАККЕЛЮ ОТ 22 АВГУСТА 1848 г.

Страницы первая и последняя

Частное собрание, Москва

свои вещи на здешней парижской таможне и отправил их в Радзивиллов до востребования на таможне, поручая их вам и вам их адресуя, чтобы они сохранились в надежном месте до моего приезда.

Итак, через несколько дней я буду иметь удовольствие увидеть вас и вашу супругу. Ужасный грохот нашей революции, которая всех нас разорила, заглушил сплетни французской прессы по поводу моего последнего путешествия, и я думаю, что на этот раз мне удастся сохранить драгоценную привилегию инкогнито³. Мне хочется рассказать вам о многом. Не знаю, что станет с Францией; если так будет продолжаться, она превратится в русскую провинцию. Сейчас, когда я пишу вам, готовится ужасное сражение в Учредительном собрании⁴, и если я не поспежу тотчас же уехать,—как знать, сохранится ли за нами потом свобода передвижения. Я направляюсь в Россию в поисках куска хлеба и спокойствия. Россия теперь моя возлюбленная, а Франция—законная жена; по примеру многих мужей, я чаще буду бывать у возлюбленной, нежели у жены.

Мой багаж будет состоять из трех-четырех упаковок, я забираю с собой только необходимое для жизни, да еще связку научных книг, которые я отошлю вам для направления в киевскую цензуру. На этих связках имеется следующая надпись: «Для г. генерала Гаккеля, начальника пограничной стражи, в таможню, до востребования».

В ожидании, что я буду иметь удовольствие видеть вас и лично выразить свое уважение вашей супруге, прошу вас напомнить ей обо мне и принять горячее чувство благодарности, с которым имею честь пребывать в[ашим] н[ижайшим] и п[окорнейшим] [службой]

де Бальзак

Меня опять рекомендовали вашему генерал-губернатору [Бибикову]; он спрашивал у одного из наших друзей⁵, когда я приеду. Холера не пугает меня, надеюсь, она не осмелится заглянуть в ваш дом⁶.

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф.—Частное собрание, Москва. Копия в Collection Lovenjoul, A. 283 Fo. 137.

Нахождение этого письма в СССР объясняется следующими строками из письма сына Гаккеля к Шпудльберку де Лованжулю от 22 октября 1891 г.: «Я спешу, сударь, послать вам девять писем-автографов Бальзака, прося вас принять их от одного из пламенных обожателей его гения,—кроме все-таки одного, датированного 22 августа 1848 г., который я желал бы сохранить, как память о дружбе Бальзака с моим отцом. Потому я был бы вам очень обязан, если вам будет угодно его вернуть». В ответном письме Лованжуль писал: «Я оставляю восемь писем и возвращаю вам только прилагаемое здесь девятое от 22 августа 1848 г.» (см. Г. Бебутов, По страницам Бальзака, «Звезда», 1934, II, стр. 159).

¹ См. выше, в гл. IV, письмо Орлова к Бальзаку от 30 июля 1848 г.

² Галицийский город в семи верстах от тогдашней русской границы—Радзивиллова.

³ Иронические статьи о поездке Бальзака в Россию появились в «Charivari» от 17 декабря 1847 г., в «La Silhouette» от 26 сентября 1847 г. и проч. Несколько позднее 7 октября 1848 г. «Journal pour rire» сообщал, что Бальзак оставил Францию ради России, «где свирепствует холера, и—что еще хуже—в лютую зиму... и—что еще ужаснее—чтобы жениться!» (Balzac and Souverain, 71).

⁴ 22 августа 1848 г. Учредительное собрание в специальном заседании отклонило законопроект о «любобовных сделках» между кредиторами и должниками, несмотря на резкие протесты представителей мелкой буржуазии, очутившейся теперь под угрозой банкротства. «Мелкая буржуазия в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она беспрerkословно предала себя в руки своих кредиторов» (Маркс К., Классовая борьба во Франции.—Маркс и Энгельс, Сочинения, VIII, 30).

⁵ У Юрия Мнишка, зятя Ганской. См. об этом выше, в гл. VI, письмо Бальзака к Уварову от 14 июля 1848 г.

⁶ О холере 1848 г. см. выше, в гл. V.

3

Верховня, 8 октября 1848 г.

Любезнейший и добрейший г. Гаккель,

Прошу вас оказать мне еще одну любезность. Если министр финансов¹ даст разрешение на мой багаж, позвольте мне не возвращаться в Радзивиллов, потому что я, признаться, несколько уstraшен чрезмерными тратами, которые вызовет этот переезд и которые превысят расходы по путешествию из Парижа до Радзивиллова. Поскольку я делил их с графом Мнишек, мое путешествие обошлось в 220 франков; а если ехать одному, поездка в Радзивиллов в один только конец обойдется вдвое дороже. Мне нужно перевезти багаж, который не поместится в одну кибитку, и эта тысяча франков составит тем более обременительный для меня расход, что я должен еще съездить в Киев представиться генерал-губернатору. Это ужасная вещь, уверяю вас, при настоящем финансовом положении Франции.

Вы так добры, так внимательны ко мне, что я слепо полагаюсь здесь на вас. Если, с разрешения министра, будет получен пропуск через таможню и можно будет выслать мне мои вещи, не вскрывая трех упаковок, то вы доставили бы мне большое удовольствие, сообщив об этом, и я был бы искренно признателен вам.

Если же вы не можете сделать этого, тогда вызовите меня в Радзивиллов, и небольшое денежное огорчение будет возмещено удовольствием видеть вас, равно как и добрую и обаятельную г-жу Гаккель, которой я здесь свидетельствую мое нижайшее почтение.

На случай, если бы вы смогли пощадить мой кошелек, увы, очень отошавший за время революции, я присоединяю здесь письмо для русского консула², который получит у Гальперина в Бродах³ необходимые средства для оплаты накладной; прося его об этой небольшой услуге, я разъясняю ему, как отправить в Бердичев эти три укладки.

Я, разумеется, подожду вашего ответа, прежде чем ехать в Киев, потому что, если министр, паче чаяния, не согласится на пропуск моего багажа,— что позволило бы вам исполнить мою просьбу,— я выхлопочу в Киеве разрешение отправиться в Броды за своими вещами. Я едва отдохнул от долгой и утомительной дороги, и эта поездка на границу изнурила бы меня окончательно. Итак, я всецело в ваших руках. А потому надеюсь, что, если министр отнесется ко мне благосклонно, вы будете столь добры и избавите меня от трат и утомления.

Во всяком случае, зная ваше дружеское отношение ко мне, я всецело полагаюсь на вас. Примите заранее мою благодарность, а также глубокую признательность за вашу прежнюю любезность и уверение в почтении, которое я питал и всегда буду питать к вам.

В[аш] н[икакой] и п[окорнейший] слуга

де Бальзак

Мой адрес: в Верховню, близ Бердичева.

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф.—Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 147.

¹ Министром финансов был в это время (с 1844) Ф. П. Вронченко (1779—1852). Переписку с ним Бальзака (см. следующие письма к Гаккелю) не удалось разыскать. На свой запрос в ЛОЦИА редакция «Литературного Наследства» получила следующий ответ от 5 марта 1937 г.: «Центральный государственный архив народного хозяйства сообщает, что в материалах фондов министерства финансов не сохранилось ни переписки Бальзака с министром финансов Вронченко, ни переписки начальника радзивилловского таможенного округа П. Ф. Гаккеля с министерством финансов, ни других каких-либо документов по вопросу о разрешении пропуска вещей Бальзака, задержанных в 1848 году в радзивилловской таможне».

² Русским консулом в Бродах был в это время Эдуард Георгиевич Краузе. Бальзак познакомился с ним еще во время первой своей поездки на Украину, в 1847 г., и отозвался об этом знакомстве так: «Я нашел в русском консуле в Бродах человека весьма любезного, каковы почти все русские должностные лица за границей» (*Lettre sur Kiew*, 46).

³ Банкирский дом, который, по словам Бальзака, «царствовал в Бердичеве» (*Lettre sur Kiew*, 44—46) и имел отделение в Бродах. Некоторые посылки из Парижа писатель поручал направлять по адресу: «г. де Бальзаку, в Броды, банкирский дом Гальперин и сыновья» (*Balzac and Souverain*, 77).

4

Верховня, 12 октября 1848 г.

Любезный и добрейший г. Гаккель,

Я не выслал вам ключей вместе с первым письмом только потому, что не знал, как это сделать, и, не зная здешних законов и обычаев, боялся нарушить существующие правила. Но тотчас же по получении вашего письма я послал ключи в Бердичев Зильберштейну, и теперь, благодаря вашему обещанию, я спокоен. Не знаю, как благодарить вас за доброе письмо, служащее для меня свидетельством дружбы, которая заставила бы меня полюбить Россию, если бы у меня и без того не было стольких оснований питать сердечную привязанность к ней. Что за страна, где можно найти человека такого сердца, как ваше, человека, сочетавшего ум и изящество с умением оказывать услуги! Не думайте, что я отказываюсь от удовольствия видеть вас и провести день в кругу вашей семьи. Мы старые друзья, и я могу признаться вам, что, к счастью для меня, мне суждено часто ездить из Радзивиллова в Париж и *vice-versa*^a, и потому если не по пути из Парижа, когда я очень тороплюсь к своим друзьям, то, по крайней мере, возвращаясь, я смогу вознаграждать себя за огорчения, причиняемые

^a Обратно.

мне разлукой с ними. В противном случае вы не любите бы меня. Вы слишком знаете жизнь и понимаете, что чувства требуют взаимности.

Итак, на этот раз я шлю вам письменную благодарность за заботы. Не зная, когда я буду в Париже, я хочу исполнить обещание, данное г-же Гаккель; она доставила мне чрезвычайное удовольствие, благосклонно отозвавшись о моих произведениях, и я уже принял меры, чтобы их выслали в Броды к г. Краузе. По рассеянности я забыл упомянуть об этом в своем последнем письме и надеюсь, что, несмотря на задержку пересылки, г-жа Гаккель будет иметь полного Бальзака к новому году¹. Если я помогу вам этим сократить несколько зимних вечеров, то тем самым, находясь душою с вами, начну расплачиваться за вашу доброту.

Я надеюсь, что вы не откажете в любезности передать г. Давыдову, что одна из моих трех упаковок с вещами, самая важная, запертая на два замка, заколочена вдобавок крышечкой на гвоздях; а потому, по открытии ключами, крышечку нужно приподнять д о л о т о м и осторожно. Во второй упаковке, с обувью и разными свертками, находятся три или четыре моих трости, положенные поперек; ввиду ценности набалдашников, прошу вас приказать получше уложить их, чтобы они не поломались, ибо, строго говоря, им там не место.

Тысячу извинений за эти мелкие, но очень нужные подробности, которыми, однако, я больше не буду надоедать вам, потому что непостижимое запаздывание дилижансов заставляет меня отказаться от отправки вещей этим путем, и в дальнейшем я уже не буду расставаться с ними. Вот уже месяц, как весь мой багаж состоит из небольшого дорожного мешка, с которым я приехал, и вы не можете себе представить всех моих лишений. Если бы рассказать вашему министру финансов, что я осужден щеголять все время в одних и тех же панталонах, он выслал бы разрешение быстрее, ибо подобное наказание не значится ни в одном из известных уголовных кодексов.

Будьте добры попросить г. Краузе, прежде чем платить по накладной, удостовериться, что все три упаковки — в сохранности, ибо запоздание крайне беспокоит меня; передайте ему тысячу благодарностей и не забудьте предупредить его о посылке, какую он получит для г-жи Гаккель.

Передайте вашей супруге мое глубокое почтение и примите выражение сердечного уважения, с которым я имею честь пребывать в[ашим] н[ижайшим] и п[окорнейшим] слугой.

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф.—Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 149.

¹ В своем письме к издателю Houssiaux от 26 октября 1848 г. Бальзак дает поручение о высылке в Радзивиллов одного экземпляра «Человеческой комедии» по адресу: «Г-ну Краузе, русскому консулу в Бродах, для передачи его превосходительству генералу Гаккелю, статскому советнику, начальнику пограничного округа, кавалеру многих орденов и пр., в Радзивиллов» (Balzac and Souverain, 76—77). Здесь это письмо Бальзака опубликовано с неправильной датой 1844 г. вместо нужного 1848 г.

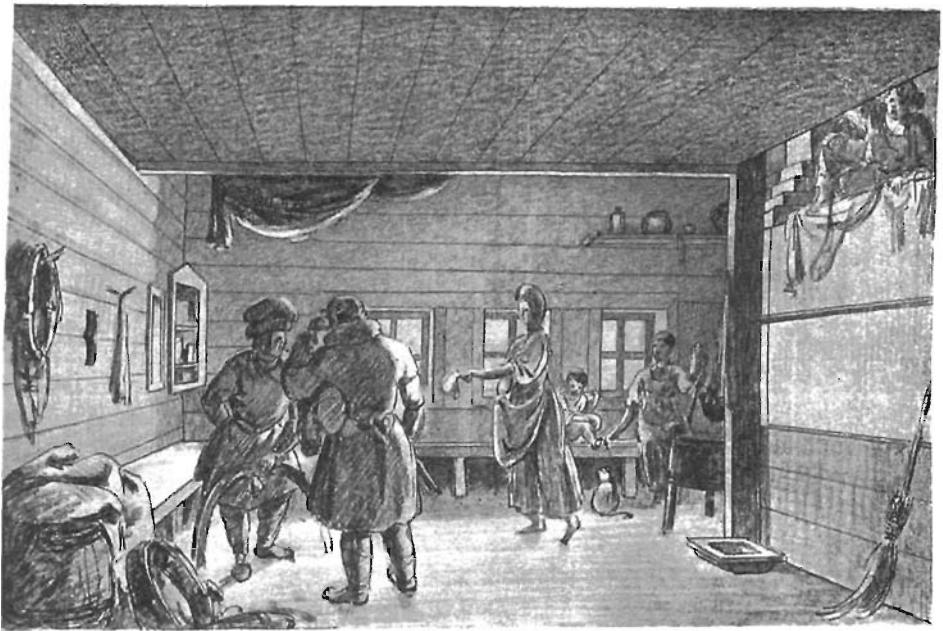
Любезный и добрейший г. Гаккель,

Тысячу извинений за все доставленные вам хлопоты. Но не приходите в отчаяние и потерпите еще немного. Я написал министру, прося об изменении всех его распоряжений на б е з у с л о в н о е р а з р е ш е н и е пропуска моих вещей после вскрытия упаковок; я объяснил ему, что поеду в Петербург и Москву лишь через несколько месяцев¹ и не могу обходиться без вещей.

Таким образом, задержка не меняет ничего, но попросите г. консула сообщить торговому дому, который должен получить мои укладки в Бродях, чтобы они написали в Краков и во Львов, и чтобы написали поскорее.

Наконец, если вы совершаете объезд, прошу вас сказать г. Краузе, чтобы подождали вашего возвращения и чтобы представили мои укладки в вашу таможеню, ибо потребуются добрых три недели, пока министр получит мое письмо и пока ответ придет в Радзивиллов.

Теперь я хорошо искушен в таможенных порядках и в другой раз захвачу с собой слугу, дабы больше не расставаться со своими вещами.

ВНУТРЕННИЙ ВИД ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ

Рисунок К. Зеленцова

Исторический музей, Москва

Примите выражение моих дружеских чувств и передайте вашей супруге и дочерям почтительный поклон имеющего честь пребывать в[ашим] н[ижайшим] и п[окорнейшим] [слугой]

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф.—Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 152.

¹ Этого своего намерения Бальзак, как известно, не осуществил.

Добрейший и любезнейший г. Гаккель,

Итак, вы кладете конец моим злоключениям, которые становятся невыносимы, ибо я более не в силах ходить в дорожном платье! Министр письмом доверяет в а м вскрыть мои вещи и предусматривает даже случай, если у меня окажутся запрещенные предметы; он поручает вам отправить список, чтобы он мог вынести решение. Но, умоляю

вас, теперь, когда я нахожусь в ваших руках, напишите министру, что мои укладки не заключают в себе ничего, кроме обыденных вещей, и отправьте их на Бердичев. Тем самым вы дадите мне возможность работать, прилично одеться и благословлять вас.

Надеюсь, что вы вернулись из объезда в добром здоровье и что вы сможете избавить меня от дальнейших ожиданий, ибо, если потребуется еще обращение к г. Вронченко, лучше оставить все в Бродах, так как на ответ от него нужен будет целый месяц.

Заранее благодарю вас за все ваши услуги, но уверен, что рано или поздно увижу вас лично. Министр милостиво предоставил все на ваше полное усмотрение! Будьте добры выразить мое глубокое почтение вашей супруге и милым дочкам и примите выражения живой признательности и всех чувств, с которыми имею честь пребывать вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф. — Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 153.

7

Верховня, 6 декабря [1848 г.]

Добрейший и любезнейший г. Гаккель,

Приношу вам тысячу благодарностей за вашу доброту и заверяю вас, что она принесла свои плоды: мои вещи со мной, особенных повреждений нет. Только лампа совершенно разбита, но я выпишу другую и выхлопочу у министра разрешение на ввоз.

Я получил письмо от моего издателя¹ с сообщением, что вам выслан в адрес г. Краузе в Бродах экземпляр моего Полного собрания сочинений, который я прошу вашу супругу принять. Посылка находится в дороге. В ней имеются, кроме того, научный труд и две книги для меня, которые я просил бы запломбировать для цензуры в Киеве и при случае отослать мне².

Я почту за счастье в первый же раз, когда буду проездом в Радзивиллове, сделать на каждой книге небольшое упоминание о подношении; это является авторской привилегией, и мне хотелось бы воспользоваться ею в данном случае³.

Передайте, пожалуйста, мое глубокое почтение вашей супруге, напомните обо мне барышням и примите выражение сердечного уважения, с которым я имею честь пребывать в[ашим] н[ижайшим] и п[окорнейшим] [слугой].

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф. — Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 154.

¹ Издатель Бальзака, Ипполит Суверэн, вошел с ним в деловые сношения еще в 1835 г. и с тех пор не переставал выпускать его крупнейшие произведения. Переписка с ним романиста и ряд заключенных ими договоров и других деловых документов были недавно опубликованы отдельным томом в Нью-Йорке (см. Balzac and Souverain).

² «Научный труд» — повидимому, «Словарь медицинских наук» (Dictionnaire des sciences médicales), ср. ниже с письмом Бальзака к барону Шодуару от 15/27 декабря 1848 г. «Две книги для меня» — два экземпляра «Бедных родственников» («Кузина Бетта» и «Кузен Понс»). О высылке этих книг Бальзак писал к Houssiaux 26 октября 1848 г. (Balzac and Souverain, 76—77. — Письмо неправильно отнесено издателем к 1849 г. вместо нужного 1848 г.).

³ М. П. Гаккель сообщал Шпульберку де Лованжулю 22 октября 1891 г.: «...Я прочел с восхищением уже в 20-летнем возрасте «Человеческую комедию» в издании Фюрн и К°, 1846—1847, каждый том которого носит автограф Бальзака: «Господину Гаккелю в знак уважения от автора» («Звезда», 1934, II, 165). Это первое издание

«Человеческой комедии»: «*Euvres complètes de M. de Balzac, édition en 17 volumes in-8°, publiée par Furne, J.-J. Dubochet et J. Hetzel de 1842 à 1848*»; издание иллюстрировано гравюрами с рисунков Мейсонье, Анри Монье, Тони Жоанно и др.; оно просмотрено и переработано автором; после смерти Бальзака это собрание сочинений было закончено тремя дополнительными томами в издании Houssiaux (XVIII—XX), Р., 1855.

8

Верховня, ^{22 декабря [1848 г.]}
3 января [1849 г.]

Добрейший и любезнейший г. Гаккель,

Будьте настолько любезны засвидетельствовать г. Краузе мою признательность за его заботы, пока я не смогу сам что-нибудь сделать для него.

У вас есть, насколько мне известно, «Человеческая комедия»; для меня должны притти два экземпляра дополнительного тома и том Вика о «Сооружениях»¹. Я взываю к вашей доброте и прошу вас запломбировать эти книги для цензуры и отослать их мне сюда. Но я просил бы вас подождать с этой посылкой, потому что будет еще и другая. Из Парижа мне должны прислать большой «Словарь естественной истории»² для графа Мнишек и о д н о в р е м е н н о две железных коробки с шоколадом³. Тогда г. Краузе мог бы соединить эти две посылки—ту, которая пришла, и ту, которая придет, и переслать их мне через посредство конторы Гальперина, который, несомненно, имеет мою фактуру в Радзивиллове.

Простите, что я докупаю столь высокому должностному лицу, как вы, такими мелочами. Но я вижу в вас не начальника пограничной стражи, а доброго и отменного друга.

Мои здешние друзья были тронуты тем, что вы сожалели о невозможности заехать сюда; вы и ваше семейство были бы встречены сердечно, потому что мои друзья считают, что кто обязывает меня, обязывает их самих; они безгранично признательны вам за то, что вы отнеслись ко мне так, как отнеслись бы они сами. Они всегда останутся признательны вам, им говорили так много похвального о г-же Гаккель, что они уже знают ее. Передайте же ей мое глубокое и сердечное почтение и примите мои пожелания, чтобы вы и ваше семейство были в добром здоровье и чтобы все шло по вашему желанию.

Примите благодарность и дружеские чувства, с которыми я счастлив неизменно пребывать в[ашим] н[ижайшим] и п[окорнейшим] [слугой].

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф.—Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 155.

¹ Книга Вика о гидравлических известях и бетонах понадобилась Бальзаку для имения Ганской, где изыскивали способ укрепления прудовых плотин. Об этой книге Бальзак пишет из Верховни своей матери 26 октября 1848 г., прося ее узнать у Сюрвилля точное заглавие: «Попроси Суверэна приобрести ее за мой счет и переслать мне ее через контору дилижансов; нужно получить пломбу на эту книгу в радзивилловской таможне и представить ее в киевскую цензуру» (*Correspondance*, II, 336). Ср. также ниже письмо Бальзака к барону Шодуару от 15/27 декабря 1848 г. и *Balzac and Souverain*, 77.

² Под «большим словарем естественной истории» Бальзак имеет в виду «*le Grand Dictionnaire d'Histoire Naturelle*» A. d'Orbigny, который он выписал через своего издателя Суверэна в октябре 1848 г. (*Balzac and Souverain*, 76.—Цитируемое письмо Бальзака неправильно отнесено здесь издателем к 1849 г. вместо нужного 1848 г.).

³ Парижский шоколад прибыл в Верховню 7 апреля 1848 г., но в сильно поврежденном виде, так как в таможне изъяли газеты, которыми были заполнены пустоты ящика. По этому поводу Бальзак просит свою мать в письме от 9 апреля 1849 г. не заполнять коробок французскими газетами, ибо этого может оказаться достаточным для его высылки из России; даже инструкция о пользовании лампой, выписанной Бальзаком

из Парижа, поступила, по его словам, в петербургскую цензуру, где в ней пытаются раскрыть тайный политический смысл (*Correspondance*, II, 390).

9

Вархония, 3/15 февраля [1849 г.]

Добрейший и любезнейший г. Гаккель,

Спасибо вам за доброе и милое письмо, которое я получил от вас несколько дней тому назад; прошу вас не забыть обо мне при встрече с превосходнейшим г. Краузе.

«С л о в а р ь е с е с т е с т в е н н о й и с т о р и и», который я жду, не может быть выслан мне раньше конца марта, ибо последний том появится только в феврале, т. е. через две недели. Но мне послали конфеты, о которых я говорил вам, вместе с другими книгами и вложили пару щипцов, затребованных мной в качестве образца, дабы наладить в России это производство. На самом деле, этот предмет здесь настолько в загоне, что я не мог найти его нигде, а ремесленники, несмотря на все пояснения, даже не понимают, что это такое. В России нет каминов, а потому, вероятно, нет и таможенного запрета на этот совершенно незнакомый прибор; поэтому я почел себя обязанным снабдить вас образчиком. Может быть, я заблуждаюсь, но я рассчитываю на вашу доброту и надеюсь, что ввоз в Россию этой диковинки не будет запрещен.

Когда придет эта вторая посылка, не будете ли вы добры запломбировать все книги, чтобы я отослал их, по примеру предыдущих, в киевскую цензуру, и вынуть из этой посылки две коробки и щипцы, попросив радзивилловского представителя Гальперинов послать пакет возможно скорее в их контору в Бердичев на мое имя, потому что конфеты в конце концов могут пропасть. Этот пакет тоже адресован в Броды, г. консулу; прошу вас выразить ему мою благодарность за все заботы и любезности в отношении меня, пока я не смогу лично засвидетельствовать ему свою признательность. Знакомством с ним и его добрыми услугами я отчасти обязан вам; но как еще сочетать с этим то, что я уже питаю в сердце к вам!

Надеюсь, что вы будете добры передать вашей супруге уверение в моем почтении и напомнить обо мне вашим дочкам. Боюсь, как бы г-жа Гаккель не нашла «Человеческую комедию» грубым шаржем. Скажите ей, что это в небольших дозах превосходный яд, который становится опиумом, если их увеличивают.

Дом Гальперинов оплатит все издержки в Бродях и Радзивиллове; я договорился с ним здесь. Вопрос к таможене: облагают ли у вас скрипки? Я жду прибытия двух-трех скрипок, они предназначаются для подарка. Возьмут ли с меня за право ввоза? Как поступают у вас с королем инструментов?

Позвольте послать вам тысячу выражений дружбы и засвидетельствовать вам свою сердечную преданность.

де Бальзак

Адрес: Генералу Гаккелю,
начальнику русской пограничной стражи
в Радзивиллове

Автограф. — Collection Lovenjoul. A. 283 Fo. 169.

Бальзак — барону С. И. Шодуару

Два публикуемых ниже письма Бальзака не имеют иных указаний на адресата, кроме обращения к «барону», киевскому ученому. Фамилию «барона» пришлось угадывать по косвенным признакам.

В киевском обществе, окружавшем Бальзака, была одна баронская фамилия — Шодуары. Они владели имением Ивницы близ Житомира. В имении была богатая библиотека с рукописной частью, где сохранялись разные автографы. После революции библиотека и рукописи Шодуаров поступили частично в библиотеку Всеукраинской академии наук и в Институт польской пролетарской культуры. После ликвидации этого института и вторая часть научных собраний из имения Шодуаров перешла во Всеукраинскую академию наук. Здесь и были обнаружены два публикуемых

письма Бальзака. Таким образом, их происхождение из библиотеки Шодуаров почти с несомненностью устанавливает и личность адресата этих писем, которого Бальзак называет «ученым» и к которому обращается, как к лицу влиятельному в киевском обществе. Этим лицом мог быть лишь барон Станислав Иванович Шодуар (1792—1858), известный нумизмат, почетный смотритель Киево-Печерского дворянского училища и член совета Киевского института. В 1841 г. он был в числе основателей киевского «Исторического общества» вместе с Фундуклеем, Юзефовичем, Ржевуским и др. Общество не было утверждено, но в 1843 г. была учреждена Киевская временная комиссия для разбора древних актов, в работах которой Шодуар принимал деятельное участие (Иконников В. С., Киев в 1654—1855 гг. Исторический очерк, К., 1904, 281, 297).

I

Барон,

Верховня, 15/27 декабря [1848 г.]

Имею честь просить вас оказать мне небольшую услугу—использовать, в пределах возможного, свое влияние на киевских цензоров, чтобы я мог незамедлительно получить экземпляр «Словаря медицинских наук», который мне хочется преподнести 1 января д-ру Кноте¹. Книга будет отправлена в Киев графом Мнишек, она снабжена пломбой радзивилловской таможни. Поскольку это труд чисто научный, я надеюсь, что для цензуры такая снисходительность не представит затруднений.

Примите, барон, заранее мою благодарность за хлопоты: если бы я не боялся злоупотребить вашей любезностью, я просил бы вашего содействия к получению второй посылки, которая состоит из двух экземпляров одного из моих сочинений и т р у д а В и к а о б и з в е с т и²; эту посылку я также направляю в цензуру; по моим сведениям, она уже пришла в Радзивиллов.

Wien, den 15. Dec. 1848

Baron Stanislas Schodauer

Je vous prie de vouloir bien me faire parvenir l'exemplaire du Dictionnaire des Sciences Médicales que je vous ai demandé par votre lettre du 10 courant. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible.

Je vous prie de vouloir bien me faire parvenir l'exemplaire du Dictionnaire des Sciences Médicales que je vous ai demandé par votre lettre du 10 courant. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible. Je vous prie de vouloir bien me le faire parvenir par la poste, afin qu'il puisse me parvenir le plus tôt possible.

АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЛЬЗАКА К С. И. ШОДУАРУ ОТ 15/27 ДЕКАБРЯ 1848 г.

Всеукраинская академия наук, Киев

Не гневайтесь на меня, барон, за злоупотребление знакомством, которым вы удостоили меня в Верховне; вините в этом то обстоятельство, что вы—ученый. Я всегда находил ученых такими любезными и предупредительными, а основываясь на наших прошлогодних встречах в Киеве, я решил, что вы должны еще превзойти мое доброе мнение о них.

Примите, барон, выражение моих почтительнейших чувств, с которыми остаюсь вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

де Бальзак

Автограф.—Рукописное отделение библиотеки ВУАН, Киев.

¹ Доктор Кноте—верховенский врач, которого Бальзак высоко ценил. Он пишет о нем с большими похвалами своей сестре и Зюльме Карро: «Здесь у меня развилась ужасающая болезнь сердца, подготовленная пятнадцатью годами каторжных работ, и вот я уже восемь месяцев в руках врача, состоящего при замке и поместях моих друзей и представляющего собой—в глуши Украины—великого медика» (С o r r e s p o n d a n c e, II, 416, 421).

² См. об этих книгах выше, в примечаниях к письмам Бальзака к Гаккелю.

2

[Конец декабря 1848 г.—начало января 1849 г.]

Барон,

Прошу вас принять мою благодарность за услугу и особенно за любезную поспешность, с какой вы ее оказали. Книга эта—новый «Словарь медицинских наук», который мне хотелось преподнести д-ру Кноте.

Позднее я получу еще некоторые книги, выписанные мною из Парижа, и опять прибегну к вашей любезности. Однако, верьте, что моя благодарность далека от всякого другого чувства, кроме признательности за милое письмо, написанное вами в ответ на мою просьбу.

Примите, барон, подтверждение моих наилучших чувств, с которыми пребываю вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

де Бальзак

Автограф.—Рукописное отделение библиотеки ВУАН, Киев.

Бальзак—В. Ф. Ленцу

Автограф публикуемого письма поступил в Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград, в 1857 г. от статского советника Ленца одновременно с автографами писем Шопена, Листа, Берлиоза и Сю («Отчет Публ. библ. за 1857 г.», стр. 98).

На верхнем поле имеется полустертая карандашная надпись бывшего владельца автографа: «Original von Balzac an mich. Paris 42».

Тем самым с несомненностью устанавливаются адресат и дата публикуемого письма. Корреспондент Бальзака—петербургский чиновник и довольно известный музыкальный критик В. Ф. Ленц; в письмах Бальзака к Ганской подробно изложена история их знакомства.

[Париж, октябрь 1842 г.]

Сударь,

Я чрезвычайно тронут вашей милой настойчивостью, но ваш приезд совпал у меня со множеством работ, которых требуют от меня журналы, и с рядом тягостных забот, которые не дают мне покоя. Я с удовольствием принял бы вас у своей сестры, г-жи Сюрвиль (28, rue du Faubourg Poissonnière), завтра, в пятницу, от двух до трех часов полудни. Мне хотелось предложить вам завтрак в обществе г. Гозлана и В. Гюго, но первый занят на репетициях своей комедии, а второй находится на даче¹.

Примите мой самый горячий привет и выражение моих наилучших чувств.

де Бальзак

Автограф.—Рукописное отделение Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

¹ 19 октября 1842 г. Бальзак писал Ганской: «Здесь один русский изводит меня просьбами о свидании; зовут его г. Ленц. Я избегаю всех русских, чтобы не породить сплетен, но этот проявляет исключительную настойчивость. Он допустил даже некоторую оплошность, полагая, что меня можно увидеть, пригласив на обед. Я только что ответил ему, что в Париже не русские должны принимать парижан, но парижане русских, что он напрасно считает меня единственным талантом во Франции и что я угощу его обедом в Роше де Канкаль в обществе мыслителей и поэтов». 21 октября 1842 г. Бальзак продолжает: «Я виделся с русским у моей сестры; это чиновник петербургского министерства юстиции... О вас я не произнес ни слова, но служба этого молодого чиновника в министерстве юстиции заставила меня быть чрезвычайно обходительным с ним [намек на процесс Ганской]. Я пригласил его на будущий четверг на обед в Роше де Канкаль в обществе Гюго, Леона Гозлана и одного из моих друзей, столь же остроумного, как они...». 29 октября Бальзак сообщает: «Третьего дня мы, обедали с русским, и хотя мой друг-художник заболел и не мог присутствовать, обед удался на славу. Г-н Ленц должен был почувствовать, что мы богаты интеллектами, если не капиталами. Этот молодой или старый чиновник, ибо такие лица не имеют возраста, уезжает в Петербург. Я подумал было вручить ему маленькую посылку (перстень для вас), но на вопрос «кому? для кого?» я ответил, что, вероятно, не смогу приготовить это ко дню его отъезда, который назначен на послезавтра. Если он может быть полезен вам, вы мне сообщите. Посылку же доверю только какому-нибудь французу из посольства» (С o g g r e s p o n d a n c e, II, 72—73). В письме от 11 ноября 1842 г. Бальзак пишет: «А я, признаться, не знал, что имел друга в лице князя Дашкова (le prince d'Askoff), бывшего министра юстиции, ныне покойного. Об этом сообщил мне молодой Ленц» (там же, 77). Ганская, видимо, дала о Ленце в ответном письме весьма отрицательный отзыв, так как Бальзак пишет ей 7 декабря 1842 г.: «Нам, Гозлану, Виктору Гюго и мне, не нужно было ожидать вашего отзыва, чтобы самим убедиться в том, что г. Ленц сумасшедший. Но зачем же бранить меня за то, что я сделал? Вы не знаете, каким преследованиям я противостоял. Он был семь или восемь раз у моих книготорговцев, он постоянно писал мне, и, что бы вы ни говорили, нужно признать, что это было достаточно унижительно—позволить третировать себя в Париже русскому» [Бальзак, очевидно, имеет в виду приглашение на обед, полученное им от незнакомого иностранца.—Л. Г.] (С o g g r e s p o n d a n c e, II, 87). Впрочем, из дальнейших сообщений видно, что французские писатели вели с Ленцем весьма содержательные беседы: «Во время обеда в Роше де Канкаль Гюго удивил русского, заявив: «Я знаю, что я заставлю страдать Бальзака, утверждая, что Расин был посредственным человеком, ибо он верен Расину...». — «До последнего издыхания, отвечал я, ибо в нем совершенство. «Берениса» никогда не будет превзойдена, «Гофолія» — самая романтическая и самая смелая из всех существующих пьес и «Федра» — величайший образ новейшего театра» (С o g g r e s p o n d a n c e, II, 94). Отвечая Ганской, Бальзак сообщает 22 декабря: «Я более не видел Ленца» (С o g g r e s p o n d a n c e, II, 96). Очевидно Ганская виделась в Петербурге с Ленцем и беседовала с ним о Бальзаке, ибо 2 марта 1843 г. очередное «письмо к иностранке» сообщает: «Маленький Ленц может быть вам полезен; нередко крыса прогрызает сеть; но, между нами, я нахожу его немного неблагодарным, после исключительного приема, который я оказал ему» (С o g g r e s p o n d a n c e, II, 117). Во время пребывания Бальзака в Петербурге, Ленц виделся с ним и рассказал об этом в своих воспоминаниях («Русский Архив», 1878, I, 441).

Упоминаемый в письме к Ленцу Леон Г о з л а н — французский журналист и друг Бальзака (1803—1866). Он создал жанр особой интимной и анекдотической биографии великого писателя, отчасти возродившийся во Франции в наши дни. Такова его книга «Balzac en pantoufles», J. Hetzel et Cie, Bruxelles, 1856 (неоднократно переиздавалась). Вскоре после смерти Бальзака отрывки из этой книги Гозлана появились и на русском языке: Г о з л а н Леон, Воспоминания о Бальзаке.—«Библиотека для Чтения», 1854, СХХIII, и «Московские Ведомости», 1854, № 5.

II. ДВЕ ЗАПИСКИ БАЛЬЗАКА: ЭД. ВЕРДЕ И ГРАФМ САН-СЕВЕРИНО

Б а л ь з а к — Э д . В е р д е

Эдмон Верде был одним из самых деятельных издателей Бальзака в 30-е годы; он даже стремился стать его единственным издателем. В 1834 г. он приобрел у Бальзака за 36 000 франков право издать его «Этюды нравов в XIX веке» в 12 томах и вскоре затем приступил и к другому собранию сочинений Бальзака, в 20 томах, под общим заглавием «Философские этюды». Эдмон Верде опубликовал свои воспоминания о Бальзаке в книгах: 1) «Portrait intime de Balzac; sa vie, son humeur et son caractère. Par

Edmond Werdet, son ancien libraire-éditeur». P., E. Dentu, A. Silvestre, 1859; 2) «Souvenirs de la vie littéraire: Portraits intimes: Maurice Alhoy, Godefroy Cavaignac, Honoré de Balzac, Léon Gozlan, Jules Sandeau». P., E. Dentu, 1879.

В первой книге помещены пять писем Бальзака к Верде, из которых четыре вошли позднее в *Correspondance*, №№ 101, 152, 168, 169, а пятое не было перепечатано (Roussé (W.-H.), *A Balzac bibliography*. Chicago, [1929], 225—226). Мы публикуем шестое письмо Бальзака к Верде, до сих пор остававшееся неизданным.

Maître Верде,

[1836—1837 г.]

Раз «Неведомый шедевр» вошел в XVIII том, следует оставить «Заупокойную обедню атеиста» и «Фачино Кане» для XIII тома.

Посылаю вам «Заупокойную обедню атеиста», передайте ее Бодуэну и постарайтесь, чтобы ваш друг просмотрел ее.

«Заупокойной обедней атеиста» начинается XIII том, похлопочите, чтобы сегодня же выправили ее—завтра я просмотрю «неизданный этюд», который следует непосредственно после «Заупокойной обедни атеиста». Я из сил выбиваюсь, чтобы написать 3-й выпуск, который согласовался бы со вторым и четвертым. «Фачино Кане» попадет за этим неизданным этюдом, таким образом, на этой неделе мы будем иметь полностью тома XIII и XVII. Плон отпечатает нам два тома «Проклятого дитяти» и «Бургонь ле Федон»; вы сможете выпустить их в свет 5 окт[ября].

Но, ради бога, добейтесь от вашего друга Бодуэна просмотра корректур 3-го выпуска. Неизданный этюд называется «Тайна Руджиери», следовательно, в этом выпуске вы будете иметь почти все неизданное. Только «Красная гостиница» и 1-я часть «Проклятого дитяти» известны читателям¹.

Автограф.—«Альбом автографов П. А. Вяземского». ГАФКЭ, Москва.

¹ Письмо относится ко времени выхода 20-томного собрания сочинений Бальзака в издании Эдмона Верде под общим заглавием «Философские этюды»: *Etudes philosophiques par M. de Balzac*, 4-е édition, revue et corrigée. Paris, Librairie de Werdet 18, rue de Quatre-Vents (Sèvres, impr. A. Barbier), 1835—1840, in-12°. Произведения, названные Бальзаком, вышли в этом издании в 1836—1837 гг., чем определяется приблизительная дата написания этого делового сообщения. Все издание делилось на томы и объединяющие их выпуски или серии (*livraisons*), каждый выпуск состоял из пяти томов, все издание—из четырех выпусков-серий.

Бальзак—графам Сан-Северино

О графине Фанни Сан-Северино Порция, сестре князя Альфонса Сан-Северино, камергера австрийского императора, см. Gigli (Giuseppe), *Balzac in Italia*, Milano, 1920, 7. Письмо ее к графине Маффей с рекомендацией Бальзака см. Cuvres (Conard), XIX, 369.

[Милан, 1837 г.]

Г-н Бальзак заходил, чтобы засвидетельствовать свое уважение графине Сан-Северино и побеседовать с графом относительно некоторых сведений, касающихся миланской провинции; он просит графа Сан-Северино сообщить, в котором часу можно было бы явиться к нему с уверенностью застать его дома, чтобы выразить свое почтение.

Автограф.—«Альбом Голицына», ГАФКЭ, Москва. Фонд 86, стр. 47.

III. ПИСЬМА СКУЛЬПТОРА Н. А. РАМАЗАНОВА О ЕГО ПУТЕШЕСТВИИ С БАЛЬЗАКОМ

Возвращаясь осенью 1843 г. из Петербурга в Париж, Бальзак часть пути до Дрездена проделал вместе с молодым русским скульптором Н. А. Рамазановым. Последний оставил об этом путешествии чрезвычайно живые и содержательные записи. Рамазанов заносил чуть ли не на каждой почтовой станции в путевой дневник свои впечатления от знаменитого французского писателя и свои разговоры с ним, часто на весьма значительные темы (преимущественно об искусстве). Страницы эти переносились художником в письма к родным. Все это придает его сообщениям характер большой непосредственности и достоверности. Во всей обширной мемуарной литературе о великом романисте мы не встречали более полной и содержательной записи о «Бальзаке

Н. А. РАМАЗАНОВ

Акварель М. Ф. Каменской

Собрание И. И. Рыбакова, Ленинград

в дороге», и немногие сохранившиеся «разговоры» с ним содержат столько его высказываний о скульптуре, архитектуре и живописи.

Автор эти путевых заметок, Николай Александрович Рамазанов (1817—1867), — скульптор и писатель по вопросам искусства, был воспитанником Академии художеств, где учился у Б. И. Орловского и С. И. Гальберга. В 1836 г. он получил 2-ю серебряную медаль за лепку с натуры, в 1837 г. — 1-ю серебряную медаль за барельеф, изображающий «Искушение в пустыне», в 1838 г. — 2-ю золотую медаль за группу «Милон Кротонский, терзаемый львом», в 1839 г. оканчивает курс Академии с 1-й золотой медалью за скульптуру «Фавн с козленком». Он приступает затем к работе над статуями «Весна» и «Леда» для Зимнего дворца и участвует в исполнении памятников: Карамзину в Симбирске и Державину в Казани, оставшихся неоконченными после смерти С. И. Гальберга, осуществляя вторую работу в сотрудничестве с К. М. Климченко. По окончании этих работ Рамазанов вместе со своим сотрудником отправляется пенсионером Академии в Рим, куда и выезжает в конце сентября 1843 г. в одном дилижансе с Бальзаком.

Впоследствии, с 1847 по 1866 гг., Рамазанов состоял преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и сотрудничал по вопросам искусства в «Русском Вестнике» и «Москвитянине», защищая традиции классицизма в живописи и скульптуре. В 1849 г. он получил звание академика, в 1858 г. — профессора скульптуры. Рамазанов интересен и как мемуарист: его воспоминания о Брюллове, о Сильвестре Щедрине, «об отжившем театральном мире Петербурга и о пребывании В. А. Каратыгина в Риме» сообщают ряд ценных сведений. В 1863 г. в Москве им были изданы «Материалы для истории художеств в России». Литературная деятельность этого скульптора-искусствоведа встретила одобрение Ф. И. Буслаева. Рамазанов оставил большое количество скульптур и рисунков, в том числе бюст Пушкина, маску и бюст Гоголя, эскизы группы «Освобождение крестьян», фигуры для московской этнографической выставки и др. («Русский биографический словарь», том Притвиц—Рейс, П., 1910, 482—487. «Воспоминания о Н. А. Рамазанове». — «Голос», 1867, № 329).

Письма Рамазанова, в которых подробно описано его путешествие из Петербурга в Рим в 1843 г., после смерти скульптора были напечатаны в «Русском Вестнике» (1877, XI; 1878, II и IV) под заглавием «Русский художник за границей в соро-

ковых годах. Семейные письма покойного Николая Александровича Рамазанова. Для журнала письма были обработаны в цельную статью, причем значительно утратилась непосредственность записи Рамазанова, улетучились подробности, даже записанные Рамазановым слова Бальзака были даны в обработке и со значительными сокращениями. Правда, Рамазанов, плохо владея французским языком, записал их явно неправильно, что и побудило, очевидно, редакцию журнала прибегнуть к сокращениям, исправлениям и замене французского текста русским. Отказавшись от каких-либо пропусков, мы, тем не менее, сочли также нужным подвергнуть французские тексты Рамазановым некоторой правке, главным образом, в отношении орфографической и грамматической правильности. В остальном мы предлагаем читателю все записи Н. А. Рамазанова о Бальзаке в их подлинном виде. Отбор этих отрывков из всей серии писем Рамазанова определяется нашей основной темой, но в ее пределах мы стремились к исчерпывающей полноте.

Письма Рамазанова публикуются по подлинникам, хранящимся в Историческом музее в Москве. Текст их приготовила к печати Н. А. Брюханенко.

1

Первым приятным впечатлением для наших глаз был Я м б у р г. Н а р в а уже поразила нас особенностью своей архитектуры. Вам известна жадность, с которою мы обогащаем свои альбомы в поездках; около Нарвы встречались местечки, которые напрашивались на карандаш; но быстрота, с которою катится почтовая карета по шоссе, и скорая перемена лошадей на станциях отняли всякую возможность занести в альбом то, что нас интересовало. В Нарве в трактире Петербург, где мы остановились завтракать, Бальзак любопытствовал узнать, какое блюдо нам подали; я назвал: миноги, и он, рассмотрев их пристально, сделал гримасу, которую можно безошибочно перевести на русский язык словами: фу, какая бяка! Миноги были началом моего с ним знакомства¹; но все еще не того знакомства, которого я искал;—мы лишь изредка перебрасывались всеупотребительными вопросами и ответами путешественников, куда, откуда, зачем вы едете и т. д. Один рижский негодант, хорошо говоривший по-французски и сидевший с ним рядом в карете, был постоянным его собеседником. В В а й в а р е он [Бальзак] заметил мне, что *les sculpteurs russes fument autant que les sculpteurs français*²;—я было придрался к этому замечанию, надеясь поговорить с ним о самой скульптуре французов; но рожок кондуктора заставил меня в ту же минуту броситься в карету.

В Э в в е у самого трактира перед нами раскинулась грязная площадь, усеянная несметным числом крестьян, собравшихся на *Pferdemarkt*³. В самых живописных группах они то толпились, то расходились, то объезжали свои живые покупки; вдали рисовалась небольшая церковь и несколько берез, так что вся эта картина как бы нарочно была поставлена по рисунку Теньера. Я и мой товарищ⁴ были готовы разделить пополам труд, только бы успеть накинуть на скорую руку миленькую картинку; но время оставалось только на обед, который также не мало занимает путешественника. В Эвве мы обедали с Бальзаком и он угостил нас превосходным сотерном; русская природа не выдержала, я поставил на стол бутылку *Saint Péray*.—*Nous buvons à la gloire des artistes et des écrivains*⁵,—сказал я.

— *Je vous souhaite des succès à Rome, messieurs*⁶,—сказал он нам. Мы его благодарили.

— *Et pourquoi n'iriez vous pas à Paris, nous avons beaucoup de belles statues.*—*A Rome il y a plus d'antique qu'en France*,—отвечал я. —*Nous avons aussi d'admirables statues*,—продолжал он,—*David est le plus grand sculpteur*⁷, *il surpasse même Torwaldsen et celui de [вырвано]*⁸,—тут он забыл фамилию скульптора, которого может быть также

¹ Русские скульпторы курят не меньше, чем французские.

² Конский базар.

³ Мы пьем во славу художников и писателей.

⁴ Желаю вам успеха в Риме, господа.

⁵ Но почему бы вам не поехать в Париж, у нас много прекрасных статуй.—В Риме больше античных статуй, чем во Франции.—У нас также есть превосходные ваятели. Давид—величайший скульптор, он превосходит даже Торвальдсена и...

по пристрастию ставил ниже своего соотечественника.—*Vous voulez dire Tenerani, peut-être*, — сказал я ему.—*Non, Tenerani ce n'est rien, mais c'est Bartolini*^a [вырвано] Бальзака, потому что не верю в его охудения, подумал я.

После похвал Давиду он начал хвалить съеденную им спинку жареной индейки; между тем кондуктор пришел объявить, что подают экипаж. Мы вышли на крыльцо; восемь лошадей, запряженных в карету, рисовали красивую дугу, заворачивая на всем скаку к подъезду трактира. Бальзак заметил, что мы любуемся этим.—*C'est très bien dessiné, ce mouvement des chevaux*^b, — сказал он, — а мы заключили из этого, что Б[альза]к чувствует прелесть рисунка. Вот уселись и поехали далее. В Н е н н а л е нас застал ночью ужаснейший ветер, который туземцы приписывали близ находящемуся озеру Пейпус; предоставляю вам разобрать это. Я знаю только то, что мы терпели жестокий холод. Рано утром мы приехали в Д е р п т. Что-то грустно было на душе, и я очень был рад, нашедши фортепиано; присел, пофантазировал; надоело—присел к Бальзаку. Последний негодовал на бифстек:—*Il faut avoir bien faim pour manger ça; c'est un tour de force*^c, — говорил он; потом держал красноречивую речь против табаку; доказывал медицински и психологически, что это совершенное подобие опиума, что это яд, который разрушает физического и нравственного человека, вредит пищеварению, ослабляет память и фантазию и заключил, сказавши: *et qu'est ce qui peut-être mieux que d'inventer?*^d. Я с удовольствием слушал его остроумные доводы и в то же время не без удовольствия докуривал мою сигару. В В а л к е нам посулили обед в какой-то кондитерской; мы мечтали об обеде: но увы это была лишь одна мечта. Проходились напрасно, видели лишь только вывеску со сладкими пирогами. Забавно было видеть Бальзака, закутанного в шубу, в огромных меховых сапогах, с меховой шапкой на голове и с женской муфтой на руках, путешествующего по грязи и ворчавшего:—*Voilà une ville!*^e. Я ждал с минуты на минуту града ругательств на всех русских со стороны раздосадованного француза, но на счастье в эту самую минуту нам встретился какой-то франт города Валка, который своим костюмом и какою-то особенно важной поступью рассмешил Бальзака и всех нас наповал. Булочница Робенальт прехорошенькая женщина, которая замечательнее всего в Валке; у ней мы заморили червяка, запаслись булками. Достигли Г у л ь б е н а и мечта осуществилась, здесь мы обедали славно; повеселели, не исключая и Бальзака, который разговорился.—*Êtes-vous sculpteurs ou allez vous seulement étudier la sculpture?*—спросил Бальзак.—*Mon camarade et moi nous avons déjà deux monuments à Pétersbourg*, — ответил я.—*Quels monuments et où sont ils situés?*—*A Karamzine et à Derjavine, ils seront situés, l'un à Simbirsk et l'autre à Kasan.*—*Karamzine... Ah, c'est celui qui a écrit l'histoire de la Russie; et combien vous a-t-on donné d'argent...* [вырвано] *nous avons reçu vingt six mille roubles...* [вырвано] *vous amuser très bien...* [вырвано]—*Et combien recevez vous de la Couronne pour vivre à Rome?*—*Trois mille roubles par an et un millier de roubles pour le voyage.*—*C'est assez*^e, — заметил он.

^a Вы, вероятно, хотите сказать Тенерани?—Нет, Тенерани ничего не стоит, но Бартолини...

^b Прекрасно вычерчен этот бег лошадей.

^c Нужно быть очень голодным, чтобы есть это; это подвиг!

^d А что может быть лучше, чем создавать?

^e Ну и город!

^e Вы уже скульпторы или только собираетесь учиться скульптуре?—Мой товарищ и я сделали в Петербурге уже два памятника.—Какие памятники и где они стоят?—Карамзину и Державину, а поставят их один в Симбирске, а другой в Казани.—Карамзин... Ведь это тот, что написал историю России, а сколько дали вам денег?.. Мы получили 26 000 рублей...—вы отлично развлечетесь... А сколько получаете вы от казны на жизнь в Риме?—3 000 р. в год и с тысячу на путешествие.—Этого достаточно.

Карамзина Бальзак знает⁴, имя же Державина я нарочно повторял несколько раз, но имя нашего поэта ему неизвестно. Разговор перешел на дороги⁵ в России и на другие предметы. Б[альза]к встал из-за стола в очень веселом расположении духа; при расплате он кричал девушке, ударяя пальцами в кошелек: — *Mademoiselle, combien coute mon diner? C'est la langue universelle!*^а — прибавил он смеючись. Между Г у л ь б е н о м и С т а к а н о м нас застала в лесу очаровательная лунная ночь; месяц перегонялся с нами, бегая по развесистым ветвям елей и сосен. Брик, следовавший за нами в некотором расстоянии, рисовался красивым темным пятном в тумане. В В о л ь м а р е негоциант, ехавший с Бальзаком, объявил ему, что он оставит его в Риге, и Бальзак обратился ко мне: *Vous parlez allemand?* — спросил он меня. — *Oui, un peu!* — *Voulez vous me défendre en Prusse?* — *Avec plaisir, je ferai tout ce que je pourrai pour vous*^б, — отвечал я, и он благодарил меня за готовность помогать ему в сношениях с немцами^в.

На этой же станции нам прислуживала горбатая, крайне уродливая старушка, которую Бальзак прозвал *la sorcière*^г, и удивлялся, как я ее не нарисую; но что за охота марать альбом старыми лицами, когда беспрестанно встречаются хорошенькие, пухленькие и румяные личики молоденьких немочек, портреты которых не успеваешь делать, а могла бы составить целая галлерея деревенских красавиц. В о л ь м а р мы проезжали поздно вечером, когда все окна обывательских домов были освещены свечами; удивленный Бальзак спросил, что это значит; мы отвечали, что сегодня [26 сентября] в царском доме праздник...

... Въехавши в узкие улицы Р и г и, загроможденные высокими домами оригинальной архитектуры, мы встретили шумную деятельность торгового города. Мостовая, усеянная ельником, гремела от беспрестанно проезжавших экипажей и длинных повозок, которые были запряжены красивыми и дородными лошадьми. — Что означает этот ельник? Вероятно его разбрасывают по улицам для очищения воздуха? — спросил я доктора, смотря на узкие улицы и высокие дома, не пропускавшие лучей солнца на мостовую. Доктор, тот самый молодой человек, которого я назвал в письме к вам и с которым мы [осматривали] некоторые части города, отвечал, что рижане делают это просто из любви к зелени; лучше сказать из страсти; они даже не говорят: мы живем на даче, а обыкновенно выражаются словами: мы живем в зелени (*im Grünen*). Мы остановились в порядочном трактире, а Бальзак остался в карете на почтовом дворе, в чем после раскаивался...

В Риге негоциант оставил нас и я по просьбе Бальзака сел вместе с ним^г. Он чрезвычайно был рад, что я сменил больного негоцианта, не соглашавшегося открывать окна кареты, и тотчас же напустил на меня несколько струй сквозного ветра. — *C'est plus sain et on peut tout voir!*^д. Я сам люблю прохладу и ветер и потому охотно с ним согласился. Первым моим старанием было завязать с ним разговор, назвав по именам несколько знаменитостей Франции и расспрашивая о красоте народных памятников, которыми гордится Франция, я задел за живую струну француза и Бальзак залился в похвалах своему отчеству. Приятно было видеть эту привязанность к родной земле, которая высказывалась в порывистой речи, в заблестевших огнем глазах, в каждом движении Бальзака; но неприятно было слышать в то же время его сравнения и отзывы о других землях. Господи! да неужели только и есть хорошего, что во Франции; неужели только и можно быть счастливу на берегах Сены, Роны и т. п.? Меня это бесило; но я молчал, желая выслушать до конца все, что говорил Бальзак о законах,

^а Сколько стоит мой обед, барышня? Это всеобщий язык!

^б Вы говорите по-немецки? — Да, немного. — Хотите быть моим защитником в Пруссии? — Я с удовольствием сделаю для вас все, что смогу.

^в Куддуней.

^г Так здоровее и можно все видеть!

полиции, войске, искусствах, науках и пр. во Франции.—Nous avons les plus grands sculpteurs en France^a,—говорил Бальзак и назвал группу Леандра и Геро, созданную Этексом^b, которую превозносил выше всего античного; а уж Торвальдсен и другие известные скульпторы, в сравнении с Этексом, в глазах французского литератора ни-почем!—Dites-moi, monsieur, comment donc a-t-on confié à M. Lemaire le fronton de la Madeleine?^c—спросил я его, едва сдерживая свою улыбку.—Ah, c'était une autre chose: il y a eu un concours pour les jeunes artistes et parmi eux Lemaire fut le premier; mais ce sera une leçon pour la France de ne pas donner à concourir dans de grandes choses comme celle-là à des jeunes gens. Mais le fronton de votre église d'Isaac n'est pas bon lui non plus^d. Бальзак предупредил меня своим приговором о своем соотечественнике. После Этекса он назвал Давида, сделавшего между прочими произведениями бюсты Шатобриана, Виктора Гюго, Гёте, Беранже и колоссальный бюст Бальзака, который и подарил последнему; чтобы сделать бюст Гёте, художник ездил в Веймар.—David a formé beaucoup d'élèves et la plupart sont allemands; David a fait aussi mon médaillon que j'ai apporté ici (à Pétersbourg) pour une dame; il est très bien fait^e. Тут он упомянул еще молодого скульптора Прео, сделавшего его статуэтку; художника этого Бальзак в благодарность свез в Рим. Я хотел узнать его мнение о памятнике Петра Великого, о группах б[арона] Клодта и о некоторых других произведениях скульптуры в Петербурге, и он отнесся о них как нельзя лучше; но не мог не сказать тут же:—Mais nous avons aux Champs Elysées deux superbes chevaux de marbre, ce sont, je crois, les plus beaux du monde^f.

Подъезжая к М и т а в е, я сказал Бальзаку, что в этом городе похоронен герцог Бирон^g.—Nous irons le voir si nous avons le temps.—Est ce que c'est toujours la Livonie?—спросил он меня, указывая на окрестности.—Oui, mais au lieu de rencontrer les braves chevaliers de Livonie nous voyons toujours des paysans qui transportent de la farine et des pommes de terre^h. Я спросил Бальзака, не беспокою ли его моими расспросами о том, о сем, что он может быть занят созданием чего-нибудь, и я его развлекаю?—Non, non, jeune sculpteur, il faut s'amuser en voyage^ж.

Приехали в Митаву; Бальзак крепко проголодался, а хорошенькие прислужницы как нарочно медлили обедом. В Риге сел на мое место вместе с Климченкой старик, который несмотря на преклонные лета удивил нас своей живостью. В Митаве он подсел к фортепианам, которые едва держались на ножках; на билете их было написано: Carl Codel, Amsterdam. 1806. Старик начал поколачивать косточками своих пальцев по слоновым косточкам инструмента, которые чуть ли не были ровесницами между собою; он играл на какой-то особенный такт какой-то танец. Мы полюбопытствовали узнать от него о цели его путешествия. Он с видом, что называется, бывалого человека отвечал, что он лифляндский помещик, путешествует для своего удовольствия, большой люби-

^a У нас во Франции самые выдающиеся скульпторы.

^b Скажите, сударь, каким же образом доверили г. Лемеру фронтон церкви св. Магдалины?

^c А, это совсем другое дело: состоялся конкурс молодых художников, и среди них Лемер занял первое место. И это послужит уроком для Франции впредь не давать на конкурс молодым людям таких больших заданий. Но фронтон вашего Исаакия тоже нехорош.

^d Давид воспитал много учеников, и большинство из них немцы. Давид сделал также медальон с моим изображением, который я привез сюда (в Петербург) для одной дамы [Ганской]; медальон превосходно сделан.

^e А у нас в Елисейских полях есть два великолепных мраморных коня, мне думается, что это лучшие в мире.

^f Мы осмотрим [могилу Бирона], если у нас будет время. Это все еще Лифляндия?—Да, однако, вместо храбрых ливонских рыцарей мы встречаем лишь крестьян, везущих муку и картошку.

^ж Нет, нет, юный скульптор, в дороге надо развлекаться.

тель балетов и по его расчетам должен заставить Фанни Эльслер в Берлине; что, наконец, от последней он в восхищении. Мы едва держались от смеха, глядя на эту старую, низенькую фигурку, прикрытую старою же, с несметным числом воротничков шинелью и говорившую скороговоркой разом на немецком, французском и русском языках, и на всех трех прескверно.

В Митаве мы встретили А. П. Лоди и едва узнали друг друга. В усах, постарел и кажется, далеко ли еще мы отъехали от Петербурга, а уж так были рады встрече с русским. Я сказал ему, что с нами обедает Бальзак, который в это время негодовал на бурду, поданную нам под именем супа.—*Chez nous, on donne ça aux cochons*^a,—кричал он и в то же время отвечал очень мило на приветствия Лоди. Мы простились с последним, послав всем вам поклоны. Бальзак был угомонен яичницей, которая составляла единственное его утешение в продолжение всей дороги; в этом же трактире мы нашли акватинту «Суд Париса», последний и три богини во французских костюмах. Приехавши в Тауроген, Бальзак был в большом ударе, и неудивительно: он привык к хорошему, изысканному столу и нашел здесь прекрасный завтрак и хороший чай¹⁰.—*Est ce que c'est vraiment un sculpteur?*^b—спросил меня Бальзак, указывая на мою щегося Климченку. Я отвечал на его вопрос утвердительно.—*Mais il est trop propre pour un sculpteur*^c.

Перед завтраком он спросил у нас почтовой бумаги; мы его снабдили и в то же время сами писали письма, которые, не знаю, получили ли вы. Из треска сквернейших перьев составилось такое трио, которому мы немало смеялись¹¹. По окончании писем Бальзак вытащил из своей корзинки бутылку сотерну.—*Voilà la dernière bouteille, il faut la boire glorieusement!*^e—вскрикнул он и бутылки как не бывало. При расплате девушка начала болтать с ним по-немецки; он отвечал ей преравнодушно:—*Jeune fille, je ne te comprends pas, mais ça m'est égal*^d. Отирая рот салфеткой и вставая из-за стола, Бальзак вскрикнул:—*Vive Taurogen et son illustre famille!*^e. Подъезжая к заставе нашей границы с Пруссией, мы совершенно не заметили часового, который вместе со своею будкой был скрыт за зеленью, а перед нами на всем необъятном пространстве прохаживались только две курицы.—*Voyez, un grand empire comme la Russie est gardé par des poules*^f,—едва выговорил Бальзак, рассмеясь своему замечанию, и я вторил ему невольно. Вот и Пруссия! Продолжение моего вояжа возьмите прочесть у Каминских; а им дайте прочесть это письмо. Я и дальше буду так поступать с моими письмами. Прощайте, я надеюсь с вами увидаться в следующем письме в Берлине или в Мюнхене.

2

Вот и Пруссия! Начались хлопоты с деньгами; я сам плохо понимал последние, да на беду Бальзак по-немецки, что говорится, ни слова; пришлось и за него рассчитывать. Проезжая пограничные места России, мы очень редко встречали селения, а все пустые поля, или длинные леса; тем чувствительнее для наших глаз был переход в Пруссию, которая похожа на картину, написанную аккуратною немецкой кистью, где помещены и овцы, и гуси, и свиньи.—*Ce sont des cochons prussiens*,—заметил Бальзак, который хотя при въезде в Пруссию и говорил: *Ça ressemble à un pays, c'est plus animé!*^g, но не переставал сердиться то на скверный хлеб, то на тухлую говядину, то на пере-

^a У нас это дают свиньям.

^b Что он на самом деле скульптор?

^c Но он очень чистоплотен для скульптора.

^d Вот последняя бутылка, ее надо распить на-славу!

^e Девушка, я тебя не понимаю, но мне это безразлично.

^f Да здравствует Тауроген и его знаменитое семейство!

^g Смотрите, великая Российская империя охраняется курами.

^h Это прусские свиньи.—Здесь уже похоже на страну, здесь больше жизни.

соленое масло. В М а н н i о я едва мог найти ему молока: тут мы вспомнили слова Лоди, говорившего, что мы до Кенигсберга ничего порядочного не достанем. Нас как молодых людей, не избалованных роскошью, это не пугало; но Бальзак выходил из себя:—*Dans quelle partie du bœuf trouve-t-on cette viande là? Bon Dieu! quel pays!*^a и тому подобные восклицания повторялись беспрестанно; да еще дряхлый обожатель Фанни Эльслер, взявший снова место в дилижансе до Тильзита, выводил литератора из терпения своими докучливыми и невнятными расспросами, так что Бальзак потерял совершенно свое веселое расположение. Забавно было видеть, как он сердился во сне на неудобство своего изголовья—его все бесило:—*Ah, Dieu, comme je perds mes cheveux,*—жаловался он.—*Il faut que vous les coupiez* (советовал ему я).—*C'est le temps qui les coupe le mieux! Ce sont les travaux nocturnes,*—перебил он меня.—*Est ce que vous travaillez toujours la nuit?*—спросил я его.—*Toujours*^c,—ответил он.

Кондуктор, узнавши от меня, что со мною едет Бальзак, французский литератор, немедленно начал с ним разговор изломанным французским языком. Бальзак просил меня пересказать слова кондуктора.—*Il dit, que votre profil ressemble à celui d'un écrivain,*—передал я Бальзаку. Он захохотал любезности кондукторской, ответил:—*Il est difficile de se ressembler mieux*^d. В Штаргарде¹² на нас упал ужаснейший дождь;—*C'est le bouillon, que nous avons eu ce matin*^e,—сказал Бальзак, не переменяя прежнего расположения духа. Выплывши из Штаргарда, я предложил Бальзаку для рассеяния пересмотреть мой альбом, имея в виду в то же время узнать, как он смотрит на искусства. Ему особенно нравились рисунки, сделанные бойко, на скорую руку: сейчас видно француза; однако он поразил меня тут же чрезвычайно тонким замечанием, свойственным самому опытному художнику, именно рассматривая знакомый вам рисунок «Купанье Венеры», которую погружают в воду зефиры. Этот рисунок многим нравился; я и сам был доволен его составом; но слова Бальзака:—*Il y a trop d'enfants, ça gêne la figure principale*^f навели меня на улучшение этой группы.

В Т и л ь з и т приехали около четырех часов вечера и остановились в *Hôtel de Russie*. Первым делом было омовение. Бальзак, переменяя белье, щеголял и хвалился перед нами своею грудью и торсом; я ему сказал, что лучшей модели для Бахуса не желал бы иметь. За обедом шутили и смеялись вдоволь; после обеда Бальзак пошел к директору почты, дочери которого сказали, что они умрут, если его не увидят¹³, а мы еще не знали, что предпринять. *Mädchen*^g советовала нам итти в театр:—*heute spielt man Komödie*^{жс},—говорила она и потом принялась объяснять достоинства игры Листа, который незадолго до нас был в Тильзите. Мы слушали ее болтовню охотно, потому что у нее очень мило двигался ротик. Наконец я узнал, что в отеле есть рояль, и, сходявши при лунном свете купить сигар, мы с Климченкой воротились в прекрасно меблированную комнату нижнего этажа, где нашли очень недурной рояль, на котором я играл родные песни. Климченко, облокотясь на диван, призадумался; я перестал играть и тоже призадумался, я был между вами в эти минуты. Перебрав на клавишах все, что могло мне напомнить лучшие минуты моей жизни в Петербурге, я возвратился в свою комнату. Поздно вечером Бальзак воротился от почт-директора; громко и радостно объявил нам, что он переговорил с последним, и мы рано утром другого дня

^a В какой части говяжьей туши можно найти подобное мясо? Боже, что за страна!

^b О боже, ведь этак я останусь без волос.—Вам надо остричь их.—Лучше всего стрижет их время—работа по ночам.—Разве вы всегда работаете ночью?—Всегда!

^c Он говорит, что ваш профиль похож на профиль писателя.—Трудно более походить на себя самого.

^d Это бульон, что нам давали нынче утром.

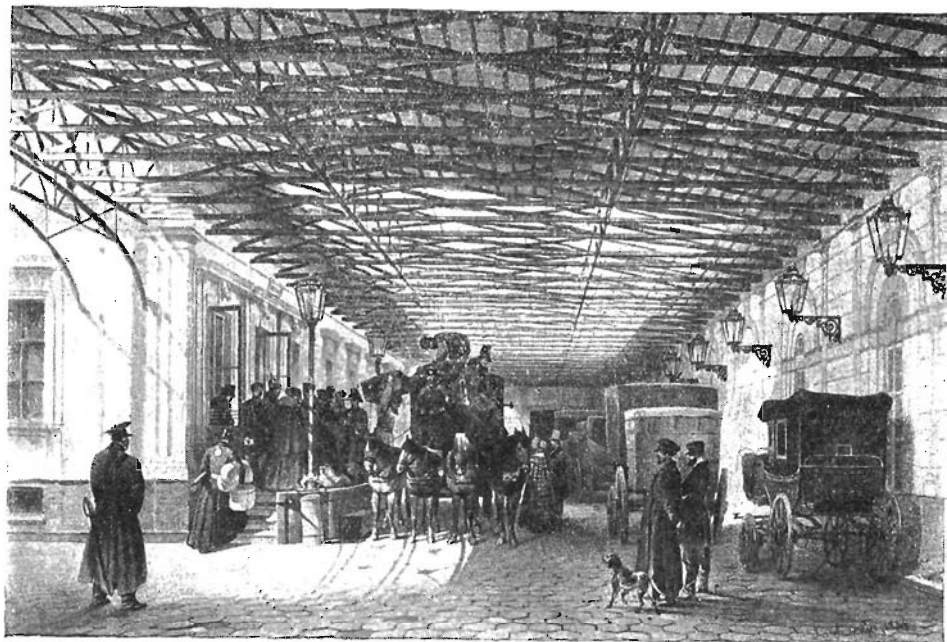
^e Слишком много детей, это мешает главной фигуре.

^f Служанка.

^{жс} Сегодня играют комедию.

едем с легкой почтой. Вслед за этим мы начали укладываться спать; в комнате была одна кровать, и мы предоставили ее милому Бальзаку, который не переставал хлопотать обо мне, когда я поместился на диване, потом о Климченке, которого он бранил за недогадливость и сам уложил для него шубу вместо тюфяка на стульях, а вместо простыни прикрыл ее полотенцем; мы благодарили его за внимание и хлопоты и, смеясь островам француза, заснули сладчайшим сном.

В Кенигсберг приехали около 6 часов вечера и прямо начали хлопотать об отправлении в Берлин; но хлопоты оказались излишними—места Бальзаку и нам были уже записаны, и мы снова благодарили Бальзака. Обедать отправились в *Hôtel de Berlin*, француз все боялся опоздать, торопился; однако мы успели покушать вдоволь

ОТПРАВКА ДИЛИЖАНСА ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНТОРЫ ДИЛИЖАНСОВ

Рисунок Л. Премаши, 1848 г.

Исторический музей, Москва

и похотать над вкусом немцев, которые гипсовую фигуру Наполеона раскрасили разными красками и поместили на кронштейне в столовой отеля. За столом мы еще много смеялись над Климченкой, который, развернув свой билет, прочитал, что он едет из Кенигсберга в Тильзит, т. е. обратно, и опрометью бросился в почтамт, дабы успеть исправить ошибку аккуратных немцев. Кенигсберга мы почти не видали; с почты в трактир, потом опять на почту, там в карету, вот и все...

По дороге к Фридбергу дождь был нашим вторым кондуктором; не раз Бальзак, отворив окно кареты, которое уж должен был запира́ть от брызг, говорил с видом отчаяния:—*Nous sommes toujours en Prusse!*^а—и потом старался развеселить себя, покрикивая два слова, которые он только и выучил:—*geschwind, Wasser!*^б.

От Коница до Фридберга я уступил свое место одной немочке, которая хотя была и не в первой поре, но недурна. Я был разкалоблен ее положением, потому что она была принуждена сидеть между тремя сигарокурами и пересаживаться под дождем из ка-

^а Мы все еще в Пруссии!

^б Быстро, вода!

реты в карету на каждой станции. Когда мы остановились в Ландсберге, меня мучила ужасная жажда и я торопился достать пива; в это самое время старик высокого роста, весьма почтенной наружности, с ленточкой Красного орла, подошел к окну дилижанса, около которого сидел Бальзак, и рекомендовался ему, показывая ему какую-то книжку. Из движений того и другого можно было угадать, что они говорили друг другу вежливости. Пиво помешало мне слышать их разговор; я поспел только к последним словам Бальзака *...est agréable de rencontrer un confrère!*^а. После я узнал, что старик этот был Неренберг, доктор, философ, астроном и почт-директор. Сцена была умилительна!

По выезде из Ландсберга мы увидели закатывающееся солнце, которое, осветив простенький пейзаж, превратило его в неподобную картину. Я это заметил Бальзаку. — *Oui, le soleil est un grand artiste*^б, — сказал он. Стало вдруг тепло, светло; мы ощущали всю прелесть прекрасного осеннего вечера и тем сильнее он на нас подействовал, что явился после стольких дождей и несносных ветров. Я говорил Бальзаку, что мы намерены сделать вояж пешком по Саксонской Швейцарии. — *Eh bien*, — подхватил он, — *nous ferons ce voyage ensemble; j'enverrai mes paquets à Francfort! Nous prendrons des bâtons, un cheval... le cheval est nécessaire. Comme je suis un vieillard je le monterai quelquefois et vous aussi quand vous serez fatigués. — Vous n'êtes pas encore un vieillard, bien que plus âgés que nous*, — заметил я. *Et quel âge avez vous?* — спросил он меня. — *Vingt six.* — *Et votre camarade?* — *La même chose*, — ответил я. — *Et tous les deux ensemble vous êtes plus âgés que moi*, — сказал Бальзак, засмеявшись. — *Alors nous monterons le cheval à deux et vous irez toujours à pied*^в, — сказал я ему. Мы смеялись и обдумывали план нашего пешеходства. После этого он стал благодарить за помощь ему в сношениях с немцами: — *Merci, merci beaucoup, mes compagnons. Je vous donnerai mon adresse, pour que vous me trouviez à Paris; — là je me cache et sans adresse il serait difficile de me trouver*^г. Тут он обещал доставить нам возможность видеть в Париже все любопытное, избегая лишних издержек; показать дворцы, галлерей, *chambre des députés*^д.

Дорогой и дрянной ужин в Кюстрине изменил совершенно доброе расположение духа Бальзака, так что последний в сердцах воскликнул: — *Si ça continue comme ça, j'irai tout droit de Berlin à Paris*^е. Покой часто в минуты голода оказывал нам услуги и на этот раз не отказался сомкнуть наши вежды; шоссе, с своей стороны, такого мягкого характера — только и делает, что убаюкивает в карете. К утру, в 6 часов, кондуктор толкнул меня под локоть и вскрикнул: — *Voilà Berlin!*^ж.

3

Приехали в Берлин в 6 часов утра и остановились в *Hôtel de Russie*¹⁴. Это был первый большой город, который мы встретили на пути; первые два дня мы бегали по его улицам вдвоем с Климченкой, не отдаляясь, впрочем, от его центра, где соединено все любопытное. В отеле нас испугала дороговизна; пошли наудачу отыскивать обед по-

^а Приятно встретить собрата.

^б Да, солнце великий художник.

^в Ну что ж, мы совершим это путешествие совместно. Я отправлю свои вещи во Франкфурт. Мы возьмем палки, лошадь... лошадь необходима. Так как я старик, я буду влезать на нее время от времени, и вы также, когда устанете. — Вы еще не старик, хотя и старше нас. — А сколько вам лет? — Двадцать шесть. — А вашему товарищу? — Столько же. — Оба вместе вы старше меня. — Вот мы вдвоем и займем лошадь, а вам придется все время идти пешком.

^г Спасибо, большое спасибо вам, спутники. Я дам вам свой адрес, чтобы вы могли разыскать меня в Париже. Там я прячусь, и без адреса вам трудно будет меня найти.

^д Палату депутатов.

^е Если так будет продолжаться, из Берлина я прямо поеду в Париж.

^ж Вот и Берлин!

дешевле и попали в колбасную лавку Юнга, где наелись к а р б о н а д о (прекрасное блюдо) и потом учились по-немецки у очень хорошенькой дочери хозяина—Матильды. Сам Юнг был некогда в Петербурге, жил на острове [Васильевском] и встретил и угощал нас, как своих знакомых. На третий день, 15 октября, Бальзак, узнавши, что мы уже кое-что поразвели, просил походить с ним по городу; а вечером, в 6 часов, звал в свой номер отобедать. Мне любопытно было слышать сравнительное мнение Берлина с Петербургом¹⁵ со стороны Бальзака, которое необходимо должно было воспоследовать, и я охотно отправился с ним. Мы вошли в Lustgarten и приблизились к музею Шинкеля, на наружной стене которого теперь пишутся фрески.

Стройность и так сказать стильность этого здания делают его лучшим в прусской столице. Расположение зал прекрасно, в особенности в нижнем ярусе, где находятся антики, между которыми отличаются Ариадна, Бахус, Мальчик с виноградом, Меркурий; Флора и Аполлон замечательны драпировками. Большая часть всех этих антиков без головы, рук и ног, которые реставрированы иногда удачно, но чаще очень не хорошо. В верхнем этаже размещены картины, и как нельзя лучше. Круглая зала прекрасна;—она, как и другие, нисколько не обременена украшениями, которые были бы излишними в музее, где должны играть главную роль сокровища скульптуры и живописи. Шинкель совершенно понял это и все внимание, как это видно, обратил на пропорции.—*Un beau monument, que ce Musée de Schinkel; il est bâti en pierre et non en brique, comme l'on fait à Pétersbourg*^a. Внутри Бальзак не был и, повидимому, мало интересовался. На цоколе музея поставлена бронзовая группа Кисса: Амазонка на коне поражает тигра. Это произведение мне нравилось еще в гравюре, приложенной когда-то к художественной газете, и потому я несколько раз приходил любоваться этой красивой группой, исполненной жизни, несмотря на слова Бальзака, что в лошади недостает бешенства, что хвост ее должен бы был расстилаться в воздухе, что голова ее не имеет достаточно огня и что Амазонка копьем не может убить тигра. На чьей стороне будет верх, неизвестно; в группе видна одна борьба, а что касается до хвоста, то французский литератор забыл, что художник имел дело не с пером, а с металлом. На площадке перед музеем находится огромная чаша из маркграфского камня; полирование ее производилось паровой машиной в силу десяти лошадей и продолжалось два года с половиною. Она Бальзаку чрезвычайно понравилась. Отсюда мы перешли через большую площадь, посреди которой фонтан, к королевскому дворцу. Хотя Бальзак и старался меня уверить, что он красивее петербургского Зимнего дворца, но я все-таки отдаю преимущество Растрелли.—*C'est plus majestueux*^b,—говорил он и тут же осыпал чрезмерными похвалами Лувр, который он называл чудом и насчитал ужасные суммы, на него потраченные; превозносил также в нем плафон, написанный Энгром. В берлинском королевском дворце он окритиковал только главные ворота, которые, несмотря на свою огромность, точно не представляют ничего величественного.—*Il faut qu'une petite porte paraisse grande,—voilà l'architecture!*^c—говорил он. Я, по привычке моей, усиленной еще любопытством, почти бегал по городу; запыхавшийся Бальзак беспрестанно сдерживал меня:—*Vous allez trop vite, jeune sculpteur!*^d.

Каждый раз я просил извинения и потом забывшись снова утомлял его скорой ходьбою.—*Je sens la fatigue du voyage; il faut être très fort pour voyager comme cela!*^e—жаловался Бальзак, переваливаясь с ноги на ногу. Прохожие беспрестанно останавливались и глазели на него; я подозреваю, не узнавали ли его по известной всем его кари-

^a Прекрасное здание—музей Шинкеля. Он выстроен из камня, а не из кирпича, как делают в Петербурге.

^b Это величественнее.

^c Надо, чтобы маленькие ворота казались большими,—вот тогда это архитектура!

^d Вы идете слишком быстро, юный скульптор!

^e Я чувствую усталость от путешествия; надо быть очень выносливым, чтобы так путешествовать!

катуре; к тому же широчайший фрак, порядочное пүзинько, на шее яркий малиновый платок, полная, цветущая физиономия и какая-то особенная походка увальня, которая подала повод здесь русским студентам прозвать его к а р а к а т и ц е й, не могли не останавливать на себе глаз мимопроходивших. Переходя через мост Schlossbrücke ^a, спутник мой остановился и вскрикнул:—C'est très élégant: nous n'avons pas cela à Paris! ^b. И точно, тумбы из шлифованного гранита, соединенные бронзовыми, хорошего рисунка, решетками, придают большую красоту этому мосту; жаль только, что перила, идущие от него по набережной, составляют совершенную ему противоположность своею бедностью и безобразием. С моста мы сошли по прямому направлению в Липовую аллею (Unter den Linden). Здесь университет (осн. в 1809 г.)—очень красивое здание.—Mais c'est un peu nu; avec des colonnes en style corinthien, il fallait faire quelques ornements sur la façade; les côtés ne correspondent pas au portique ^c. Я готов повторить слова Бальзака, в этом случае. Когда мы подошли любоваться статуей Блюхера, то он мне заметил:—C'est mieux que la statue de Souvoff ^d. Я сам думал так и потому согласился; на барельефах, помещенных на пьедестале, смесь мифологии с действительностью—нелепа, на что спутник мой в свою очередь тоже согласился ^e.—Quelles sont ces statues? ^f—спросил меня Бальзак, указывая на две мраморные статуи, помещенные по бокам королевской караульни (построенной также по проекту Шинкеля).—Ce sont les statues de Scharnhorst et de Bulow ^g. Они достоинством ниже статуи Блюхера. Мы продолжали нашу прогулку по Unter den Linden.—On commence à faire des étoffes et d'autres objets de manufacture comme à Paris ^ж,—говорил Бальзак и продолжал:—Berlin est plus intelligent que Pétersbourg, plus animé, plus gai; on voit qu'on vit pour soi.—C'est très propre! A Pétersbourg c'est l'extérieur qui est beau et ce qu'il y a dans les cours... c'est affreux! La perspective Newsky se termine par des cochonneries et ici l'allée des Tilleuls finit par une belle chose; on va de monument en monument. Berlin ressemble à Paris plus que Pétersbourg.—La porte de Brandebourg est bien disposée ^з. Точно, ворота Бранденбургские, построенные Лангансом, очень хороши; но колесница, поставленная на них, еще более занимала меня: она была пленницей французов и снова воротилась в Берлин. Желая разыграть вполне роль чичероне, я и это объяснил Бальзаку, не разбирая, понравится ли французу или нет маленький эпизод из войны 1814 года.—Voilà la maison de l'ambassade de France ^и,—перебил меня Бальзак. Это был старинный берлинский дом, около самых Бранденбургских ворот ¹⁷. Мы возвращались уже назад по той же самой улице, Бальзак остановился.—Voilà une belle maison!—вскрикнул он.—C'est la maison de l'ambassade de Russie ^к,—ответил я, и точно, дом нашего посольства едва ли не лучший на Unter den Linden.—Проходя мимо магазина эстампов, Бальзак обратил внимание на висевший в нем портрет.—

^a Дворцовый мост.

^b Это очень нарядно. У нас в Париже этого нет!

^c Но оно несколько голо. При колоннах коринфского стиля следовало бы сделать какие-нибудь украшения на фасаде. Боковые стороны не вяжутся с портиком.

^d Это лучше, чем статуя Суворова.

^e Это что за статуи?

^f Это статуи Шарнхорста и Бюлова.

^ж Начинают изготавливать ткани и прочие фабричные изделия, как в Париже.

^з Берлин культурнее Петербурга, в нем больше оживления, он веселее; видно, что здесь живут для себя.—Здесь очень чисто, Петербург красив снаружи, а что делается во дворах... Это ужасно! Невский проспект заканчивается какими-то свинушниками, а здесь Аллея лип—прекрасным сооружением; идешь от памятника к памятнику. Берлин больше похож на Париж, чем Петербург.—Бранденбургские ворота хорошо расположены.

^и Вот дом французского посольства.

^к Какой красивый дом!—Это дом русского посольства.

Ah, voilà le portrait de Liszt!—Vous pouvez vous trouver vous même ici,—заметил я.— Oh, non, jamais je n'ai permis de faire mon portrait; cela a l'air comédien. Ce que c'est que d'être une célébrité? Nous savons cela quand nous sommes morts^a.

В 6 часов в комнате Бальзака был приготовлен щегольски сервированный стол, с бутылкой Шато-Марго и графином чудесной мадеры.—Je vous donne un petit dîner fin, pour vous remercier, et pour faire nos adieux^б.—Из Берлина он хотел ехать на Франкфурт. Обед был очень сытен и изящен, и неудивительно! Бальзак, так увлекательно описывающий обеды, сам назначал блюда.—En Allemagne on ne sait pas manger; il faut absolument que vous veniez en France,—с'est le pays de la cuisine et des danseuses^в,—говорил он. Мы ели с Климченкой с большим аппетитом, Бальзак не отставал, в то же время шутил и беспрестанно подливал нам то того, то другого вина.—Ça sera trop!—заметил я ему, отстраняя свой стакан.—Vous même vous buvez

БАЛЬЗАК

Медальоны работы Давида д'Анже, бронза, 1842 и 1843 гг.

Один из этих медальонов Бальзак принес в 1843 г. в Петербург в подарок Ганской

beaucoup moins que nous.—Je ne bois jamais de vin, je prend toujours de l'eau.—Et dans votre jeunesse?—Jamais!—Et vous avez décrit avec tant de vérité les orgies de la jeunesse.—Ah, vous vous rappelez, sans doute, la scène de *La Peau de chagrin*!—прервал Бальзак.—Oui, monsieur, ça m'étonne que sans éprouver la chose vous ayez pu faire un portrait aussi vrai de la nature!^г. Разговор прерван был появлением нового блюда, которое Бальзак рекомендовал в особенности. Он очень, повидимому, привык ко всем комфортам, потому что во все продолжение вечера был

^a Ах, вот портрет Листа!—Вы можете найти здесь и себя.—О, нет, я не позволяю делать своих портретов. В этом есть какое-то позерство. А что такое быть знаменитым, это мы узнаем после смерти.

^б Я хочу угостить вас скромным, но тонким обедом, чтобы отблагодарить вас и распрощаться с вами.

^в В Германии не умеют есть. Вам непременно нужно приехать во Францию. Это страна гастрономии и танцовщиц.

^г Это будет уже лишнее!—Сами вы пьете много меньше нас.—Я никогда не пью вина, я пью только воду.—А в молодости?—Никогда.—Между тем вы описали с такой правдивостью юношеские оргии.—Вы вспомнили, наверное, сцену из «Шагреневой кожи»?—Да, сударь, меня удивляет, как могли вы, сами не испытав этого, дать такое верное изображение натуры!

очень прихотлив и разборчив; только Hôtel de Russie, содержатель которого Tagor, весьма ловкий и приятный человек, мог наконец угодить всем его сибаритским желаниям. Надо было видеть, как он восхищался, в самом деле прекрасными, фаянсовыми тарелками и вообще всем сервизом стола.—C'est très agréable de voir les fruits, les différents verres, de toutes les formes, de toutes les couleurs. Tout cela fait un beau tableau^а. Я полюбопытствовал и спросил его:—Quel âge avez vous?—Trente six!^б. Молодится, подумал я^в.—Mais vous perdez vos cheveux à Berlin, aussi.—C'est toujours les travaux! Est-ce que je parais plus âgé que je ne le suis?—Au contraire, vous êtes frais, on voit que vous avez bien conservé votre santé.—J'aime la santé plus que la fortune!—Avec la santé on peut tout avoir!^г—прибавил я и предложил выпить за его здоровье. За сим последовали шутки, и мы, похотавши вдоволь, поблагодарили его, распрощались, и так как наша природа не любит в подобных случаях оставаться в долгу, то я обратился к нему с следующей речью: Vous ne refuserez pas, monsieur, de venir demain déjeuner avec nous?—Avec plaisir^д,—ответил Бальзак. Мы расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

...В день именин короля мы были у королевской караульни, около которой прекрасно играла военная музыка и было большое собрание офицеров.—C'est triste, malgré que ce soit aujourd'hui la fête du Roi!^е—говорил Бальзак. Нас очень интересовала Вильгельмова площадь, на которой, мы знали, что находятся мраморные статуи героев Семилетней войны: князя Ангальт-Дессауского, Шверина, Винтерфельда, Кейта, Цитена и Зейдлица;—взяли фиакр и Климченко разбил меня за напрасную трату пяти зильбергрошей. Средине площади служит для объезды лошадей и окружена деревьями, между которыми едва заметны помещенные статуи, не имеющие решительно художественного достоинства. Чуть было не забыл сказать о театре Шинкеля, который хотя и очень хорош, но имеет характер слишком серьезный; в нем только и играть софокловы трагедии. Бальзак им чрезвычайно восхищался.—Quand les statues et les bas-reliefs seront exécutés en bronze, cela sera superbe!^ж—кричал он. Погоревший театр при нас уже отстраивали; здание Академии художеств имеет свой характер, но далеко до Кокорина...^з.

17 октября^а Бальзак пришел утром в нашу комнату и сказал, что на другой день едет с нами вместе в Лейпциг, и хлопотал очень, чтобы успеть видеть тот погребок, в котором пивал Гофман. Он нас надоумил и мы, после довольно долгих поисков, узнали, что эта Weinstube^б в Scharlottenstrasse, в № 32. Сейчас туда! Нам показали ту комнату, тот самый стол, за которым Гофман просиживал целые вечера и ночи. Над самым столом висит картинка, сделанная, если не ошибаюсь, самим Гофманом; на ней изображен портрет фантастика, смеющегося над своим приятелем Девриеном, хорошим актером, который запил как-то вечером вместе с Гофманом и совершенно позабыл, что должен в этот вечер играть. На картинке взят момент, когда Девриен опомнился, но это уже было за полночь; на столе опорожненные бутылки шампанского. Бальзак досадовал, что хозяина погребка не было дома; у него хранятся несколько рукописей этого писателя, которые он давал хозяину от вечера до вечера на сбережение. Вечером нас собралось пять человек,—сели на фиакр и покатали в Hunterslokal. Там нашли

^а Очень приятно смотреть на фрукты, на стекло различной формы и различного цвета. Все это вместе дает красивую картину.

^б Сколько вам лет?—Тридцать шесть!

^в Но вы и в Берлине теряете волосы.—Это все результаты трудов! Разве я выгляжу старше своих лет?—Напротив, вы свежи, видно, что вы отлично сохранили свое здоровье.—Я ценю здоровье больше богатства.—При здоровье можно иметь все.

^г Вы не откажетесь, сударь, пожаловать завтра к нам позавтракать?—С удовольствием!

^д Скучно, хотя сегодня и тезоименитство короля.

^е Когда статуи и барельефы будут выполнены в бронзе, это будет великолепно!

^ж Погребок.

пространную залу, освещенную очень хорошо люстрами: множество столов были расставлены в разных направлениях, и каждый был занят или целыми семьями, или партией ремесленников, или ватагой шалунов, или группой студентов, которые большею частью были очень серьезны. Когда мы вошли, уже оркестр музыки гремел каким-то вальсом; мы заняли также особенный стол и совершенно нечаянно встретили еще троих русских, с которыми уже познакомились за прекрасным *table d'hôte*’ом в нашем отеле. Они, присоединившись к нам, начали шампанским, которое здесь очень дешево; нам оставалось кончить тем же,—мы так и сделали. Немцы, наслаждаясь музыкой, сопровождали звуки глотками пива из огромнейших стаканов, а немочки, между которыми было очень, очень много хорошеньких, вязали чулки или хозяйничали в своем кружке, разливая чай. Тихое удовольствие царствовало повсюду, и, несмотря на большое число присутствующих, было очень скромно и тихо; никому не запрещалось и прогуливаться здесь; но на это решались только те, которые были половчее, потому что приходилось лавировать в узких промежутках между столами.

18 октября²² нашу поклажу сложили в один фиакр, а сами мы сели в другой. Тагор, содержатель, очень хлопотал об удобстве нашей отправки и мы распрощались. Салиаников хотел также с нами ехать в Лейпциг, а оттуда в Дрезден и, положивши свой сюртук в мой чемодан, просил взять ему также билет на железной дороге; но не явился в назначенный час,—мы ждали, ждали, наконец боялись уже опоздать; Бальзак бесился... Мы поехали! Только что выехали на *Unter den Linden*, видим, поклонник Шеллинга бежит сломя голову по тротуару,—мы ему кричим, машем руками. Он отвечает, что паспорт его еще не визирован, что он бежит в полицию.—Вот до чего доводит философия!—подумал я. Бальзак спросил меня, что он говорит и почему не садится. Я объяснил, в чем дело, и нетерпеливый француз снова начал кричать и горячиться; спустя же несколько времени сам начал хохотать, а потом опять сердиться, и эти переходы повторялись, пока мы не доехали до железной дороги. Я не мог надивиться в нем этой переходчивости от досады к смеху и обратно. Мы поспели к самому часу отправления машины; сели в вагон, раздался свисток,—мы понеслись, а билет Салианикова остался у меня в кармане. Бальзак покатился со смеху.

Поездка по железной дороге из Берлина в Лейпциг была для нас совершенным наслаждением. Втроем мы занимали целое отделение вагона; дилижансы нам надоели ужасно. Погода была прекрасная; беспрестанно мелькали города со своими церквами, башнями, с толпами любопытного народа, бежавшего смотреть поезд машины. В некоторых из этих городов мы останавливались на самое короткое время, в которое одни пассажиры высаживались и прибывали другие; во время остановок являлись с услугами, большею частью всегда хорошенькие, немочки (политика хитрых немцев трактирщиков), предлагая кофе, бутерброды, шнапс. Солнечный день, почти каждые полчаса появление нового города, беспрерывная перемена в лицах пассажиров, часто возобновлявшийся смех Бальзака,—все располагало нас быть веселыми, и мы, кажется, не миновали ни одной немочки, чтобы не ответить либо бутерброда, или шнапсу, или фруктов. Бальзак не мог надивиться постоянству нашего аппетита, да не мало удивлялся и немцам, которые ели на каждом шагу. На половине дороги мы пересели в открытую линейку, чтобы лучше любоваться окрестностями; но к вечеру раскаивались, потому что при поднявшемся ветре прозябли, а Бальзак, так не знал куда деваться от холода, жался, вертелся,—смешно и жалко было смотреть на него!—Холод, перед которым он скоробился, заставил его еще с большим усердием расспрашивать о лучших отелях Лейпцига у немецкого студента, в изношенной фуражке, в очках, с длинейшими волосами, который назвал *Hôtel de Rome*. В 6 часов было уже совершенно темно, только бесчисленные огни в окнах городских домов сказали о Лейпциге. При выходе из вагона мы окружены были фалангой лонлакеев, которые прожужжали нам уши, крича: *Hôtel de Breslau*, *Hôtel de Saxe*, *Hôtel* такой, другой,

индй; вслед за этим ватага мальчишек приступила к нам при выходе на улицу, хватая наши мешки, зонтики, дабы отнести в отель. Такой уже несносно-услужливый народ! Однако мы храбро выдержали атаку и отправились в Hôtel de Rome. Бальзак взял номер рядом с нами; начались хозяйственные распоряжения: он отпер дверь в нашу комнату и как содержатель отеля говорил по-французски, то сам заказал и обед; нам уже не впервые приходилось полагаться на его вкус и потому мы оставались в полной надежде пообедать хорошо,—что и случилось. В Бальзаке, несмотря на то, что он, по словам его, кроме воды ничего не пьет, явилось желание испробовать хорошего вина, и он, взявши карту, читал: Haut Sauterne... bonsoir! Moselle... bonsoir! Madère... bonsoir! ^а. И так продолжал прощаться и с другими винами, пока глаза его не встретились с лафитом;—он спросил бутылку и выпил не без удовольствия, которое не замедлило высказаться в его расположении пошалить, как шалили и мы грешные, опорожнив бутылку мадеры. Началось веселье; я показывал фокус с рюмками, и в ту минуту, когда ловкость моя должна была увенчаться успехом, Бальзак меня рассмешил и я брызнул вином на скатерть, проиграв в то же время бутылку вина, которая шла на пари с Климченкой. Вслед за этим Климченко принялся учить Бальзака по-русски; мы хохотали ужасно,—наконец, утомленные дорогой, почувствовали склонность ко сну, но прежде захотели пересчитать наши деньги. Бальзак волочился постоянно за моими червонцами, которые при каждом удобном случае выменивал на свои наполеондоры.—*Ils sont si gracieux!* ^б—приговаривал он, любуясь голландскими золотыми.—*Vous aimez beaucoup l'or, à ce qu'il me semble?*—спросил я его.—*Ah, oui, je voudrais bien avoir un million comme cela* ^в,—и он потрѣс в руке маленький боченок, наполненный наполеондорами, который заменял ему мешок.—*Et de quoi êtes vous embarrassé,—vous, qui êtes le maître de la P e a u d e C h a g r i n?*—Он, засмеявшись, ответил:—*Je ne me plains pas que la nature m'ait refusé la richesse de l'imagination* ^г. В эту минуту явилась горничная, которая принесла нам чистые полотенца к утру.—*Jeune fille, parlez-vous français?* ^д—спросил ее Бальзак. Она покраснела и ответила: *Nein!*—*Bonsoir* ^е,—сказал он; это нам напомнило его выбор [вин] и мы снова пустились хохотать.

В 5 часов утра Бальзак проснулся первый и разбудил нас криками: *к а к о й! д р у г о й!*—Не знаю, почему он напал именно на эти слова и каждый раз, произнося их, спрашивал, что они значат, потом прибавлял: *Je suis un véritable perroquet!* ^ж. Естественность обхождения, доступность и частое веселое расположение духа привязали нас к Бальзаку и совершенно неожиданное путешествие с ним останется навсегда в нашей памяти одним из приятнейших воспоминаний. Он рассказывал о своих вояжах, о своих намерениях, о Париже и пр. Однако я закалялся, а машина готова отправиться; мы мигом собрались. Бальзак, проученный накануне холодным ветром, взял второе место, а мы, как артисты, жадные до красот природы, сели на третьи места.

4

...Хочу спросить вас, почему слово Дрезден звучит как-то особенно для художников, имеет в себе что-то манящее, привлекательное и представляется как бы сокровищницей чего-то великого, чему мы научились удивляться по слухам, по преданию

^а Сотерн—прощай!.. Мозель—прощай!.. Мадера—прощай!

^б Они так привлекательны.

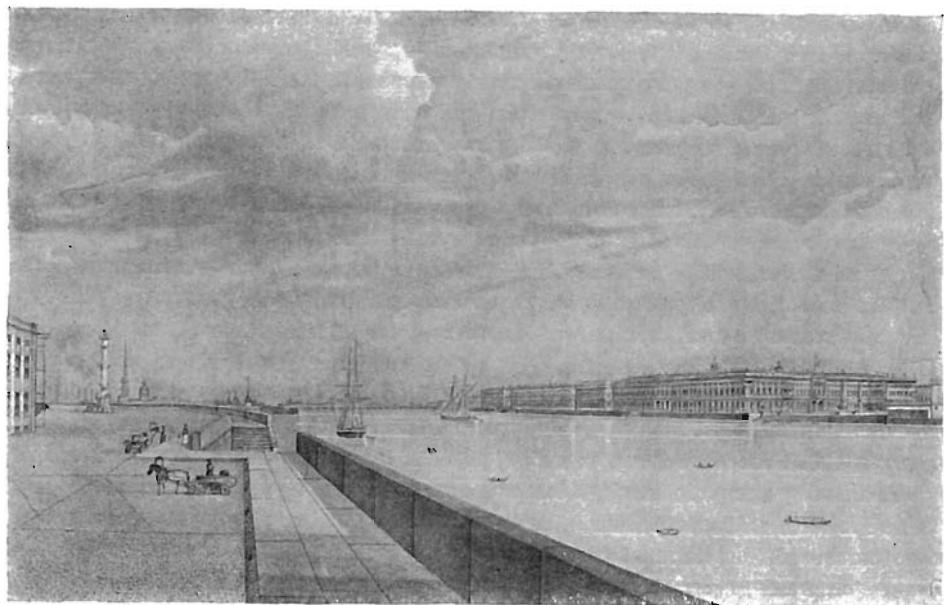
^в Мне кажется, вы очень любите золото?—Да, конечно, я весьма хотел бы иметь миллион вот таких.

^г Что же мешает вам, вам, создателю «Шагренево́й кожи»?—Я не могу пожаловаться на природу, что она отказала мне в богатстве воображения.

^д Девушка, говорите вы по-французски?

^е Нет!—Прощай!

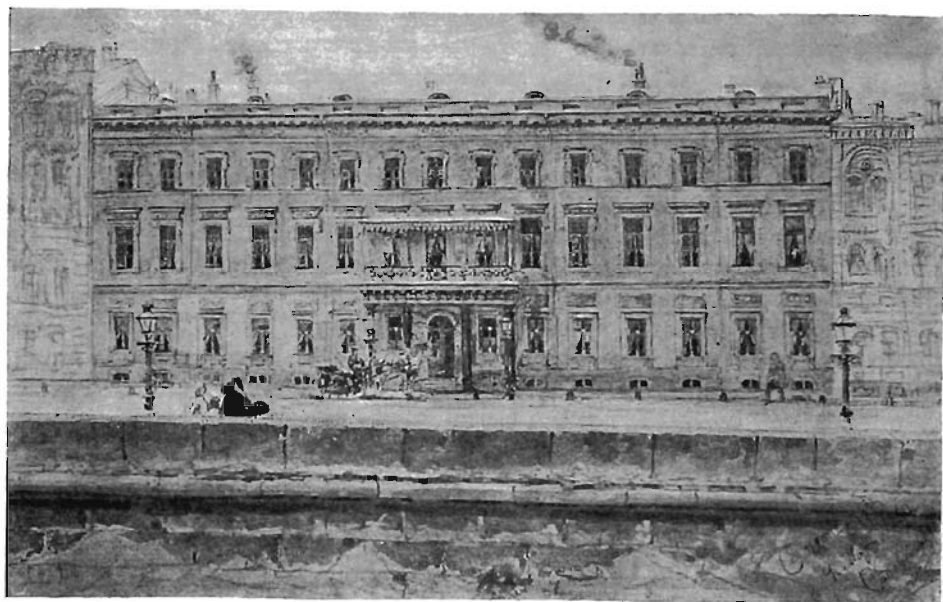
^ж Я настоящий попуга́й!

ВИД НА ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Рисунок М. Воробьева

Русский музей, Ленинград

ДОМ ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварель В. Садовникова, 1860 г.

Музей города, Ленинград

еще с малолетства? Католическое духовенство хотело причислить умершего Рафаэля к лику святых; нам остается боготворить того, кто свел небо на землю. Может быть вы от меня ожидаете описания дрезденской Мадонны? Это невозможно! Скажу только, что с первого взгляда она меня не поразила,—и чтобы созерцать это видение, надо возвыситься до него; нужно очищение души, которая сбросила бы с себя всю скорлупу ежедневных впечатлений и отдалась бы вся единственному чувству—чувству веры. Вглядываясь более и более в чудо Рафаэля, удивляешься, как художник стал на эту высоту творчества! Чтобы передать нам божественные лики, он должен был сам в себе найти те неземные чувства, которыми одушевил их.—*Sacré Dieu! Comment l'homme a-t-il pu faire une chose pareille?*^а—вскрикнул Бальзак, всплеснул руками, когда мы выходили из галлерей.—*Mais c'est drôle de mettre des rideaux!*^б—заметил он, и это меня взбесило; чтобы вывести французского литератора из заблуждения, я рассказал ему, как создалась эта картина, что для него было новостью; я только пожал плечами...^в.

На другой день по приезде я, Клименко и Бальзак шлялись по городу с 12 часов до 7 вечера и наконец заблудились^г, каждый из нас хотел похвастать памятью местности и снова вводил в новую ошибку, так что мы, переходя долго от незнакомого к незнакомому месту, добрались до большой аллеи, покрытой народом; отсюда же, переходя с террасы на террасу, вышли на высокий берег Эльбы, откуда нам открылся вид очаровательный, освещенный закатывающимся солнцем. Мы долго любовались красивыми берегами Эльбы, не нарушивши молчания и предавшись каждый своим мечтам; но вскоре тихое наше наслаждение было нарушено звуками музыки, которые раздавались в находившемся сзади нас, так называемом, дрезденском Бельведере. Мы не замедлили войти в последний, где нашли уже большое общество, разделенное на маленькие кружки, помещавшиеся за отдельными столами с чаем или пивом. Не желая изменить обычаю земли, мы спросили пива, закурили сигарки, а сердца наши закурились фимиамом любви к скромным хорошеньким немочкам, которых было очень много, с своими маменьками и папеньками. Оркестр музыкантов, сыграв увертюру из «Оберона», начал выполнять самые милые вальсы; в антрактах я сообщал Клименке свои замечания об обществе, он мне отвечал тем же; мы хохотали, острили, пенили свои кружки. Вдруг раздался оглушительный аккорд оркестра и заиграли престранный галоп, с пением музыкантов, в который примешано было и Крамбамбули.—*On joue de la musique à faire fuir les chiens!*^а—вскрикнул Бальзак, который после усталости был совершенно не в духе^б, но наш смех рассеял его, и он улыбаясь начал бить головою такт.—*Voulez vous un cigare?*^в—спросил я скрипача Эрнста, француза, который с нами сидел за одним столом.—*Je n'ai pas besoin de fumer*^г,—ответил он и указал на дым, стоявший столбом в зале...

В остальные дни нашего пребывания в Дрездене мы часто посещали Галлерею и сверх того видели Японский дворец, в котором очень замечательны две античные группы, прекрасно реставрированные. Обе изображают Пана и Гермафродита, не совсем в приличном положении, от которого впрочем Гермафродит убегает. Бальзак просил нарисовать ему их и переслать в письме в Париж; я их и начертил в книжку Клименки. Центавр похищает..., забыл имя бабы, извините! Небольшая, но прекрасная бронзовая группа; прочие антики, все реставрированные, не богаче Берлинского музея, но встречаются недурные вещи. В Японском же дворце мы нашли всевозможные фарфоры: саксонский, японский, китайский, английский, голландский, неаполитанский и пр.

^а Чорт возьми, как это человек мог создать подобную вещь?!

^б Но смешно было написать занавески!

^в От такой музыки сбегут и собаки!

^г Хотите сигару?

^д Мне нет надобности курить.

Здесь также из фарфора модель памятника Августу III, многосложного сочинения, которое предполагалось выполнить в настоящую величину из фарфора. Потом памятник Екатерине II; она представлена в фигуре Славы, в шлеме Минервы и сидящую около трех палм, на одной из которых помещен медальон императрицы; тут же находится и фарфоровый портрет собачки Екатерины. Прохаживаясь в нижних комнатах Японского дворца, видишь перед собою целое царство фарфоров, превосходных по качеству и принимающих на себя всевозможные виды и формы; то они обращаются в изображения великих людей, то в китайскую вазу, то изображают диких зверей, то игрушку; а домашним фарфоровым птицам, собакам, кошкам и числа нет. Несмотря на всю затейливость формы и красок, которыми блещут фарфоровые вазы, помпейские горшки гораздо больше обличают вкусу и изящества, стоя с ними рядом. Сверх того, мы здесь встретили три бокала для шампанского, принадлежавшие Августу Крепкому, из которых два чуть-чуть не по сажени; любопытно бы было видеть после этого брюхо Августа Крепкого, которое необходимо бы было поместить рядом с этими бокалами для исторической верности. Забыл сказать вам, что человек, водивший нас по Японскому дворцу, научил нас ударять пальцами по китайским вазам, дабы не только увидеть, но и услышать их достоинства, и я вам признаюсь, что мне странно показалось, как до сих пор из этого фарфора не придумают какого-нибудь инструмента, потому что звуки, которые мы издавали, ударяя по вазам, были так полны, звонки и нежны, что мы в этом необыкновенном концерте нашли огромное удовольствие, которым и воспользовались сколько позволило время и терпение сторожа, боявшегося, чтобы мы под конец не разбили оркестра. После Японского дворца мы были в Grüne Gewölbe и не мало удивлялись богатству бриллиантов и других драгоценных камней в этой галлерее²⁶. В бытность мою в Москве Оружейная палата передельвалась, ее нельзя было видеть, а потому я не могу сравнивать эти две знаменитые сокровищницы. Здесь же мы встретили работы некоего Динтлингера, из которых заслуживает особенного внимания Монгольский дворец, представленный в очень малом виде, по рисункам и описаниям. Маленькие фигурки с вершок, сделанные из золота с наведенною эмалью, обличают искусного художника, который, сохранив архитектуру Монгольского дворца, поместил самого Великого могола, окруженного двором и принимающего послов, как-то китайского и пр. Камин, украшенный всевозможных родов камнями, великолепен; он был приготовлен в подарок императору Павлу I. Первые два куса фарфора, найденные в Мейссене, который теперь так славен своими изделиями, обработаны в вазы и занимают почетное место. Не без большого удовольствия мы нашли здесь портрет императора Петра I, написанный братом Динтлингера, у которого Петр проживал бывши в Дрездене; портрет очень схож. В той же комнате нам указали золотой ковш—подарок Иоанна Васильевича, на котором вычеканен царский титул. Здесь много также работ из слоновой кости; потом нас очень заняли карикатуры, сделанные из перлов, неправильная форма которых подала идею художнику сделать уморительные лица; но будет об этом,—перейдем к Цвингеру (зверинец); так называется дворец во вкусе рококо, от которого Бальзак пришел в восторг; но на самом деле он красив только вследствие давности, которая его сделала очень живописным²⁷. Посреди заключающейся в нем площади поставлена статуя Фридриху-Августу, которая делает монументальный эффект,—и нас не мало поразило, когда мы увидели около пьедестала памятника совершенно иссохшие лавровые и цветочные венки, которые бросали в день рождения покойного короля, и они не были тронуты в продолжение месяца с места. Цвингер совершенно необитаем; одна пыль заняла все апартаменты; в нем же есть натуральный кабинет, над которым не мало потешался насмешливый Бальзак,—и точно, все чучела зверей и птиц изъедены блохами и вшами. Лев оплешивел, павлин без хвоста, какая-то необыкновенная утка, совершенно ошипанная, опустив голову как будто напращивалась в соус.—Церковь Frauenkirche очень замечательна хорошей архи-

тектурой рококо; караульня городская выстроена по рисунку Шинкеля; но беднее берлинской.

В один прекрасный день, я вследствие прочтения Бальби предложил своим спутникам отправиться во дворец Марколини осмотреть его отдельные картины и сады; мы проходили полдня, расспрашивали, разведывали, устали страшным образом, но дворец Марколини как будто провалился сквозь землю. Всех больше был рассержен Бальзак, надевший, как нарочно, в этот день башмаки; он все ворчал:—*Le caillou n'est pas tendre!*^а. Наконец, мы попали в давно желанный дворец, в котором и тени не осталось прежнего великолепия, и на место прекрасной группы Нептуна с морскими божествами, об которой говорит Бальби, мы нашли статую фламандца, облокотившегося на бочку и курящего трубку.

На последних днях нас нашел в Дрездене Салиаников, об странностях которого я вам писал в первых письмах из Берлина, и познакомил нас с молодыми композиторами Селецким²⁸ и Стаковичем, которые присоединились к нам в прогулках,—и мы все вместе преприятно проводили время. Нет ничего досаднее как делать знакомства в путешествии; только что сойдешься с лицом покороче и захочешь быть вместе, глядь, оно прощается, едет в совершенно другую сторону или тебя торопят с ним проститься и сесть в дилижанс. Так случилось и здесь; мы отправились вместе обедать в трактир, раскупорили бутылку шампанского, поцеловались и через пять минут уже махали им платками на железной дороге. Совершенно забыл рассказать о встрече нашей с какими-то русскими дамами в театре, которые, услышав родной язык, беспрестанно оборачивались к нам и рассматривали нас с ног до головы; мы со своей стороны также были очень довольны, слышавши их говорившими по-русски, и презабавно было, когда они и мы вслух рассуждали об игре актеров, мы слегка и осторожно противоречили им, на что они делали свои возражения; но заметьте, что мы не смотрели друг на друга и не сделали знакомства; дамы же, к чести русских дам, были прехорошенькие. «Гугенотов» мне не удалось здесь слышать, о чем я очень до сих пор сожалею. Как-то пошел в «Фенеллу», но серкль уже был занят. Почти постоянно каждый вечер мы были в Бельведере, и всегда с новым удовольствием. Как-то воротившись поздно в наш отель (*de Rome*), мы спросили ужинать; вслед за нами вошли с большой компанией мужчин две стройные и прекрасно одетые дамы. Мы ошолбенели, а Бальзак начал чесать себе брюхо; это были такие типы немецкой красоты, каких я еще никогда не видывал,—и хотя теперь живу уже полтора года в рассаднике красот, но эти две головы очаровательных немок до сих пор не изглаживаются из памяти. Я предложил Бальзаку выпить их здоровье мадерой, на что он охотно согласился;—этот толстопузый француз, которого русские прозвали нашим дитей, непременно собирался идти с нами пешком в Саксонскую Швейцарию; но намерения его переменились и он отказался, чему мы впрочем были очень рады. Этот увалень, наконец, нам стал в тягость. Накануне отъезда Бальзака, артист Эрнст надул меня гадчайшим образом, продав мне по золотому коленкоровые рубашки за тонкие полотняные;—тут только я догадался, что нужно ознакомиться короче с житейскими потребностями. В Дрездене же я купил часы, которые через три дня так заходили неверно, как больной, вставший с постели, а потом стрелки начали бегать вперегонку;—я проклял честность немцев и запер часы в чемодан,—жалею теперь, что не пожертвовал ими в *Grüne Gewölbe*.

В последний вечер мы поужинали с Бальзаком, и он все считал и пересчитывал свои деньги в боченочке, выменивая у меня беспрестанно мои большие золотые на его маленькие. Отложив горсточку червонцев, он определил ее на вояж до Франкфурта. —*Mais si je dépensais plus, je serais un Sardanapale!*^б—вскрикнул он. Он написал мне в альбоме две строки на память и свой адрес в Париже. 22 октября я проснулся, но уже

^а Бульжник не очень-то мягкий!

^б Но если бы я истратил больше, я был бы Сарданапалом!

Н. А. РАМАЗАНОВ

Автопортрет в письме к родным
из Рима, 1843 г.

Исторический музей, Москва

не нашел Бальзака, узнавши между прочим, что он будил меня, я поторопился на железную дорогу, где нашел его уже сидящим в вагоне. Он мне желал счастливого пути, советовал ехать через Мюнхен на Вену, выхваляя ужасно последний город; потом обещал увидеться в Риме и звал в Париж; я ему пожелал также доброй дороги, мы поменялись приветствиями; он благодарил меня за внимательность в путешествии.— Adieu!—сказал он;—adieu!^a—сказал я, и вагоны покатались²⁹...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первые краткие сообщения о Бальзаке Рамазанов дает 27 сентября (ст. ст.) 1843 г. из Риги: «Из Берлина надеюсь написать письмо со всеми подробностями и нечто о Бальзаке, с которым в Риге сажусь рядом»; в тот же день из пограничного Таурогена (на расстоянии 782 верст от Петербурга) Рамазанов пишет: «Столько интересного, любопытного, что едва успеваешь записывать, да еще руки зябнут; да и Бальзака слушать хочется, который крайне словоохотлив...».

² Кли м ч е н к о Константин Михайлович (1816—1849)—скульптор, товарищ Рамазанова по Академии художеств, где получил с 1834 по 1839 гг. ряд наград за свои лепные работы. Выпущенный из Академии в 1839 г., он вылепил в 1840—1841 гг. барельеф с изображением Карамзина и его семейства для памятника историку в Симбирске. В 1843 г. Клименко отправлен пенсионером Академии в Рим, где и скончался. (Русский биографический словарь, 1897, том Ибак—Ключарев, 738).

³ Давид д'А н ж е (David d'Angers) Пьер-Жан (1788—1856)—французский скульптор, резцу которого принадлежат громадный барельеф на фронте Пантеона, представляющий собрание знаменитых французских деятелей, много статуй и особенно портретных бюстов и медальонов, в том числе и Бальзака. «Давид подарил моей сестре рисунок моего профиля, сделанный им для медальона. Это шедевр. Но мы будем иметь мраморный бюст в нашем салоне. Давид закончит его к выставке 1844 г.» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 115). «Как жаль, что невозможность передать в скульптуре взгляд заставила художника придать мне этот вдохновенный вид, который ничуть не лучше естественного!» (*ib id.*, II, 134). В 1842 и 1843 г. Давид отлил в бронзе два медальона с изображениями Бальзака в профиль и en face. Как это явствует из слов Бальзака, приводимых ниже Рамазановым, писатель привез один из медальонов в Петербург Ганской. Резцу Бартолини принадлежал бюст Ганской (Флоренция, 1839).

⁴ Бальзак упоминает имя Карамзина в своем отзыве о книге J.-B. Мау; см. выше, гл. VIII, стр. 315—316.

⁵ О русских дорогах Бальзак писал Ганской 14 октября 1843 г.: «Шоссейная дорога от Петербурга до Тильзита хороша лишь на двух перегонах—от Петербурга до Нарвы и от Риги до Таурогена; так что добрая половина пути отвратительна, особенно после дождя, а мы ехали, увы! как раз в такую погоду. Можете себе представить испытанную нами тряску! Но кареты превосходны, ибо они ее выдерживают; все русское при-

^a Прощайте!

способлено к суровому существованию... Поистине чудо проделать этот переезд в три с половиной дня—это дает наилучшее представление о русском упорстве. Мы ехали с упряжкой в восемь лошадей, а иногда и в десять. Но там, где шоссе в исправности,—оно великолепно» (*Correspondance*, II, 44—45).

⁶ Из Берлина 14 октября 1843 г. Бальзак сообщает Ганской: «Моиими попутчиками оказались два скульптора, из которых один изъясняется по-французски вроде Леона-Леони [лакея Ганской], и я только что прогулялся с ним по городу. Оба эти юноши были чрезвычайно внимательны ко мне на всем протяжении пути, особенно после Риги, где меня покинул мой первый спутник француз. Характер художников всюду одинаков» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 197).

⁷ «Негоциант, говоривший по-французски, покинул меня в Риге,—пишет Бальзак Ганской 28 сентября/10 октября 1843 г., но я еду, кажется, до Берлина, с двумя скульпторами, которых ваш великолепный повелитель отправляет в Рим и из которых один немного изъясняется по-французски» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 195).

⁸ Этекс (Etex) Антуан (Тони) (1808—1888)—французский скульптор, художник, архитектор и гравер. Его мраморная группа *Héro et Léandre*, выставленная в «Салоне» только в 1845 г., находится ныне в Лондоне.

⁹ Бальзак упоминает имя Бирона в «Человеческой комедии». См. выше, гл. VIII, стр. 320.

¹⁰ В письме к Ганской от 14 октября 1843 г. Бальзак писал: «Я буквально ничего не ел, ибо нечего есть по этой дороге; но сами станции чрезвычайно красивы, и всюду подают чудесный русский чай» (*Correspondance*, II, 45).

¹¹ Первое письмо Бальзака к Ганской с дороги помечено: «Тауроген, вторник, 28 сентября—10 октября 1843 г., в полдень». Далее следует: «Дорогая графиня, философ, уверявший, что невозможно писать пером харчевни, утверждал великую истину: вы бы, несомненно, рассмеялись, увидев, как я держу здесь свое перо...». Письмо заканчивается указанием: «...пишу вам в ожидании обеда» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 194—195).

¹² В рукописи Рамазанова ошибочно назван Штутгарт, через который не мог проходить маршрут из Петербурга в Берлин. Штаргард (*Stargard*)—небольшой город в провинции Померании (Восточная Пруссия).

¹³ «Весь отдых длился лишь двенадцать часов в Тильзите; из них три часа пришлось отдать директору почты, к которому у меня были рекомендации и который оказал мне достаточно услуг, чтобы я провел у него вечер за чаем» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 195).

¹⁴ Бальзак приехал в Берлин в субботу 14 октября 1843 г. в 6 час. утра, о чем в тот же день сообщил Ганской. «Я остановился в *Hôtel de Russie*—здесь чувствуешь себя превосходно устроенным, и моя хозяйшка, вероятно, с удовольствием узнает, что здесь очень дешево» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 195, 197).

¹⁵ Сравнение Петербурга с Берлином имеется в письмах Бальзака к Ганской (см. выше, гл. III, стр. 200).

¹⁶ Памятник Суворову в Петербурге работы скульптора М. И. Козловского; по мнению некоторых искусствоведов, это—один из лучших европейских монументов (см. Курбатов В., Петербург, П., 1913, 456).

¹⁷ В день приезда в Берлин, 14 октября, Бальзак сделал визит французскому посланнику при прусском дворе, графу Карлу де Брессону, а 16 октября присутствовал на большом обеде в посольстве (*Correspondance*, II, 47—48, см. также выше, стр. 221 и примеч. 37-е к гл. III).

¹⁸ Об этом в письме к Ганской: «Два эти молодых человека изъяснялись за меня в харчевнях, и я пригласил их здесь на обед (разумеется, обед, рассчитанный на художественную богему!). Это еще самый скромный вид благодарности, какую я мог выразить перед нашей разлукой этим услужливым юношам за их заботы обо мне (*Correspondance*, II, 46). 15 октября он сообщал Ганской: «Я угостил двух моих скульпторов обедом, состоявшим из супа, дикой козы, рыбы под майонезом, макарон о-гратен, полбутылки мадеры, бутылки бордо и легкого десерта.—Еcco, Signorina! В восемь часов я распростился с моими гостями и лег спать...» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 198).

¹⁹ Бальзак родился 20 мая 1799 г., и в описанный момент (сентябрь 1843 г.) ему исполнилось 44 года. В январе 1842 г. Бальзак писал Ганской: «Давид [скульптор], которому я позирую для медальона в ожидании бюста, сказал мне: «Вам можно дать тридцать лет». А между тем, мне скоро пойдет сорок четвертый» (*Lettres à l'Etrangère*, II, 108).

²⁰ Т. е. до здания Академии художеств в Петербурге—одного из значительнейших произведений петербургской архитектуры XVIII в.,—воздвигнутого в 1765—1772 гг. по планам архитекторов Деламота и Кокоринова и законченного арх. Фельтеном.

²¹ Ошибка Рамазанова: следует читать 16 октября. По письмам Бальзака к Ганской видно, что во вторник 17 октября Бальзак выехал из Берлина в Лейпциг железной дорогой.

²² 17 октября, вторник.

²³ Свои впечатления от Дрезденской галлерей Бальзак бегло описывает в письме к Ганской от 19 октября 1843 г., отмечая Корреджо, Рубенса, Рафаэля и ставя выше всего Мадонну Гольбейна (*Correspondance*, II, 53—55).

²⁴ В четверг 19 октября 1843 г. Бальзак сообщает Ганской: «Вчера, т. е. на утро после приезда, пропустив часы посещения Галлерей, я прогулялся по всему городу...» (*Lettres à l'Étrangère*, II, 203).

²⁵ «Вы не представляете себе, какой у меня грустный вид,—пишет Бальзак Ганской из Дрездена (19 октября).—Два моих скульптора поминутно спрашивают меня, вернее, тот из них, который изъясняется по-французски: «Да что это с вами»?.. (*Lettres à l'Étrangère*, II, 204).

²⁶ На Бальзака собрание дрезденских драгоценностей не произвело впечатления: «Сокровищница—пустяк,—пишет он Ганской 19 октября 1843 г.,—алмазы на три или четыре миллиона не могут ослепить того, кто только что видел драгоценности Зимнего дворца» (*Lettres à l'Étrangère*, II, 204).

²⁷ В письме к Ганской от 19 октября 1843 г. Бальзак пишет: «Что же касается дворца, начатого Августом Сильным, то это один из замечательнейших образцов архитектуры рококо... нет ничего ни в России, ни тем менее в Пруссии, ни вообще в северных странах, что было бы равно этому» (*Lettres à l'Étrangère*, II, 203—204).

²⁸ См. «Записки» П. Д. Селецкого, часть I (1821—1846). Издание редакции «Киевской Старины», Киев, 1884, стр. 162, 163 и 164. [«В Дрездене я» познакомился со многими русскими путешественниками, в числе которых находился художник Рамазанов, приехавший в Дрезден из Петербурга с Бальзаком...].

²⁹ Бальзак выехал из Дрездена в субботу 22 октября 1843 г. и 25-го прибыл в Майнц, откуда 26-го отправился в Кельн и через Аахен, Льеж и Брюссель, пробыв четыре дня в Бельгии, приехал в Париж 3 ноября (*Lettres à l'Étrangère*, II, 206—207).

IV. АВТОГРАФЫ ПИСЕМ БАЛЬЗАКА В СОБРАНИЯХ СССР

Знаком «*» отмечены письма, впервые по автографу опубликованные в настоящей работе.

1.* Бибикову Д. Г.—Верховня, февраль 1849 г.

Собрание Дашкова. Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград.—См. выше: глава V, 266.

2.* Емуже—Киев, 8 мая [1849 г.].

Собрание Дашкова. Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград.—См. выше: глава V, 267.

3.* Верде (Werdet) Эдмону—[Париж, 1836—1837 гг.].

«Альбом автографов П. А. Вяземского». Гос. архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва.—См. выше: приложения, 347—348.

4.* Гаккелю П. Ф.—Париж, 22 августа 1848 г.

Частное собрание, Москва.—См. выше: приложения, 336—338.

5.* Голицыной Е. И.—альбомная записка. Париж, декабрь 1843 г.

«Альбом Е. И. Голицыной» («Princesse Nocturne»). Собрание А. Б. Гольденвейзера, Москва.—См. воспроизведение на этой странице.

„Я—КАК ЛАСТОЧКА, МЕНЯ ГОНИТ ХОЛОД. ДЕ БАЛЬЗАК“

Автограф Бальзака в альбоме Е. И. Голицыной, с ее пометкой: „Париж. Декабрь 1843 г.“

Собрание А. Б. Гольденвейзера, Москва

- 6.* **Ленцу В. Ф.**— [Париж, октябрь 1842 г.].
Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.—См. выше: приложения, 346—347.
7. **Орлову А. Ф., графу**,—Париж, 14 июля 1848 г.
Дело № 443 III отделения, 3-й экспедиции, 1848 г. «По ходатайству французского литератора де Бальзака о дозволении ему возвратиться из Парижа в Киев и о разрешении помещице Киевской губернии Ганской вступить с ним в брак», лл. 1—2. Архив революции, Москва.—Опубликовано: сб. «Звенья», III—IV, 295—298; см. также выше, гл. VI, 288—289.
8. **Ему же**—Париж, 31 августа 1848 г.
Названное дело № 443 III отделения, лл. 15.—Опубликовано: сб. «Звенья», III—IV, 301—302; см. также выше: глава VI, 286.
- 9.* **Сан-Северино (San-Severino), графам**,— [Милан, 1837 г.].
«Альбом Голицына». Гос. архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва. Фонд 86, л. 47.—См. выше: приложения, 348.
- 10.* **Смирновой**—Петербург, 13 сентября 1843 г.
«Альбом Шиповой». Архив Института литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. 244/195.—См. выше: глава III, 216.
11. **Собанской-Чиркович К. А.**—[Верховня, январь 1849 г.].
«Альбом Каролины Собанской». Всеукраинский исторический музей, Киев.—Опубликовано: *Соггес-рoпaнсе*, II, 362—364 (письмо CCCL).
- 12.* **Уварову С. С.**—Верховня, октябрь 1847 г.
Альбом автографов «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову». Исторический музей, Москва.—См. выше: глава IV, 238—240; ср. *Ko gwin-Piotrowska*, 439—440.
- 13.* **Ему же**—Париж, 14 июля 1848 г.
Названный альбом автографов. Исторический музей, Москва.—См. выше: глава VI, 277—279.
- 14.* **Ему же**—Париж, 26 августа 1848 г.
Названный альбом автографов. Исторический музей, Москва.—См. выше: глава VI, 283—284.
- 15.* **Ему же**—Верховня, 3 января 1849 г.
Названный альбом автографов. Исторический музей, Москва.—См. выше: глава VII, 290—292.
- 16.* **[Чернилевскому А. А.]**—[Дубно, март 1850 г.].
Собрание Вакселя, № 106.—Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.—См. выше: глава VII, 303—304.
- 17.* **[Шодуару С. И.] барону**—Верховня, 15/27 декабря 1848 г.
Рукописное отделение библиотеки Всеукраинской академии наук, Киев.—См. выше: приложения, 344—346.
- 18.* **[Ему же]**—[Верховня, конец декабря 1848 г.—январь 1849 г.].
Рукописное отделение библиотеки Всеукраинской академии наук, Киев.—См. выше: приложения, 346.
- 19.* **Юзефовичу М. В.**—Верховня, октябрь 1847 г.
Частное собрание, Киев.—См. выше: глава V, 258.
- 20.* **Ему же**—[Верховня], январь 1850 г.
Частное собрание, Киев.—См. выше: глава V, 260.
- 21.* **Ему же**—Киев, 6 февраля 1850 г.
Частное собрание, Киев.—См. выше: глава V, 262.

В 1933 г. в Киеве были обнаружены корректурные гранки «Давида Сешара» с собственноручной правкой Бальзака. К сожалению, эти ценные творческие документы не могли быть нами изучены.